

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 18, № 4, НОЯБРЬ 2019

Специальная тема номера:

Россия и Китай

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 18, № 4, NOVEMBER 2019

Special Theme of the Issue:

RUSSIA AND CHINA

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 22.11.2019. Выход в свет 29.11.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,05. Тираж 500 экз. Заказ № 1850. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Academic College of Ahva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

Vladimir G. Datsyshen , In this issue	736
RUSSIA AND CHINA	
Vladimir G. Datsyshen, and Larisa A. Kutilova , Russian-Chinese families in the 21 st century: Emergence and characteristics (<i>in Eng.</i>)	742
Elena N. Nazemtseva , The activities of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang)	758
Zoya S. Bocharova, and Maria V. Krotova , The Harbin Polytechnic Institute as a center of Russian science and education in China (1920–1950s)	779
Vitaly F. Ershov , Russia and China in the 21 st century: Strategic partnership in the context of civilizational globalization	804
Olga A. Vorkunova, and Konstantin P. Kurylev , Russian-China relations – connectivity to Eurasia transformation	828
Stanislav E. Martynenko, and Nickolay P. Parkhitko , Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of ‘Belt and road initiative’: Historical retrospective and economic prospects (<i>in Eng.</i>)	845
Vladimir I. Fokin, and Elena E. Elts , The role of museums in Russia’s and China’s cultural diplomacies	865
HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA	
Nikita I. Khrapunov , The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18 th – 19 th centuries (<i>in Eng.</i>)	883
Sardana I. Boyakova, and Inna I. Yurganova , Parochial schools in Yakutia’s intellectual landscape (the second half of 19 th – early 20 th century) (<i>in Eng.</i>)	904
Sultana G. Ktsoeva , Religious features of the ethnic tradition of the Ossetians in the conditions of social modernization of the late 19 th and early 20 th centuries, according to the folklore legend ‘The Tale of the Lonely’	922
ARTICLES	
George W.C. Gross , Ivan IV and Elizabeth I: The influence of the Tsar’s matrimonial endeavours on the development of Russo-English relations (<i>in Eng.</i>)	938
Aleksei A. Kilichenkov , Joseph Stalin and the development of Tank Forces of the Red Army in the 1930’s – early 1940’s	962
Nadezhda P. Sidorova , Russian foreign policy: From ‘New Thinking’ to multidirectional strategy	985
DISCUSSION	
Alexey V. Lubkov , Peter Chaadayev and Michael Katkov: Stereotypes and contradictions of images	1002
BOOK REVIEW	
Svetlana I. Kovalskaya (reviewer), Lyubichankovskiy, S.V. <i>Politika akkul'tratsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX vv.)</i> [The policy of acculturation by means of enlightenment of Islamic subjects of the Russian Empire: The historical experience of the Orenburg Territory (the mid-19 th – early 20 th centuries)]. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2018. 264 p.	1018
INFORMATION	
Call for papers for the 2020 annual program	1023
Submission guidelines	1024

СОДЕРЖАНИЕ

Дацышен В.Г. В этом номере	736
РОССИЯ И КИТАЙ	
Дацышен В.Г., Кутилова Л.А. Русско-китайские семьи в СССР: история возникновения и некоторые характеристики (на англ. яз.)	742
Наземцева Е.Н. Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне)	758
Бочарова З.С., Кротова М.В. Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.)	779
Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации	804
Воркунова О.А., Курылев К.П. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии	828
Мартыненко С.Е., Пархитыко Н.П. Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь». История и экономические перспективы (на англ. яз.)	845
Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая	865
ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ	
Храпунов Н.И. Образ Крыма в восприятии британских путешественников рубежа XVIII–XIX вв. Эдварда Кларка и Реджинальда Хебера (на англ. яз.)	883
Боякова С.И., Юрганова И.И. Церковно-приходские школы в интеллектуальном ландшафте Якутии (вторая половина XIX – начала XX вв.) (на англ. яз.)	904
Кцоева С.Г. Религиозные особенности этнической традиции осетин в условиях общественных модернизаций конца XIX – начала XX в. (по данным фольклорной легенды «Сказание об Одиноком»)	922
СТАТЬИ	
Гросс Дж. Иван IV и Елизавета I: влияние матримониальных проектов царя на развитие русско-английских отношений (на англ. яз.)	938
Киличенков А.А. Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг.	962
Сидорова Н.П. Внешняя политика России: от «нового мышления» до многовекторности	985
ДИСКУССИЯ	
Лубков А.В. Чаадаев и Катков: стереотипы и противоречия образов	1002
РЕЦЕНЗИИ	
Ковальская С.И. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.): монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.	1018
ИНФОРМАЦИЯ	
Тематический портфель журнала на 2020 г.	1023
Правила оформления статей	1024

Редакционная статья / Editorial article

В этом номере

In this issue

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University; 82 A, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russia;
generalhistory2005@yandex.ru

В.Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск,
проспект Свободный, 82 А; generalhistory2005@yandex.ru

2019 is an important anniversary for both China and Russian-Chinese relations. 70 years ago, on October 1, 1949, the People's Republic of China was founded. The next day the Soviet Union recognized the new Chinese state, laying the foundation for future bilateral relations. At the same time, the history of Russian and Chinese relations goes back more than four centuries. It is ironic that the oldest section of the state border of the Russian Federation is the border with China in Transbaikalia; the most remote and sparsely populated portion of Russia's border with China. The relations between the two states and peoples is complex and has involved a wide range of political, economic and cultural ties. This fact determines the unique place of China in Russia's foreign policy.

Relations between states are primarily relations between people, and it is migrants who are the part of society most affected by bilateral relations. An interesting page in our history was the 'migrational exchange,' the adaptation of Chinese migrants in Russia and the development of the Russian community in China. The first three articles of the proposed issue of our journal are devoted to this topic.

The problems of Chinese migration in Russia has traditionally attracted the attention of the scientific community. In recent years, in Russian historiography there has been major research projects on the topic. However, the specificity of Chinese migration in the USSR was that it was mainly conducted by men of working age, and due to the gender imbalance in Russia caused by the long-lasting wars of the first half of the 20th century, and migration led to the emergence of a large number of mixed Russian-Chinese families. In the article of Siberian historians *V.G. Datsyshen* and *L.A. Kutilova*, have reconstructed the history of the emergence of Russian-Chinese families in Soviet Russia and the USSR. The authors show their composition and specificity, analyze the problems of everyday life of members of such families in the socio-cultural and political space of Russia during the 20th century.

The Russian diaspora played an important role in the history of the 20th century. In China, this diaspora occupies a special place, as immigrants from Russia temporarily or permanently lived there throughout the history of modern Russian-Chinese relations.

The most significant communities of immigrants from Russia were formed in Northeast China (Manchuria) and Xinjiang.

The article of *E.N. Nazemtseva*, a famous specialist in the history of the Russian expatriate community in China, is primarily focused on the activities of Russian public organizations in this country during the Russian revolution of 1917. Drawing on a wide source base, the author explores a little-known page of the revolutionary processes in the Russian Diaspora in China in 1917–20 with the materials of Manchuria and Xinjiang. Thanks to the documents found in the Russian Foreign Policy Archive, the author was able to restore the historical picture of the social and political life of immigrants from the Russian Empire in the Republic of China during the difficult and controversial years of the Revolution and the Civil War. The article shows the regional peculiarities of the social and political life of the Russian community, and the influence of the revolutionary events on the character of Russian/Soviet-Chinese relations in general.

Famous Russian emigration researchers *Z.S. Bocharova* and *M.V. Krotova* devoted their article to another important and interesting page in the history of Russian-Chinese relations – Harbin Polytechnic Institute. The history of the Institute as a center of Russian science and education in China in the 1920s – 1950s is considered an important element of Russian/Soviet-Chinese interaction in Northeast China. The authors introduced new archival documents into scientific discourse, revealing the role and importance of the Russian-Chinese Institute in the development of Sino-Russian bilateral relations.

Three articles included in the thematic issue ‘Russia and China’ are devoted to the contemporary problems of Russian-Chinese relations. In the post-Soviet period, since 1995, the relations between Russia and China have been based on the principles of ‘strategic partnership.’ The proclamation of the Belt and Road Initiative by the Chinese President in 2013 determined global geopolitical changes in Eurasia and became the most important factor in Russia’s future development. The new realities of Russian-Chinese relations and serious changes in the global geopolitical system have increase the importance of the humanitarianism in international relations, and the use of soft power in Russian-Chinese relations.

The article of *V.F. Ershov*, Doctor of Historical Sciences, is devoted to the problems of the implementation of the principles of ‘strategic partnership’ in the relations between Russia and China in the modern conditions of globalization. Based on the international legal documents and information materials of the Foreign Ministries of the two countries, the author reveals the mechanisms of state-political, financial, economic and humanitarian interaction and cooperation between Russia and China at the present stage of bilateral relations. One cannot but agree with the author’s conclusions that the strategic partnership between Russia and China is an important factor in ensuring the global political and economic system.

In their article, *S.E. Martynenko* and *N.P. Parkhitko*, RUDN University historians, consider Russian-Chinese cooperation in the context of the Belt and Road Initiative. The article points out that Russia and China have a number of common interests in Central Asia, and the authors focus on Russian security interests in the context of the Belt and Road Initiative and the challenges associated with the new Chinese initiative.

According to the authors, under the initiative of Xi Jinping, the projects already implemented within its framework in Russia will have a positive impact on the development of Russia and Russian-Chinese relations.

Based on the historical experience of the interaction between the two countries, *O.A. Vorkunova* and *K.P. Kurylev* in their article, analyze the impact of Russian-Chinese relations on the Eurasian states and prospects of the Eurasian continental development. The article reveals specific examples of the nature of relations between the emerging Eurasian economy and the national economies of the countries included in the Eurasian space. At the same time, the authors investigate this problem in the context of the organization of global and regional security spaces.

St. Petersburg researchers *V.I. Fokin* and *E.E. Elts*, in their article, considered the contribution of Russian and Chinese museums to the development of bilateral relations through the theory of ‘soft power.’ The authors analyzed the content of cultural diplomacy, various forms and tools of cooperation between the museums of the two countries, including in connection with the Belt and Road Initiative. Of scientific interest are the forms of cooperation between the leading metropolitan museums of the Russian Federation and China, as well as the main aspects of cooperation in the field of museology along border regions of the two countries. At the same time, the authors note that the documentary basis of bilateral cultural relations does not reflect the modern development of international activities of Russian and Chinese museums. We can assume that this direction of Russian-Chinese cooperation in modern realities can provide serious moral and material support to Russian museums.

Thus, the presented articles consider important and topical problems of Russian history in connection with China and Russian-Chinese relations in the 20th – early 21st century. Through the introduction of new sources into scientific discourse and the use of new principles and approaches in historical researches, the authors have raised to a new level the study of the Russo-Chinese ‘migrational exchange’ and modern relations between Russia and China.

RUS

2019 год является юбилейным в истории Китая и российско-китайских отношений. 70 лет назад, 1 октября 1949 г., было провозглашено образование Китайской Народной Республики. И уже на следующий день Советский Союз признал новое китайское государство, положив начало современному этапу двусторонних отношений. При этом история контактов и связей между Россией и Китаем начитывает уже более четырех столетий. Символично, что самым старым участком государственной границы Российской Федерации является граница с КНР в Забайкалье; с Китаем граничат также наиболее отдаленные и малонаселенные регионы России. Отношения между двумя государствами и народами представляли собой сложную систему и затрагивали широкую сферу политических, экономических и культурных связей. Данный факт определяет особое место Китая во внешней политике России.

Отношения между народами и государствами – это, прежде всего, взаимоотношения между людьми, и наиболее вовлеченной в двухсторонние отношения частью общества являются мигранты. Интересной страницей нашей истории был «миграционный обмен», адаптация китайских мигрантов в России и развитие русской общины в Китае. В предлагаемом читателю выпуске нашего журнала этой теме посвящены три первые статьи.

Проблемы китайской миграции в России традиционно привлекают внимание научной общественности. В последние годы в отечественной историографии появились крупные обобщающие исследования по данной теме. Но специфика китайской миграции в СССР заключалась в том, что в подавляющем большинстве она была представлена мужчинами трудоспособного возраста, что в условиях вызванного бесконечными войнами первой половины XX в. гендерного дисбаланса в России привело к появлению большого числа смешанных русско-китайских семей. В статье сибирских историков *В.Г. Дацышена* и *Л.А. Кутиловой* реконструируется историческая картина появления русско-китайских семей в Советской России и СССР, показывается их состав и специфика, анализируются проблемы повседневной жизни членов таких семей в социокультурном и политическом пространстве России XX в.

Важную роль в отечественной истории XX в. играла русская зарубежная диаспора, и особое место здесь занимает Китай, где выходцы из России временно или постоянно жили на протяжении всей истории русско-китайских отношений. Наиболее значительные общины выходцев из России сложились в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и Синьцзяне.

Статья известного специалиста по истории Русского зарубежья в Китае *Е.Н. Наземцевой* посвящена деятельности российских общественных организаций в этой стране в период Русской революции 1917 г. Автор, опираясь на широкую источниковую базу, исследует малоизвестные страницы революционных процессов в российской диаспоре в Китае в 1917–1920 гг. на материалах Маньчжурии и Синьцзяна. Благодаря выявленным в фондах Архива внешней политики России документам автор смогла восстановить историческую картину общественно-политической жизни выходцев из Российской империи в Китайской Республике в сложные и противоречивые годы революции и гражданской войны. В статье показаны региональные особенности общественно-политической жизни русской миграции и влияние революционных событий на характер русско/советско-китайских отношений в целом.

Статья известных исследователей русской эмиграции *З.С. Бочаровой* и *М.В. Кротовой* посвящена еще одной важной и интересной странице истории русско-китайских отношений – Харбинскому политехническому институту. История института как центра русской науки и образования в Китае в 1920 – 1950-х гг. рассмотрена в связи и в контексте русско/советско-китайского взаимодействия на территории Северо-Восточного Китая. Авторы ввели в научный оборот новые архивные документы, раскрывающие роль и значение русско-китайского института в развитии двусторонних отношений.

Следующие три статьи, включенные в тематический блок номера «Россия и Китай», посвящены современным проблемам российско-китайских отношений. В постсоветский период, начиная с 1995 г., отношения между РФ и КНР строятся на принципах «стратегического партнерства». Провозглашение в 2013 г. Председателем КНР инициативы «Один пояс, один путь» определило глобальные геополитические изменения в Евразии и стало важнейшим фактором будущего развития России. Новые реалии российско-китайских отношений и серьезные изменения в мировой геополитической системе повышают значение гуманитарной составляющей в международных отношениях, актуализируют использование инструментов мягкой силы, в том числе и в отношениях между РФ и КНР.

Статья доктора исторических наук *В.Ф. Еришова* посвящена проблемам реализации принципов «стратегического партнерства» в отношениях между РФ и КНР в современных условиях глобализации. Опираясь на документы международно-правового характера и информационные материалы МИД двух стран, автор статьи раскрывает механизмы государственно-политического, финансово-экономического и гуманитарного взаимодействия и сотрудничества между РФ и КНР на современном этапе двухсторонних отношений. Трудно не согласиться с выводами автора о том, что стратегическое партнерство между Россией и Китаем является важным фактором обеспечения мировой политической и экономической системы.

Российско-китайское сотрудничество в контексте инициативы «Один пояс, один путь» рассмотрено в статье историков из РУДН *С.Е. Мартыненко* и *Н.П. Пархитько*. В статье справедливо указывается на то, что Россия и Китай имеют ряд общих интересов в Центральной Азии, и авторы акцентируют внимание на российских интересах безопасности в контексте проекта «Один пояс, один путь» и проблемах вызовов, связанных с новой китайской инициативой. По мнению авторов, рассмотренная инициатива Си Цзинпина и уже реализуемые в ее рамках в России проекты в целом окажут положительное влияние на развитие РФ и российско-китайских отношений в целом.

Авторы *О.А. Воркунова* и *К.П. Курылев*, опираясь на исторический опыт взаимодействия двух стран, анализируют влияние российско-китайских отношений на состояние и перспективы развития Евразийского континента. В статье на конкретных примерах раскрывается характер отношений между складывающимся евразийским хозяйством и национальными хозяйствами входящих в евразийское пространство стран. При этом данную проблему авторы исследуют в контексте организации глобального и региональных пространств безопасности.

Петербургские исследователи *В.И. Фокин* и *Е.Э. Эльц* рассмотрели в контексте теории «мягкой силы» вклад музеев России и Китая в развитие двухсторонних отношений. Авторы проанализировали содержание культурной дипломатии, различные формы и инструменты сотрудничества между музеями двух стран, в том числе и в связи с инициативой «Один пояс, один путь». Представляют научный интерес выявленные авторами формы сотрудничества ведущих столичных музеев РФ и КНР, а также основные направления взаимодействия в области музееведения на уровне приграничных регионов двух стран. При этом авторы отмечают, что документальная основа двусторонних культурных связей не отражает современ-

ное развитие международной деятельности отечественных и китайских музеев. Мы можем предположить, что данное направление российско-китайского сотрудничества в современных реалиях может оказать серьезную моральную и материальную поддержку российским музеям.

Таким образом, в представленных статьях рассмотрены важные и весьма актуальные проблемы истории России в связи с Китаем и русско-китайскими отношениями в XX – начале XXI в. Посредством введения в научный оборот новых источников и использования новых принципов и подходов в исторических исследованиях авторы статей подняли на новый уровень степень изученности проблемы «миграционного обмена» и современных отношений между РФ и КНР.

Информация об авторах / Information about the authors

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета.

Vladimir G. Datsyshen, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor and Head of the Department of World History, Siberian Federal University, Professor of the Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-742-757>

Научная статья / Research article

Russian-Chinese families in the 20th century: Emergence and characteristics

Vladimir G. Datsyshen^a, Larisa A. Kutilova^a

^aSiberian Federal University; 82 A, Svobodny Av., Krasnoyarsk, 660041, Russia;
generalhistory2005@yandex.ru

Русско-китайские семьи в СССР: история возникновения и некоторые характеристики

В.Г. Дацышен^а, Л.А. Кутилова^а

^аСибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск,
проспект Свободный, 82 А; generalhistory2005@yandex.ru

Abstract: This may well be the first article about the history of mixed Russian-Chinese families in Russia and the USSR. The study is based on sources in federal, regional and local archives, mainly of Siberia and the Far East, statistics, and the press. It notes that the great gender imbalance in almost exclusively male Chinese migrant community meant that Chinese men chose Russian women as life partners. The decline of Russia's male population during the First World War and the Civil War only exacerbated this trend. First recorded in the late nineteenth century, this phenomenon became widespread during the twentieth, not only in the Far East, but also in other areas with large populations of Chinese workers, such as Donbass. Wives in such marriages were mainly peasant women, although on occasion Cossack women and even noblewomen, often widows, took Chinese husbands. The brides were invariably younger than their spouses and tended to be housewives. However, some worked with their husbands in small businesses. These mixed couples tended to have fewer children than those that were fully Russian. The vagaries of Sino-Soviet relations during the twentieth century led to several waves of deportations of such families. Thus, in 1938 some were exiled from their places of residence to Xinjiang, Kazakhstan or the Amur region. While forced migrations considerably reduced the size of the Chinese community, they did not destroy it. The authors conclude that new Chinese immigration to Post-Soviet Russia follows the pattern set in the twentieth century's first half, as do mixed marriages.

Keywords: Russian-Chinese interaction, Chinese migration, Chinese community, mixed marriages, Russian-Chinese families, features of mixed families

For citation: Datsyshen, Vladimir G., and Kutilova, Larisa A. "Russian-Chinese families in the 20th century: Emergence and characteristics." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 742–757. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-742-757>

Аннотация: В статье практически впервые объектом исследования стала история смешанных русско-китайских семей в России и СССР. Исследование основано на анализе материалов феде-

© Datsyshen V.G., Kutilova L.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ральных, региональных и местных архивов главным образом Сибири и Дальнего Востока, данных статистики и материалов газет, в том числе брачных объявлений. Подчеркивается, что резкий гендерный дисбаланс в составе общины китайских мигрантов (преобладание холостых мужчин трудоспособного возраста, практически полное отсутствие женщин) привел к выбору китайцами в качестве спутниц жизни русских женщин. Убыль мужского населения в России в ходе Первой мировой и гражданской войн только усилили указанную тенденцию. Зафиксированные впервые в конце XIX в. такие брачные союзы становятся реальностью в XX в. не только на Дальнем Востоке, но и в других местах сосредоточения китайских рабочих, например в Донбассе. Анализ социального происхождения жен в таких браках позволил сделать вывод, что это главным образом крестьянки, иногда казачки и даже дворянки; зачастую вдовы. В таких браках женщины всегда моложе мужей. По роду занятий они – домохозяйки, но иногда ведут с мужем совместный мелкий бизнес или торгуют. Количество детей в смешанном браке несколько меньше, чем в традиционной русской семье. Раскрывая тему исследования через сложные обстоятельства русско-китайского взаимодействия в XX в., авторы приходят к выводу о том, что напряженность в отношениях двух стран привела к нескольким волнам депортаций смешанных русско-китайских семей. Например, в 1930-е гг. они стали объектом репрессий, в 1938 г. некоторые были высланы из мест своего проживания в Синьцзян, Казахстан или Амурскую область. Эти обстоятельства серьезно сократили, но не уничтожили китайскую общину. В результате новая китайская миграция в постсоветской России во многом опиралась на предыдущую миграцию и заложенный ею в первой половине XX в. фундамент смешанных браков.

Ключевые слова: русско-китайское взаимодействие, китайская миграция, китайская община, смешанные браки, русско-китайские семьи, характеристики смешанных семей

Для цитирования: Дацышен В.Г., Кутилова Л.А. Русско-китайские семьи в XX веке: история возникновения и некоторые характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 742–757. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-742-757>

Introduction

Until now, historians have paid little attention to mixed Russian-Chinese families. At times, the subject was touched upon in histories of Sino-Russian relations,¹ or the regional problems of interaction between the two countries.² The only work that specifically considered the matter was an article about the area between the three rivers of the Khaul, Gann, and Derbul in North Manchuria, where the descendants of mixed Russian-Chinese families reside as a national minority.³ This is the name of the territory between the three rivers (Haul, Gann, Derbul) in northern Manchuria, where the descendants of mixed Russian-Chinese families live as a national minority.⁴ Its authors note that at present there are ‘several villages where the descendants of Russian settlers

¹ T.Z. Poznyak, “Polovozrastnaya struktura i semeynoye polozheniye kitayskikh immigrantov na rossiyskom Dal’nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.),” in *Rossiya i Kitay na Dal’nevostochnykh rubezhakh* (Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 2002), 391–396.; O.V. Zaleskaya, “Integratsiya kitayskikh trudyashchikhsya v sotsial’no-ekonomicheskuyu zhizn’ Dal’nego Vostoka Rossii (1920–1930-ye gg.)” *Via Evrasia*, no. 4 (2009), <https://elibrary.ru/item.asp?id=12981593>.

² V.G., Datsyshen, L.A., Kutilova, A.V., Nizovskikh, and M.G. Tarasov, *Priyeniyskaya Sibir’ v sovetsko-kitayskikh otnosheniyakh (1917 – nachalo 1980-kh gg.)* (Krasnoyarsk: Sibirskiy federal’nyy universitet Publ., 2016).

³ A.P. Zabiako, A.A. Zabiako, “Istoriya pokoleniy rusско-kitayskikh semey v memoratakh Trekh-rech’ya,” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2017): 65–73; A.G. Yankov, “Dva serdtsa russkikh kitaytsev,” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 2 (2014): 168–177.

⁴ Alexey G. Yankov, “‘Two hearts’ of the Chinese Russians,” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, no. 2 (2014): 168–177.

live, mostly born in mixed marriages (or ‘half-blood,’ as they call themselves).⁵ Other scholars have considered modern Russian-Chinese marital unions.⁶ At the same time, this topic is of great interest to the media and the Internet community. Indeed, some have argued that a mixed Russian-Chinese marriage is an ideal formula, since it combines the best qualities of a Chinese husband and a Russian wife.⁷ They argue that the advantages of a Chinese husband include diligence, responsibility, discipline, care for the family, and a healthy lifestyle. This image is occasionally featured in advertisements and can become the subject of heated debate. Media claims that marriage agencies and sites where Chinese men and Russian women can get acquainted ‘are experiencing a boom,’⁸ encouraging Chinese migration to Russia.

We believe that Chinese migration in post-Soviet Russia is largely based on the patterns of migration and mixed marriages in the first half of the twentieth century. Studying the current phenomenon is impossible without knowing more about their history and evolution.

The emergence of mixed Russian-Chinese families, as an example of Russian-Chinese rapprochement, should be of interest to scholars of ethnology, demography and history. Its anthropological aspect raises questions about the problems of family and marriage. In this regard, cross-cultural marriages are more interesting because they present new approaches to the mutual influence of traditions, parenting and other related issues. At the same time, for some Russians, a mixed Russian-Chinese family is a variant of Chinese expansion, which until recently was perceived as a serious danger to Siberia and the Far East. Analyzing cross-border migration in the 21st century, E.I. Filippova rightly notes that ‘public opinion, politicians, journalists’ still use ‘old clichés’ and ‘see migrants as a lot of poor, uneducated people.’⁹ Other researchers point out that, today, the Chinese obviously pose no threat to the Russian Far East. On the contrary, they argue that ‘the esteem and popularity of China are consistently growing.’ V.L. Larin believes that the ‘humanitarian factor and personal interests and needs’ seem to play a ‘key role’ in Sino-Russian relations,¹⁰ which highlights the relevance of studying the history of mixed Russian-Chinese families.

Foreign scholars have also neglected mixed families. In a study of Chinese migration in Russia and Eastern Europe, P. Nyíri only briefly mentions mixed marriages

⁵ A.P. Zabiako, A.A. Zabiako, *Istoriya pokoleniy rusko-kitayskikh semey*, 65.

⁶ Ye.V. Dyatlova, “Chislennost’ i struktura brachnykh svyazey kitaytsev sovremennogo Irkutsk (1989–1995 gg.),” in *Vostok i Rossiya: Vzglyad iz Sibiri* (Irkutsk: Tsentral’naya Dal’nevostochnaya biblioteka RAN Publ., 1996), 340–342; V.L. Larin, “Kitayskiy faktor v obshchestvennom soznanii rossiyskogo prigranich’ya: srez 2003 goda,” *Far Eastern Affairs*, no. 4 (2004): 67–81; D.A. Vladimirova, “Smeshannyye braki rossiyan i grazhdan KNR v Primorskom kraye,” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2005): 111–117.

⁷ “Kitayskiy muzh i russkaya zhena – ideal’naya para,” Inosmi.ru, accessed April 20, 2019, <https://inosmi.ru/social/20180118/241220757.html>.

⁸ Zh. Golubitskaya, “Zamuzh za kitaytsa: sayty znakomstv s rossiyankami perezhyayut bum,” *Moskovskiy komsomolets*, January 8, 2018.

⁹ Ye.I. Filippova, “Transgranichnyye migratsii novyye realii i staryye klishe,” *Siberian Historical Research*, no. 3 (2018): 209–216.

¹⁰ V.L. Larin, “Rossiya i Kitay: uroki proshlogo, otkroveniye nastoyashchego, gorizonty budushchego,” *Russia and the Pacific*, no. 3 (2007): 5–10.

of Chinese men in Siberia, noting that sometimes they already had a family in China.¹¹ Researchers abroad are much more interested in cross-cultural marriages with Chinese women. Thus W. Pan analyzes the way the media of mainland China present such unions, inspiring national myths of progress.¹² Pan's study draws attention to the role of gender in these representations. Women leaving China to marry foreigners are seen as greedy and unprincipled; whereas those who invite their foreign partner to China are praised as a model modern woman, who embodies the economic and cultural power of China. Most of the stories the author analyzes are about women who marry Western men. Only a few touch on Russo-Chinese marriages, and they focus on those where the wife is Russian.¹³

Some foreign studies examine the phenomenon of East Asian brides, who migrate through marriage both within the continent and to the West. Thus, A. Kajanus analyzes the relationship between China and the international education market, noting that marrying a foreigner is one of the 'cosmopolitan strategies' for female students Chinese abroad.¹⁴

The relevant scholarly literature in the West tends to focus on cross-cultural marriage as a tool of mobility for Chinese women. In contrast, this article presents the other side of the picture by considering the Russian case, where Chinese men usually take local women as brides.

The aim of this paper is to analyze the emergence and spread of Russian-Chinese mixed families in settlements of Chinese migrants in Russia and the Soviet Union, to identify their main characteristics, as well as to examine the practice in the context of Russo-Chinese relations in the 20th century, mainly based on sources from Siberia and the Far East.

The main sources consist of documents of federal, regional and local archives, mass media, and statistical data, including various censuses. The former includes registration sheets, trade licenses, certificates, which for many Chinese migrants in Russia served as identity cards, as well as lists of deported Chinese and their families, etc. As for newspapers, marriage advertisements are an important source as well.

General characteristic of mixed Russian-Chinese families and their geography

The Chinese migrant community in Russia was typically composed of single working age men. Thus, the census of 1926 recorded 1,360 Soviet Chinese men and only 49 Soviet Chinese women; as for foreign Chinese, it counted 2,129 men and 22 women.¹⁵ However, almost half of these 'Chinese women' considered Russian to be their mother tongue. Therefore, the census likely considered Russian wives of Chinese migrants to be Chinese as well. In her study of the situation in Khabarovsk in 1900, D.A. Vladimirova noted an even wider disparity: 'there were 2,100 men and only 7 women of Chinese nationality.'¹⁶ In the early 1930s, at a factory in Baley, a town in the East-Siberian re-

¹¹ Nyíri Pál, *Chinese in Eastern Europe and Russia: A Middleman Minority in a Transnational Era* (London: Routledge Publ., 2007), 41–42.

¹² Pan Wang, *Love and Marriage in Globalizing China* (London: Routledge Publ., 2014).

¹³ *Ibid.*, 58–59.

¹⁴ Kajanus Anni, *Chinese Student Migration, Gender and Family* (London: Palgrave Macmillan Publ., 2015), 119–123.

¹⁵ *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.* (Moscow: TSSU SSSR Publ., 1928).

¹⁶ D.A. Vladimirova, 'Smeshannyye braki rossiyan i grazhdan KNR v Primorskom kraye,' *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2005): 111.

gion, there were 243 Chinese registered workers and ‘one Chinese woman who did not work.’¹⁷ Most of the men were single, although some mentioned that they had a family in China.¹⁸

The first mixed Russian-Chinese families appeared in the Far East in late 19th century, but according to T.Z. Pozniak, they were rare.¹⁹ When going to Russia to work, married men left their families in their native country. Only occasionally in the Russian Far East, Chinese men married Russian women or lived with Japanese women. He rightly notes that the number of Chinese men having a family in Russia was small, and reliable details are rare.²⁰

The first decades of the 20th century witnessed a rise in mixed Chinese-Russian marriages. In Krasnoyarsk, for example, only one Chinese man, Liu Kinhai, had a non-Russian wife, Ota Ku. The predominance of men in the Chinese community forced them to seek in marriage with local women, primarily Russians. Two examples in early 20th century Tomsk are the family of Peter Mikhailovich Liu-Bo-Nyan, Elena, and their daughter Antonina, as well as Vasily Yang-Jing-Li and Lukia.²¹ There were mixed marriages elsewhere in Siberia. In 1916, in Yenisei province the 39-year-old Orthodox Chinese merchant Chi-Zun-do lived with his 25-year-old wife Evdokia Ivanovna,²² and in Achinsk that year, the 27-year-old Orthodox Chinese man Andrey Syuzosin (Syui-So-Si) married 17-year-old Alexandra Matveevna Boychenko.²³

Mixed marriages increased in the 1920s, most likely due to the high mortality rate of Russian men during wars and revolution. At the same time, a reputation for diligence and self-discipline also made Chinese men attractive partners. Indeed, proverbs described Chinese peasants as hard workers.²⁴ Even during the Civil War there were many more marriages between Chinese men and Russian women.

The number of mixed families in Siberia as well as in other parts of the USSR increased in 1923–1924. The archives provide many examples. In 1923, a 30-year-old laborer from Minusinsk, Chjon-Yu-Min married Klavdiya Andronovna.²⁵ The following year, Li Xiang-Fu, aged 32, concluded the marriage with the native of Samara province, Pelagia Petrovna Lipukhova, in the Chita registry office. However, Pelagia had already taken Chinese citizenship in 1922.²⁶

¹⁷ GANIIO, f. 123, op. 2, d. 24, l. 12 ob.

¹⁸ T.Z. Poznyak, ‘Polovozrastnaya struktura i semeynoye polozheniye kitayskikh immigrantov na rossiyskom Dal’nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.),’ in *Rossiya i Kitay na Dal’nevostochnykh rubezhakh* (Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 2002), 395; V.G. Datsyshen, L.A. Kutilova, A.V. Nizovskikh, and M.G. Tarasov, *Priyeniyeyskaya Sibir’ v sovetsko-kitayskikh otnosheni-yakh (1917–nachalo 1980-kh gg.)* (Krasnoyarsk: Sibirskiy federal’nyy universitet Publ., 2016), 99.

¹⁹ T.Z. Poznyak, ‘Polovozrastnaya struktura,’ 395.

²⁰ *Ibid.*

²¹ K.K. Klipka, ‘Kitaytsy v Tomske v XIX–nachale XX v.,’ *Tomsk State University Journal of History*, no. 6 (2013): 163.

²² State Archive of the Krasnoyarsk Territory (thereafter – GAKK), f. P-1813, op. 1, d. 16, l. 59.

²³ *Ibid.*, d. 6, l. 152.

²⁴ Ye.I. Nesterova, ‘Etnicheskoy predprinimatel’stvo vo Vladivostoke (konets XIX – nachalo XX v.),’ *The Bulletin of Irkutsk State University: Political Science and Religion Studies*, no. 10 (2014): 74.

²⁵ GAKK, f. P-49, op. 3, d. 19, l. 585.

²⁶ *Ibid.*, d. 87, l. 22.

The archival also contain records of such mixed marriages in the 1930s. Thus, in 1933 an instructor of the Communist Party's Chita City Committee reported that there were between 60 and 100 Chinese children in the area, but all had Russian mothers.²⁷ Around the same time, according to the intern Erofeev at the Baley plant, the factory employed several hundred Chinese workers, 76 of whom were married, to Russian women.²⁸

There were mixed Russian-Chinese families west of the Urals as well. In 1923, a significant number of Chinese workers in the Donbas had Russian wives and children. For instance, at Mine №1 almost all 21 Chinese men had Russian spouses, while all Chinese men employed at Mine № 2, almost all Chinese men had married Russian women, and some had small children.²⁹ At the same time, at two Izvarinsky mines, between half and two-thirds of its 80 Chinese miners were single.³⁰ At the time most mixed families were young, since the vast majority had no children yet, and the rest had one child not more than three years old. The 'Report for 3 months (October-December 1925) on the Work among the Chinese and Koreans men of Stalin District' also confirmed the existence of mixed marriages, Of the 210 Chinese and 27 Korean workers in Stalin District (formerly Yuzovsky district) in Donetsk province, 82 % were married to Russian women.³¹

Social background of women marrying Chinese men. Analysis of specific examples of mixed marriages

In early 20th century Transbaikalia, some Chinese men took Cossack widows as wives. For example, in Undinsky, a village in Nerchinsk District, the Chinese citizen Shausan Logo, who was engaged in farming and manufacturing, was married to the daughter of a Cossack of Shelopuginsky stanitsa, the widow Daria Kuzminichna Guseva,³² but had no children. Meanwhile, in 1910 in Krasnoyarsk, Nikolai Spiridonov Van-Chao-Lin married a noblewoman, E. L. Luchinskaia.³³ He later divorced his first wife and then wed the widow of a priest, Margarita Arturovna Korgapolova.³⁴

However, most wives of Chinese men were peasant women. In his application for Russian citizenship, 'the Chinese citizen Than-Jen-Chin, named George in holy baptism,' who came from Shandong to work, wrote that when living in Transbaikalia for several years and working at mines and the railway, he had gotten along with Russians, learned the language, and, to prove his eligibility for Soviet citizenship, noted that 'he was married to a peasant of Tyrgotuiev volost and had a son.'³⁵

Since most Chinese men came to Russia and the Soviet Union as temporary migrant workers, the vast majority retained Chinese citizenship. After earning a considerable amount of money, they always sought to return home, even from remote areas.

²⁷ GANIIO, f. 123, op. 4, d. 86, l. 17.

²⁸ Ibid., op. 2, d. 24, l. 12 ob.

²⁹ State archive of Donetsk region (thereafter – GADO), f. P-1146, op. 2, d. 270, l. 26–27.

³⁰ Ibid., l. 29.

³¹ GADO, f. P-2109, op. 1, d. 287, l. 67.

³² State Archive of the Trans-Baikal Territory (thereafter – GAZK), f. 1, op. 1, d. 385, l. 3.

³³ GAKK, f. P-49, op. 3, d. 97, l. 106.

³⁴ Ibid.

³⁵ GAZK, f. 1, op. 1, d. 14364, l. 2.

In 1924, Zhang-Zyn-Lu, a laborer from Shandong who had moved to Transbaikalia 10 years earlier, completed a registration form when he moved to Krasnoyarsk. To the question, ‘Do you want to leave the RSFSR?’ he responded: ‘When I have money, I will return home,’ and two years later indeed went back to his native land.³⁶

After the 1917 Revolution, the authorities began to deport Chinese workers. Tens of thousands of Chinese workers and their families were sent from European Russia and the Urals through Siberia back to their homeland. However, when in 1918 the railway on the Trans-Baikal section was destroyed, trainloads of Chinese men were stuck at Dauria station.

As the Bolsheviks consolidated their hold on Siberia, more Chinese men wanted to return home. Some returned with their Russian wives and children. Thus, according to the 11 November 1920 report of the instructor-agitator of the International Department of the Instruction section of the 5th army of Zhang-Zhey-Hai, by the end that year the freight cars at Irkutsk Station held 190 Chinese men, including 24 disabled old men, 15 Chinese women, 3 Russian women and 35 children up to 12 years old. These workers had left Yekaterinburg and by then they had been held up in Irkutsk for more than two months.³⁷

The extreme poverty of some Chinese men hindered their return. In Yenisei, many had no money to go home, some having lost their savings during the searches.³⁸ Therefore, the number of Chinese men in Yenisei decreased only slightly and the question of mixed marriages there remained relevant. At the same time, for many Chinese who had lost all hope of leaving the Soviet Union, taking a Russian wife became a way to adapt to their new circumstances. Whereas in European Russia or the Far East, Chinese men often enlisted in the army, in Siberia they tried to survive by marrying local women and setting up small family businesses. For example, in December 1919, on Petropavlovskii Street in Tomsk, Chinese migrants together with their Russian wives organized an ‘Artisan cigarette workshop Liu-Bo-Fa, Van-Tsey-Li.’³⁹ By early 1920, this enterprise employed 10 Chinese men and 19 Russian women.

Marriage advertisements in newspapers also attest to the desire of Chinese men to take Russian wives. Irkutsk’s *Marriage Newspaper* announced

A wealthy young Chinese man wants to get acquainted with a beautiful Russian lady with the purpose of marriage. Responses should be sent to: *Marriage Newspaper* for Hao.⁴⁰

In another advertisement, a Chinese man who describes himself as a very interesting person

wants to get acquainted with an intelligent Russian young lady. Write to the *Marriage Newspaper* for ‘Hoachan.’⁴¹

Yet another one, which was placed by a Chinese man who announced that he owned a business in Irkutsk, put some exacting conditions on prospective brides:

³⁶ GAKK, f. P-49, op. 3, d. 52, l. 126.

³⁷ GAIO, f. P-42, op. 1, d. 163, l. 11.

³⁸ Russian State Archive of Socio-Political History (thereafter – RGASPI), f. 495, op. 154, d. 44, l. 159.

³⁹ GATO, f. P-65, op. 1, d. 20, l. 3.

⁴⁰ *Brachnaya gazeta*, July 20, 1919.

⁴¹ *Ibid.*, August 13, 1919.

I am referring only to Russian women who are good-looking, modest and not older than 22-25...⁴²

Most such advertisements were placed by Chinese men who decided to settle down in Russia. However, there were those who intended to take their bride back China:

A rich young respectable Chinese man offers his services as a husband. A photo is not required. Only those women who are willing to go to China should answer...⁴³

One unusual case was the ‘Chinese citizen Van Khesin named Alexander Nikolaev Popryaduhin in holy baptism,’ who did not intend to return to his homeland, but instead decided to stay in Russia. Having lived in Barnaul for over 15 years, he had converted to Orthodoxy and married the 27-year-old A. L. Shtki. In a petition to the commissioner he reported his wish to adopt ‘the son of Barguzin widow (Domna) Fevroniya Malygina’ and to give him his surname. He most likely undertook this step to help his application for citizenship.

The influence of Soviet-Chinese interstate relations on mixed families

During the Soviet era, the ties between Chinese migrants who stayed in Russia and their homeland began to fray. In the 1920s, the border between the two countries gradually closed, and it became more difficult to cross it after the Chinese Eastern Railway (CER) conflict in 1929, and the establishment of the Japanese Manchukuo puppet state in the 1930s. Having lost any hopes of returning home, Chinese men who came to the Soviet Union began to settle down and start a family. The vast majority of migrants married local women, mostly Russian. Since there were virtually no Chinese women, they almost never wed compatriots and cultural differences discouraged taking Korean women as wives.⁴⁴ The archives suggest that the farther a Chinese migrant was away from the border, the more often he started a family. Whereas in Irkutsk, less than 500 kilometers from the border, in 1922 out of 7 Chinese men applied for the right to trade, 5 were single,⁴⁵ among a similar group the previous year in Krasnoyarsk, which lies over 1,500 kilometers China, about half were married to Russian women.

Details about the nature of mixed marriages are more difficult to obtain, although other sources might shed some light. For example, a survey of the domestic problems of Chinese workers at Baley plant revealed that

All are married exclusively to Russian women, in some cases, they beat their wives. So far none of them men have been in show trials.⁴⁶

As already noted, in the late 1920s and early 1930s, due to domestic and foreign political turmoil, the Soviet-Chinese state border was virtually closed. Tensions inten-

⁴² *Brachnaya gazeta*, August 23, 1919.

⁴³ *Ibid.*, August 13, 1919.

⁴⁴ D.A. Vladimirova, “Smeshannyye braki rossiyan i grazhdan KNR v Primorskom kraye,” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2005): 111.

⁴⁵ ГАИО, ф. П-145, оп. 1, д. 258, л. 113.

⁴⁶ ГАНПО, ф. 123, оп. 2, д. 24, л. 12 об.

sified after the conflict of 1929 involving the Chinese Eastern Railway. As a result, the ties with the homeland for Chinese migrants were severed and those who had planned to return had little hope. Those who planned to return to their homeland had less and less hope for it. Consequently, more Chinese men in the Soviet Union's eastern regions took wives. According to records of the *East Siberian regional Committee of the Communist party at Ust-Carian district for 1933*,

The vast majority of Easterners came from the provinces of Shandong, Zhili and the three Eastern provinces (Manchuria). They have been living on Soviet territory for 5–15 years. About 30% are married to Russian women.⁴⁷

At the same time, statistics for Chinese migrants allow us to draw preliminary conclusions about the geography of mixed Russian-Chinese families: the closer to the border with China, the fewer of them, and vice versa: the further they reside from the border with their homeland, the greater their number is. Thus, the *List of the Soviet citizens, who left for China with Chinese nationals in 1938* and the *List of identified persons without citizenship residing in the city of Vladivostok in 1938* indicate that most Chinese men who stayed in Vladivostok in the late 1930s had no families, being 'single.'⁴⁸

Consequently, it seems likely that those migrants who intended eventually to go back to their homeland moved close to the border and therefore they did not want to settle down to married life, which would be harder for them to return. By the same token, those Chinese men who lived far away from the Soviet-Chinese border had apparently either lost hope or decided not to return to China and sought to settle down in the new place of residence and start a family.

The records of 1938 of Chinese men deported from the Ussuri region to Xinjiang and the Amur region shed light on mixed marriages in the 1930s. Thus, the *List of Chinese and Soviet Citizens Living in the Ussuri Region and Deported to Xinjiang* contains information about 71 Russian women and their children. Meanwhile, the *List of Chinese Nationals and Their Families Living in Voroshilov* for that year counted 135 heads of households along with 192 family members. Among the latter, there were 34 women, not to mention children, of whom 20 Russian.⁴⁹ Similar records for Chinese men in Voroshilov (Ussuri) district listed 136 heads of households, with a total of 203 people. Among the 33 women, 15 were Russian.⁵⁰ Russian wives were also on the lists of Chinese defectors and Soviet farmers of Chinese origin.

In the late 1930s, the share of mixed Russian-Chinese still decreased as the distance to the border with China grew shorter. However, now this was the result of forced deportations of such couples. There are detailed lists of deportees in the archives.⁵¹ D.A. Vladimirova provides information of the mixed families that were deported in 1938–1939 from the Ussuri region to Kazakhstan, the Amur region and China.⁵²

⁴⁷ GANIIO, f. 123, op. 4, d. 53, l. 59–60.

⁴⁸ State Archive of Perm Region (thereafter – GAPK), f. 163, op. 1, d. 2, l. 4.

⁴⁹ GAPK, f. P-163, op. 1, d. 20, l. 2.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid., d. 3, 4, 17, 20, 21, 40.

⁵² D.A. Vladimirova, "Smeshannyye braki rossiyan i grazhdan KNR v Primorskom kraye," *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2005): 112.

During the ‘Great Terror’ in the second half of the 1930s, considerable numbers of Chinese men living in the USSR not only became victims of deportations, but also suffered from repression. The records for repressed Chinese men who were subsequently rehabilitated also provide insights into the history of mixed families. For example, in 1938–1939, eight Chinese men with the surname Pan, from different provinces, who lived in the Chita region, were arrested. Among them, six were married to women with Russian names, one was single (there was no information on the marital status of the other man).⁵³ Among approximately 80 Chinese men named Yang arrested in the Chita region in the prewar years, only 20 were listed as single. While there was no data on the marital status of some of them, others had wives with Russian names, sometimes with Russian surnames, such as Efrosinia Cherepanova, Praskovia Sholokhova, Evdokia Kolesnikova, Fiokla Turkina, Elena Vasilevna Pelmeneva, Olga Isaakovna Bondarenko, Ksenia Leontevna Rustina, Daria Pavlovna Shaydurova, Uliana Spiridonovna Popova, among other.⁵⁴

What was the attitude to mixed families in the period under consideration? A confidential letter of 1931 to the district committees of the Communist Party and the Party cells of the East Siberian region reported rising hostility in the region to mixed Russian-Chinese marriages, which were seen, as unhealthy ‘miscegenation.’ The public believed that ‘such unions yield offspring with weakened viability and greater mortality.’⁵⁵ The letter’s author condemned this line of reasoning ‘as a great-power [bias].’⁵⁶ In addition, the regional prosecutor’s office complained about the ‘cynical mockery not only of Eastern workers, but also their wives’⁵⁷ by Russian workers. Thus, at the Chernovsk coal mine in Transbaikalia, the worker Sorokin ‘mocked the wives of Chinese workers,’ for which he was sentenced to six months’ hard labor.⁵⁸

Characteristics of mixed Russian Chinese families

Chinese migrants who married Russian women in the 1920s remained citizens of the Republic of China. Moreover, we found no cases of Chinese migrants who had children by Russian women who expressed any wish to take Russian citizenship. This made many of them vulnerable to deportations or worse due to accusations of sabotage or ‘Japanese espionage.’

In addition to Chinese and even Chinese Soviet citizens, some were classified according other categories, such as ‘undocumented,’ administratively expelled, defector. In June 1934, the Krasnoyarsk operations sector of the OGPU in the areas that became part of the regions

took into account the Chinese colony of 224 people, most of whom had settled in Krasnoyarsk, Kansk and a small number in rural areas. This population included 124 Soviet citizens, 58 foreign citizens, 30 ‘defectors’ and 3 ‘administratively expelled.’⁵⁹

⁵³ A. Solov’yev, *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal’ye* (Chita: Poisk Publ., 2007), 16.

⁵⁴ *Ibid.*, l. 16, 372, 400.

⁵⁵ GANIIO, f. 123, op. 2, d. 24, l. 39–40.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ *Ibid.*, l. 39, 40, 73 ob., 75.

⁵⁹ S.M. Silonov, *Internirovannyye kitaytsy v Sibiri (1930-ye gg.)* (Krasnoyarsk: Izdatel’stvo Sibirskogo federal’nogo universiteta Publ., 2015), 100.

According to the archive's materials, some of 'defectors' had Russian wives.⁶⁰

In documents of the 1920s, Russian spouses of Chinese migrants were most often listed as housewives; although some were quite active in business and trade, such as making and selling light consumer goods like cigarettes and toys. In Krasnoyarsk, for example, many Chinese men sold groceries on Novobazarnaia square in the city center. Meanwhile, in January 1922, licenses for sales of tobacco products in the city were given to 12 Chinese men, 6 Russian wives and 1 widow.⁶¹

Chinese husbands tended to be older than their Russian wives. The *List of Chinese subjects and their families living in Voroshilov and Voroshilov district* details families where Russian wives were 38 years, 17 years, 16 years, 8 years, 4 years, etc., younger than their Chinese husbands.⁶² Meanwhile, the *List of Chinese Citizens to Be Deported from the Ussuri Region* in 1938, also shows significant disparities in age, ranging 12 to 13 years.⁶³

The specific data for some Russian-Chinese families of Krasnoyarsk in the first half of the 1920s provide an even more detailed picture. Thus, 41-year-old Go-Shin-Tyan from Shandong had a 26-year-old wife, Feodosia Ivanovna Tychkova, and an 11-month-old daughter, Nadezhda. Meanwhile, 36-year-old Innokenty Ivanovich Van-Yun-Chun had a 31-year-old wife Anna Leonidovna and 3 children: Klavdia, aged 10, Evgeny, and Leonid, who was 3.⁶⁴ In 1924, 32-year-old Li Xiangfu married 21-year-old Pelageia,⁶⁵ while the 28-year-old Chinese merchant Wan-Mon-In from Shandong was married to 23-year-old Alexandra⁶⁶ and a native of Zhili, 28-year-old Pai-Dy-Chen, was wed to 19-year-old Klavdiya.⁶⁷

The wives of the Chinese men arrested in the late 1930s were also much younger than their husbands. For example, one repressed Chinese, Cho Si, was born in 1887, and his wife Evdokiya Danilovna Sidorova was born 15 years later.⁶⁸ Another arrested Chinese, Chu Lizhi, was born in 1883, while his wife Elena Iakovlevna Dmitrieva was born in 1917 and his son Mikhail was born in 1936. Cho Tsai, was born in Beijing in 1880 and had a 35-year-old wife Maria, as well as two children aged 4 and 3.⁶⁹ And 46-year-old Chinese Tong Xiang had a 30-year-old wife, Staritsina, and 4 children ranging in age from 8 years to 8 months old;⁷⁰ 48-year-old Chinese Chu Favyn had 24-year-old wife Lyudmila and a 3-year-old son, the 50-year-old gardener from Sretensky district, Go-Sitsy, a native of Shandong, had 26-year-old wife Nadezhda and 4-year-old son Ivan,⁷¹ etc. All of them were repressed in 1937–1938.

⁶⁰ GAPK, f. P-163, op. 1, d. 20, l. 3.

⁶¹ Ibid., f. P-49, op. 3, d. 187, l. 10.

⁶² Ibid., f. P-163, op. 1, d. 20, l. 3.

⁶³ Ibid., d. 17, l. 5.

⁶⁴ GAKK, f. P-49, op. 3, d. 19, l. 739.

⁶⁵ Ibid., d. 87, l. 324.

⁶⁶ Ibid., d. 19, l. 266.

⁶⁷ Ibid., l. 585.

⁶⁸ A. Solov'yev, *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy*, 255.

⁶⁹ Ibid., 255–256.

⁷⁰ Ibid., 67.

⁷¹ A. Solov'yev, *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy*, 84.

According to Soloviev, in the Chita region alone more than 3,000 Chinese men were arrested before the Great Patriotic War. In 1937–1938, 766 were shot, 89 died under investigation, and the vast majority of the remaining detainees were sent to prison.⁷² N.A. Potapova rightly notes that “both in Western and Eastern Siberia, the operation to cleanse the territories of Chinese men was total⁷³.” The Great Terror certainly reduced the number of Chinese men in the Soviet Union, and, accordingly, there were fewer mixed families. It also changed their composition, leaving many wives without husbands and children without fathers.

The archival documents contain information of the composition of mixed families. Most often families had 1 or 2 children, sometimes no children at all. Other cases were as follows: 35-year-old Dia-Min-Xiang in Irkutsk had 2 daughters;⁷⁴ in 1924, 36-year-old Innokenty Ivanovich Van-Yun-Chun and his 31-year-old wife Anna Leonidovna had 3 children (Klavdiya, Evgeny, Leonid).⁷⁵ 43-year-old Irkutsk doctor Lev Alexeevich Burlakov (his real name was Jin) was married to 33-year-old Kristina Fyodorovna, he had 10-year-old son Anton and 8-year-old daughter Ksenia.⁷⁶

There is little information about larger families, with only a few records for cases of rehabilitation of Chinese men who had four or more children.⁷⁷ The *List of Chinese Citizens of the USSR Resettled to the Amur region. 1938* includes details for 70 families with 130 children, or an average of 2 children per family. Meanwhile, the *List of Chinese Subjects and Their Families living in Voroshilov* in 1938 counts 135 heads of households, including single men, who had only 26 children. On the similar list on Voroshilovsky area, 136 men had 43 children.⁷⁸

The data from the *List of Chinese Citizens to be Deported from the Ussuri Region* generally confirm this trend, but there were some large families with 4, 5, 7, 8 children. However, this does not change the picture. Thus, Russian-Chinese mixed families had a small birth rate, which is slightly different from that of the traditional Russian family of the time. The demographer A. G. Vishnevsky noted that in the 1920s the average size of a rural family prevailing in Russia was 5–6 persons, and only from the end of the decade birth rates declined.⁷⁹

Children from mixed marriages usually went to school with Russian children.⁸⁰ E.I. Nesterova notes that in the 1920s in the Far East there were 4 Chinese state schools, and in Blagoveshchensk in one of the schools

⁷² A. Solov'yev, “Repressii kitaytsev v vostochnom Zabaykal'ye.” In *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy*, 76.

⁷³ N.A. Potapova, ‘Kitaytsy v fokuse repressiy Bol'shogo terrora v Sibiri i na Dal'nem Vostoke,’ *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, no. 1 (25) (2018): 136.

⁷⁴ ГАИО, ф. Р-145, оп. 1, д. 258, л. 115.

⁷⁵ ГАКК, ф. Р-49, оп. 3, д. 19, л. 739.

⁷⁶ ГАИО, ф. Р-145, оп. 1, д. 20, л. 42.

⁷⁷ A. Solov'yev, *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal'ye*, vol. 5 (Chita: Poisk Publ., 2007), 16.

⁷⁸ ГАПК, ф. Р-163, оп. 1, д. 20, л. 2.

⁷⁹ A.G. Vishnevskiy, ‘Evolutsiya rossiyskoy sem'i,’ *Ecology and Life*, no. 8 (2008): 11.

⁸⁰ ГАНИО, ф. 123, оп. 2, д. 24, л. 12 об.

there was specially organized a group of Chinese children for 50 people. 2 Chinese teachers and 1 Russian teacher worked with them.

However, these schools were for pure Chinese children, rather than those of mixed parentage.⁸¹

The Russian wives of ‘enemies of the people’ were also subjected to repression during the 1930s. Since their husbands had no relatives living in China, assuming the average mixed family had 2–3 children, in the Chita region alone up to 10 thousand children from such families grew up without one or both parents.

While the Great Terror significantly reduced the number of mixed families, some survived into the 1940s and subsequent years. For example, the household books of the Muy village council of the Bauntovsky district of Buryatia in the early 1940s included the family of the 52-year-old Chinese collective farmer Georgy Ivanovich Wang-Gan-Chen, whose family consisted of Maria Mikhailovna Van-Gan-Chen, born in 1901, and their son Ivan Georgievich, born in 1929. The same records for 1949, listed the details of a lumber depot worker, Alexander Vladimirovich Zan-Fun-Chin, who was born in 1933. While his nationality was listed as Russian, he was undoubtedly, a descendant of an interethnic Russian-Chinese marriage.⁸²

The postwar vicissitudes of Sino-Soviet relations led to an even greater reduction in the USSR’s Chinese community. Nevertheless, although small in number, it survived. Since the children of mixed marriages often took the Russian surname of their mother, many of them either did not know or hid their Chinese origins. There are a number of examples of Soviet Chinese men. Vasily Lu-Chan-San, who had served time in jail and worked as a stove-maker, lived in the village of Bogachevo, Irbey district, Krasnoyarsk region in the 1970s. He kept in touch with his homeland, corresponded with relatives, and even went to China several times. However, his four children bore the surname of the mother – Gribushin. They did not know any Chinese language, and neither they or others considered them to be anything but Russian. Another typical fate was that of Liu Xue, a native of Heilongjiang province who lived in Krasnoyarsk during the second half of the twentieth century. After serving 10 years in prison, she arrived at the village of Dolgy Most of the Krasnoyarsk region, joined her relatives there, and then, after marrying a Chinese, got a job as a cook in the regional center. In Siberia during the 1970s up to perestroika, and in the Soviet Union in general, Chinese migrants were isolated from the homeland and most of them assimilated.

Conclusions

This article analyzed the history and details of mixed Russian-Chinese marriages. Such unions appear to have begun in the late nineteenth century, but there is little reliable information about them. However, much more is known about the twentieth cen-

⁸¹ Ye.I. Nesterova, “Kitaytsy na rossiyskom Dal’nem Vostoke: nekotoryye aspekty sotsial’noy zhizni (seredina XIX – nachalo XIX vv.),” in *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2014), 94–99.

⁸² Archive of the municipality of Muy district of the Republic of Buryatia (AAM MR RB), f. 24, op. 1, d. 2., l. 5–7.

tury. Due to the gender disparities in the migrant Chinese community in Russia, we only considered marriages of a Chinese husband and a Russian wife. The decline in Russia's male population during the First World War and the Civil War encouraged Russian women to marry hardworking Chinese men. The social background of the former varied, and they included Cossacks, peasant women, and even noblewomen. After being married, they mainly did housework, although some ran small businesses or traded along with their husbands. Chinese men invariably took younger Russian wives – in some cases considerably so – and had fewer children than fully Russian couples. Their children were brought up according to Russian traditions and they attended Russian schools.

Beginning in 1929, mixed families became subject to deportation, typically to Xinjiang, Kazakhstan, and the Amur region. As the Great Terror erupted, they were often repressed. At the same time, the vagaries of Sino-Soviet relations also had their effect. Despite these hardships, the Chinese community in the Far East and Siberia survived and later became the basis of Chinese migration in the post-Soviet period.

The history of mixed Russian-Chinese families requires further research. As scholars examine a wider range of sources, they will shed more light on the history of such families as well as their demography and ethnography, not to mention acculturation and subsequent assimilation. Ego documents and oral histories are particularly valuable for studying this phenomenon, since they also yield important insights into their daily lives.

Рукопись поступила: 20 мая 2019 г.

Submitted: 20 May 2019

References

- Datsyshen, V.G., Kutilova, L.A., Nizovskikh, A.V., and Tarasov, M.G. *Priyeniyeyskaya Sibir' v sovetsko-kitayskikh otnosheniyakh (1917 – nachalo 1980-kh gg.)*. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet Publ., 2016 (in Russian).
- Dyatlova, Ye.V. "Chislennost' i struktura brachnykh svyazey kitaytsev sovremennogo Irkutsk (1989–1995 gg.)." In *Vostok i Rossiya: Vzgl'yad iz Sibiri*, 340–342. Irkutsk: Tsentral'naya Dal'nevostochnaya biblioteka RAN Publ., 1996 (in Russian).
- Filippova, Ye.I. "Transgranichnyye migratsii novyye realii i staryye klishe." *Siberian Historical Research*, no. 3 (2018): 209–216 (in Russian).
- Kajanus, Anni. *Chinese Student Migration, Gender and Family*. London: Palgrave Macmillan Publ., 2015.
- Klipka, K.K. "Kitaytsy v Tomske v XIX – nachale XX v." *Tomsk State University Journal of History*, no. 6 (2013): 158–164 (in Russian).
- Larin, V.L. "Kitayskiy faktor v obshchestvennom soznanii rossiyskogo prigranich'ya: srez 2003 goda." *Far Eastern Affairs*, no. 4 (2004): 67–81 (in Russian).
- Larin, V.L., and Larina, L.L. "Kitay v obshchestvennom mnenii zhiteley Tikhookeanskoy Rossii (po itogam oprosa 2017 g.)." *Russia and the Pacific*, no. 2 (2018): 5–33 (in Russian).
- Larin, V.L. "Rossiya i Kitay: uroki proshlogo, otkroveniye nastoyashchego, gorizonty budushchego." *Russia and the Pacific*, no. 3 (2007): 5–10 (in Russian).
- Nesterova, Ye.I. "Kitaytsy na rossiyskom Dal'nem Vostoke: nekotoryye aspekty sotsial'noy zhizni (seredina XIX – nachalo XIX vv.)." In *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 94–99. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2014 (in Russian).

- Nesterova, Ye.I. “Etnicheskoye” predprinimatel'stvo vo Vladivostoke (konets XIX – nachalo XX v.)” *The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religion Studies*, no. 10 (2014): 67–83 (in Russian).
- Nyíri, Pál. *Chinese in Eastern Europe and Russia: A Middleman Minority in a Transnational Era*. London: Routledge, 2007.
- Pan, Wang. *Love and Marriage in Globalizing China*. London: Routledge, 2014.
- Poznyak, T.Z. “Polovozrastnaya struktura i semeynoye polozheniye kitayskikh immigrantov na rossiyskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)” In *Rossiya i Kitay na Dal'nevostochnykh rubezhakh*, 391–396. Blagoveshchensk: Amur State University Publ., 2002 (in Russian).
- Potapova, N.A. “Kitaytsy v fokuse repressiy Bol'shogo terrora v Sibiri i na Dal'nem Vostoke.” *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, no. 1 (2018): 133–143 (in Russian).
- Solov'yev, A. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal'ye*. Chita: Poisk Publ., 2007 (in Russian).
- Solov'yev, A. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal'ye*. Chita: Poisk Publ., 2008 (in Russian).
- Solov'yev, A. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal'ye*. Chita: Poisk Publ., 2010 (in Russian).
- Solov'yev, A. “Repressii kitaytsev v vostochnom Zabaykal'ye.” In *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Vostochnom Zabaykal'ye*, 76. Chita: Poisk Publ., 2010 (in Russian).
- Silonov, S.M. *Internirovannyye kitaytsy v Sibiri (1930-ye gg.)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2015 (in Russian).
- Vishnevskiy, A.G. “Evolutsiya rossiyskoy sem'i.” *Ecology and Life*, no. 8 (2008): 8–13 (in Russian).
- Vladimirova, D.A. “Smeshannyye braki rossiyan i grazhdan KNR v Primorskom krae.” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2005): 111–117 (in Russian).
- Yankov, A.G. “Dva serdtsa russkikh kitaytsev.” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 2 (2014): 168–177 (in Russian).
- Zabiyako, A.P., and Zabiyako, A.A. “Istoriya pokoleniy rusско-kitayskikh semey v memoratakh Trekhrech'ya.” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2017): 65–73 (in Russian).

Библиографический список

- Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи // *Экология и жизнь*. 2008. № 8. С. 8–13.
- Владимирова Д.А. Смешанные браки россиян и граждан КНР в Приморском крае // *Вестник Дальневосточного отделения РАН*. 2005. № 2. С. 111–117.
- Дацышен В.Г., Кутилова Л.А., Низовских А.В., Тарасов М.Г. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917 – начало 1980-х гг.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 374 с.
- Дятлова Е.В. Численность и структура брачных связей китайцев современного Иркутска (1989–1995 гг.) // *Восток и Россия: Взгляд из Сибири*. Иркутск: Центральная Дальневосточная библиотека РАН, 1996. С. 340–342.
- Забияко А.П., Забияко А.А. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трехречья // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 1 (54). С. 65–73.
- Клипка К.К. Китайцы в Томске в XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 6 (26). С. 158–164.
- Ларин В.Л. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2004. № 4. С. 67–81.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // *Россия и АТР*. 2018. № 2 (100). С. 5–33.
- Ларин В.Л. Россия и Китай: уроки прошлого, откровения настоящего, горизонты будущего // *Россия и АТР*. 2007. № 3. С. 5–10.
- Нестерова Е.И. Китайцы на российском Дальнем Востоке: некоторые аспекты социальной жизни (середина XIX – начало XIX вв.) // *Россия и Китай: история и перспективы со-*

- трудничества. Материалы международной научно-практической конференции. Благовещенск: Издательство Благовещенского государственного педагогического университета, 2014. С. 94–99.
- Нестерова Е.И.* «Этническое» предпринимательство во Владивостоке (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 10. С. 67–83.
- Позняк Т.З.* Половозрастная структура и семейное положение китайских иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Россия и Китай на Дальневосточных рубежах*. Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2002. С. 391–396.
- Потапова Н.А.* Китайцы в фокусе репрессий Большого террора в Сибири и на Дальнем Востоке // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2018. № 1 (25). С. 133–143.
- Соловьев А.* Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита: Поиск, 2007. 313 с.
- Соловьев А.* Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита: Поиск, 2008. 320 с.
- Соловьев А.* Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Чита: Поиск, 2010. 304 с.
- Соловьев А.* Репрессии китайцев в восточном Забайкалье // *Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье*. Чита: Поиск, 2010. Т. 8. С. 76.
- Силонов С.М.* Интернированные китайцы в Сибири (1930-е гг.). Красноярск: Издательство Сибирского федерального университета, 2015. 198 с.
- Филиппова Е.И.* Трансграничные миграции новые реалии и старые клише // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 3. С. 209–216.
- Янков А.Г.* Два сердца русских китайцев // *Вестник СПбГУ*. Сер. 12. 2014. Вып. 2. С. 168–177.
- Kajanus Anni.* Chinese Student Migration, Gender and Family. London: Palgrave Macmillan, 2015. 190 p.
- Nyiri Pál.* Chinese in Eastern Europe and Russia: A Middleman Minority in a Transnational Era. London: Routledge, 2007. 192 p.
- Pan Wang.* Love and Marriage in Globalizing China. London: Routledge, 2014. 210 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета

Vladimir G. Datsyshen, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], professor and head of the Department of World History, Siberian Federal University, Professor of the Department of World History, Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Кутилова Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета.

Larisa A. Kutilova, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of World History, Siberian Federal University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Научная статья / Research article

Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне)

Е.Н. Наземцева

Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;
119330, Россия, Москва, Университетский пр.,14; elenanazz@mail.ru

The activities of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang)

Elena N. Nazemtseva

Military Academy of General Staff of the Russian Armed Forces; 14, Universitetskiy Av.,
Moscow, 119330, Russia; elenanazz@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности российских общественных организаций в Китае в 1917 г. Февральская революция 1917 г. и последующие за ней события в России вызвали глубокий революционный кризис. Задача статьи заключается в исследовании революционных процессов в российской диаспоре в Китае в 1917 г. на материалах Маньчжурии и Синьцзяна. Публикация основана на не вводимых ранее в научный оборот архивных источниках. В изучаемый период в Китайской республике сформировалась многочисленная российская диаспора, состав которой зависел от специфики региона. Сведения о революционных событиях в России и прибывавшие в Китай агитаторы заметно активизировали политическую жизнь в колониях. Наиболее ярко это проявилось в Маньчжурии, где ключевое влияние на жизнь диаспоры оказывала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), здесь с марта 1917 г. уже начали создаваться различные организации – исполнительные комитеты, Советы рабочих и солдатских депутатов, партийные ячейки РСДРП(б). В течение всего года в Харбине проводились митинги, демонстрации, собрания в поддержку революции и против русской администрации дороги, которая отнеслась к событиям в России с осторожностью и недоверием. Дестабилизация политической обстановки вызывала недовольство китайских властей и международного сообщества из-за нарушения работы КВЖД и привела к вводу китайских войск в Харбин. Деятельность общественных организаций в Синьцзяне в 1917 г. была менее активной, однако также вызывала недовольство китайского руководства из-за опасения вспышек серьезных этнических конфликтов в многонациональном Восточном Туркестане, еще не оправившемся от восстания 1916 г. В Шанхае, Пекине и Тяньцзине подобные организации отсутствовали. Тем не менее одним из главных последствий данных событий стало ослабление российских позиций в Китае, а также на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в целом.

Ключевые слова: Российская империя, Китайская республика, Российская революция 1917 г., российско-китайские отношения, общественные организации, агитация, пропаганда

© Наземцева Е.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Наземцева Е.Н. Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 758–778. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Abstract: The article analyzes activities of Russian public organizations in China in 1917 after the Russian February Revolution of 1917. Previously unstudied archival sources demonstrate that during that period, a large Russian diaspora formed in the Republic of China. Its composition depended on the specifics of the region. Information about the events in Russia and the revolutionary agitators arriving in China sharply intensified political life in the Russian colonies. This tendency was most pronounced in Manchuria, where the Chinese Eastern Railway (CER) had a key influence on the life of the Russian diaspora. Beginning in March 1917, various public organizations and associations began to form here – executive committees, councils of workers’ and soldiers’ deputies, party cells of the RSDLP(b). Throughout the year, rallies, demonstrations, and meetings were held in Harbin in support of the revolution and against the Russian administration of the road; here the sentiment was caution and distrust towards the events in Russia. The destabilization of the political situation caused dissatisfaction of the Chinese authorities and the international community, as it violated the work of the CER and led to the introduction of Chinese troops in Harbin. While in Xinjiang public organizations were less active in 1917 they nevertheless aroused the Chinese leadership’s concern, as agitation could easily lead to serious ethnic conflicts, especially multinational East Turkestan had not yet recovered from the 1916 uprising. There were no such organizations in Shanghai, Beijing and Tianjin. However, one of the main consequences of these events was the weakening of Russian positions in China, as well as in the Far East and Central Asia as a whole.

Keywords: Russian empire, Republic of China, Russian revolution of 1917, Russian-Chinese relations, public organizations, agitation, propagand

For citation: Nazemtseva, Elena N. “The activities of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang),” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 758–778. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Введение

Начало и последующее развитие революции и Гражданской войны в России способствовали росту политической активности широких народных масс. Повсеместно начали образовываться различные общественные и политические организации, причем это было характерно не только для революционных центров – Петрограда и Москвы, но и для периферии – Урала, Сибири и других территорий бывшей Российской империи. Эта тенденция проявилась и за пределами России – на территории государств, где сложилась российская диаспора, в частности в Китае. Здесь эта тенденция имела свои существенные особенности.

Во-первых, политическое положение самого Китая в этот период было нестабильным. Синьхайская революция и ликвидация монархии привели к формированию в стране различных политических сил, боровшихся за лидерство. В результате на местах – в провинциях и крупных городах администрация не имела необходимого политического влияния и административных рычагов для стабилизации экономической и политической обстановки. Во-вторых, российская диаспора в Китае была довольно многочисленной, причем как на востоке страны (Маньчжурии, Шанхае, Тяньцзине и др.), так и на западе (Синьцзяне, Ганьсу). Кроме того, она в силу исторических и географических условий была тесно связа-

на с метрополией и чутко реагировала на события, которые там разворачивались. В-третьих, в Китае активно действовали революционные агитаторы, в основном представлявшие РСДРП(б) и прибывшие в страну с соответствующей целью – организации в среде российских граждан партийных ячеек и различных объединений для поддержки революционных преобразований.

Все это приводило к дестабилизации обстановки в приграничных с Россией регионах Китая, которые имели международное политическое и стратегическое значение. Прежде всего, это касалось положения на КВЖД в Маньчжурии, где российские позиции до этого были достаточно сильны. С развитием же революционной ситуации Россия их теряла. Значительным становилось влияние Японии, США и некоторых европейских стран. Это касалось и положения в Синьцзяне (Восточном Туркестане), где до 1917 г. Россия также обладала значительным влиянием и где этнополитическая ситуация была весьма сложной, особенно после восстания 1916 г., когда туда хлынул огромный поток беженцев. Революционная агитация могла привести к новому этносоциальному взрыву в Центральной Азии, что вызывало опасения не только у китайских властей и находившихся здесь российских представителей, но и у международного сообщества, прежде всего Великобритании.

Отдельные аспекты формирования и деятельности русских общественных организаций в Китае в 1917–1920 гг. затрагивались при изучении политического положения в этой стране, российско-китайских отношений, истории русской эмиграции и деятельности КВЖД, в том числе в трудах Н.Н. Аблажей, Н.Е. Абловой, Е.Е. Аурилене, Ван Чжичена, Л.Ф. Говердовской, М.В. Ходякова, Д.Г. Янченко, Е.О. Старовойтовой и др.¹

Ключевую роль в дестабилизации политической обстановки в Китае в рассматриваемый период прежде всего в приграничных с Россией областях играли различные исполнительные комитеты, комитеты солдатских и рабочих депутатов, а также революционные агитаторы, представлявшие, как правило, партию большевиков. Однако специальных исследований, посвященных влиянию революционных событий в России на положение в регионе, до сих пор нет. Между тем это был ключевой период в отношениях России и Китая, который кардинально их

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Ван Чжичен.* История Русской колонии в Шанхае. М., 2008; *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2000; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014; *Ли И.* Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история.* 2018. № 6. С. 43–56; *Наземцева Е.Н.* Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.) // *Российская история.* 2015. № 4. С. 51–62; *Олейников И.В.* Антикризисная деятельность администрации КВЖД в революционное время (1917–1920 гг.). Новосибирск, 2012; *Ставров И.В.* Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // *Ойкумена.* 2010. № 4. С. 58–64; *Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897; *Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

изменил. Именно в этот период были заложены основы будущих советско-китайских отношений.

Источниковая база данного исследования основана на не вводившихся до сих пор в научный оборот материалах Архива внешней политики Российской империи (фонды «Китайского стола», «Миссии в Пекине»), Архива внешней политики Российской Федерации (фонд «Референтуры по Синьцзяну»), Государственного архива Российской Федерации (фонд «Департамента милиции Министерства внутренних дел Российского правительства. Омск»).

Формирование российских общественных организаций в Китае

Первоначально новые российские власти не рассматривали образующиеся общественные организации как оппозиционные или имеющие какую-либо административную или политическую власть. В связи с этим в российские консульства в июне 1917 г. специально была направлена телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко, в которой разъяснялось, что «общественные организации, образующиеся среди внеземельных русских колоний под именем исполнительных комитетов, комитетов безопасности, советов старшин и тому подобное, не являются органами управления, а имеют исключительно характер органов общественного мнения, указаниями которого Временное правительство готово руководиться. Поэтому возможно параллельное существование в одном городе нескольких таких организаций, утверждение же их Правительством при провозглашенной в России свободе излишне». В то же время российские центральные власти не исключали того, что деятельность новых общественных организаций будет полезна Отечеству. По этому поводу министр высказался особо: «Я надеюсь, что временное Правительство найдет себе опору во всех существующих и могущих создаться в будущем организациях и вижу лучшее средство для них оказать эту поддержку в стремлении сплотиться и ставить интересы Государства выше классовых интересов и личных счетов»².

Формирование общественных организаций, поддержавших революционные преобразования в России весной 1917 г., происходило очень быстро. Они активно создавались в приграничных с Россией областях и провинциях Китая, прежде всего в Маньчжурии и Синьцзяне, и сразу включались в политическую жизнь. Как отмечалось в консульских отчетах этого периода, направлявшихся в Петроград, «за короткое время с начала революции некоторые представители местной администрации уже сошли со сцены, другие утратили свое влияние, на место их общественные организации выдвигают новых людей, совершенно неизвестных “обществу”»³.

Российские общественные организации в Маньчжурии

Революционные события, развернувшиеся в России, кардинально изменили положение в Маньчжурии, где к этому времени сложилась крупнейшая по численности и важнейшая по значению в Китае колония выходцев из России. По мнению

² АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 143. Оп. 491. Д. 448. Л. 196.

³ Там же. Оп. 491. Д. 220. Л. 83–84.

Н.Н. Аблажей, численность русскоязычного населения на территории северо-востока Китая к началу Первой мировой войны составляла около 150 тыс. чел.⁴

Крушение монархии и образование Временного правительства вызвали неоднозначную реакцию местного русского населения. Часть отнеслась к начавшимся преобразованиям с осторожностью, другая же часть русской колонии встретила их с восторгом. Строительство в Маньчжурии КВЖД и ее динамичное развитие способствовали тому, что здесь оказалось большое число представителей рабочего класса – железнодорожных рабочих и служащих, а также солдат. В результате уже в марте 1917 г. на линии и в Харбине были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов. Первым председателем Харбинского Совета рабочих депутатов в марте 1917 г. был избран кадет К.С. Фиалковский; Совет солдатских депутатов возглавил меньшевик М.Н. Рютин, который позже вышел из партии меньшевиков и организовал в Харбине местный комитет РСДРП (б). С сентября им издавался журнал «Борьба». В это же время произошло слияние обоих Советов в объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, который и возглавил М.Н. Рютин. Также в Харбине был создан Комитет общественных организаций, представлявший Временное правительство⁵, Совет служащих КВЖД и другие организации⁶.

4 марта образовался Харбинский исполнительный комитет уполномоченных во главе с В.И. Александровым. В апреле были созданы местные профсоюзы, которые представляли собой скорее союзы по профессиям: мастеровых и рабочих, паровозных бригад, дорожных мастеров. Кроме того, в Харбине был созван съезд железнодорожников, который провозгласил создание Союза служащих, мастеровых и рабочих КВЖД. На съезде был избран Главный исполнительный комитет. Союзы активно устанавливали связи с подобными организациями в России. Однако из-за отсутствия оформленных должным образом партий сложно представить полную картину политической направленности общественных организаций Харбина в этот период. Следует также учитывать, что политические взгляды членов общественных организаций постоянно менялись.

На заседаниях общественных организаций Харбина поднимались не только политические вопросы, но и административные: об изменении системы городских выборов, реформе полиции, которая уже 13 марта была заменена на милицию⁷.

Как уже отмечалось, практически сразу же в городе развернулась борьба за власть между различными политическими силами: Исполнительным комитетом, Советом рабочих депутатов, Советом солдатских депутатов, профсоюзами, администрацией дороги, управляющим КВЖД генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом. Так называемая «счастливая, благословенная Хорватия», существовавшая здесь раньше, исчезла уже в марте 1917 г., сразу же после получения известий об отречении Николая II.

В ночь на 15 марта Советом солдатских депутатов были арестованы начальники железнодорожной бригады, железнодорожного полицейского Управления и ряд полицейских служащих, которые обвинялись в жестоком обращении с подчи-

⁴ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае... С. 30.

⁵ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 39.

⁶ Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД... С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

ненными, а главное – в сокрытии информации об отречении Николая II, полученной еще 5 марта⁸.

Атмосфера накалялась с каждым днем. На заседаниях Исполнительного комитета солдаты железнодорожной охраны вели себя буйно, даже непристойно. Во время выступлений членов Исполнительного комитета поднимали такой шум, что публика не могла слышать ораторов, когда же выступали солдатские депутаты, то их награждали громкими аплодисментами⁹. Масла в огонь подливали и действовавшие здесь общественные организации. Так, на заседаниях знаменитого Общества русских ориенталистов, образованного еще в 1908 г., в марте 1917 г. «дебатировался» вопрос о недостатках российского дипломатического и консульского представительства на Востоке и о «необходимости освежить его состав на демократических началах». С этой целью даже была составлена телеграмма министру иностранных дел за подписью тогдашнего председателя Общества А.В. Спицына. Правда, потом сам Спицын признавал, что «чувствовал себя несколько неловко» и объяснял свое поведение «обстоятельствами времени»¹⁰.

Политизация масс и активизация рабочего движения к лету 1917 г. привели к обвинениям администрации дороги в контрреволюционности¹¹. Как справедливо отметил И.В. Олейников, это «было время какого-то опьянения революционными идеями всех категорий и групп населения полосы отчуждения КВЖД, когда все единой массой выступали против старого, уже свергнутого там, в России, порядка, и каждый лелеял в душе мечту о чем-то своем, новом»¹².

Все эти события производили тяжелое впечатление на китайские власти Харбина и расценивались ими как показатель слабости генерала Хорвата и усиления влияния на Исполнительные комитеты левых элементов.

Д.Л. Хорват, действительно, весь 1917 год держался политики уступок. После ареста его ближайших помощников (начальников железнодорожного полицейского управления, железнодорожной бригады, телеграфа, харбинского депо, а также помощника Управляющего дорогой) отставка грозила и другим начальникам дороги – начальникам коммерческой части, службы эксплуатации и т.д. Все это могло препятствовать деятельности важнейшей транспортной артерии Дальнего Востока – КВЖД. Умеренная часть населения Харбина ждала от него решительных действий, тем более что на это ему давала право «ободряющая» телеграмма министра финансов М.И. Терещенко¹³.

Ситуация начала выходить из-под контроля после октябрьских событий. Харбинская организация РСДРП(б) издала воззвание к населению о поддержке решений II Всероссийского съезда Советов. 28 октября 1917 г. во главе с Рютиным и поддерживавшими его солдатами большевики явились в Железнодорожное Собрание, где в тот момент заседала партия народной свободы, и произнесли речь

⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 90–91.

⁹ Там же. Л. 93.

¹⁰ Там же. Л. 90.

¹¹ Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД... С. 45.

¹² Там же. С. 46.

¹³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 96.

о переходе всей власти Советам, затем группа отправилась в Гарнизонное Собрание. 29 октября ими была устроена уличная демонстрация: толпа солдат в 200 человек с красными знаменами, на которые были нанесены большевистские лозунги, прошла по городу¹⁴.

Следует отметить, что о предстоящей демонстрации и населению Харбина, и китайским властям было известно накануне. Уставшее от бесконечных демонстраций и беспорядков местное население отнеслось к очередной демонстрации прохладно. Китайские же власти, напротив, были обеспокоены, так как ставшие уже привычными убийства и грабежи, чинимые в городе солдатами, постепенно переполняли их чашу терпения. Поэтому для защиты местного китайского и иностранного населения в Харбин по совету иностранных консулов был вызван отряд китайских войск¹⁵.

Положение становилось критическим, что отмечал в своей докладной записке от 31 октября 1917 г. вице-консул Генерального консульства в Харбине Г.К. Попов: «[...] Солдаты распущены до крайних пределов, количество грабежей, в которых замешаны солдаты, растет с каждым днем крещендо и население, не говоря уже о китайском, стонет...». «Неприятие немедленно соответствующих решительных мер, – отмечал далее вице-консул, – может слишком тяжело отразиться на нашем положении в крае: мы накануне введения в Харбине международной полиции и ввода в полосу отчуждения китайских, а может быть еще и других войск»¹⁶.

12 декабря Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов в газете «Голос труда» опубликовал воззвание к населению, в котором объявлял себя единственным представителем государственной власти в полосе отчуждения. Комиссаром полосы отчуждения был назначен член Совета А.Н. Луцкий¹⁷.

Разумеется, генерал Д.Л. Хорват не мог смириться с подобными выступлениями и все же обратился за помощью к китайским властям, которые 24 декабря предъявили ультиматум Совету рабочих и солдатских депутатов, потребовав высылки из Харбина революционно настроенных 618-ю и 559-ю дружины Охранной стражи, а также самого М.Н. Рютина и всех сочувствующих. С 1918 г. большевики действовали в Харбине уже нелегально. Однако политическая ситуация в Маньчжурии и непосредственно в ее центре – Харбине оставалась по-прежнему сложной. В феврале 1918 г. здесь был создан «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания» («Временное Сибирское правительство»), который полностью зависел от Д.Л. Хорвата и, по сути, не играл особой роли в политической жизни города¹⁸.

Другой формой общественной деятельности в этот период в Харбине стали профсоюзы, которые также были настроены против Д.Л. Хорвата. В частности, в июле 1919 г. началась массовая забастовка рабочих на всей линии КВЖД. 7 августа на дороге даже было введено чрезвычайное положение, а участники забастовки были переданы военно-полевому суду. Однако деятельность профсоюзов

¹⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 149.

¹⁵ Там же. Л. 150.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 39.

¹⁸ Там же. С. 40–41.

продолжилась. 27 января 1920 г. была создана объединенная конференция профсоюзов, партий, кооперативов и других демократических организаций КВЖД, которая также выступила против Хорвата¹⁹.

Борьба общественных организаций против Управляющего КВЖД, проходившая красной линией в деятельности харбинских общественных организаций в 1917–1920 гг., завершилась его отставкой. 13 марта 1920 г. был создан Центральный стачечный комитет, который объявил всеобщую политическую забастовку. Причем в ней приняли участие не только русские, но и китайские рабочие и солдаты. Китайские власти воспользовались моментом, и командующий китайскими войсками КВЖД генерал Бао Гуйцин издал приказ о лишении Хорвата власти²⁰. Он был вынужден покинуть Харбин и вплоть до самой своей смерти в 1937 г. прожил в Пекине.

С этого времени китайские власти начали открыто вести борьбу за контроль над КВЖД.

Русские общественные организации и революционная агитация в Синьцзяне

Активная деятельность общественных организаций в 1917 г. развернулась и на западе Китая – в Синьцзяне. Еще до революции здесь сформировались небольшие колонии выходцев из Российской империи, среди которых основную массу составляли крестьяне-старообрядцы, купцы, мелкие торговцы. В 1916 г. к ним прибавились беженцы – киргизы и дунгане Каракольского и казахи Джаркентского уездов, которые перешли границу, опасаясь репрессий со стороны царского правительства за поднятое ими восстание²¹. В 1918 г., в связи с началом Гражданской войны, таранчинцы, дунгане, часть русских Алма-Атинского и Джаркентского уездов и казахи Копальского уезда снова перешли в Синьцзян. В 1920 г. казахи Карагерского и Лепсинского уездов, матайцы Копальского, а также часть русских тех же уездов перешли границу «вследствие создавшейся паники при падении и отступлении белоармейских частей Дутова и Анненкова»²². Все они составили пеструю и взрывоопасную массу бывших подданных Российской империи в одном из самых сложных в политическом и этническом отношении регионов Китая.

В 1917 г. в различных округах Синьцзяна начали образовываться исполнительные комитеты, комитеты безопасности, советы старшин и другие общественные объединения, а также органы самоуправления. При этом в столице Синьцзяна – г. Урумчи – каких-либо общественных организаций, образованных бывшими подданными Российской империи, не было. Об этом российский консул в Урумчи А.А. Дьяков с облегчением докладывал в Четвертый Политический отдел Министерства иностранных дел: «К великому счастью мне не довелось сталкиваться ни с исполнительными комитетами, ни комитетами безопасности, ни с советами старшин и т.п.,

¹⁹ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 44.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 147. Оп. 8. Д. 22. Л. 28.

²² АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. Д. 14. Л. 24.

ибо таковых общественных организаций в г. Урумчи и в других городах вверенного мне Урумчинского Консульского округа до сих пор не возникало». Свою позицию он обосновывал тем, что возникновение подобных организаций в столице Синьцзяна могло привести к обострению внутривластной обстановки в провинции, падению престижа России в регионе и в связи с этим трудностям в защите прав русских подданных: «Если бы какие-либо общественные организации входили бы в столкновение с Российским Консулом здесь, как представителем Временного Российского Правительства, то положение его, Консула, было бы слишком тяжким, так как, при наличности подобных столкновений, Российский Консул потерял бы в глазах китайцев всякое значение и авторитет, китайские власти никогда не стали бы исполнять всех его законных настояний, направленных в защиту русских интересов». Кроме того, противостоять деятельности подобных организаций у консула просто не было бы возможности, так как в консульстве штат служащих был весьма ограничен. При огромной по своей интенсивности и специфике работы здесь не было ни секретаря, ни драгомана, ни штата канцелярских служащих. При этом А.А. Дьяков отмечал, что ему «было бы крайне интересно поработать совместно, но только без столкновения, с исполнительным комитетом и прочими иными комитетами», он даже предлагал местной колонии российских граждан образовать комитеты, но они отказались²³. Причины этого заключались в том, что основным контингентом российских граждан в Урумчи являлись мусульмане, которые «были крепко спаяны своей религией». Большую роль в организации их жизни играли бей, аксакал и его помощник. Кроме того, здесь не было сильной государственной власти, полицейских, земских, крестьянских, акцизных, податных, волостных начальников; они были освобождены от акцизного и гербового сбора, не платили гильдейской пошлины, не были обязываемы оплачивать права на торговлю и т.п. Российский же консул в Урумчи никогда не вмешивался во внутреннюю жизнь российских граждан, проживавших в Урумчинском консульском округе²⁴.

Однако в приграничных с Россией областях Синьцзяна – Шарасумэском, Илийском, Тарбагатайском округах – органы самоуправления образовывались довольно активно.

Интересная ситуация сложилась в Шарасумэском округе Синьцзяна. Здесь сотрудники российского консульства посчитали, что «переживаемые Россией великие события заставляют консульство с особым вниманием отнестись к нашим крестьянам» и «в целях сохранения спокойствия в пограничном районе и закрепления дружественных отношений с китайским населением, а также укрепления среди населения русских поселков начал Государственного строя» консульство начало ходатайствовать о скорейшем проведении в жизнь необходимых реформ и само предложило проживавшим в данном районе провинции русским крестьянам организовать исполнительные комитеты. Более того, им также было предложено «во избежание недоразумений» все дела разбирать именно при содействии исполнительных комитетов и выборных от туземного населения, а также агентов кон-

²³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 151.

²⁴ Там же. Л. 152.

сульства и китайских властей²⁵. Следует, однако, отметить, что проект участия китайских киргизов в российских комитетах был отклонен китайскими властями²⁶.

В столице Китайского Алтая – г. Шарасумэ – местное русское население с восторгом встретило революционные события в России. Действовавшее здесь русское торговое общество постановило даже понизить цены на товары солдатского обихода и собрало 300 руб., которые просило передать в распоряжение Председателя Государственной Думы на нужды Красного Креста²⁷. Кроме того, российский консул В.Ф. Люба вел в этом отношении активную работу: разъяснял значение исторических событий в России русскому торговому обществу, казакам конвоя, которые восторженными криками приветствовали Государственную Думу, Временное правительство, «взявшее в свои руки дело обновления России». Кроме того, было проведено собрание офицеров местного конвойного отряда, на котором было решено «при полном подчинении велениям Временного правительства» и поддерживая среди частей строгую дисциплину, знакомить воинские чины с ходом событий, а также способствовать единению между частями, «принимающими известия с необычайным энтузиазмом»²⁸.

Первой по времени возникновения общественной организацией в Шарасумэ стал Объединенный Совет офицерских, солдатских и казачьих депутатов, который начал функционировать с 1 апреля 1917 г., но уже 13 мая завершил свою работу по причине расформирования конвойного отряда. Вся его непродолжительная деятельность носила чисто организационный характер. Оторванность от России, где с поразительной быстротой развертывались события, сказалась на первоначальной работе Объединенного Совета, которому пришлось много времени потратить на свое формирование и выработку компетенции. На первом же его заседании мнения разделились. Одни считали, что, Совет был самостоятельным органом и независимо от Начальника отряда мог решать самые разнообразные вопросы. По мнению других, Совет был органом совещательным и его деятельность должна была строиться в тесном контакте с деятельностью Начальника отряда²⁹.

В результате несогласованности действий совет вскоре перестал существовать, и вместо него возник Депутатский (Дивизионный – Е.Н.) Комитет при Шарасумэском Дивизионе 3-го Сибирского Казачьего Полка, который приступил к работе 24 мая 1917 г. на основе уже выработанных положений о Комитетах. До августа Дивизионный Комитет проводил еженедельные заседания. В дальнейшем возникавшие вопросы в большинстве случаев решались сотенными Комитетами. Заседания Дивизионного Комитета созывались в исключительных случаях. Следует отметить, что состав воинских чинов, вошедших как в Дивизионный, так и в сотенные Комитеты, мало проявлял интереса и желания работать³⁰.

²⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 339.

²⁶ Там же. Л. 357.

²⁷ Там же. Л. 315.

²⁸ Там же. Л. 314.

²⁹ Там же. Л. 390.

³⁰ Там же. Л. 391.

Бывший Объединенный Совет Шарасумэского Отряда, Депутатский Комитет при Шарасумэском Дивизионе и Сотенные Комитеты составляли одну из главных категорий общественных организаций, возникших в Китайском Алтае под влиянием революционных событий в России. Другую группу организаций составляли Исполнительные комитеты русских торговых колоний в Шарасумэ и Бурчуме. Исполнительный комитет русской торговой колонии в Шарасумэ, состоявший из трех человек, начал свою деятельность в середине апреля 1917 г. С первого момента существования Комитета со стороны выборных проявлялся некоторый интерес к работе. По инициативе консульства было устроено несколько совещаний, касавшихся обеспечения всех граждан, особенно бедных, хлебом и мануфактурными товарами. Но Комитет не предпринимал решительных шагов в целях объединения русских колонистов, а затем и вовсе прервал свою работу. Выборные представители, занятые своими личными делами, к его деятельности охладели.

Исполнительный комитет Бурчумской колонии после своего образования и предстоящих перевыборов из-за протеста части колонии против неправильной, по их мнению, организации выборов также в дальнейшем не проявлял никакой активности³¹.

Еще одной группой общественных организаций в округе являлись Исполнительные комитеты в поселках русских крестьян, проживавших в Шарасумэском округе Синьцзяна. Они были подданными бывшей Российской империи, но проживали здесь на правах колонистов. Положение в поселках было сложным. Многие не знали, как реагировать на изменение государственного строя в России, поэтому консульство посчитало, что новые органы самоуправления могли бы способствовать адекватному восприятию перемен и самоорганизации общества, необходимой в новых политических условиях. Для ознакомления местного русского населения с ситуацией в России, приведения населения к присяге на верность Временному правительству, устранения недоразумений на местах и оказания крестьянам необходимой помощи в поселки (Заречный Чонкур, Чонкур, Калгутон, Теректы, Чубур-Чилик и др.) был командирован сотрудник консульства – прапорщик артиллерии Мошкин³².

В поселке Чонкур проживало около тридцати преимущественно старообрядческих семей. Все они жили зажиточно. Благодаря прибывшим с фонта в отпуск военным поселяне проявляли живой интерес к событиям в России и к своему новому положению. Кроме того, они в это время бесплатно получали газету «Земля и Воля», которая, по словам одного из грамотных поселян, писаря Г. Боброва, мало их удовлетворяла, так как про войну писали «мало, а про ерунду сколько угодно». При первых известиях о возникновении в России исполнительных комитетов аналогичный появился и в Чонкуре численностью шесть человек. Образованный комитет заменил собой упраздненного старосту. Однако при отсутствии инструкций и каких бы то ни было указаний из центра комитет на формирование и выработку полномочий потратил около трех недель, не успев за это время наладить свою деятельность, что в конечном итоге сказалось на сроках начала сельскохозяйственных работ в поселке. В результате здесь не было налажено правильное пользование арычной водой,

³¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 391.

³² Там же. Л. 357.

из-за чего задержалась распашка полей. При том, что раньше распределением воды для поливов заведовал староста М. Трескин, и никаких недоразумений на этой почве не было³³. Интересно, что изменения государственного строя в России служили здесь даже темой для проповеди духовного настоятеля старообрядцев-общинников Иова Боброва, который после обедни в молитвенном доме доказывал молящимся, что отрекшийся от престола Николай Второй был антихристом и что через три года, которые надо проводить в посте и молитве, последует кончина мира³⁴.

В поселке Калгутон проживало сорок семей, в основном также старообрядческих. Здесь действовал местный исполнительный комитет «из 4 лиц», которым решались в основном экономические вопросы, например, обеспечения хлебом населения поселка до нового урожая. При поддержке российского консульства в Шарасумэ они надеялись достать рожь и пшеницу через Зайсанский продовольственный комитет, куда и были направлены члены местного исполнительного комитета³⁵.

Интересное мнение об исполнительных комитетах сложилось у жителей поселка Чубар-Чилик. Здесь проживало тринадцать достаточно зажиточных старообрядческих семей. Четырехлетняя оседлая жизнь, непрерывный труд и обилие леса дали возможность поставить хорошие избы с солидными надворными постройками и соответствующим инвентарем. Некоторые из них скорее напоминали помещичью хуторскую усадьбу, нежели двор крестьянина-колониста. Заботами сельской общины была проложена дорога к пашне.

Такая обособленная и полная своих интересов жизнь повлияла на отношение селян к событиям в России, которые заинтересовали их постольку, поскольку это могло отразиться на войне, на которой сражались их братья, мужья и сыновья. Во главе управления здесь оставался староста, а про комитет крестьяне говорили: «Он нам не нужен, а если прикажете – выберем»³⁶.

В поселке Нижняя Дала-Каба колонисты с первого же взгляда произвели на прапорщика Мошкина неблагоприятное впечатление: «испытые лица, злобное выражение в глазах и неряшливость в одеждах свидетельствовали о многом». Звучали жалобы в адрес и жителей соседних поселков, и казаков, и в адрес местного китайского и киргизского населения. Мошкин приходил к выводу, что «в таких людях было бы странно искать отклика на то, что непосредственно не касается их повседневных личных интересов, а отсюда почти индифферентное отношение к перевороту и к историческим дням, переживаемым Россией»³⁷. Подробное объяснение им событий, происходивших в России, не вызвало никаких вопросов, а избранный местный исполнительный комитет не пользовался популярностью и был бессилён устранить постоянно возникавшие недоразумения³⁸.

Из всего увиденного Мошкин делал следующий вывод: «Великая волна революционного движения, которая так судорожно и болезненно охватила могучую Россию и

³³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 340.

³⁴ Там же. Л. 353.

³⁵ Там же. Л. 343.

³⁶ Там же. Л. 344.

³⁷ Там же. Л. 349.

³⁸ Там же. Л. 350.

своей опьяняющей свежестью и стихийной силой захлебнула недавних обывателей и заслонила собой неотложные задачи момента – победу над вековым врагом – немцем, лишь тихим ручейком докатилась до колонистов Алтайского Округа в Китае»³⁹.

Территориальная удаленность, слабое сообщение с городскими центрами, полное отсутствие газет, почти поголовная безграмотность, бытовые и экономические особенности заграничной жизни не могли не ослабить впечатления от происходивших в России исторических событий. В особенности подобная индифферентность была характерна главным образом для старообрядческих поселков, живших замкнуто и уединенно, таких как Чубар-Чилик и Теректы. Не проявили интереса к судьбам родины и жители поселков Заречный Чонкур, Верхняя и Нижняя Кабы, жившие своими повседневными заботами. В целом же революция 1917 года в России в местных поселках была встречена спокойно, так как русские колонисты в Китае не чувствовали на себе эксплуатации старой власти в части налогового гнета и поборов, в отличие от крестьян, проживавших в России, на которых лежало много обязанностей при отсутствии прав. Здесь благосостояние и спокойная жизнь зависели только от них самих.

Административная власть в местных поселках представляла собой разнообразную картину. В одних она была сосредоточена в руках выборного старшины, в других сельского комитета и старосты, в наиболее же маленьких поселках власть вообще никем не была представлена: имелись только так называемые «старшие». Взаимоотношения между старостами и комитетами и разграничение их функций также были разные. Там, где староста был энергичный и обладал высоким авторитетом, комитет мало проявлял свою инициативу и всю полноту власти передавал старосте, являясь при нем своеобразной сельской думой. В других колониях, наоборот, во главе всех общественных дел стоял комитет, а староста лишь исполнял его постановления.

Определенной властью на местах обладали также казаки консульского конвоя. Раньше, когда прав у крестьян практически не было, казаки пользовались у колонистов большим авторитетом, поскольку киргизы испытывали страх перед казаками и в целом перед представителями власти. В данный же период авторитет казаков сохранился только в глазах киргизов. При таком положении роль казака сводилась к передаче распоряжений и указаний консула.

Следственная власть и судебные функции в пределах компетенции мирового судьи тоже были сосредоточены в руках консула. На местах эта власть осуществлялась консульством через уполномоченных лиц, командированных в поселки. Такими лицами являлись офицеры консульского конвоя без специальной юридической подготовки и без предоставленного по закону права производить следственные действия. Вся их работа сводилась к производству дознаний и склонению сторон миром или третейским судом покончить споры. Вопросы, не выходящие за пределы волостного суда, иногда разрешались миролюбивым соглашением сторон при участии старосты и членов комитета, но чаще всего спорящие расходились, не получив удовлетворения: «один в сознании своей правоты, другой – с болью и горечью на сердце»⁴⁰.

³⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 352.

⁴⁰ Там же. Л. 355.

Следует также отметить, что в Чонкуре и Калгутоне, где существовала тесная связь с поселками, находившимися в русских пределах, к организации комитетов крестьяне проявили больший интерес, чем в других, таких как Чубар-Чилик, Теректы, где замкнуто жили исключительно старообрядческие семьи, где крестьяне встретили появление новых общественных органов равнодушно, со свойственным для старообрядцев взглядом на всякое новшество. Однако в Чонкуре и Калгутоне общественная работа лишь первое время шла достаточно энергично. В дальнейшем особенности бытовых и экономических условий заграничной жизни, почти поголовная безграмотность членов комитетов, безразличное отношение к работе постепенно ослабили интерес к этим новым общественным структурам. При таком положении дел вся работа комитетов сводилась к деятельности какого-нибудь одного человека им принимались все решения, что вызывало недовольство граждан. Так, в Чонкуре, в отсутствие председателя комитета унтер-офицера Бедарева, который по вызову строевого начальства был отправлен в свою часть, произошел надел сенокосных участков. Во время сенокосения он вернулся в Чонкур и принял на себя руководство деятельностью комитета⁴¹. Бедарев поднял вопрос, что сенокосные участки распределены неправильно. Начался новый надел, который производил самочинно и единолично Бедарев. В результате явная несправедливость в распределении участков и недовольство граждан стали причиной их обращения за содействием в консульство⁴².

Помимо безразличного отношения членов комитета к своим обязанностям они в своей работе часто проявляли пристрастность при разрешении земельных вопросов. Когда возникал вопрос о наделе сенокосных и пахотных участков, члены комитета вымещали на некоторых гражданах свою старую злобу, выделяя малое количество угодий. Принять меры против обновления депутатского состава комитетов жители поселков не могли, так как выбор их был очень ограничен. Весь адекватный мужской элемент, из которого можно было бы выбрать членов для правильной работы в комитетах, находился на войне. В результате из-за отсутствия у комитетов энергичных и достойных работников они не обладали доверием большинства русских колонистов. В некоторых же поселках состав комитета вообще уклонился от своей работы и передал ее казакам консульского конвоя⁴³.

В то же время возникновение новых общественных организаций привело к созданию Потребительского общества, стремящегося объединить население поселков Чонкура, Калгутона, Теректов и Чубар-Чилика в борьбе с дороговизной и недостатком товаров. Отношения таких общественных организаций к консульству были положительные. Как отмечалось в консульских отчетах, «Исполнительные комитеты в поселках Китайского Алтая, как и общественные организации в Шарасумэ и на Бурчуме, действуют в полном согласии и контакте с консульством и воздерживаются от вмешательства в Консульскую компетенцию»⁴⁴.

Интересно, что сотрудники российского консульства в Шарасумэ намеревались использовать деятельность исполнительных комитетов в целях защиты прав

⁴¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 392.

⁴² Там же. Л. 393.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 394.

русских граждан в округе. По мнению консульства, исполнительные комитеты, а также выборные судьи из населения могли оказать большую пользу краевому судье или вице-консулу с правами судьи, которых консульство предложило министерству иностранных дел назначить для защиты прав русских в поселках. С этой целью предлагался даже специальный проект судебно-административной реформы⁴⁵.

По мнению консульства, права как отдельных лиц, так и целых обществ не получали должной судебной и административной защиты на местах. Если раньше с этим явлением можно было мириться, то теперь с предоставлением крестьянам прав гражданства и свободы и при наличии мирной культурной политики колонизации края в основе взаимоотношений между колонистами, так и их отношений с местным населением должны были лежать правовые начала, и прежде всего постоянные и компетентные органы. Прежде всего речь шла о специальном представителе консульства с судебно-административными функциями самого консула. Им мог стать краевой судья с местопребыванием в одном из центральных поселков и периодически посещавший другие колонии. Также речь шла о выборном народном суде с компетенцией волостного суда в России, для которого апелляционной и кассационной инстанцией являлся бы суд краевой судьи. Административное же управление на местах должны были осуществлять старосты наряду с возникшими сельскими комитетами, причем их взаимоотношения, права и обязанности важно было прописать в специальной инструкции. В предложениях отмечалось: «Только такая судебно-административная реформа поможет колонистам построить свою жизнь на началах права и справедливости и высоко поставит знамя русского гражданина за границей, воспитывая в нем светлое чувство любви к Родине и уважения к туземцам, как членам дружественной нам Великой Китайской Республики»⁴⁶.

Однако развернувшаяся в России Гражданская война и последующее поражение белого движения, поддерживаемого практически всеми консулами в Синьцзяне, не дало возможность реализовать эти начинания.

В Илийском округе Синьцзяна также возникали различные общественные организации. Например, в Кульдже в апреле 1917 г. был образован Комитет членов Таранчинских Обществ русско-подданных, который сразу же заявил о своей преданности новому правительству, готовности ему «служить до последней капли крови» и даже принял присягу в присутствии Российского консула⁴⁷. Также здесь действовали Совет казачьих депутатов, Русское татарское сартовское и Русское таранчинское общества⁴⁸.

Однако спустя некоторое время ситуация изменилась. Русское население Кульджи раскололось на два враждующих комитета, которые, несмотря на усилия консульства, примирить не удавалось. Иногда дело доходило до драк. Однако стрельбы из ружей и убийств все же удавалось избегать⁴⁹. Но столкновения продолжались и подогревали возникшую вражду. Сотрудники консульства пытались стабилизи-

⁴⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 357.

⁴⁶ Там же. Л. 356.

⁴⁷ Там же. Д. 448. Л. 194.

⁴⁸ Там же. Л. 221.

⁴⁹ Там же. Л. 199.

ровать ситуацию, опасаясь возникновения волнений и видя в распрях действия «враждебных России влияний». С этой целью они пытались связаться с Ташкентским исполнительным комитетом и просили о направлении в Кульджу соответствующих руководящих указаний и представителя Комитета⁵⁰. В то же время мусульманская фракция исполнительного комитета требовала командирования в Кульджу комиссара из Туркестанского Краевого Комитета и назначения «правильных выборов» на основании четырехчленной формулы⁵¹.

Раздорами среди русского населения в Кульдже, естественно, воспользовались китайцы, что привело, по справедливому замечанию управляющего российским консульством В.Ф. Любы, к тому, что «престиж наш, стоявший здесь вообще за последние годы не высоко, пал окончательно». В.Ф. Люба предлагал русским, проживавшим в Кульдже, объединиться. Этот призыв встретил сочувственный отклик «среди более разумной части обеих партий», которые после переговоров выразили готовность объединиться и отказаться от двух комитетов в пользу одного, избранного всеобщим голосованием. При этом общество просило консула, чтобы выборы «в видах обеспечения законности» были произведены под контролем консульства⁵².

К октябрю 1917 г. ситуацию удалось стабилизировать. Исполнительный комитет русской колонии в Кульдже даже направил благодарственную телеграмму в Петроград с выражением «чувства искренней благодарности секретарю консульства А. Зинкевичу, который среди неустанных трудов по консульству на далекой китайской окраине сумел снискать к себе глубокое уважение за правдивое честное отношение к каждому <...>, не взирая на положение, содействовал сближению демократических масс многочисленной русской колонии и своим тактом и отзывчивостью во время управления консульством не только защищал <...> от обычного притеснения русских китайцами, но предупреждал раздоры и понятные распри среди новых в России партийных разногласий». Особенно были отмечены заслуги А. Зинкевича в организации Продовольственного комитета, «без которого и в прошлом, и в далеком будущем голодающее население оказалось бы в ужасном и тяжелом положении». Телеграмма завершалась просьбой объявить А. Зинкевичу от лица консульской службы «глубокую признательность за его столь выдающиеся заслуги»⁵³.

Похожая ситуация сложилась в Тарбагатайском округе провинции. Здесь под покровительством российского консульства около сорока лет проживали подданные империи, имевшие многочисленные торгово-промышленные предприятия⁵⁴. Весной 1917 г., с началом революционных событий в России, в округе были образованы различные организации, в том числе: Чугучакский торгово-промышленный комитет, Чугучакский союз служащих и рабочих, Чугучакский исполнительный комитет, Мусульманский Чугучакский комитет, Чугучакский продовольственный комитет, Чугучакский Учетный комитет, Чугучакский почтово-телеграфный союз, солдатский и казачий комитеты. В задачу местного торгово-промышленного ко-

⁵⁰ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 448. Л. 230.

⁵¹ Там же. Л. 221–222.

⁵² Там же. Л. 211.

⁵³ Там же. Л. 250.

⁵⁴ Там же. Д. 546. Л. 99.

митета, в частности, входило оказание содействия российскому консулу в вопросах, касавшихся русских торгово-промышленных интересов в Западном Китае. Председателем комитета единогласно был избран российский консул в Чугучаке В.В. Долбежев, отлично владевший китайским, монгольским и маньчжурским языками и пользовавшийся авторитетом как среди китайских, монгольских и киргизских местных властей, так и среди русских и китайских торговцев⁵⁵.

Однако затем общество в Чугучаке раскололось на враждующие организации. С лета 1917 г. в городе появились агитаторы, которые своей деятельностью вызывали недовольство не только представителей российских властей и поддерживавших их общественных организаций, но и китайского руководства. Об этом свидетельствует письмо Товарища китайского министра иностранных дел на имя Российского посланника в Пекине от 10/23 июля 1917 г. по поводу появления на русской фактории в Чугучаке агитатора, призывавшего местных киргизов к грабежу иностранных торговых фирм⁵⁶. В частности, в письме утверждалось, что Начальник провинции получил донесение от Начальника Тарбагатайского округа Чжань Цзиннаня, в котором сообщалось о «внезапном» появлении «в пределах русской торговой фактории г. Чугучака» русского делегата, проявляющего «очень большую наглость». Он ежедневно собирал до 1–2 тысяч киргиз на митинги, по мнению китайских властей, с целью «произвести грабеж иностранных торговых фирм». В результате жалоб русских купцов на его действия начальник округа Чжань Цзиннань по соглашению с подполковником Ма Фумином распорядился даже привести в готовность войсковые части и принять необходимые меры по предупреждению возможных беспорядков. Кроме того, Начальник Управления иностранных дел округа вместе с драгоманом и другими лицами посетили факторию, чтобы успокоить население. В связи с этим китайские власти просили российских представителей в Китае – Посланника в Пекине Н.А. Кудашева и российского консула в Чугучаке немедленно «обратить на это внимание»⁵⁷.

Агитаторов было несколько: большевики Яснецов, Афанасий Ботвин и киргиз Хафиз-Кари. Разумеется, ни Яснецов, ни его товарищи никакого отношения к русской торговой фактории в Чугучаке не имели, так как никакими торговыми или промышленными предприятиями здесь не владели.

В своих агитационных речах они апеллировали к беглым киргизам и другим лицам, не имевшим определенных занятий. Не найдя поддержки, Яснецов обратился за содействием к своим товарищам в приграничный пункт Бахты⁵⁸.

В мае 1917 г. Бахтинский исполнительный комитет вместе с представителями «чугучакских народных организаций» направили в Петроград министру иностранных дел П.Н. Миллюкову, министру юстиции А.Ф. Керенскому и председателю Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко телеграмму, в которой критиковали деятельность российского консула в Чугучаке В.В. Долбежева. В телеграмме говорилось: «Долбежев, будучи полным властителем русской фактории, при старой

⁵⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 100.

⁵⁶ Там же. Л. 118.

⁵⁷ Там же. Л. 120.

⁵⁸ Там же. Л. 135.

власти, чинил всякие преступные деяния: оставлял и укрывал по своему усмотрению военнообязанных, [...] в то же время гражданская жена консула Ахматова устраивала разные благотворительные сборы и спектакли, собирала крупные суммы, не давая обществу никаких отчетов о размере сборов и их помещения, имея влияние на консула, она руководила общественной жизнью фактории, в результате чего ее текущий счет в местном банке возрастал тысячами». Кроме того, консул обвинялся в том, что «отнеся с полным пренебрежением к мартовским событиям», задерживал телеграммы о событиях на родине, «под угрозой репрессий» запретил «распространение слухов о событиях», а также в том, что притеснял организованный в Чугучаке союз служащих и рабочих, угрожал увольнениями, высылкой в Россию. В телеграмме также сообщалось об устроенной консулом 31 марта «тайно от народа» «фальшивой» манифестации, «для чего в качестве народа были вызваны несколько десятков киргиз, гарнизону было приказано выстроиться для встречи китайских сановников, служащим консульства было приказано явиться пораньше для исполнения срочных работ». Во время манифестации начались беспорядки, и под угрозой новых выступлений в факторию были вызваны китайские патрули⁵⁹. В результате Бахтинский исполнительный комитет совместно с чугучакскими народными организациями, «находя действия консула Долбежева подрывающими престиж временного правительства за границей и обостряющими отношения служащих и рабочих с предпринимателями, препятствующими к общему объединению», требовали немедленного ареста Долбежева и назначения следствия в отношении его действий⁶⁰.

В свою очередь, и другие общественные организации Чугучака направили телеграммы в Петроград министру иностранных дел, министру торговли и промышленности, в которых обвиняли агитаторов и поддерживавшие их организации в том, что они своей деятельностью роняли достоинство российских граждан за границей и стремились «внести смуту и раздор как среди российских граждан в Чугучаке, так и среди российских граждан и китайского туземного населения». В телеграммах они защищали консула Долбежева и просили министра «не придавать никакого значения жалобам, представленным провокатором Яснецовым и его товарищами» и заявляли «протест против бессмысленных ложных провокаторских жалоб на <...> уважаемого консула Долбежева», а также требовали удаления с русской фактории Чугучака «главных провокаторов-агитаторов Яснецова, Афанасия Ботвина и киргиза Хафиз-Кария»⁶¹.

Между тем чугучакские агитаторы продолжали получать помощь для осуществления своей деятельности. Так, согласно секретной телеграмме советника Четвертого политического отдела МИДа на имя Дипломатического чиновника в Ташкенте и консула в Чугучаке от 13 сентября 1917 г. (за № 4251), исполнительные комитеты в Бахтах и других пограничных пунктах принудили китайских торговцев продать свои товары по сниженным ценам и закрыть торговлю. В связи с этим китайские власти направили очередную жалобу в российское консульство⁶².

⁵⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 94–95.

⁶⁰ Там же. Л. 96.

⁶¹ Там же. Л. 135.

⁶² Там же. Л. 162.

Однако агитаторы продолжали прибывать в Китай, что вызывало резкое недовольство китайских властей. В частности, китайское правительство просило князя Н.А. Кудашева предписать русским консулам в Китае оказывать содействие местным властям «в мерах предупреждения появления в стране большевистских агентов», в распоряжение которых декретом советского правительства от 15 декабря 1919 г. были отпущены крупные кредиты на пропаганду за границей. Однако иногда деятельность общественных организаций и пропаганда со стороны большевиков достигала своей цели и местные китайские власти шли на сотрудничество с победившими в России политическими силами. Как это было, например, в Кульдже, где «была принята с почетом большевистская миссия»⁶³.

Русские общественные организации в других областях Китая

В других областях Китая, где также проживали русские, положение было иным, что было обусловлено удаленностью от российской границы и спецификой состава российской диаспоры.

Так, в Шанхае не было Советов рабочих и солдатских депутатов. Российская колония здесь была невелика, ее состав – неоднороден, большинство российских подданных проживало временно и потому колония не была спаянной и дружной⁶⁴.

Внешний облик и состав русской колонии в Шанхае сильно изменила Первая мировая война и последовавшая за ней русская революция. В течение войны в Шанхае выросло количество русских предпринимателей, а также уполномоченных различных русских общественных организаций и поставщиков правительства. Кроме того, в Шанхае производилась постройка небольших ледоколов для нужд Владивостокского порта. Оживление торговых отношений с Россией в этот период привело к увеличению в Шанхае представителей русского торгово-промышленного класса. Возникла необходимость образования здесь первой общественной организации – Русской торговой палаты «в целях защиты русских торговых интересов в Китае»⁶⁵. Учрежденная при Российском генеральном консульстве, она стала своеобразным центром деловой активности в связи с поставками товаров белым армиям⁶⁶. После получения известий о совершившемся в России перевороте русская колония в Шанхае на общем собрании 8 апреля 1917 г. решила избрать Исполнительный комитет численностью 12 человек. Его цель заключалась в объединении русской колонии и помощи в проведении в жизнь необходимых общественных преобразований. Кроме того, Исполнительный комитет решил принять на себя оказание помощи возвращающимся в Россию политическим эмигрантам и «посильного содействия» в войне с Германией. Следует отметить, что эту организацию также поддержало российское консульство в Шанхае. Кроме того, было решено образовать русское общественное собрание, «где все русские могли бы собираться»⁶⁷.

⁶³ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 243. Л. 250.

⁶⁴ Ван Чжичен. История Русской колонии в Шанхае. М., 2008. С. 19.

⁶⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 308.

⁶⁶ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008. С. 132.

⁶⁷ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 308.

Однако собственно революционных организаций в Шанхае в рассматриваемый период так и не возникло, поскольку основная часть русской колонии подержала белое движение и лишь единицы выражали поддержку революции.

Аналогичная ситуация складывалась в Тяньцзине и Пекине, где проживали на тот момент преимущественно торговцы. Состав русской колонии в Пекине вообще был представлен в основном консульскими служащими и их семьями, а также представителями Русской православной церкви, которые были далеки от поддержки революционных настроений.

Выводы

Таким образом, деятельность русских революционных общественных организаций в Китае в 1917 г. и в последующие годы была довольно активной. Однако это касалось приграничных с Россией территорий Китая – Маньчжурии и Синьцзяна, где сформировались довольно значительные русские колонии. Наибольший размах их деятельность получила в полосе отчуждения КВЖД, что закономерно, так как именно здесь были сосредоточены основные революционизирующиеся слои населения – железнодорожные служащие, рабочие и солдаты. В Синьцзяне же, где основное русское население было представлено крестьянами и торговцами, несмотря на возникновение здесь различных комитетов их деятельность была нацелена на решение главным образом проблем внутренней жизни колонии.

Появление здесь революционных агитаторов вызвало резкое недовольство китайских властей и падение престижа России. В Маньчжурии это привело к постепенной утрате русского влияния на КВЖД и возрастанию авторитета китайского руководства и различных международных сил. В Синьцзяне руководство провинции также неоднократно высказывало свое недовольство по поводу деятельности революционных агитаторов и общественных организаций и нередко направляло протесты российским консулам в провинции и Посланнику в Пекине Н.А. Кудашеву. В итоге с началом Гражданской войны в стране Советов губернатор провинции Ян Цзенсинь принял решение о закрытии границы с Россией, даже несмотря на то, что это привело к прекращению взаимовыгодных двусторонних торговых контактов и к последующему осложнению экономической ситуации в провинции.

Рукопись поступила: 14 августа 2019 г.

Submitted: 14 August 2019

Библиографический список

- Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
- Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1999. 316 с.
- Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.
- Ван Чжичен.* История Русской колонии в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 573 с.
- Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: Изд-во МАДИ, 2000. 188 с.

- Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014. 377 с.
- Ли Иннань. Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история*. 2018. № 6. С. 43–56.
- Наземцева Е.Н. Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.) // *Российская история*. 2015. № 4. С. 51–62.
- Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД в революционное время (1917–1920 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 105 с.
- Ставров И.В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX в. // *Ойкумена*. 2010. № 4. С. 58–64.
- Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.
- Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

References

- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye*. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablova, N.Ye. *Istoriya KVZHD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye (pervaya polovina XX v.)*. Minsk: BGU Publ., 1999 (in Russian).
- Aurilene, Ye.Ye. *Rossiyskaya diaspora v Kitaye. 1920–1950-ye gg.* Khabarovsk: Chastnaya kollektsiya Publ., 2008 (in Russian).
- Goverdovskaya, L.F. *Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoy emigratsii v Kitaye v 1917–1931 gg.* Moscow: MADI Publ., 2000 (in Russian).
- Khodyakov, M.V. “‘Yellow Russia’ of the late XIX – early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite.” *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Krotova, M.V. *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1930-ye gg.)*. St. Petersburg: Asterion Publ., 2014 (in Russian).
- Li Yingnan. “The Centenary of the October revolution in Chinese political, social and scientific thought.” *Russian History*, no. 6 (2018): 43–56 (in Russian).
- Nazemtseva, Ye.N. “How Russian public organizations defended the rights of Russian emigrants to China, 1917 to the early 1920s.” *Russian History*, no. 4 (2015): 51–62 (in Russian).
- Oleynikov, I.V. *Antikrizisnaya deyatel'nost' administratsii KVZHD v revolyutsionnoye vremya (1917–1920 gg.)*. Novosibirsk: NGPU Publ., 2012 (in Russian).
- Stavrov, I.V. “Nekotoryye voprosy adaptatsii rossiyan v Man'chzhurii v pervoy polovine XX v.” *Oykumena*, no. 4 (2010): 58–64 (in Russian).
- Van, Ch. *Istoriya Russkoy kolonii v Shankhaye*. Moscow: Russkiy put' Publ., 2008 (in Russian).
- Yanchenko, D.G., and Starovoytova, Ye.O. “Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy.” *Modern History of Russia* 8, no. 3 (2018): 583–597 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Elena N. Nazemtseva, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], senior researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy of General Staff of the Russian Armed Forces.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>

Научная статья / Research article

Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.)

З.С. Бочарова^а, М.В. Кротова^б

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1; kpzg@mail.ru

^бСанкт-Петербургский государственный экономический университет;
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; mary_krot@mail.ru

The Harbin Polytechnic Institute as a center of Russian science and education in China (1920–1950s)

Zoya S. Bocharova^a, Maria V. Krotova^b

^aLomonosov Moscow State University; 1, Leninsky mountains,
GSP-1, Moscow, 119991, Russia; kpzg@mail.ru

^bSaint-Petersburg State University of Economics;
21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia; mary_krot@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории Харбинского политехнического института (ХПИ) – крупнейшего высшего учебного заведения Китая в период 1920–1940-х гг., созданного русскими эмигрантами для поддержания работы Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Судьбы дороги и вуза были тесно связаны: создание института было инициировано и поддержано железнодорожной администрацией, которая предоставила здание для института в Харбине и выделяла значительные средства на содержание ХПИ. В свою очередь, институт готовил кадры для железной дороги и строительства в Маньчжурии. История Харбинского политехнического института рассматривается в контексте истории Маньчжурии и российско-китайских отношений. За свою почти столетнюю историю институт несколько раз менял название. Зигзаги политической ситуации в Китае приводили к изменениям в структуре управления институтом, содержании образования, преподавательского состава. Исследование опирается на широкую историографическую и источниковую базу. Используются воспоминания выпускников ХПИ, материалы харбинской прессы, неопубликованные документы российских архивов, в том числе Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) и др. Изучение архивных материалов, и прежде всего документов Правления КВЖД и Китайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), отчетов, личных дел преподавателей позволяет показать разные стороны деятельности ХПИ: корпоративную академическую культуру, осо-

© Бочарова З.С., Кротова М.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

бенности студенческого состава, организацию учебного процесса, источники финансирования, прагматический подход СССР в отношении института. В ходе исследования авторы приходят к выводу о том, что Харбинский политехнический институт, основанный в 1920 г., пережив несколько кризисов, доказал свою жизнеспособность и сыграл важную роль в деле укрепления двусторонних связей и развития культурного разнообразия Китая. Институт способствовал сохранению национальной идентичности русской эмигрантской молодежи, ее адаптации и внес значительный вклад в становление системы высшего образования Зарубежной России и Китая.

Ключевые слова: Русско-Китайский политехнический институт (РКПИ), Харбинский политехнический институт (ХПИ), Русское зарубежье, русское высшее образование в Харбине, эмиграция, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), русско-китайские отношения

Для цитирования: *Бочарова З.С., Кротова М.В.* Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 779–803. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>

Abstract: This article analyzes the activities of the largest university in China in the 1920 to 1940s – the Harbin Polytechnic Institute (HPI), established by Russian emigrants to maintain the Chinese Eastern railway (CER). The fates of CER and HPI were closely associated. The establishment of the Institute was initiated and supported by the railway administration, which provided a building in Harbin and offered substantial funds for the maintenance of HPI. In turn, the Institute trained personnel for the railways and construction projects in Manchuria. The article places the history of the Institute in the context of the history of Manchuria and Russian-Chinese relations. Over its history of nearly one hundred years the Institute repeatedly changed its name. The turns in the political situation in China also led to changes in the governing structure of the Institute, in its educational activities and its teaching personnel. The present research builds on a broad historiographical and source base, including memories of graduates of the Institute, items from the Harbin press, and unpublished archival documents. Documents of the Board of CER, reports, personal files of teachers shed light on issues including the Institute's corporate academic culture, its student composition, the organization of the educational process, and its sources of funding, as well as the USSR's pragmatic approach towards the Institute. Established in 1920, the Institute survived several crises. The present case study reveals the role of higher education in strengthening Russian-Chinese relations and cultural diversity of China. In conclusion, the HPI made an important contribution to the preservation of national identity among the Russian youth in China and supported their adaptation. At the same time, it is fair to say that the Institute, and hence Russian emigrés, made a significant contribution to the establishment of a system of higher education in China.

Keywords: Russia Abroad, the Russian higher education in Harbin, emigration, Russian-Chinese relationships

For citation: Bocharova, Zoya S., Krotova, Maria V. "The Harbin Polytechnic Institute as a center of Russian science and education in China (1920 – 1950s)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 779–803. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>

Введение

Интерес к «восточной ветви» российской эмиграции и ее учебным заведениям продиктован присутствием многочисленного населения бывшей Российской империи в Китае, и прежде всего в Маньчжурии, своеобразием его правового положения, особенностями организации русской жизни, взаимоотношений с местным населением и властями. Особо следует отметить также культуртрегерскую роль русских в регионе, нуждавшемся в стабилизации и экономическом развитии. Но не только. Пожалуй, ни в какой другой стране внешнеполитическая конъюнктура, характер международных отношений не играли столь доминантную роль, как здесь.

Особое место в жизни российской эмиграции занял Харбин – научный, культурный и административный центр. С момента своего основания в 1898 г. Харбин формировался как русский город, жизнь которого сосредоточивалась вокруг Китайско-Восточной железной дороги, которая управлялась Правлением Общества КВЖД, базировавшемся в Петербурге. В Харбине – «столице» полосы отчуждения – находилось в тот период гражданское Управление КВЖД и Харбинское общественное управление. После революции русская колония в Харбине значительно увеличилась в связи с потоком беженцев, и город стал одним из центров русской эмиграции, убежищем, где спасались от большевистских преследований политические и военные деятели, предприниматели и коммерсанты. В результате после революции здесь оказалась существенная доля людей с высоким образовательным и культурным уровнем – военные, инженеры, ученые, журналисты, которые организовали учебные заведения, предприятия, привнесли в Харбин интенсивную интеллигентную жизнь. Они выступили инициаторами создания высшей школы в Харбине, которой не было до этого в Маньчжурии.

История высшей школы в Харбине отразила сложную политическую ситуацию в Маньчжурии после 1917 г. В 1918 г. КВЖД перешла в ведение Международного железнодорожного комитета и перестала быть русской железной дорогой, хотя русские продолжали здесь оставаться на службе. В довершение в 1920 г. декретом Президента Китайской республики русские в Маньчжурии были лишены права экстерриториальности и должны были впредь во всех отношениях подчиняться китайским властям и законам. Изменилось управление дорогой. Полоса отчуждения КВЖД стала называться «Особый район восточных провинций» (ОРВП), во главе которого стоял китайский Главнначальствующий. В результате трудных и затянутых переговоров СССР и Китай согласились в 1924 г. эксплуатировать дорогу на совместных, паритетных началах как «чисто коммерческое предприятие». По договору 1924 г. служить на дороге могли лишь китайские и советские граждане. Места эмигрантам на КВЖД не оставалось. Дальнейшие события – советско-китайский конфликт на КВЖД в 1929 г., оккупация Японией Маньчжурии в 1931–1932 гг., «уступка Маньчжоу-го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД)» (фактическая продажа КВЖД Японии) – привели к сокращению численности русской колонии. Судьба КВЖД определила и направления развития высших учебных заведений Харбина.

Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена научной и практической значимостью темы, необходимостью изучения опыта и роли образовательного, кадрового потенциала российской эмиграции в регионе, изменения соотношения по мере его реализации цивилизационных и сугубо эмигрантских задач, в том числе по сохранению национальной идентичности, важности влияния внешнеполитического фактора и характера политических режимов на организацию и деятельность учебных заведений. Харбинский политехнический институт стал предметом научного исследования историков, поскольку занял особое место в ряду других учебных заведений, а русские эмигранты дали такой импульс его развитию, который позволил существовать вузу до сего времени.

История института интересна и с точки зрения сотрудничества в зоне культурного пограничья. Выпускники этого вуза разлетелись по миру, реализовав себя на профессиональном поприще, стали основателями новых научных школ, направлений, способствовали экономическому прогрессу стран проживания.

Историографический анализ показывает, что изучение истории русских учебных заведений в Китае имеет давнюю традицию. В разное время на протяжении 1920–1930-х гг. в Харбине существовали семь вузов, история которых рассматривалась как отечественными, так и зарубежными специалистами, в том числе в контексте истории Маньчжурии межвоенного периода¹. Харбинскому политехническому институту посвящен целый ряд научных работ, среди которых статьи выпускников вуза, а также их воспоминания². В научный оборот введен широкий круг опубликованных источников.

В частности, Г.И. Каневская через призму судеб выпускников проследила тенденции развития института и обосновала документальную ценность воспоминаний, несмотря на субъективный характер источника³. Материалы журнала «Политехник», который издавали выпускники ХПИ, были положены в основу статьи А.Ю. Мещерякова и О.К. Антропова. Авторы, заявив методы постструктурализма, попытались кратко представить векторы становления и развития ХПИ на более чем 50-летнем хронологическом отрезке времени⁴. Н.В. Хисамутдинова на осно-

¹ *Лазарева С.И., Штильва А.Н.* Русские школы и вузы в Маньчжурии 20–30-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 10–20; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007; *Орнацкая Т.А.* Деятельность юридического факультета в Харбине в 1920–1937 гг. // Право и образование. 2016. № 4. С. 148–156; *Хисамутдинов А.А.* Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291; Он же. Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование. 2016. № 3. С. 105–113; *Bakich O.* Russian Education in Harbin: 1898–1962 // Записки русской академической группы в США. New York, 1994. С. 269–294; *Bakich O.* Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York; Paris, 2002; *Blaine R.* Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–29. Vancouver, Toronto, 2010; *Gruner F., Ben-Canaan D.* Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China. Cham, Heidelberg, New York, 2014; *Gruner F.* Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World. Lanham: Lexington books, 2013. P. 183–205; *Matsuzato K.* Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945. Lanham, 2017.

² *Автономов Н.П.* Высшая школа в Харбине. К истории ее возникновения // Харбинские коммерческие училища КВЖД. 1960. № 7. С. 26–33; *Анчугова Н.А.* О транспортно-экономическом факультете ХПИ // Русская Атлантида. 2009. № 35. С. 31–35; *Верижская Т.П.* Судьба моя – восточный факультет // Русская Атлантида. Челябинск, 2001. № 7. С. 39–42; *Гинце М.М.* Воспоминания о ХПИ (1948–1952) // Русская Атлантида. 2003. № 10. С. 37–46; *Зубарева Л.* Воспоминания о ХПИ // На сопках Маньчжурии. Новосибирское отделение ассоциации «Харбин». 1994. № 11. С. 5; *Маркизов Л.П.* Институт Св. Владимира и Политехнический в 1934–1938 гг. // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.). М., 1998. С. 43–45; *Vinocuroff V., Kamensky Yu.* Russian engineers in Australia. Melbourne, 1996.

³ *Каневская Г.И.* Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2010. № 2. С. 25–33; *Она же.* Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников // Рубеж: Тихоокеанский альм. Владивосток, 1998. № 3 (865). С. 309–316.

⁴ *Мещеряков А.Ю., Антропов О.К.* Харбинский политехнический институт в 1920–1976 гг. // Манускрипт. 2019. № 6. С. 68–72.

ве материалов русскоязычной прессы Китая, США и Австралии в своей работе показала преимущество традиций русского высшего инженерного образования в Китае⁵. А.А. Китунин в диссертации «Развитие высокоскоростного железнодорожного движения в КНР (XX–XXI вв.)» еще раз совершенно справедливо доказал значимость КВЖД для колонизации Маньчжурии. Он показал, что факты свидетельствуют о большом вкладе России в развитие экономики и культуры региона. Приведя высказывание очевидца событий, выпускника Харбинского политехнического института Г.А. Мыслина, внука одного из руководителей строительства КВЖД, автор пишет: «Если это и была *колониальная* политика, то такая политика, которая поднимала образовательный, культурный уровень аборигена до уровня пришельца»⁶. В работе обозначен вклад ХПИ в подготовку квалифицированных инженеров-путейцев из числа иностранных и местных молодых людей.

Цель данной статьи – изучить место Харбинского политехнического института в жизни Зарубежной России и его роль в образовательном пространстве Маньчжурии, показать вклад выпускников вуза, наших соотечественников, создавших диаспоральное сообщество за рубежом, в развитие экономики и культуры региона.

Дополнительный корпус источников, наряду с обобщением накопленного материала, позволяет развить тему, реконструировать достаточно полную картину истории ХПИ, рассмотреть проблему в различных ракурсах. Источниковую базу настоящей статьи составили материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), материалы харбинской прессы. Изучение архивов и периодической печати позволило проанализировать преподавательский и студенческий состав вуза, учебные программы, выявить политическую конъюнктуру и атмосферу его жизнедеятельности, подробно осветить все этапы развития и показать, насколько тесно судьба ХПИ была переплетена с жизнью Северо-Восточного Китая, России/СССР.

Становление Харбинского политехнического института

Первоначально институт назывался Русско-китайский политехнический институт (РКПИ). Название «Харбинский политехнический институт» он получил позже. Институт пережил несколько трансформаций под влиянием международной ситуации, когда он в разное время был под контролем Китая, СССР, Японии. Однако на протяжении трех десятков лет огромную роль в создании, администрировании, материальном обеспечении, образовательной деятельности института играл русский фактор.

Институт вырос из русско-китайского техникума, решение об открытии которого было принято на организационном собрании инициативной группы из числа русских инженеров 5 сентября 1920 г. Почетным председателем собрания был избран генерал Сун Сяолян – председатель Правления Общества КВЖД. Собрание

⁵ *Хисамутдинова Н.В.* Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 204–212.

⁶ *Китунин А.А.* Развитие высокоскоростного железнодорожного движения в КНР (XX–XXI вв.): дис. ... к.и.н. СПб., 2019. С. 48–50, 171–172.

постановило создать «Общество по учреждению Русско-Китайского техникума в Харбине» для русских и китайских слушателей с преподаванием на русском языке. Был принят Устав Общества, который на основании определения Пограничного окружного суда от 7 сентября 1920 г. под № 50 был внесен в реестр обществ и союзов, не имевших своей целью извлечение прибыли⁷.

Техникум открылся 17 октября 1920 г. Его главной задачей стала подготовка кадров по строительству и обслуживанию КВЖД. 2 апреля 1922 г. техникум был преобразован в Русско-китайский политехнический институт. Обе даты считаются днем основания института: китайцы годом основания института считают 1920 г., русские – 1922 г., когда РКПИ стал высшим учебным заведением.

Правление Общества и Управление КВЖД предоставили техникуму в 1920 г. здание бывшего Российского императорского консульства в Новом городе (главный корпус), двухэтажное здание Торговой школы и одноэтажный корпус с оборудованной механической мастерской. Официальный адрес техникума, потом института, значился так: Харбин, Новый город, Правленская улица, 43.

В 1921 г. было открыто Техническое училище для подготовки главным образом детей служащих КВЖД для работы на дороге в качестве младшего технического персонала. Директором техникума стал инженер А.А. Щелков. Благодаря выделяемым КВЖД средствам, наплыву желающих учиться, высококвалифицированному преподавательскому составу техникум быстро развивался, и было решено преобразовать его в Русско-Китайский Политехнический институт.

Со следующего, 1922 г., в институте велось обучение инженеров на двух отделениях – дорожно-строительном (декан – инженер путей сообщения П.Ф. Козловский) и электромеханическом (декан – проф. С.Н. Петров). Курс обучения был рассчитан на пять лет. Институт был организован с расчетом на то, что выпускники пригодятся новой, постбольшевистской России. В харбинском журнале «Студенческая жизнь» в феврале 1923 г. в редакторской статье подчеркивалось: «Нельзя ожидать, чтобы возобновление русской государственности совершилось легко и незаметно. Оно потребует много сил и работы, что почти целиком ляжет на плечи молодого поколения, пред которым расстилается широкая и далекая жизненная дорога, и пройти ее нужно с честью, во славу русского имени. ...Необходимые для этого старания и приобретенные знания получают, таким образом, первостепенное значение и являются долгом молодых людей, любящих свою родину и свой народ... Русская эмигрантская молодежь, рассыпанная по всем углам мира, среди чужих народов, уже научилась любить свое отечество. У нее пробудилось и желание быть полезной своей родине, возрождение которой представляется несомненным. Молодежь охвачена жаждой ученья, стараясь использовать время своего изгнания, чтобы потом во всеоружии выступить на жизненный путь, который одновременно является и путем родной страны. Ну, с Богом!»⁸.

Для организации института было создано Общество (Комитет) по учреждению (потом «по заведованию») РКПИ, которое являлось гласным коллегиальным

⁷ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 21–24.

⁸ Студенческая жизнь. 1923. № 1. С. 2.

органом, ведавшим материальной стороной и всем личным составом института. До 1928 г. Институт состоял в его ведении, а также избираемого этим Обществом Правления. На нем лежали организационные и административные функции, сношения с Управлением КВЖД. В состав Правления Общества, председателем которого стал Н.Л. Гондатти, входили 14 членов и 6 кандидатов – представители КВЖД, местной власти, Харбинского общественного управления, Биржевого комитета и других авторитетных организаций, ученые, инженеры, это были и русские, и китайцы. Так, в 1923 г. в Правление института входили: Н.Л. Гондатти, П.Ф. Козловский, В.К. Калабановский, Н.М. Обухов, М.И. Степунин, А.Х. Калина, Ян Чжо, Чен Хань. В Ревизионный комитет были выбраны: Л.С. Иванов, В.А. Барри, П.А. Шульце, К.А. Штенгель⁹.

«Положение о Русско-Китайском Политехническом Институте в городе Харбине» было рассмотрено общим собранием членов Общества по управлению РКПИ 30 марта 1924 г., затем Академическим советом 3 мая и утверждено Правлением Общества по управлению РКПИ 12 июня 1924 г.¹⁰ Управлялся Институт директором техникума/института, которого, согласно Положению о Русско-Китайском институте в Харбине 1924 г., избирало Правление Общества. Таковым стал инженер путей сообщения А.А. Щелков, «сумевший создать атмосферу успешного сотрудничества администрации, преподавателей и студентов, что и обеспечило высокую репутацию института среди русской и китайской общественности»¹¹.

В первом разделе Положения были обозначены цели института: «а) дать учащимся в нем высшее техническое образование, б) путем научно-технической деятельности Академической коллегии способствовать научно-техническому прогрессу». Также было указано, из чего слагаются средства института: из «а) платы за правоучение со студентов института, б) субсидии институту от Китайской Восточной железной дороги, Харбинского общественного управления, биржевого комитета и пр., в) поступлений от продажи лекций, изделий мастерских, платы за медицинское освидетельствование и держание вступительных экзаменов в институт, пожертвований и прочие поступления»¹².

РКПИ существовал преимущественно на субсидии КВЖД, впрочем, как и другие вузы Харбина¹³. Не случайно решающую роль в создании и деятельности института сыграло не только Правление, но и Управление КВЖД во главе с управляющим дорогой инженером путей сообщения Б.В. Остроумовым.

Борис Васильевич Остроумов (1880–1944) окончил Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге (1902), работал на Бухарской, Южно-Сибирской железных дорогах, с 1 февраля 1921 г. – в качестве Управляющего КВЖД. Но 3 октя-

⁹ Русский голос. 1923. № 731.

¹⁰ Положение о Русско-Китайском политехническом институте в Харбине. Харбин, 1924. С. 3.

¹¹ Каневская Г.И. Русский Харбинский политехнический институт... С. 26.

¹² Положение о Русско-Китайском политехническом институте в Харбине... С. 3–4.

¹³ Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае... С. 106; Ратманов П.Э. Высшая русская медицинская школа в Харбине (1921–1925 гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2008. № 2. С. 125–127.

бря 1924 г. был уволен с этого поста «вследствие несоответствия общему направлению деятельности Правления»¹⁴.

Формально будучи частным учебным заведением, институт по существу был учебным заведением КВЖД, имевшим назначение, в первую очередь, «обслуживать нужды КВЖД»¹⁵. На этом основании дорога оплачивала отопление, освещение, ремонт и содержание зданий института. Например, при смете на 1920/1921 учебный год, исчислявшейся суммой 40 тыс. золотых рублей, субсидии КВЖД составили 20 тыс. золотых рублей, а в 1923 г. – 75 тыс. при смете 125 тыс.¹⁶ Студентам предоставлялись заграничные командировки для совершенствования их образования. Была учреждена стипендия имени генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата в размере 300 рублей, иногородним предоставлялось общежитие. В ряду «прочих поступлений» на содержание института можно назвать членские взносы, субсидии разных учреждений, доходы от лотерей, публичных лекций и т.п.¹⁷ Плата за обучение составляла 300 золотых рублей в год и 200 – для лиц льготных категорий.

С самого своего основания институт стал местом, где получали техническое образование также и китайцы, численность которых в 1923 г. составляла более 20 % и потом постепенно увеличивалась¹⁸. Передовая газеты «День Политехника» в ноябре 1924 г. отмечала: «Русско-китайский – это естественно: ведь сам Харбин – это стык, это спай двух великих народов. Здесь нужно жить вместе. И учиться вместе. А главное, учиться жить вместе». Инженер В.К. Калабановский здесь же пожелал студентам-политехникам следующее: «Не забывая своего происхождения и не теряя связи с родиной, питайте благодарность и уважение к тому народу, на гостеприимной земле которого возник и продолжает развиваться наш институт»¹⁹.

Для китайских студентов начиная с 1920 г. был учрежден подготовительный класс, где они осваивали русский язык и предметы, необходимые для дальнейшего поступления в вуз. Первоначально в классе училось 12 китайцев, к 1924 г. количество китайских студентов возросло до 71 человека. К 1925/1926 учебному году на курсах появилось младшее подготовительное отделение, куда принимались китайцы, окончившие китайскую среднюю школу и выдержавшие экзамен по математике, а также среднее и старшее отделение, где китайцам необходимо было сдать экзамены по русскому языку, математике и графическому искусству. В течение трех лет в этих классах опытные русские и китайские преподаватели готовили китайских юношей к поступлению на 1 курс института: для этого они должны были свободно говорить и писать по-русски, усвоить физику и математику в пределах программ средней школы, уметь чертить и рисовать. На подготовительных курсах плата составляла 150 и для льготных категорий – 100 золотых рублей в год. Китайская администрация учредила стипендии для китайских

¹⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3892. Л. 3 об.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 6–6 об.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Устав Общества по заведованию в Харбине Русско-Китайским политехническим институтом. Харбин, 1922. С. 4.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 5.

¹⁹ День политехника. Однодневная студенческая газета. Харбин. Ноябрь 1924. С. 1.

юношей, направлявшихся из провинции в институт для получения образования. Число таких студентов в 1926 г. достигало 70 человек²⁰. О значении этих классов говорил заведующий подготовительными курсами ХПИ С.Н. Усов: «Завязывается тесная личная и деловая связь молодых представителей китайской и русской интеллигенции, являющейся прообразом и немаловажным фактором истинной дружбы двух великих наций»²¹.

Программа РКПИ соответствовала программе Петербургского института инженеров путей сообщения. Второй раздел «Положения о РКПИ» дает представление о программе института. В частности, на дорожно-строительном отделении преподавались высшая математика, начертательная геометрия, физика, химия, теоретическая механика, геодезия, изыскания и постройка железных дорог, содержание и эксплуатация железных дорог, воздушные пути сообщения, торговля Дальнего Востока, плотнично-столярное ремесло, богословие (необязательный курс), всего – 37 дисциплин. На электромеханическом читалось 39 основных курсов (часть из которых дублировала курсы, которые преподавались на дорожно-строительном отделении), а также специальные – отопление и вентиляция, двигатели внутреннего сгорания, трамвай и освещение, телеграф и телефон и др.²²

Личный состав института назначался из лиц, окончивших университет или высшее техническое учебное заведение и имевших значительный технический, практический или научный стаж. Если претендент не имел двухлетнего опыта чтения лекций, то должен был прочитать пробные: одну на тему, предложенную Академическим комитетом, другую – по собственному выбору²³. О преподавательском составе в начальный период можно судить, изучив расписание экзаменов на дорожно-строительном и электромеханическом отделениях РКПИ в мае-июне 1923 г.²⁴ Алгебру, высшую математику и физику преподавал Ф.Н. Индриксон, тригонометрию – Н.А. Гейкинг, химию – Г.А. Житов, геодезию – директор института проф. А.А. Щелков, начертательную геометрию и мосты – П.Н. Радищев, аналитическую геометрию и статику сооружений – С.А. Савин, теоретическую механику и сопротивление материалов – С.Н. Петров, детали машин и паровые машины – М.П. Извеков, гидравлику и электротехнику – Н.М. Обухов, основания и фундаменты – Д.А. Борейко, строительное искусство, архитектура/сметы, водоснабжение, архитектурные формы – Ф.Ф. Ильин, мосты – Ю.О. Григорович, детали машин – Н.К. Пафнутьев, электротехнику – Головщиков, изыскания железных дорог – П.Ф. Козловский, железные дороги – Л.А. Устругов, железобетон – В.А. Барри, водяные сообщения, портовые сооружения – Н.С. Кислицын, торговлю Дальнего Востока – В.И. Сурин, орошение и осушение – А.А. Глебов, английский язык – Я.А. Здыб и Н.М. Обухов, китайский язык – С.Н. Усов.

В институте велась интенсивная исследовательская и академическая работа, издавались «Известия и труды Русско-китайского политехнического институ-

²⁰ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 3.

²¹ День политехника... С. 3.

²² Положение о Русско-Китайском политехническом институте в Харбине... С. 4–5.

²³ Там же. С. 6.

²⁴ РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

та» (всего шесть томов)²⁵, выпускались сборники лекций по отдельным дисциплинам, которые отчасти компенсировали нехватку учебников²⁶.

Четвертый раздел «Положения о РКПИ» определял категории учащихся, которые допускались к поступлению. Специально оговаривалось, что на обучение принимались лица обоего пола, а также имевшие аттестаты или свидетельства об окончании курса в высших учебных заведениях, окончившие гимназии, реальные, коммерческие училища и другие средние учебные заведения, программа которых признавалась Советом института достаточной для поступления. Предпочтение отдавалось абитуриентам, окончившим вузы. В случае образования конкурса проводился экзамен по математике и физике в пределах программы средней школы²⁷.

Первый набор в институт составил 110 студентов. В 1923/1924 учебном году в вузе числилось 278 студентов (в том числе 45 китайцев); 31 человек обучался на подготовительных курсах. В 1924/1925 учебном году обучалось уже 374 студента (из них 57 китайцев), а на подготовительных курсах – 71 человек. В 1925/1926 учебном году соотношение обучающихся составило соответственно: 420, 63 и 71 человек²⁸. Таким образом, налицо была положительная динамика численности студентов.

С 1922 г. было введено обязательное посещение лекций: студенты, не посетившие более 30 % лекций в течение года, не допускались к переводным экзаменам. В летнее время студенты проходили обязательную практику на КВЖД: студенты дорожно-строительного отделения – в службе пути, начиная с ремонтных рабочих до дорожных мастеров, в службе эксплуатации – на должностях весовщиков, составителей поездов, помощников таксировщика, кассиров; студенты электромеханического отделения – в службе телеграфа, в железнодорожных мастерских или депо в качестве слесарей, монтеров, кочегаров, помощников машинистов.

Первый выпуск института состоялся осенью 1924 г. Выпускники дорожно-строительного отделения должны были сдать четыре экзамена по предметам «Строительная механика», «Мосты», «Железные дороги», «Гидротехника», а также защитить четыре дипломных проекта по мостам, архитектуре, железным дорогам и гидротехнике. В этом первом выпуске 6 человек были удостоены звания инженера путей сообщения, во втором – в январе 1925 г. – 16 человек. Осенью 1925 г. состоялся первый выпуск электромеханического отделения, звание инженера-электрика тогда получили 20 человек. В государственную экзаменационную комиссию под председательством помощника управляющего КВЖД входили директор института, деканы факультетов, преподаватели-экзаменаторы, представители КВЖД и китайского правительства. Дипломы первых выпусков РКПИ также подписывались представителем Общества русских инженеров, куда входили «старые» инженеры, получившие образование в высших технических учебных заведениях Российской империи.

Выпускники, удостоенные звания инженера путей сообщения, могли производить разного рода строительные работы по постройке железных, шоссейных

²⁵ *Обухов Н.М.* Известия и труды Русско-китайского политехнического института. Харбин, 1923–1934.

²⁶ *Хисамутдинов А.А.* Русское высшее образование в Китае... С. 280.

²⁷ Положение о Русско-Китайском политехническом институте в Харбине... С. 8–9.

²⁸ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 8; День политехника. Харбин. Ноябрь 1924. С. 7.

и грунтовых дорог, мостов и гидротехнических сооружений, составлять проекты зданий и сооружений, заведовать эксплуатацией этих зданий. Выпускники, получившие звание инженера электрика-механика, имели право производить работы по проектированию машин и сооружений по механической и электротехнической специальностям, заведовать эксплуатацией этих сооружений. Одновременно выпускники обоих отделений имели право занимать должности штатных преподавателей как в высших технических, так и в средних учебных заведениях.

Под советско-китайским управлением

С установлением в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем и переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление произошли изменения в административном и преподавательском составе института. Председатель Правления Общества по заведованию РКПИ Н.Л. Гондатти в октябре 1924 г. был арестован китайскими властями вместе с Управляющим дорогой Б.В. Остроумовым. Одиннадцать месяцев они провели под арестом и были освобождены лишь после суда осенью 1925 г.

1 мая 1925 г. председателем правления Общества по заведованию РКПИ был избран генерал от инфантерии Чжу Цинлань, товарищами председателя стали инженер Фань Цигуань, Ли Шаоген, инженер путей сообщения В.К. Калабановский, секретарем – инженер путей сообщения П.Ф. Козловский. Ректором института был назначен инженер путей сообщения Л.А. Устругов, подавший к тому времени заявление о принятии в советское гражданство.

После 1924 г. плата за обучение для лиц, не имевших гражданства СССР или Китайской Республики, была повышена до 400 золотых рублей в год (200 рублей платили студенты с советским или китайским гражданством, находившиеся на иждивении служащих и пенсионеров КВЖД, лиц академического персонала и служащих института; для остальных студентов плата составляла 300 рублей в год)²⁹. От платы за учебу никто не освобождался, но Правление Общества по заведованию РКПИ оказывало помощь нуждавшимся в виде долгосрочных ссуд, для чего выделялся ежегодный кредит в сумме до 12 тыс. золотых рублей³⁰. Ссуды выдавались особой комиссией, состоявшей из академического персонала и студентов – представителей комиссии взаимопомощи, и должны были быть возвращены на льготных условиях.

В 1925 г. был издан приказ по КВЖД, согласно которому лица, окончившие институт, не могли пользоваться правами инженеров. Приказ был отменен только в 1929 г. во время советско-китайского конфликта³¹.

Преподавать в РКПИ теперь могли только люди с советским и китайским гражданством. Часть преподавателей подали заявления в Генконсульство СССР в Харбине о «восстановлении советского гражданства». Всем подавшим ходатайство о восстановлении гражданства были выданы квитанции от консульства, и до полу-

²⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 109.

³⁰ Там же. Л. 184.

³¹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 141.

чения советского гражданства они числились как «квитподданные» и относились к советским гражданам. Несколько преподавателей приняли китайское гражданство, часть осталась эмигрантами. Из 50 человек академического персонала (23 профессора и доцента, 27 преподавателей и руководителей) 10 человек имели паспорта СССР, 14 человек были «квитподданными», 13 русских преподавателей и 3 китайца имели китайское гражданство, 10 человек оставались в статусе эмигрантов³².

К 1926 г. в РКПИ было учреждено 17 кафедр, из них 5 – общеинститутских. Заведующие кафедрами по должности стали именоваться профессорами. Деканом инженерно-строительного факультета был инженер, профессор П.Ф. Козловский (китайский подданный), деканом электротехнического факультета – С.Н. Петров («квитподданный»). Бывший ректор РКПИ профессор А.А. Щелков, оставшийся эмигрантом, тем не менее, был директором Технического железнодорожного училища. Институт аспирантов в 1926 г. насчитывал 14 человек. Некоторые получили командировки в США и Германию.

28 февраля 1927 г. на заседании Правления Общества по заведованию Русско-китайским политехническим институтом было утверждено Положение о РКПИ в Харбине, где были прописаны содержание и условия обучения в институте³³. На двух факультетах – дорожно-строительном и электромеханическом – учебный курс длился пять лет, из них четыре года отводилось теоретическим курсам и курсовым проектам, пятый год – на подготовку дипломной работы. В летние месяцы студенты должны были проходить производственную практику.

Ректор назначался Правлением Общества по заведованию РКПИ, помощником ректора должен был быть китаец, хорошо знающий русский язык. Деканы назначались Правлением общества на три года из числа профессоров. Учебной и научной жизнью руководил Академический совет института, состоявший из всех профессоров РКПИ, собиравшийся не реже двух раз в семестр. Исполнительным органом Академического совета, который собирався не реже двух раз в месяц, был академический комитет под председательством ректора, в который входили деканы факультетов и по одному представителю от каждого факультета (избиравшиеся на три года). Институт издавал свой научный журнал «Высшая школа в Харбине»³⁴.

Увеличение числа обучающихся и развитие учебно-вспомогательных учреждений потребовали ежегодного расширения помещений института. В 1920 г. КВЖД предоставила техникуму здания площадью 1251 кв. м; к 1927 г. площадь зданий достигла уже 8053 кв. м, а площади, используемые под подготовительные классы, выросли почти в 26 раз (с 23 кв. м в 1921 г. до 592 кв. м в 1927 г.)³⁵. С 1926 г. Правление КВЖД стало выдавать более значительные ежегодные субсидии РКПИ, сумма которых, включая оплату освещения, отопления и ремонта зданий, составляла соответственно (в рублях): в 1926 г. – 177 788,23 (при смете 250 тыс.), в 1927 – 156 822,99, в 1928 – 149 030,94, в 1929 – 251 598, в 1930 – 256 153³⁶. То есть к 1928 г. сумма сократилась

³² РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 149–150.

³³ Там же. Л. 110–121.

³⁴ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 5–5 об.

³⁵ Там же. Л. 5.

³⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 10 а.

в 1,2 раза, а затем увеличилась почти в 1,7 раза. Пик субсидирования института пришелся на 1929–1930 гг., так как в этот период благодаря экономической конъюнктуре доходы КВЖД были максимальными за все время существования.

Новый период в истории института начался в 1928 г. Приказом Главного начальствующего Особого района восточных провинций (ОРВП) генерала Чжан Хуансяна от 4 февраля 1928 г. «в целях установления твердого порядка в области народного просвещения» Русско-китайский политехнический институт (РКПИ) был переименован в Политехнический институт Особого района восточных провинций (ОРВП)³⁷. Он перешел в ведение местной китайской администрации ОРВП. Чжан Хуансян стал исполнять обязанности ректора института. После этого Правление КВЖД прекратило оказание помощи институту, поскольку изменилось его правовое положение. Институт становился китайским казенным высшим учебным заведением³⁸, хотя на учебную жизнь это обстоятельство никак не повлияло.

20 октября 1928 г. было заключено Соглашение об институте между Мукденским провинциальным правительством и Правлением КВЖД, подписанное представителем Провинциального правительства Трех Восточных провинций Лю Чжэ и представителем правления КВЖД и.о. товарища председателя Правления КВЖД А.И. Геккером³⁹. Соглашение закрепляло, что Харбинский политехнический институт стал китайско-советским предприятием, которое субсидировалось из средств КВЖД.

ХПИ находился в ведении особого комитета образовательных учреждений под наблюдением Главного начальствующего ОРВП. Было организовано Правление по заведованию институтом на паритетных началах. Для непосредственного руководства и выполнения административных функций, направления академической и хозяйственной жизни назначался ректор института китайской национальности и проректор из числа граждан СССР. Средства, отпускаемые для института по постановлению Правления КВЖД, находились в совместном распоряжении китайской и советской частей Правления института. Все распоряжения и финансовые операции института должны были визироваться двумя подписями – ректора и проректора.

30 октября 1928 г. было организовано новое Правление ХПИ, состоявшее из 10 членов: по 5 человек от Мукденского провинциального правительства Трех Восточных провинций и от советской части Правления КВЖД. Председателем Правления ХПИ стал маршал Чжан Сюелян, товарищем председателя – В.Г. Чиркин. Правление назначило ректора института китайской национальности – Лю Чжэ и проректора института – советского гражданина инженера Л.А. Устругова.

По настоянию советской стороны в соглашение был включен пункт о необходимости «улучшения профессорского состава за счет привлечения советских и китайских профессоров и лекторов», а также положение об изменении программ института, приближении их «к требованиям современной жизни»⁴⁰. Административные вопросы находились в ведении Канцелярии института и инспектората; вопросами хозяйственной жизни и строительства ведал Хозяйственный коми-

³⁷ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 49.

³⁸ Там же. Л. 1–1 об.

³⁹ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 54.

⁴⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 2.

тет; учебными вопросами – Совет профессоров (вместо Академического совета) и совет факультетов (вместо академического комитета). Дорожно-строительный факультет стал именоваться инженерно-строительным. В институте на равных условиях могли обучаться граждане Китайской республики и СССР, причем количество китайских и советских студентов должно было быть одинаковым, так же, как и правила приема для тех и других⁴¹. Но к началу 1928/1929 учебного года на двух факультетах (инженерно-строительном и электротехническом) обучалось 815 человек, из них только 85 китайцев⁴².

Студенты ХПИ с гордостью называли себя политехниками – новыми строителями жизни. Хотя учиться в институте было очень трудно: лекции и занятия проходили с 9 до 15 часов ежедневно, к ним добавлялись лабораторные работы по вечерам в электротехнической, паротехнической, испытательной, химической, теплофизической лабораториях, геодезическом кабинете, кабинете электрической связи (от 6–12 часов в неделю). Был также технический кружок. Летом – практика, работа на КВЖД или предприятиях. В году было три сессии – осенью, зимой и весной (около месяца). Всего за годы обучения студент должен был сдать 75 экзаменов⁴³. Наряду с учебной кипела и внеаудиторная жизнь, проводились вечера, выпускалась газета. Существовала касса взаимопомощи, работал выборный студенческий орган – Совет курсовых старост (старостат). Вся студенческая жизнь регламентировалась «Положением о совете курсовых старост», утвержденным Правлением Общества⁴⁴.

К 1930 г. ХПИ занимал несколько помещений в Новом городе: здание бывшего Российского генерального консульства (1365,7 кв. м), бывшей торговой школы (2731,4 кв. м), бывших мастерских железнодорожного училища (682,8 кв. м), а также два деревянных флигеля площадью около 228 кв. м. За зданием Железнодорожного собрания было построено общежитие, частично на средства, выделенные Главнначальствующим ОРВП. Здесь жили, в основном, китайские студенты. Общая стоимость зданий оценивалась в сумму около 400 тыс. рублей. После наплыва учащихся в 1928 и 1929 гг. было решено расширить здания и надстроить уже имеющиеся, для чего Правление КВЖД выделило в декабре 1929 г. 99 тыс. рублей. После советско-китайского вооруженного конфликта все здания ХПИ считались принадлежавшими КВЖД⁴⁵. При институте были созданы необходимые лаборатории, столярные и слесарные мастерские для практических занятий, техническая библиотека с читальным залом, музей учебных пособий.

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г., смена после конфликта советского руководства КВЖД изменили обстановку в ХПИ. Большинство преподавателей не стали увольняться с работы во время конфликта, как того требовали профсоюзные активисты, и вышли на занятия в октябре 1929 г. Такое поведение советская сторона посчитала «предательским», и после окончания конфликта в 1930 г. многим «квитподданным» преподавателям Генконсульство СССР в Харбине официально отказало

⁴¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 2.

⁴² Политехник. Однодневная студенческая газета. Харбин. 1929. 25 марта. С. 1.

⁴³ Шматов Е. Школа труда // Политехник. Харбин. 1929. 25 марта. С. 2.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 5.

⁴⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 405. Л. 5.

в получении советского гражданства, в результате люди оказались в статусе эмигрантов. Часть из них вынуждена была уехать из Харбина, другая – уволиться. Один из основателей Политехнического института в Харбине, декан дорожно-строительного факультета П.Ф. Козловский (1887–1949) после 1924 г. принял китайское подданство. Во время советско-китайского конфликта он стал помощником Управляющего КВЖД, «правой рукой» врио Управляющего КВЖД Фань Цигуаня. По окончании конфликта, в 1930 г., Козловский был вынужден переехать во Францию, где в 1931 г. становится одним из основателей Русского высшего технического института в Париже и даже действительным членом Французской академии наук. Перед началом Второй мировой войны П.Ф. Козловский перебрался в Японию.

Советским руководством был поставлен вопрос о реорганизации института. В справке для Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), составленной в апреле 1930 г. Правлением КВЖД, указывалось: «Местный вуз – Политехникум в Харбине совершенно не удовлетворяет требованиям, предъявляемым советской властью к вузам, и количество действительно полезных и лояльно относящихся к СССР абитуриентов его так ничтожно, что совершенно не оправдывает отпускаемых в виде субсидии сумм». Предлагалось прекратить субсидию ХПИ или значительно сократить ее, а на полученную экономию выдавать стипендии для обучающихся в СССР. При условии дальнейшего субсидирования ставилась задача «провести решительную реорганизацию ХПИ, личного состава учащихся и учащихся и направление его учебной работы»⁴⁶.

Советская часть Правления КВЖД была заинтересована в использовании ХПИ для набиравшей темпы индустриализации в СССР. С.М. Измайлов, командированный на КВЖД советским правительством, занимавший пост заместителя товарища председателя Правления КВЖД, отправил в Наркомат путей сообщения СССР записку «Китайская Восточная железная дорога и возможное ее содействие в разрешении проблемы кадров», датированную 18 июля 1930 г. В ней, в частности, автор предлагал использовать квалифицированный рабочий и технический персонал КВЖД, в том числе и выпускников ХПИ, для «успешного осуществления первого пятилетнего плана». Для этого учебные планы и программы необходимо было приблизить к программам технического образования в СССР, а задания дипломных проектов в ХПИ «увязать с потребностями транспорта СССР». С.М. Измайлов предложил также учредить ряд стипендий для студентов – граждан СССР на условиях отработки на советских дорогах по окончании института. Таким образом, заключал он, без затрат средств СССР в Харбине будет находиться «пункт, где будут готовить кадры для нашего грандиозного строительства»⁴⁷.

В архивных документах Правления КВЖД имеется также Меморандум (секретный) «Вопросы, кои желательно выяснить в Москве по отношению к Харбинскому Политехническому институту», относящийся, по-видимому, к 1931 г. В числе других в нем были подняты вопросы о проведении для студентов ХПИ летней практики на железных дорогах СССР, обмена научными изданиями, получения

⁴⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Д. 405. Л. 5–8.

от «соответствующих Комиссариатов, Правлений дорог и крупных заводов материалов для заданий по дипломному проектированию», устройства выпускников ХПИ на работу в СССР, приема аспирантов ХПИ в исследовательские институты ВТУЗов и НТК (научно-технических комитетов), пополнения преподавательского состава ХПИ за счет советских ВТУЗов и др.⁴⁸ Однако этим предложениям не суждено было осуществиться из-за сложного международного положения, затруднений с выдачами въездных виз в Китай и т.п. Попытки привлечь научных работников из СССР были неудачны из-за их отказа или запрета советской стороны (ОГПУ в частности) на въезд. В то же время увольнять опытных преподавателей из числа русских эмигрантов опасались, чтобы не усилить китайское влияние.

С осени 1931 г. в ХПИ начал функционировать третий факультет – транспортно-экономический. Тогда же советская часть администрации ХПИ предложила сократить обучение русскоязычных студентов с пяти до четырех лет, студентов-китайцев с семи до пяти лет, ввести узкую специализацию, сократив ряд кафедр и уволив преподавателей без советского гражданства. Но тут возмутилась китайская часть Правления ХПИ. Декан инженерно-строительного отделения Фань Цигуань заявил, что китайская часть администрации не считает возможным введение нового курса⁴⁹. В результате в 1932 г. из намеченных к увольнению 21 преподавателя-эмигранта было уволено 11 человек. В анкете Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) заведующий кафедрой железобетона, экстраординарный профессор В.А. Барри указал: «В 1932 г. администрацией института был намечен как эмигрант к увольнению по списку “21”. 11 лекторов уволили, но 10 оставили, т.к. ...не смогли заменить за неимением надлежащих специалистов»⁵⁰.

В 1931 г. на трех факультетах ХПИ насчитывалось 1026 студентов, в том числе более 50 женщин. К этому времени институт выпустил 101 инженера-строителя, 92 инженера-электромеханика. Число преподавателей с солидным научным и инженерным стажем достигло 65 человек. Это были специалисты горного дела, архитекторы, строители и др. В их число вошли: В.А. Барри, В.А. Белобродский, В.Н. Жернаков, Ф.Ф. Ильин, П.Е. Ковырьков, И.С. Коренев, В.А. Кулябко-Корецкий, Н.К. Пафнутьев, С.Н. Петров, А.К. Попов, П.Н. Радищев, В.А. Рязановский, С.А. Савин, П.С. Свиридов, Г.Г. Тельберг, С.П. Тимошенко, Л.А. Устругов, П.Ф. Федоровский, Е.М. Чепурковский, А.А. Щелков и др.

Но обострившаяся международная ситуация вновь нарушила деятельность института. В феврале 1932 г. Харбин оккупировала Квантунская армия, 1 марта японцами было объявлено о создании на территории Маньчжурии нового государства Маньчжоу-Го (Маньчжурское государство). Советская часть Правления КВЖД в марте 1932 г. признала нового председателя КВЖД Ли Шаогена, назначенного правительством Маньчжоу-Го, согласившись на прием новых членов Правления.

Японцы с 1932 г. ко всем начальникам служб КВЖД и к Управляющему дорогой приставили маньчжурских помощников, которые контролировали деятель-

⁴⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 4.

⁴⁹ Мелхов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке... С. 145–146.

⁵⁰ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023. Л. 3.

ность советских представителей. Ассигнования на институт значительно уменьшились. Число желавших поступать в ХПИ также резко сократилось. Если в 1931 г. на 200 мест подали 450 прошений, то в последующие годы конкурса не было вообще. Кроме того, часть абитуриентов оттянул на себя открывшийся в сентябре 1934 г. Институт св. Владимира. Новое руководство решило все-таки позволить оставшимся студентам окончить институт и получить диплом.

Харбинский политехнический институт под управлением японской администрации

В результате соглашения между СССР и Японией от 23 марта 1935 г. о передаче прав на КВЖД правительству Маньчжоу-Ди-Го советские граждане с семьями, в том числе и значительная часть русских студентов ХПИ, должны были эвакуироваться в СССР в течение трех месяцев после подписания соглашения. В сложившейся ситуации между маньчжурской стороной, в лице нового ректора ХПИ Ван-Цин-Юй и советника института К. Фурасава, и советской стороной, в лице проректора профессора Л.А. Устругова, была заключена договоренность о предоставлении студентам 1–3 курсов возможности раньше окончить учебный год, усилив интенсивность занятий. Для 4–5 курсов были назначены сжатые сроки для подготовки дипломов и проведено несколько внеочередных сессий по их защите. К концу июня 1935 г. советские преподаватели, служащие, студенты и только что защитившие дипломы молодые инженеры поспешно выехали в Советский Союз. В их числе был проректор института Л.А. Устругов, который переехал в Москву, где осенью 1937 г. был арестован, обвинен в шпионаже, связях с иностранными разведками и в феврале 1938 г. приговорен к высшей мере наказания (расстрелу).

В 1936 г. ХПИ продолжил свою работу, хотя прием новых студентов прекратился. Институт был принят на бюджет Министерства народного образования Маньчжоу-Ди-Го. Обучение полностью переводилось на японский язык. Хотя доступ в ХПИ для русских был открыт, желающих учиться на японском языке среди них было мало⁵¹. На места уехавших в СССР были приглашены бывшие преподаватели ХПИ, лишённые в советский период права работать в институте. Деканом инженерно-строительного факультета стал Ю.О. Григорович, деканом электромеханического – А.К. Попов, транспортно-экономический факультет был закрыт в 1935 г.

В связи с этими изменениями произошли изменения и в учебной программе. Помимо технических дисциплин были введены гражданствоведение, которое вел инспектор института С. Озава, японский язык (преподаватели К. Накагодзи, драгоман ХПИ В.Г. Савчик) и физкультура (Т. Ирие). На подготовительных курсах для китайцев вместо русского языка стали преподавать японский. На 1 января 1936 г. в институте обучалось 262 студента. В 1936 г. ХПИ выпустил 66 инженеров: 36 китайцев и 30 русских.

9 апреля 1937 г. пост ректора института занял японский инженер М. Судзуки, которому было поручено реорганизовать институт. ХПИ полностью перешел в

⁵¹ *Каневская Г.И.* Русский Харбинский политехнический институт... С. 16; *Корнев Б.Н.* Политехник // Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт. 1979. № 10. С. 16.

ведение японской администрации с обучением на японском языке. К тому времени ХПИ имел уже шесть факультетов. В декабре 1937 г. дипломы получили 55 человек, в декабре 1938 г. – еще 76 человек. Это был последний выпуск студентов ХПИ, обучавшихся на русском языке. Всего с 1924 по 1938 гг. ХПИ окончили 1093 человека (из них по инженерно-строительному факультету – 458 чел., по электромеханическому – 635 чел.)⁵². Большинство русских студентов перешли в Северо-Маньчжурский университет (СМУ), открытый в 22 марта 1938 г. в Харбине, в котором существовал политехнический факультет с электромеханическим и инженерно-строительным отделениями. Деканом факультета стал инженер-электрик В.А. Кулябко-Корецкий, работавший в ХПИ. Обучение в нем велось на русском, а также японском и китайском языках. До 1945 г. СМУ оставался единственным высшим учебным заведением в Маньчжурии, в котором могла обучаться русская эмигрантская молодежь.

ХПИ в послевоенный период

После капитуляции Японии и освобождения Северо-Восточного Китая в августе 1945 г. начался новый период в истории ХПИ. Политехнический институт в Харбине был восстановлен с русским административным и академическим персоналом. Вопрос о возобновлении работы института «в целях плановой подготовки инженеров для хозяйства Китайско-Чанчуньской железной дороги»⁵³ (КЧЖД, бывшей КВЖД) решался на самом высоком уровне с одобрения наркома путей сообщения И.В. Ковалева. В записке от 10 ноября 1945 г. на имя вице-председателя Правления общества КЧЖД генерал-лейтенанта И.В. Каргина советский управляющий дорогой А.Ф. Журавлев сообщал: «Управлением КЧЖД принят Харбинский политехнический институт, принадлежавший КВЖД, затем Мантецу. В институте сохранились лаборатории, основное имущество, закончен ремонт учебных корпусов и общежитий. Совместно с консульством возвращены профессора и преподаватели, работавшие в институте при КВЖД». Кроме того, А.Ф. Журавлев предложил перевести в Политехнический институт 400 студентов из Северо-Маньчжурского университета⁵⁴.

Председателем приемной комиссии управляющий КЧЖД утвердил своего помощника, советского директора института полковника А.П. Ожигова, а его товарищем – А.Н. Логинова, заместителя генерального консула СССР в г. Харбине. Заместителем директора по учебной и научной работе стал бывший эмигрант, принявший советское гражданство, профессор Ю.О. Григорович.

В составе института в 1945 г. было три факультета: инженерно-строительный факультет (декан – профессор П.С. Свиридов) с отделениями городского и дорожного строительства, которые готовили инженеров путей сообщения, путейцев и строителей; электромеханический факультет (декан – профессор А.К. Попов) с механическим и электротехническим отделениями, которые готовили инженеров-механиков, электриков и связистов; и транспортно-экономический факультет, готовивший специалистов для всех служб (декан – экономист В.Н. Жернаков). С октя-

⁵² РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2115. Л. 12.

⁵³ Там же. Д. 2114. Л. 13.

⁵⁴ Там же. Л. 9–12.

бря 1946 г. функционировал восточно-экономический факультет (декан – инженер Тянь Сифу). Затем появились еще два факультета: химический (декан – профессор В.В. Шамраев) и горный (декан – инженер Ю.М. Зезюкевич).

В институте были открыты подготовительные курсы и вечернее отделение. Общее количество кафедр составляло 22, из них 8 были вакантны по причине отсутствия научных кадров. Проблема была не только в нехватке кадров (из-за чего, например, не читались дисциплины «История народов СССР», «Эксплуатация железных дорог», «Экономика транспорта», «История экономических учений» и др.), но и в отсутствии необходимой учебной литературы, в особенности технической.

Занятия проводились на русском языке, учебный план был вновь перестроен по образцу советских вузов. Все оборудование и помещения института принадлежали КЧЖД. Первоначально, согласно Временному положению о порядке приема и сроках обучения в ХПИ, плата за обучение составляла 50 юаней в месяц для технических факультетов, и 40 юаней – для транспортно-экономического факультета⁵⁵, но в связи с инфляцией эта сумма была очень незначительной. В конце 1945–1947 гг. цены повышались практически каждый день. Рост цен можно проследить по подписной плате на газету «Русское слово»: в декабре 1945 г. она составляла 12 юаней в месяц, с 1 апреля 1946 г. – 20 юаней, с 1 августа 1946 г. – 30 юаней, с октября 1946 г. – 50 юаней, с 1 января 1947 г. – 100 юаней, с 1 марта 1947 г. – 200 юаней, с 1 августа 1947 г. – 400 юаней. Таким образом, за неполных два года цены возросли в 40 раз⁵⁶.

ХПИ состоял на бюджете КЧЖД, обучение вскоре стало бесплатным. При подведении итогов первого учебного года 1945/1946 оказалось, что из общего числа студентов – 312 человек – экзамен держали только 286, из них сдали все экзамены только 182 студента. Остальные или не смогли сдать отдельные предметы, или вовсе не явились на экзамены⁵⁷. По разным причинам дневные занятия пропускал каждый десятый студент, а вечерние – каждый пятый. В следующем учебном году 1946/1947 после вступительных экзаменов на четыре факультета был принят 201 человек, из них 6 китайцев и 1 монгол. На подготовительное отделение было принято 20 русских и 60 китайцев. В числе поступивших были и «условно принятые» студенты – те русские, кто получил среднее образование в Маньчжурии и не изучал некоторых предметов «по советской программе». Им было предоставлено право сдать экзамены по всем этим предметам во время семестра.

В 1945 г. профессорско-преподавательский состав формировался за счет местных научных работников. Так, Владимир Андреевич Барри (1876–1959), состоявший с 1922 по 1935 гг. профессором РКПИ/ХПИ, автор проекта виадука между Новым городом и Пристанью Харбина, был вновь принят в штат ХПИ в декабре 1945 г., назначен заведующим кафедрой конструкций⁵⁸. Он читал лекции, руководил дипломной практикой студентов, участвовал в научных конференциях ХПИ

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2114. Л. 14.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27. Д. 22. Л. 11.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2114. Л. 2.

⁵⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 85. Л. 11.

вплоть до своего отъезда в СССР в 1954 г., где работал заведующим кафедрой железобетона в Иркутском институте народного хозяйства.

Основным ядром преподавательского состава института стал персонал Северо-Маньчжурского университета, кроме того были широко привлечены к работе инженеры-практики, бывшие выпускники ХПИ, среди них А.И. Бейер, И.А. Брагин, В. Войнюш, Г.А. Ефимов, В.Ф. Зайцев, С.И. Зуев, Н.П. Калугин, А.А. Копецкий, В.И. Коренев, А.А. Костин, А.А. и А.П. Логуновы, Б.К. Маркевич, В.Г. Мелихов, П.А. Небышенков, Г.Н. Писемский, Е.А. Пулле, П.В. Раменский, Г.Л. и Н.П. Ротенко, Ю.Г. Слюсаренко, Н.И. Чигринцев, К.И. Чистяков, Ю.Ф. Эйспу. В апреле 1946 г. несколько преподавателей уехали в СССР. Динамика численности преподавателей во второй половине 1940-х гг. была положительной и составила в 1945/1946 учебном году 60 человек, в 1946/1947 – 95, в 1947/1948 – 104. Учебную деятельность вели 5 профессоров, число доцентов увеличилось с 1 до 6 за счет того, что постановлением Совета института от 21 сентября 1946 г. пяти старшим преподавателям (в целом к 1948 г. их число уменьшилось с 15 до 12) было присвоено звание доцента, число преподавателей увеличилось с 38 до 81⁵⁹.

Численность студентов за тот же период выросла с 602 до 761, в том числе на основных факультетах – с 312 до 474. На подготовительном факультете русских студентов в 1946/1947 учебном году стало в 5,4 раза меньше, чем в 1945/1946. С 1947/1948 учебного года русское подготовительное отделение перестало функционировать. При этом число китайских студентов увеличилось на 56 человек – с 231 до 287 (хотя в 1946/1947 составляло всего 139)⁶⁰. В 1949 г. число всех выпускников ХПИ превысило 3500 человек. Диплом института признавался во всем мире.

С образованием КНР и подписанием 15 февраля 1950 г. Соглашения о дружбе между СССР и КНР, что предусматривало передачу Китаю прав на Китайскую Чанчуньскую железную дорогу, ХПИ перешел под руководство китайских властей. Политехнический институт, находившийся с 1949 г. в ведении Министерства промышленности Китая, состоял на бюджете КЧЖД. В 1950 г. было введено смешанное русско-китайское обучение и открыты подготовительные курсы, теперь уже для обучения китайскому языку русских студентов. Четыре года спустя начался массовый отъезд русских из Харбина. Последние русские преподаватели покинули ХПИ в самом конце 1950-х гг. Преподавание на русском языке здесь велось до 1954 г., затем постепенно переводилось на китайский язык.

Судьбы выпускников ХПИ

Судьбы выпускников ХПИ сложились по-разному, но практически всем образование помогло реализоваться в разных областях. Один из первых шести выпускников дорожно-строительного факультета РКПИ, окончивших институт в 1924 г., инженер Николай Петрович Калугин (1902–1987), принял советское гражданство, работал в техническом отделе Правления КВЖД до продажи дороги, затем возглавлял собственную фирму в Харбине, участвовал в постройке многих сооружений, работал на Филиппинах. После войны, в 1948–1953 гг., он читал лекции в

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 2114. Л. 14–15.

⁶⁰ Там же. Л. 15.

ХПИ, затем в 1954 г. реэмигрировал в Бразилию, где работал инженером, в 1958 г. – в США. До конца жизни Калугин собирал материалы, касавшиеся ХПИ, печатался в журнале «Политехник», выпускавшемся Правлением объединения инженеров, окончивших ХПИ/СМУ в Сиднее. Ему принадлежит наибольшее количество публикаций об истории ХПИ в этом журнале⁶¹.

Выпускник РКПИ 1925 г. инженер Василий Григорьевич Мелихов (1903–1994), отец известного востоковеда Г.В. Мелихова, после окончания института в 1925 г. работал управляющим лесными концессиями братьев Шевченко на станции Иректэ КВЖД. В 1925–1926 гг. он был преподавателем общественной гимназии на станции Бухеду, в 1926–1927 гг. работал на Хухайской железной дороге, в 1927–1929 гг. – заведующим изысканиями строительства, затем производителем работ на ветке Чол-Горигол. В 1930-х г. В.Г. Мелихов руководил геодезической практикой ХПИ, был проектировщиком частных строительных работ, даже работал переводчиком английского языка театра «Капитол» в Харбине⁶². После войны он, как и многие инженеры, работал на КЧЖД, после чего вернулся в СССР и жил в Магнитогорске.

Борис Евгеньевич Гросман (1903 – ?), окончивший электромеханический факультет РКПИ в 1925 г., работал какое-то время шофером в Харбине, затем с 1928 по 1941 гг. был заведующим механического отдела Мулинского угольного товарищества (МУТ). С 30 августа 1945 г. он работал на КЧЖД сначала главным механиком депо, в сентябре 1945 г. – начальником технического отдела паровозного депо. С мая 1946 по 1950 гг. он работал начальником локомотивного отделения Управления КЧЖД, с 1951 г. – инженером в лесном департаменте правительства Северо-Восточного Китая⁶³. Репатриировался в 1954 г. в СССР, в Новосибирск, где работал в проектной организации.

Необычная судьба сложилась у выпускника РКПИ 1927 г. Георгия Николаевича Вознесенского (1903–1985). Получив звание инженера-электромеханика, он работал преподавателем в первом реальном училище Харбина, но в 1931 г. по убеждениям стал монахом под именем Филарет. Это был один из самых уважаемых священников Харбинской епархии. В 1962 г. он выехал из Харбина в Австралию, где стал епископом Брисбенским, а в 1964 г. был избран первоиерархом Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Митрополит Филарет умер в Нью-Йорке, в 2008 г. он был канонизирован РПЦЗ.

Михаил Андреевич Бакич (1909–2002), сын белого генерала А.С. Бакича, в 1933 г. окончил инженерно-строительный факультет ХПИ, служил инженером-проектировщиком в частных строительных конторах Харбина и Чанчуна (Синьцзина). После 1945 г. по его проектам и при его участии были установлены памятники бойцам Красной Армии перед вокзалом в Харбине, в Мукдене и в Чанчуне, памятник перед зданием Управления дороги в Харбине. В 1950-х гг. М.А. Бакич работал главным архитектором отдела общественных зданий проектного департамента Хейлунцзянской провинции, спроектировал несколько зданий, в том числе Северо-Восточную сельскохозяйственную академию, Дворец молодежи и др. В 1958 г. по

⁶¹ Каневская Г.И. Харбинский политехнический в воспоминаниях ... С. 391.

⁶² РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 1004. Л. 1–2.

⁶³ Там же. Д. 373. Л. 3, 17.

его проекту был сооружен памятник на берегу реки Сунгари по случаю защиты города от наводнения 1956 г. Эта высокая стела с полукруглой колоннадой стала одним из главных символов современного Харбина. В 1958 г. М.А. Бакич с семьей выехал в Австралию, где был принят в члены Королевского Австралийского института архитекторов. По его проектам было построено множество зданий в Австралии, в том числе две часовни на русском кладбище Руквуд (Rookwood Cemetery).

Уже в послевоенное время, в 1957 г., окончил строительный факультет ХПИ Александр Яковлевич Самарин (род. в 1935 г.), сын выпускника ХПИ, Юрия Александровича Самарина. В 1957 г. он с семьей реэмигрировал в Австралию, где продолжил обучение в Институте технологии в Квисленде, Сиднейском университете, университете Нового Южного Уэльса. Он преподавал в разных университетах, сделал ряд открытий, в 1988 г. его избрали действительным членом Австралийской академии технологических и инженерных наук. Им опубликовано более трехсот научных и философских работ.

Выводы

В создании и работе Харбинского политехнического института участвовали многие выдающиеся русские ученые, преподаватели, инженеры, оказавшиеся в силу жизненных обстоятельств или по приглашению в Маньчжурии в 1920–1930-х гг. Около тридцати лет институтом руководили русские специалисты. Ими двигала надежда, что эмигрантская русская молодежь, получив образование, будет полезной для строительства новой России. Институту долгое время удавалось оставаться оплотом российского научного и культурного наследия, привлекать лучшие научные кадры, развивать образовательный потенциал.

С первых дней своего существования институт был русско-китайским. Тысячи студентов – русских, а также китайцев, корейцев и др. – получили не только высококлассное образование, но и воспитаны были в русских национальных традициях. Вместе с тем вуз стал плацдармом межкультурного взаимодействия. Выпускники института находили себе применение в разных уголках мира. Ныне существуют объединения выпускников ХПИ в Австралии, США, КНР, Японии, России, а в самом институте хранят память об истории заведения: в стенах института в Харбине существует музей, где отражена история создания ХПИ, в том числе и его «русский период». Институт продолжает в Китае существовать как высшее учебное заведение нового типа – Harbin Institute of Technology (HIT) (Харбинский технологический институт).

В истории Харбинского политехнического института отразилась непростая политическая история Северо-Восточного Китая XX в. ХПИ стал не только частью истории русской эмиграции в Китае, но и ярким примером русско-китайского сотрудничества и символом преемственности традиций.

Рукопись поступила: 11 июля 2019 г.

Submitted: 11 July 2019

Библиографический список

- Автономов Н.П.* Высшая школа в Харбине. К истории ее возникновения // Харбинские коммерческие училища КВЖД. 1960. № 7. С. 26–33.
- Анчугова Н.А.* О транспортно-экономическом факультете ХПИ // Русская Атлантида. 2009. № 35. С. 31–35.
- Верижская Т.П.* Судьба моя – восточный факультет // Русская Атлантида. 2001. № 7. С. 39–42.
- Гинце М.М.* Воспоминания о ХПИ (1948–1952) // Русская Атлантида. 2003. № 10. С. 37–46.
- Зубарева Л.* Воспоминания о ХПИ // На сопках Маньчжурии. Новосибирское отделение ассоциации «Харбин». 1994. № 11. С. 3–12.
- Каневская Г.И.* Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2010. № 2. С. 25–33.
- Каневская Г.И.* Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников // Рубеж: Тихоокеанский альманах Владивосток, 1998. № 3 (865). С. 309–316.
- Корнев Б.Н.* Политехник // Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт. 1979. № 10. С. 5–12.
- Китунин А.А.* Развитие высокоскоростного железнодорожного движения в КНР (XX–XXI вв.). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 200 с.
- Лазарева С.И., Шпилёва А.Н.* Русские школы и вузы в Маньчжурии 20–30-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 10–20.
- Маркизов Л.П.* Институт Св. Владимира и Политехнический в 1934–1938 гг. // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.). М.: ИРИ РАН, 1998. С. 43–45.
- Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский путь; Викмо-М, 2007. 317 с.
- Мецераков А.Ю., Антропов О.К.* Харбинский политехнический институт в 1920–1976 гг. // Манускрипт. 2019. № 6. С. 68–72.
- Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Викмо-М; Русский путь, 2007. 317 с.
- Обухов Н.М.* Известия и труды Русско-китайского политехнического института. Харбин: Русско-китайский политический институт, 1923–1934. 550 с.
- Орнацкая Т.А.* Деятельность юридического факультета в Харбине в 1920–1937 гг. // Право и образование. 2016. № 4. С. 148–156.
- Ратманов П.Э.* Высшая русская медицинская школа в Харбине (1921–1925 гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2008. № 2. С. 125–127.
- Хисамутдинов А.А.* Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291.
- Хисамутдинов А.А.* Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование. 2016. № 3. С. 105–113.
- Хисамутдинова Н.В.* Русская инженерная школа в Китае // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 204–212.
- Шматов Е.* Школа труда // Политехник. Харбин. 25 марта 1929.
- Bakich O.* Russian Education in Harbin: 1898–1962 // Записки русской академической группы в США. New York: [N.s.], 1994. С. 269–294.
- Bakich O.* Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross, 2002. 584 p.
- Blaine R.* Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–1929. Vancouver, Toronto: UBCPress, 2010. 285 p.
- Gruner F., Ben-Canaan D.* Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China. Cham, Heidelberg, New York: Springer publisher, 2014. 210 p.

- Gruner F. *Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World*. Lanham: Lexington books, 2013. P. 183–205.
- Matsuzato K. *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945*. Lanham, MD: Lexington Books, 2017. 222 p.
- Vinocuroff V., Kamensky Yu. *Russian engineers in Australia*. Melbourne: Univ. of Melbourne, 1996. 107 p.

References

- Avtonomov, N.P. “Vysshaya shkola v Kharbine. K istorii yeye voznikoveniya.” *Kharbinskiye kommercheskiye uchilishcha KVZHD*, no. 7 (1960): 26–33 (in Russian).
- Anchugova, N.A. “O transportno-ekonomicheskom fakul'tete KHPI.” *Russkaya Atlantida*, no. 35 (2009): 31–35 (in Russian).
- Bakich, O. “Russkoye obrazovaniye v Kharbine: 1898–1962.” In *Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SSHA*, 269–294. New York: [N.s.], 1994 (in Russian).
- Bakich, O. *Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography*. New York; Paris: Norman Ross Publ., 2002.
- Blaine, R. *Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–29*. Vancouver, Toronto: UBCPress Publ., 2010.
- Gintse, M.M. “Vospominaniya o KHPI (1948–1952).” *Russkaya Atlantida*, no. 10 (2003): 37–46 (in Russian).
- Gruner, F., and Ben-Canaan, D. *Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China*. Cham, Heidelberg, New York: Springer publisher Publ., 2014.
- Gruner, F. “Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space.” In *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World*, 183–205. Lanham: Lexington books Publ., 2013.
- Kanevskaya, G.I. “Russkiy Kharbinskiy politekhnicheskiy institut i sud'ba yego vypusnikov.” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2010): 25–33 (in Russian).
- Kanevskaya, G.I. “Kharbinskiy politekhnicheskiy v vospominaniyakh yego vypusnikov.” *Rubezh: Tikhookeanskiy al'manakh Vladivostok*, no. 3 (865) (1998): 309–316 (in Russian).
- Korenev, B.N. “Politekhnik.” *Ob'yedineniye inzhenerov, okonchivshikh Kharbinskiy politekhnicheskiy institute*, no. 10 (1979): 5–12 (in Russian).
- Kitunin, A.A. *Razvitiye vysokoskorostnogo zheleznodorozhnogo dvizheniya v KNR (XX–XXI vv.)*. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2019 (in Russian).
- Khisamutdinov, A.A. “Russkoye vyssheye obrazovaniye v Kitaye.” *Educational Studies*, no. 4 (2015): 274–291 (in Russian).
- Khisamutdinov, A.A. “Russkiy yuridicheskiy fakul'tet v Kharbine.” *Law and Education*, no. 3 (2016): 105–113 (in Russian).
- Khisamutdinova, N.V. “Russkaya inzhenernaya shkola v Kitaye.” *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 4 (24) (2016): 204–212 (in Russian).
- Lazareva, S.I., and Shpilova, A.N. “Russkiye shkoly i vuzy v Man'chzhurii 20–30-ye gg. XX v.” *Russia and the Pacific*, no. 4 (2011): 10–20 (in Russian).
- Markizov, L.P. “Institut Sv. Vladimira i Politekhnicheskiy v 1934–1938 gg.” In *Gody. Lyudi. Sud'by. Istoriya rossiyskoy emigratsii v Kitaye: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu g. Kharbina i KVZHD (Moskva, 19–21 maya 1998 g.)*, 43–45. Moscow: IRI RAN Publ., 1998 (in Russian).
- Matsuzato, K. *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945*. Lanham, MD: Lexington Books, 2017.
- Melikhov, G.V. *Rossiyskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otmosheniyakh na Dal'nem Vostoke (1925–1932)*. Moscow: Russkiy put' Publ.; Vikmo-M Publ., 2007 (in Russian).

- Meshcheryakov, A.Yu., and Antropov, O.K. “Kharbinskiy politekhnicheskiy institut v 1920–1976 gg.” *Manuskript*, no. 6 (2019): 68–72 (in Russian).
- Obukhov, N.M. *Izvestiya i trudy Russko-kitayskogo politekhnicheskogo instituta*. Kharbin: Russian-Chinese Political Institute Publ., 1923–1934 (in Russian).
- Ornatskaya, T.A. “Deyatel’nost’ yuridicheskogo fakul’teta v Kharbine v 1920–1937 gg.” *Law and Education*, no. 4 (2016): 148–156 (in Russian).
- Ratmanov, P.E. “Vysshaya russkaya meditsinskaya shkola v Kharbine (1921–1925 gg.)” *Far East Medical Journal*, no. 2 (2008): 125–127 (in Russian).
- Shmatov, Ye. “Shkola truda.” *Politehnik. Kharbin* (March 25, 1929).
- Verizhskaya, T.P. “Sud’ba moya – vostochnyy fakul’tet.” *Russkaya Atlantida*, no. 7 (2001): 39–42 (in Russian).
- Vinocuroff, V., and Kamensky, Yu. *Russian engineers in Australia*. Melbourne: Univ. of Melbourne Publ., 1996.
- Zubareva, L. “Vospominaniya o KHPi.” *Na sopkakh Man’chzhurii. Novosibirskoye otdeleniye assotsiatsii «Kharbin»*, no. 11 (1994): 3–12 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Бочарова Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Zoya S. Bocharova, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the UNESCO Chair for the Study of Global Problems, Lomonosov Moscow State University.

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Maria V. Krotova, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science, St. Petersburg State University of Economics.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-804-827>

Научная статья / Research article

Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации

В.Ф. Ершов

Московский государственный областной университет;
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10 а; ershov_vf@mail.ru

Russia and China in the 21st century: Strategic partnership in the context of civilizational globalization

Vitaly F. Ershov

Moscow Region State University; 10 a, Radio St., Moscow, 105005, Russia;
ershov_vf@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается тема стратегического партнерства России и Китая в условиях развивающихся процессов глобализации, показаны основные формы и направления сотрудничества двух стран в начале XXI в., охарактеризована политика координации действий России и Китая на международной арене. Исследуется процесс институционализации государственно-политических, экономических, культурных и образовательных структур, на основе которых осуществляется стратегическое взаимодействие России и Китая в глобальном цивилизационном пространстве. Актуальность статьи определяется возрастающим значением российско-китайского сотрудничества в становлении новой глобальной архитектуры. Автор приходит к выводу о том, что российско-китайское стратегическое партнерство основано на единстве подходов к ключевым вопросам глобального развития, политическом и экономическом прагматизме, приверженности базовым принципам равноправного диалога цивилизаций и является важным фактором глобального развития в XXI в.

Ключевые слова: российско-китайский культурный диалог, Российско-китайский инвестиционный фонд, Шанхайская организация сотрудничества

Для цитирования: *Ершов В. Ф.* Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 804–827. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-804-827>

Abstract: The central focus of author's paper is the strategic partnership between Russia and China in the context of present-day globalization. The relevance of the study is shown by the increasing importance of Russian-Chinese cooperation in the formation of a new global power structure. The author illustrates the main elements of Russian-Chinese strategic partnership, including areas of cooperation, that were established in the 1990s, and areas which received a new impetus at the beginning of the 21st century. Furthermore, the author describes the policy of coordinating the actions of Russia and China in the international arena. In addition, the paper reviews the institutionalization of state institutes, eco-

© Ершов В.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

conomic, cultural and educational structures that make up the basis of Russia and China current strategic interaction in international affairs. In particular, the author pays attention to the issues of interbank and investment cooperation between Russia and China, including development of banking institutions through the BRICS system. The core argument of the paper is that Russia and China, despite to the rapid development of globalization, have been able to retain the scale of their national economies and the specificity of cultures, demonstrating openness to a broad dialogue and constructive interaction within the framework of the global civilization. The author has come to the conclusion that the Russian-Chinese strategic partnership is based on compatible approaches to key issues of global development, political and economic pragmatism, and adherence to the basic principles of an equal dialogue of civilizations. This is an important factor to consider in the global development of the 21st century.

Keywords: Russian-Chinese cultural dialogue, Russian-Chinese Investment Fund, Shanghai Cooperation Organization

For citation: Ershov, Vitaly F. "Russia and China in the 21st century: Strategic partnership in the context of civilizational globalization," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 804–827. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-804-827>

Введение

В современных условиях быстро развивающейся глобализации и формирования взаимосвязанного мирохозяйственного комплекса стратегическое партнерство России и Китая выступает мощным креативным фактором исторического процесса и цивилизационного развития. Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики активизирует процесс институционализации новой мировой финансово-экономической архитектуры, является локомотивом структурного укрепления и повышения международного значения БРИКС и ЕАЭС, имеет большие исторические перспективы в рамках глобальной экономики и многополярного мира.

Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. высоко оценил качество современных российско-китайских отношений, подчеркнув их конструктивную роль в обеспечении глобальной безопасности и важное значение в развитии экономического потенциала Евразийского региона и всей мировой экономики: «Наши равноправные взаимовыгодные отношения с Китаем сегодня служат важным стабилизирующим фактором в мировых делах, в обеспечении безопасности в Евразии, показывают пример плодотворного сотрудничества в экономике»¹.

Изучение специфики и перспектив российско-китайского стратегического партнерства в XXI в. является актуальной научной задачей, решение которой дает возможность определить и проанализировать новые векторы современного цивилизационного развития в условиях утверждения постбиполярного мира. Стратегическое партнерство предполагает выстраивание между странами долговременных экономических, промышленно-технологических и культурных взаимоотношений, реализация которых в историческом времени и глобальном пространстве обеспечивает максимальное соответствие национальным интересам участников, а также является фактором формирования новой мировой архитектуры XXI в. Сущность цивилизационной глобализации заключается в том, что наряду с сохранением тра-

¹ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения: 18.07.2019).

диционных национальных культур государств формируется информационно-технологическая, финансово-экономическая и интеллектуальная сфера, охватывающая все пространство современной мировой культуры и обладающая такими характеристиками, как: трансграничность, мобильность, взаимозависимость факторов, многоаспектное взаимодействие и др. На современном этапе исторического развития Россия и Китай, находясь в условиях интенсивно развивающейся глобализации, в то же время сохраняют масштабность своих национальных экономик и специфику культур, демонстрируя открытость к широкому диалогу, конструктивному взаимодействию в рамках мирового цивилизационного пространства.

Историография изучаемой проблемы включает исследования по истории российско-китайских отношений и внешней политике обеих стран, работы, посвященные становлению различных направлений сотрудничества Российской Федерации и КНР – энергетическому, финансовому, культурному и др., а также формированию и деятельности международных объединений с участием России и Китая (ШОС, БРИКС, АТЭС, ЕАЭС). Вопросы стратегического сотрудничества России и Китая изучаются специалистами Института Дальнего Востока РАН, МГИМО, РУДН и ряда других академических и университетских научных центров. Основу данного историографического комплекса составляют труды ведущих специалистов в области российско-китайских отношений – А.Д. Воскресенского, В.С. Мясникова, М.Л. Титаренко, В.Я. Портякова, Д.В. Мосякова, С.Л. Тихвинского, А.В. Лукина, В.Г. Дацышена и др.²

В рамках сотрудничества российских и китайских ученых был подготовлен ряд фундаментальных коллективных трудов, отражающих широкий спектр вопросов российско-китайского взаимодействия в конце XX – начале XXI в.³ Важной частью научно-теоретической базы исследования являются труды Е.И. Пивовара⁴ и других авторов, исследующих проблематику международных отношений в Евразийском регионе. Тема российско-китайского стратегического партнерства как мощного фактора развития современной цивилизации находится в центре

² *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай. Теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; *Мясников В.С.* Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. Lewiston (N.Y.), 2001; *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI вв. Владивосток, 2006; *Буяров Д.В.* Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012; *Лукин А.В., Денисов А.И., Дацышен В.Г.* Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013; *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: Стратегическое партнерство и вызовы времени. М., 2014; *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М., 2015; *Мосяков Д.В.* Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ // Международные процессы. 2016. Т. 15. № 3. С. 103–106; *Муратшина К.Г.* 20 лет партнерства России и Китая: результаты и итоги. Екатеринбург, 2016; *Ли Син, Савкина Д.А., Завьялова Е.А.* Китай и Россия: Новое евразийское экономическое партнерство? М.-СПб., 2018; *Лу Чуньюе, Дацышен В.Г.* Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран», через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 127–135.

³ *Титаренко М.Л., Портяков В.Я.* Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014.

⁴ *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: предпосылки, становление, развитие, (1991–2015 гг.). СПб., 2017.

международных научных дискуссий ведущих историков, политологов, экономистов, востоковедов о сущности геополитических процессов XX в. и становлении нового миропорядка в постсоветский период⁵.

На данном уровне историографического освоения проблемы актуальной научной задачей представляется сопряжение в рамках комплексного исследования всего спектра ключевых вопросов развития стратегического партнерства России и Китая, развивающегося в процессе формирования глобальной цивилизации XXI в. Комплексное исследование темы стратегического взаимодействия России и Китая в условиях глобализирующегося современного мира позволяет разработать прогностическую научную концепцию перспектив консолидированной деятельности двух стран в рамках процессов региональных и мировых политико-экономических и информационно-технологических трансформаций новейшего времени.

Цель статьи заключается в выявлении тенденций, особенностей и перспектив российско-китайского стратегического партнерства в XXI в., проявившегося в государственно-политической, экономической и культурной сферах.

Предметом изучения является новейшая история становления российско-китайского партнерства, его современное состояние и перспективы развития в XXI веке. В качестве объекта исследования выступают государственные органы России и Китая, осуществляющие реализацию политики стратегического партнерства двух стран, общественные и культурные организации, экономические структуры, институты бизнеса, а также комплекс дипломатических и нормативно-правовых документов, международные соглашения, декларации и др.

Хронологические рамки работы охватывают период с начала 1990-х гг. до современности, в течение которого отношения России и Китая приобретают характер стратегического партнерства. В статье рассмотрен процесс институционализации в 1990-х – 2010-е гг. российско-китайского взаимодействия в государственно-политической сфере и наиболее значимых экономических и социокультурных областях: межбанковском сотрудничестве, энергетике, культуре, научно-образовательном пространстве. Научно-прогностический раздел работы содержит оценку перспектив сотрудничества России и Китая в XXI веке, которое, по мнению автора, является важным креативным фактором модернизационного развития не только для двух наших стран, но и для всего Азиатско-Тихоокеанского региона и Евразии, а также и для сетевой экономической системы БРИКС и в целом для всей формирующейся цивилизации XXI века.

Источниковая база исследования включает международные договоры и соглашения, заявления глав государств и правительств и другие документы правового и программного характера, информационные материалы МИД России и Китая, аналитические обзоры и доклады, отражающие динамику российско-китайских отношений в 1990–2010-е гг. В работе были задействованы материалы россий-

⁵ *Mearsheimer, John J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York, 2001; *Nye, Joseph S.* Is the American Century Over? Malden, MA, 2015; *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013; *Cheng, Joseph Y.S.* China's Foreign Policy: Challenges And Prospects. Singapore, 2016.

ских, китайских и западных СМИ, включая интервью государственных деятелей, дипломатов, международных экспертов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы научной объективности, историзма и достоверности, метод сравнительного анализа. Работа выполнена в контексте современной парадигмы исторической науки, предполагающей включение в орбиту исторического знания новых предметных областей и выход исследовательской проблематики на границу с современностью⁶.

Государственно-политическое взаимодействие

Сфера государственно-политического взаимодействия России и Китая включает в себя корреляцию внешней политики, позиций в области международного права, а также институционализацию и организационную поддержку двустороннего сотрудничества в различных областях.

Динамика качественно нового этапа стратегического взаимодействия России и Китая начала выстраиваться в 1990-х гг., когда произошел переход во взаимоотношения наших стран от простой нормализации в экономической и дипломатической сферах к добрососедскому партнерству, предполагающему взаимный учет интересов и согласование позиций на мировой арене, а затем к принятию концепции стратегического партнерства⁷.

С начала 2000-х гг. Россия и Китай прилагают целенаправленные усилия для дальнейшего выстраивания системы стратегического партнерства⁸. В июле 2001 г. между двумя странами был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который не только стал правовым фундаментом современных российско-китайских отношений, но и оказал влияние на всю дальнейшую систему мировой политики, определив концепцию стратегического партнерства России и Китая в глобальном цивилизационном пространстве XXI в.⁹

В 2019 г. Россия и Китай отмечают 70-летие установления дипломатических отношений. Высшее руководство России рассматривает сотрудничество с Китаем как одно из важнейших направлений внешней политики страны. Президент России В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ на 2019 г. отметил большое перспективное значение развития политических, экономических и культурных отношений России и Китая в рамках содружества государств БРИКС, СНГ и ЕАЭС как одного из основополагающих факторов проекта создания Большой Евразии: «Приоритеты нашей внешней политики абсолютно открыты: это укрепление доверия, борьба с общими для всего мира угрозами, расширение сотрудничества в

⁶ *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 2005. № 7. С. 153–165; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

⁷ *Лу Чунъюе, Дацзышен В.Г.* Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран», через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 127–135.

⁸ *Новосёлова Л.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 58.

⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 12.07.2019).

экономике, торговле, образовании, культуре, науке и технологиях, снятие барьеров для общения между людьми. Именно на этой основе мы ведем работу в ООН, а также в Содружестве Независимых Государств, на площадках «Группы двадцати», БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества. Вместе с партнерами по интеграции продолжим формировать общие рынки и укреплять внешние связи Евразийского экономического союза. В том числе предстоит воплотить в жизнь уже принятые решения о сопряжении ЕвразЭС с китайской инициативой «Один пояс, один путь» как пролог к созданию большого евразийского партнерства»¹⁰.

Государственно-политическое взаимодействие России и КНР является важным фактором укрепления стратегического партнерства наших стран. В преддверии своего президентского визита в Китай в сентябре 2010 г. Д.А. Медведев в интервью корреспонденту газеты «Жэньминь жибао» также подчеркнул, что многоаспектное взаимодействие России с КНР имеет для наших стран стратегический характер, создавая основу долговременного сотрудничества государств в XXI в.: «Отношения с Китайской Народной Республикой – один из приоритетов российской внешней политики. Наше стратегическое партнерство базируется на прочной основе «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 2001 года и последовательно развивается. Отмечу, что никогда ранее наши связи не характеризовались столь высоким уровнем взаимного доверия»¹¹.

Многосторонний диалог Китая с Россией коррелирует с принципами внешней политики КНР, приоритетом которой является сохранение мира и расширение экономических связей с соседними странами¹². В своем докладе на XIX съезде КПК 18 октября 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил важность для Китая и России дальнейшего развития всесторонних взаимоотношений как в формате БРИКС, так и в рамках других международных организаций (ЕАЭС, ШОС), большую экономическую значимость создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути, подчеркнув, что Китай развивает отношения с сопредельными странами в соответствии с концепцией «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность»¹³.

В настоящее время в Российской Федерации и Китайской Народной Республике происходит процесс глубокой экономической, технологической и социокультурной модернизации, что значительно повышает возможности двух стран для участия в глобальных технологических процессах, усиливает их интеграцию в мирохозяйственный комплекс и повышает степень влияния на международную обстановку¹⁴.

¹⁰ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения 18.07.2019).

¹¹ Медведев Д.А. Отношения с Китайской Народной Республикой – один из приоритетов российской внешней политики. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7150423.html> (дата обращения: 18.07.2019).

¹² Kurlantzick, Joshua. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Carnegie Endowment for International Peace. 2006. № 47. P. 5.

¹³ Полный текст доклада Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на XIX Всекитайском Съезде КПК 18 октября 2017 г. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm (дата обращения: 20.07.2019).

¹⁴ Хэ Чуньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011. С. 188.

Стратегическое сотрудничество России и Китая основано в том числе на схожести базовых национальных интересов: на современном этапе перед нашими странами стоят взаимосвязанные перспективные задачи – интеграция в глобальное технологическое и финансово-экономическое пространство, всестороннее модернизационное развитие, повышение степени институционализации БРИКС и ЕАЭС. Как отметил академик В.С. Мясников, «потребности экономического развития России и Китая императивно требуют межцивилизационного взаимопонимания и взаимодействия»¹⁵, которое, в свою очередь, способствует развитию более тесного интеллектуального диалога между представителями российского и китайского бизнес-сообществ, позволяет учитывать специфику деловой культуры и менталитет партнеров и, соответственно, принимать более точные и выверенные решения.

Россия и Китай являются динамично развивающимся союзом двух технологически развитых государств, стремящихся обратить свой возросший промышленный и инвестиционно-экономический потенциал в новый индустриальный и финансовый вес в геэкономике, создать новый центр мирового политического и экономического влияния на Евразийском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В США признают растущую геополитическую роль Китая, который уже в настоящее время стал крупнейшим фактором формирования глобального политического и экономического порядка¹⁶. Укрепление геополитических позиций современной России, формирование БРИКС и ЕАЭС, стратегическое партнерство с Китаем создают основу многополярного мира, утверждают новый, позитивный характер международных отношений.

Развитию стратегического партнерства России и Китая способствует совпадение позиций по основным внешнеполитическим вопросам: Российская Федерация и Китайская Народная Республика последовательно выступают за укрепление международной безопасности, развитие добрососедства и технологического сотрудничества, культурное взаимодействие. Формирование единой линии решения основных международных проблем, включая соблюдение международного права в торгово-экономической сфере (неприятие антироссийских и антикитайских дискриминационных санкций и стремления западных стран к доминированию в глобальном финансово-экономическом пространстве) способствует укреплению российско-китайского стратегического партнерства. М.Л. Титаренко высоко оценил перспективы стратегического взаимодействия России и Китая, отметив, что в условиях современных геополитических изменений, характеризующихся «перегруппировкой сил, появлением новых мощных центров влияния, значение прочного российско-китайского партнерства и взаимодействия еще больше возрастет»¹⁷.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика стремятся к сохранению системы международного права и укреплению глобальной безопасности,

¹⁵ Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 79.

¹⁶ Киссинджер Г. О Китае. М., 2015. С. 12.

¹⁷ Титаренко М.Д. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое партнерство: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 217.

настаивая на соблюдении всеми странами принципа неприменения силы при урегулировании возникающих в «горячих точках» конфликтных ситуаций. Также наши страны выступают категорически против попыток экспорта «цветных революций», выступают против политики «двойных стандартов», против утверждения военно-блокового сознания, видя своей внешнеполитической целью разрядку международной напряженности, в том числе через конструктивное сотрудничество между всеми государствами в рамках наднациональных международных институтов. Общность позиции России и Китая неоднократно проявлялась в Совете Безопасности ООН (четыре совместных вето на резолюции по Ближнему Востоку в 2011–2013 гг., поддержка КНР российской резолюции по Сирии весной 2015 г., двойное вето на американский проект резолюции по Венесуэле 28 февраля 2019 г. и др.).

Главная тенденция российско-китайского взаимодействия в XXI веке состоит в том, что по мере расширения стратегического партнерства и институционализации БРИКС, ШОС и ЕАЭС Россия и Китай совместно приобретают все более значимую роль в системе геополитики, формируя систему многополярного мира¹⁸. В данном отношении показательны слова одного из ведущих американских политологов Джона Миршаймера: «Думаю, что мы живем в многополярном мире, где есть три великих державы – Китай, Россия и Соединенные Штаты»¹⁹. Соответственно, взаимоотношения России, Китая и США оказывают мощное влияние на формирование новой мировой архитектуры, в значительной степени предопределяющей образ глобальной цивилизации XXI века²⁰.

Установившиеся между Россией и Китаем открытость диалога и согласованность политики как в сфере международных отношений, так и в финансово-экономической области являются важным фактором развития стратегического партнерства двух стран в новых условиях глобализации XXI века. Высоко оценивая беспрецедентный уровень доверия и взаимопонимания, который достигнут нашими странами, Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем выступлении на церемонии открытия Третьего китайско-российского Экономического форума высших деловых кругов в октябре 2008 г. отметил: «В условиях кризиса куда более важным, чем золото и валюты, представляются уверенность и сотрудничество. Уверенность – это источник силы для преодоления кризиса, и эффективный выход из него открывает сотрудничество»²¹.

Современная внешнеполитическая концепция КНР, основанная на принципе «мирного возвышения» и «гармоничного мира», предполагает дальнейшее расширение многостороннего долгосрочного взаимодействия с Россией как с главным геополитическим партнером, что в значительной степени способствует

¹⁸ Шавшуков В.М. Развивающиеся рынки стран БРИКС в системе глобальных финансов // Вестник СПбГУ. Серия: Экономика. 2012. Вып. 1. С. 119.

¹⁹ Mearsheimer John J. Conversations in International relations: Interview with John J. Mearsheimer (part I) // International Relations. 2006. № 20. P. 113.

²⁰ Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М., 2015. С. 377.

²¹ Речь премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на открытии Третьего китайско-российского Экономического форума деловых кругов на высоком уровне (полный текст). Сайт МИД КНР. 29.10.2008. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t520367.shtml> (дата обращения: 20.07.2019).

ет реализации стратегических политических и финансово-экономических целей КНР²². Современный Китай стремится к укреплению международной безопасности и стабильности посредством расширения политики глобального китайского регионализма, обеспечивающей становление новой многополярной архитектоники внешнеполитических и финансово-экономических взаимоотношений ведущих мировых государств²³. Россия поддерживает внешнюю политику Китая, его креативную «стратегию вхождения в мир», сама основывая свою внешнюю политику на аналогичных принципах – открытости и многосторонней дипломатии. В то же время и Россия и КНР выстраивают в Азиатско-Тихоокеанском регионе диверсифицированные внешнеэкономические отношения, интенсивно развивая торговые, экономико-технологические и межбанковские связи с США, Канадой, Европейским Союзом, странами АСЕАН, Индией, Японией и др.

На протяжении 2000-х гг. во взаимоотношениях России и Китая успешно развивается креативный многосторонний процесс институционализации сотрудничества, имеющий тенденцию к дальнейшему расширению и углублению. Важнейшим институциональным фактором, интенсифицирующим российско-китайское взаимодействие на международной арене, является совместное членство двух стран в БРИКС²⁴. Так, в итоговой Декларации, принятой на Третьем Саммите БРИКС, проходившем в г. Санья в КНР (о. Хайнань) в апреле 2011 г., главы государств Содружества сделали совместное официальное заявление, что «твердо намерены добиваться того, чтобы в странах БРИКС продолжался сильный и устойчивый экономический рост», что «внесет вклад в долгосрочный, стабильный, здоровый и сбалансированный рост мировой экономики»²⁵.

Группа стран БРИКС является политическим и финансово-экономическим объединением нового типа, возникшим в условиях современной глобализации, когда происходит системное укрепление координации действий между ее региональными и субрегиональными объектами, повышая их роль в международном экономическом пространстве²⁶. В 2013 году в России был принят концептуальный документ «Россия и БРИКС. Стратегические цели и средства их достижения», в котором российско-китайское сотрудничество определялось в качестве одного из приоритетных направлений деятельности. Взаимодействие России и Китая в

²² *Абрамова Н.А., Абрамов В.А.* Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы международной конференции. Чита, 18–20 октября 2006 г. Чита, 2006. С. 75–79.

²³ *Буянов К.С.* Энергетические параметры глобализирующегося китайского регионализма в контексте стратегического партнерства России и Китая как фактор обеспечения региональной стабильности и безопасности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4 (61). С. 12.

²⁴ *Давыдов В.М.* Особенности сотрудничества в формате БРИКС и роль России. URL: www.brics.mid.ru/brics.nsf (дата обращения: 21.07.2019).

²⁵ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года). URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBsamBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A> (дата обращения: 20.07.2019).

²⁶ *Садовничий В.А., Яковлев Ю.В., Акаев А.А.* Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС. М., 2014.

рамках БРИКС явилось импульсом как для внутреннего развития двух стран, так и для повышения темпов роста глобальной экономики начала XXI века²⁷.

Финансово-экономическое сотрудничество

Рост международного влияния России и Китая, институционализация БРИКС и укрепление российско-китайского стратегического партнерства являются значимыми факторами, определяющими развитие процесса перемещения центра финансовой и экономико-технологической силы с Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион²⁸.

Интеграция современной России в политическое и финансово-экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона происходит в рамках стратегического партнерства с Китаем, который является локомотивом промышленного и технологического роста в АТР; при этом Россия наращивает всестороннее многоуровневое сотрудничество с китайским бизнесом, обладающим богатым опытом деловых переговоров и развитыми бизнес-связями с азиатскими партнерами. Китайская сторона всемерно поддерживает предложения России по дальнейшему развитию долгосрочного сотрудничества в экономике, энергетике, банковской сфере, а также в области космоса и авиационного производства²⁹.

В 2010-е гг. продолжается расширение российско-китайского интеллектуального сотрудничества в сфере экономики и финансовых технологий. Площадками для обсуждения конкретных проектов политического, индустриального, инвестиционного характера явились «Круглый стол по актуальным вопросам межбанковского взаимодействия», прошедший в мае 2011 г. в Пекине, IX Российско-Китайский инвестиционный форум в Харбине в июне 2012 г., Российско-Китайский Экономический форум «Большие возможности малого и среднего бизнеса» 2015 г. и др. Данные мероприятия способствовали развитию сотрудничества двух стран в рамках ЕАЭС, БРИКС и между государствами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Перспективным направлением российско-китайского финансово-экономического сотрудничества является энергодиалог по таким направлениям взаимодействия, как: нефтегазовый комплекс, электроэнергетика (в том числе атомная), угольная промышленность, возобновляемые источники энергии³⁰. Вопрос обеспечения стабильного импорта энергоресурсов из России является важнейшим фактором внешней политики КНР³¹. С начала 2000-х гг. Китай последовательно

²⁷ *Петрова Д.А.* Перспективы сотрудничества России и Китая в рамках БРИКС // Научный альманах. 2017. № 5 (43). С. 205.

²⁸ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 157.

²⁹ *Кокарев К.А.* Китайский фактор и интересы России в АТР // Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество и место России в региональном развитии. М., 2014. С. 65.

³⁰ *Строганов А.О.* Российско-китайское сотрудничество в области энергетики // Фундаментальные исследования. 2016. № 11. С. 1066–1071. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41304> (дата обращения: 20.07.2019).

³¹ *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С. 34.

увеличивает долю импорта полезных ископаемых из России, в свою очередь активно экспортируя продукцию электроники и машиностроения. В настоящее время завершается начатое в 2015 г. строительство газопровода «Сила Сибири». Как отметил посол Российской Федерации в КНР А.И. Денисов, это «беспрецедентный крупнейший энергетический проект»³².

Торгово-экономические отношения России и Китая в настоящее время вышли на качественно новый этап своего развития, характеризующийся многосторонним взаимодействием бизнес-сообществ и устойчивыми темпами роста: действует Российско-Китайская Палата по содействию торговле машинно-технологической и инновационной продукцией, китайская сторона осуществляет системные меры по увеличению закупок российского промышленного оборудования³³. Развивается сотрудничество России и Китая в сфере гражданской авиации. Так, Российская Федерация и КНР в мае 2015 г. заключили «Соглашение о продвижении российских самолетов в Азии». Россия всемерно поддерживает реализацию масштабного логистического проекта Китая «Один пояс, один путь».

На новый уровень вышло в рассматриваемый период военно-техническое сотрудничество России и Китая, ускорился переход от поставок в КНР современных российских вооружений к реализации совместных НИОКР в оборонной сфере к объединенному производству новейших систем вооружений. Стала реальной перспектива совместного выхода российских и китайских предприятий на международные рынки вооружений. Интенсифицировались контакты России и Китая по линии министерств обороны, расширяется практика совместных военных учений³⁴.

На Евразийском пространстве стратегическое партнерство России и КНР в рассматриваемый период позволяет успешно развивать сотрудничество наших стран в сфере основных направлений национальных интересов – в финансово-экономической области, в системе безопасности, в логистике и НИОКР. В рамках российско-китайского взаимодействия было начато осуществление такой масштабной экономической и социокультурной инициативы, как «Экономическая зона Великого Шелкового пути», базовая концепция которой была сформулирована председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г.³⁵ Как отмечают А.И. Салицкий и Н.К.Семенова, участие России в конструктивном и амбициозном проекте Китая является важным этапом в развитии российско-китайских отношений в XXI в.³⁶

Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Азиатском регионе имеет хорошую институциональную основу в лице

³² *Щепин К.* Экономическое сотрудничество расширяется // Российская газета. Спецвыпуск. 2009. № 11 (7769). URL: <https://rg.ru/2019/01/20/v-2019-godu-rossiia-i-kitaj-vyjdut-na-novye-rubezhi-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 20.07.2019).

³³ *Шлындов А.В.* Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической, производственной сферах // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 17–41; *Цуй Чжэн.* Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС. М., 2016. С. 209–210.

³⁴ Шойгу: военно-техническое сотрудничество РФ и КНР становится особенным. URL: <https://ria.ru/20141119/1034040517.html?in=t> (дата обращения: 22.07.2019).

³⁵ *Тавровский Ю.В.* Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты М., 2015. С. 169.

³⁶ *Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 2.

Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Россия и Китай уделяют первостепенное внимание работе в Деловом Совете и Межбанковском объединении ШОС, способствуя реализации долгосрочных планов регионального сотрудничества.

Первая договоренность об инвестиционном сотрудничестве между двумя странами была достигнута в эпоху появления отдельных рыночных институтов в СССР и зафиксирована в межправительственном советско-китайском Соглашении «О поощрении и защите капиталовложений» от 21 июля 1990 г.³⁷ Позднее правовая база инвестиционного взаимодействия России и Китая модернизировалась в соответствии с общим вектором расширения экономических связей двух стран, в том числе обновлялись Соглашения «О поощрении и взаимной защите капиталовложений» между Россией и Китаем (в настоящее время действуют Соглашение и Протокол, ратифицированные Федеральным законом РФ от 9 апреля 2009 г.)³⁸. На основе данного документа происходит практическая реализация государственной политики России и Китая в сфере привлечения инвестиций в развивающиеся отрасли национальных экономик³⁹. Китайские инвесторы проявили, в частности, большой интерес к новейшим российским разработкам в области высоких технологий, энергетики и др.

В 2000-е гг. российские компании начинают проявлять все больший интерес к китайскому финансовому рынку, изучая его организационную и правовую специфику и стремясь интегрироваться в новое для них высокотехнологичное финансовое пространство⁴⁰. Успешно развивается деловое сотрудничество российского строительного бизнеса с китайскими партнерами, которые принимали участие в создании московского Делового Сити, в строительстве «Балтийской жемчужины» в Санкт-Петербурге и др.

В 2010-е гг. руководство России и Китая продолжает уделять большое внимание в своей деятельности развитию российско-китайского партнерства в финансовой сфере. В 2011 г. при поддержке правительств двух стран был учрежден объединенный Российско-Китайский инвестиционный фонд (РКИФ) в размере 4 млрд долларов, главной задачей которого является дальнейшее расширение сотрудничества двух стран в сфере разработки и реализации долгосрочных инвестиционных проектов. В июне 2012 г. в Пекине был подписан «Меморандум о создании управляющей компании РКИФ» и утверждены основные принципы ее

³⁷ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Пекин, 21 июля 1990 г. // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763237> (дата обращения: 12.07.2019).

³⁸ Федеральный закон от 9 апреля 2009 г. № 54-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений и Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений» // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902151601> (дата обращения: 12.07.2019).

³⁹ *Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В.* Страны БРИКС в современной мировой экономике. М., 2013. С. 352.

⁴⁰ *Вахрушин И.В.* Фондовый рынок КНР. М., 2013.

работы, что стало новым шагом на пути углубления межбанковского взаимодействия России и Китая. В настоящее время РКИФ включает в себя более 80 крупных российских экономических объединений, предприятий и ассоциаций, реализующих инвестиционные и производственные проекты в Китае⁴¹.

В июне 2014 г. в ходе работы Шестого саммита БРИКС, проходившего в Бразилии, странами-участницами было подписано «Соглашение о создании Нового Банка развития стран БРИКС» и сформирован Пул валютных резервов. Банк развития БРИКС стал одной из ключевых институциональных структур Содружества, осуществляя инвестирование значительной части российско-китайских инфраструктурных проектов, прежде всего на экономической территории Евразийского Союза и АТР⁴².

Новым перспективным вектором развития российско-китайских деловых отношений стало инвестиционное и технологическое сотрудничество в экономическом развитии Дальневосточного региона России. Взаимодействие в данной сфере нашло свое воплощение в кредитных соглашениях Дальневосточного банка России и Государственного банка развития Китая, учреждении Агрофонда и «Российско-Китайского Фонда агропромышленного развития» (РКФАР). Китайские бизнесмены проявляют значительный интерес к инвестированию в освоение лесных ресурсов, энергетику, сектор услуг, строительную и транспортную инфраструктуру Дальнего Востока⁴³.

Межбанковское взаимодействие России и Китая на глобальном финансовом рынке ведет к взаимному развитию финтех-индустрии: повышается качество информационных и операционных технологий, совершенствуется методика их применения⁴⁴, решаются вопросы системных преобразований банковских комплексов и повышения их устойчивости к глобальным рискам⁴⁵.

Значимую роль в расширении российско-китайского финансово-экономического взаимодействия в рамках глобального стратегического партнерства играет Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный в 2014 г. по совместному решению России и Китая и в настоящее время быстро укрепляющий свои позиции в международной финансовой системе. АБИИ стал серьезным конкурентом Всемирного банка, Азиатского банка развития и ряда других транснациональных финансовых корпораций⁴⁶. Участие России в инвестиционных проектах

⁴¹ Новоселова Л.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте «поворота России на Восток» // *Россия и современный мир*. 2017. № 3. С. 152–153.

⁴² Левашов Р.О., Беляев Е.В. Банк развития стран БРИКС как элемент международной финансовой архитектуры // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2014. № 4. С. 92–99.

⁴³ Сазонов С.Л. Сотрудничество РФ – КНР в развитии инфраструктурной интеграции // *Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»*. Москва, 16–18 октября 2013 г. М., 2013. С. 133–134.

⁴⁴ Ярыгина И.З. Кибенко Н.С. Опыт Китая и России в применении финансовых технологий // *Вектор экономики*. 2018. № 9 (27). С. 8–9.

⁴⁵ Эскиндаров М.А., Федотова М.А. Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая: сборник научных статей. М., 2009. С. 4.

⁴⁶ Еришов В.Ф. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – новый институт финансовой системы Китайской Народной Республики // *Российский научный журнал*. 2015. № 6. С. 261–262.

АБИИ значительно повышает ее финансово-экономическое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе и дает возможность привлечения инвестиций на отечественный внутренний рынок. В целом, расширение связей российской банковской системы с банками и инвестиционными компаниями в АТР способствует повышению ее технологичности и укреплению позиций на глобальных рынках капитала.

Взаимодействие в гуманитарной сфере

Широкий культурный диалог с Китайской Народной Республикой в рассматриваемый период выступает в качестве одного из приоритетов российской внешней политики и находится в центре внимания высшего руководства Российской Федерации. В 2010 г. перед своим официальным визитом в Китай Д.А. Медведев в интервью корреспонденту газеты «Жэньминь Жибао» особо подчеркнул значимость гуманитарной составляющей российско-китайских отношений: «Российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере имеет большие перспективы, в том числе по линии регионов и общественных организаций»⁴⁷.

Во второй половине 1990-х – 2000-е гг. была сформирована современная нормативно-правовая база российско-китайского сотрудничества в сфере образования, которая включает Соглашения «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях» (1995 г.), «О сотрудничестве в области образования» (2006) и другие межправительственные документы⁴⁸, которые способствуют развитию активного взаимодействия между вузами и культурному диалогу молодежи наших стран.

С середины 2010-х гг. сфера истории и культуры приобретает все большее значение в контексте политического и цивилизационного диалога России и Китая. Председатель КНР Си Цзиньпин присутствовал на праздновании 70-летия Великой Победы в Москве 9 мая 2015 г. в качестве почетного гостя. В сентябре того же года Президент России В.В. Путин принял участие в торжествах, проходивших в Пекине в связи с 70-летием Победы китайского народа в войне сопротивления Японии и окончания Второй мировой войны. В рамках визита был проведен ряд двусторонних встреч, посвященных обсуждению актуальных международных проблем⁴⁹. В частности, Президент России В.В. Путин и Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отметили, что наши страны совместно отстаивают итоги Второй мировой войны, считая недопустимыми попытки их идеологического пересмотра и создание ангажированных историко-политических мифов⁵⁰.

⁴⁷ Медведев Д.А. Отношения с Китайской Народной Республикой – один из приоритетов российской внешней политики. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7150423.html> (дата обращения: 07.07.2019).

⁴⁸ Справка о сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в области образования // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://vi.russia.edu.ru/news/events/kitai/cpravka/> (дата обращения: 28.06.2019)

⁴⁹ Визит в Китай. Празднование 70-й годовщины Победы китайского народа в войне сопротивления Японии и окончания Второй мировой войны. 2–3 сентября 2015 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/50244> (дата обращения: 07.07.2019).

⁵⁰ Владимир Путин: Отношения России и Китая интенсивно развиваются // РИА Новости. URL: http://ria.ru/politics/20150902_1223335253.html?3k/ue/?ep (дата обращения: 07.07.2019).

В январе 2019 г. в Пекине состоялась встреча членов Общественной палаты Российской Федерации с главой и членами Экономического и социального совета (ЭСС) Китая, на которой обсуждались вопросы образования, экологии и культуры, в том числе задачи сохранения исторического наследия двух стран.

В рассматриваемый период успешно развивается российско-китайское сотрудничество в научной сфере. Академическая коммуникативность между Россией и Китаем включает научные собрания, форумы и конференции, программы обмена специалистами, сотрудничество между вузами и научно-исследовательскими учреждениями⁵¹. В 2018 г. двусторонний обмен специалистами и обучающимися между Россией и КНР в рамках академической мобильности приблизился к цифре в 90 тысяч человек, в том числе обмен студентами превысил 50 тысяч человек⁵².

В России растет популярность китайского языка, который в 2015–2016 г. изучало более 40 тысяч человек, а в 2017 – уже свыше 60 тысяч человек⁵³. На самом высоком уровне была оказана поддержка проекту «Год китайского языка в России», в торжественном открытии которого в марте 2010 г. приняли участие главы правительств двух стран. В России действуют 22 Института Конфуция, которые получили высокую оценку в научной литературе как эффективный инструмент китайской культурной дипломатии⁵⁴. В китайских вузах проходят обучение тысячи российских студентов. В контексте расширения международного сотрудничества России и Китая повышается роль русского языка как средства общения в повседневной и интеллектуальной сфере. Как показывает мировой опыт, образовательные обмены являются одним из важнейших аспектов глобального политического диалога⁵⁵. Научно-образовательное сотрудничество России и Китая создает новые интеллектуальные и деловые связи в системах ШОС и БРИКС⁵⁶, формирует «диалоговые окна» между их участниками и академическими и молодежными сообществами России и Китая⁵⁷. Образовательный диалог является важным компонентом интеграционной модели развития евразийского пространства в XXI веке⁵⁸. Так, университеты в России и КНР стали соучредителями и участниками

⁵¹ *Чжан Шуэуа*. Китай и Россия: обмен идеями и сотрудничество «мозговых центров» // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014. С. 220–224.

⁵² Россия и Китай подписали Протокол об увеличении обмена учащимися // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=348 (дата обращения: 08.07.2019).

⁵³ Российское образование. Федеральный портал. URL: <http://www.edu.ru/news/international/obshchee-chislo-izuchayushchih-kitayskiy-yazyk-v-r/> (дата обращения: 08.07.2019).

⁵⁴ *Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С.* Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 5. С. 51–59.

⁵⁵ *Долгинский А.В.* Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 57.

⁵⁶ *Цвык Г.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 415–428.

⁵⁷ *Yeo Lay Hwee, Lluc Lopez I Vidal.* Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches. Barcelona, 2008. P. 9.

⁵⁸ *Пивовар Е.И.* Дефиниции и специфика интеграционных процессов на пространстве СНГ и ЕАЭС // Современная история и геополитика в Центральной Азии: коллективная монография. Алматы, 2017. С. 17.

Сетевого университета ШОС, Российско-китайской ассоциации экономических университетов (РКАЭУ) и Ассоциации азиатских университетов.

Многолетнее плодотворное сотрудничество с ведущими китайскими университетами осуществляет Российский университет дружбы народов. Так, с 2003 г. развивается взаимодействие РУДН с Шаньдунским университетом, где прошли стажировку по китайскому языку около 400 студентов РУДН; в свою очередь, в РУДН стажировалось значительное число китайских студентов. В октябре 2018 г. РУДН посетила делегация представителей 36 университетов и Министерства образования Китая во главе с Ли Чуньшэном, заместителем Генерального секретаря Китайской образовательной Ассоциации международных обменов, который в своем приветственном слове подчеркнул, что Российский университет дружбы народов был выбран для официального визита китайской делегации, поскольку «важен для развития и укрепления сотрудничества с ведущими университетами и центрами высшего образования Китая»⁵⁹. В ходе переговоров обсуждался широкий спектр вопросов научно-методического и организационного характера и задачи дальнейшего развития образовательных и научных связей РУДН с университетами Китая.

Общественно-культурный диалог России и Китая начал активно развиваться в 2000-е гг. благодаря созданию совместных координирующих органов и подготовке ряда масштабных культурных проектов. Так, в декабре 2000 г. в Москве была учреждена Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области культуры, спорта, здравоохранения и образования, существенно укрепившая гуманитарное взаимодействие наших стран и ставшая координатором ключевых аспектов культурного диалога России и Китая⁶⁰.

С 2003 г. начинается последовательное расширение российско-китайского взаимодействия в сфере культуры. Одним из наиболее ярких этапов этого процесса стало проведение национальных годов России и Китая. В «Совместной декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации» подчеркивалось, что решение о проведении Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. имеет стратегическое значение, направленное на дальнейшее укрепление политического взаимодействия и углубление сотрудничества сторон в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других областях⁶¹.

Год России в Китае стал знаковым культурным проектом, в рамках которого было проведено более 250 мероприятий, соответствовавших высокому уровню взаимоотношений России и КНР. Культурный диалог не ограничивался столицами – Москвой и Пекином, но распространялся на другие города и регионы, способствуя более глубокому взаимопониманию народов наших стран. Так, например,

⁵⁹ Новый виток сотрудничества Россия – Китай: в РУДН обсудили перспективы взаимодействия с ведущими вузами Китая // Сайт РУДН. Международное сотрудничество. 17 октября 2018 г. URL: <http://www.rudn.ru/media/news/international-cooperation/novyuy-vitok-sotrudnichestva-rossiya-kitayv-rudn-obsudili-perspektivy-vzaimodeystviya-s-vedushchimi-vuzami-kitaya> (дата обращения: 12.07.2019).

⁶⁰ *Сытенко Г.Н.* Российско-китайское культурное сотрудничество на рубеже XX–XXI вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 3. С. 101.

⁶¹ Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 7–13.

10 декабря 2006 г. в Музее города Тяньцзинь открылась выставка выдающихся образцов народного искусства России⁶²; и т.п.

В рамках Года Китая в России в 2007 г. было организовано около 200 акций в сфере политики, экономики, торговли, культуры, науки и образования, СМИ, техники, военного сотрудничества и др. Данные мероприятия характеризовались богатством содержания, высоким уровнем творческого исполнения и организации и явились важным фактором повышения интереса россиян к китайской культуре, научным и деловым связям с КНР. В программу культурных мероприятий вошли гала-представление «Симфония весны», в котором приняли участие Центральная балетная труппа Китая, Государственный ансамбль песни и танца «Восток» и театр Пекинской оперы, состоялись выставки «Белое золото. Классика и современность китайского фарфора», «Современная живопись Китая после реформы», «Сокровища Запретного города из собрания китайских императоров» и др. Под знаком Года Китая в России были проведены 11-й Международный экономический форум в Санкт-Петербурге и 4-й Китайско-Российский инвестиционный форум, состоялась Национальная выставка Китая, демонстрировавшая экономические и технологические успехи КНР.

Большую креативную роль в развитии гуманитарных связей России и Китая играют средства массовой коммуникации, формирующие позитивное информационное пространство, знакомящие общественность с историей, культурой и современной жизнью двух стран⁶³. В целях расширения информационного взаимодействия России и КНР в июле 2002 г. была создана Российско-Китайская рабочая группа по совместной работе в сфере СМИ, в которую вошли представители МИД России, редколлегии «Интерфакса», ВГТРК, «Российской газеты» и др. Китайская сторона была представлена сотрудниками МИД КНР и Департамента пропаганды ЦК КПК, работниками органов кинематографии и радиовещания.

В рамках Года России в Китае был проведен масштабный конкурс на лучший репортаж о России, подготовленный китайскими журналистами, организаторами которого стали информационное агентство «РИА Новости» и Всекитайская ассоциация журналистов⁶⁴. В 2016 – 2017 гг. состоялись Год российских СМИ в Китае и Год китайских СМИ в России. В 2018 г. органы массовой информации двух стран осуществили диверсификацию совместной работы в целях создания общей цифровой среды и противодействия негативным вызовам глобального информационного пространства⁶⁵.

В 2010-е гг. гуманитарные связи России и Китая начали более активно развиваться на региональном уровне. В целях стимуляции этого процесса 2018–2019 гг. были объявлены Годами межрегионального сотрудничества. Значимыми компонен-

⁶² Выставка произведений народного искусства России открылась в Тяньцзинь. Информационный портал China.org. По материалам Агентства Синьхуа. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/280155.htm> (дата обращения: 10.07.2019).

⁶³ *Исаев А.С.* Сотрудничество средств массовой информации России и Китая: история, проблемы, возможности // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 12–20.

⁶⁴ В Пекине объявлены итоги конкурса на лучший репортаж о России, написанный китайскими журналистами. Информационный портал China.org. По материалам Агентства Синьхуа. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/279380.htm>. (дата обращения: 10.07.2019).

⁶⁵ Россия подготовит проект программы цифрового сотрудничества с Китаем весной 2019 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5754864> (дата обращения: 10.07.2019).

тами российско-китайского культурного взаимодействия, в том числе на уровне регионов, являются молодежные спортивные и историко-культурные движения, а также туризм. Так, например, в декабре 2016 г. в Харбине и 6 декабря 2018 г. в Уфе состоялись, соответственно, Первые и Вторые Российско-Китайские молодежные зимние игры.

Большой вклад в развитие культурного взаимодействия наших стран вносит созданное в 1992 г. Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), которое ставит своей главной целью «активное участие в управлении и развитии традиционной дружбы и взаимопонимания между народами России и Китая, развитие разносторонних дружественных связей и контактов и деловое сотрудничество между гражданами России и Китая, их объединениями и организациями»⁶⁶. ОРКД – преемник Общества советско-китайской дружбы (ОСКД), созданного еще в октябре 1957 г. и с первых дней своего существования налажившего контакты с аналогичным китайским Обществом дружбы с СССР. В 1960–1970-е гг. Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), в структуру которого входило ОСКД, являлся важным каналом культурного диалога с Китаем. В Доме дружбы с народами зарубежных стран в Москве и в культурных центрах крупнейших городов СССР (в Ленинграде, Волгограде, столицах союзных республик) проводились мероприятия культурно-просветительной и творческой тематики⁶⁷.

Значимым институтом публичной дипломатии между Россией и Китаем стал основанный в 1997 г. «Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития» – межгосударственная неправительственная организация, которая объединяет в своих рядах представителей деловых кругов, общественных деятелей, политиков, дипломатов, журналистов, ученых, руководителей регионов, представителей творческой интеллигенции и др., которые содействуют поддержанию межцивилизационного диалога двух стран.

Выводы

Стратегическое партнерство России и Китая, в рамках которого осуществляется взаимная поддержка и сотрудничество на всех уровнях – международном, двустороннем, региональном и во всех базовых сферах цивилизационной деятельности – культурно-информационной, хозяйственно-экономической, банковской, энергетической и политической, а также в системе глобальной безопасности и экологии, способствует успешному продвижению России и Китая в новую глобальную экономику XXI века.

Стратегическое партнерство России и Китая в настоящее время является важным фактором обеспечения международной стабильности и глобальной безопасности, драйвером формирования многополярного мира, в утверждении которого наши страны видят перспективную альтернативу западному гегемонизму.

⁶⁶ История Общества Российско-Китайской дружбы (ОРКД) // Сайт Общества российско-китайской дружбы. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?page=history> (дата обращения: 10.07.2019).

⁶⁷ Куликова Г. Обществу российско-китайской дружбы – 55 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 162–170.

Стратегическое российско-китайское взаимодействие в XXI в. имеет большой потенциал развития: его дальнейший подъем и углубление обусловлены также наличием ряда значимых базовых предпосылок – доброй волей народов и руководства наших стран и конструктивному сотрудничеству и дружбе, совпадением позиций по большинству внешнеполитических вопросов, взаимодополняемостью социально-экономического потенциала государств, эффективностью регионального взаимодействия, многогранным культурным диалогом и др.

В рамках межрегионального сотрудничества Россия и Китай реализуют свои стратегические интересы, что имеет особое значение в условиях процесса глобализации и формирования новых геополитических центров политического и финансово-экономического влияния. Межрегиональное взаимодействие позволяет России и КНР успешно противостоять усилению конкуренции на мировых финансовых и технологических рынках.

Российско-китайское взаимодействие в финансово-экономической сфере, в промышленно-технологическом, научном, культурном направлениях достигло в настоящее время высоких количественных и качественных характеристик и имеет дальнейшие перспективы развития. Усилиями обеих сторон создана договорно-правовая и организационная основа для дальнейшей успешной реализации инновационных программ сотрудничества, что способствует воплощению в жизнь политики стратегического партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Развитие российско-китайского стратегического партнерства в условиях глобализирующегося социально-экономического, политического и культурного пространства способствует росту экономического потенциала двух стран, успешной институционализации БРИКС как нового мирового центра технологического, промышленного и финансового роста.

Стратегическое взаимодействие России и Китая обеспечено последовательной политикой руководства наших стран, направленной на всемерное расширение сотрудничества в экономической области, банковской сфере, культуре, науке и системе образования.

Стратегическое партнерство России и Китая является важным компонентом формирования многополярного мира и имеет большие перспективы в XXI в. как фактор обеспечения международной стабильности, позитивного вектора развития новой глобальной экономики и общецивилизационного культурного строительства.

Рукопись поступила: 22 июля 2019 г.

Submitted: 22 July 2019

Библиографический список

- Абрамова Н.А., Абрамов В.А.* Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы международной конференции. Чита, 18–20 октября 2006 г. Чита: ЧитГУ, 2006. С. 75–79.
- Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В.* Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: ИНФРА-М, 2013. 480 с.
- Булатов А.С.* Россия в международном движении капитала в 2017 – начале 2018 года: аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2018. 310 с.

- Буянов К.С. Энергетические параметры глобализирующегося китайского регионализма в контексте стратегического партнерства России и Китая как фактор обеспечения региональной стабильности и безопасности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4 (61). С. 10–16.
- Буяров Д.В. Современный Китай в системе международных отношений. М.: КРАСАНД, 2012. 280 с.
- Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР. М.: ИДВ РАН, 2013. 336 с.
- Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: энергетические аспекты международных отношений и безопасности // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007. С. 22–39.
- Воскресенский А.Д. Россия и Китай. Теория и история межгосударственных отношений. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 412 с.
- Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М.: ИДВ РАН, 2015. 400 с.
- Долинский А.В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО. 2014. № 2. С. 56–62.
- Ершов В.Ф. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – новый институт финансовой системы Китайской Народной Республики // Российский научный журнал. 2015. № 6. С. 261–268.
- Исаев А.С. Сотрудничество средств массовой информации России и Китая: история, проблемы, возможности // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 12–20.
- Кокарев К.А. Китайский фактор и интересы России в АТР // Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество и место России в региональном развитии. М.: РИСИ, 2014. С. 62–68.
- Киссинджер Г. О Китае. М.: Издательство АСТ, 2015. 635 с.
- Куликова Г. Обществу российско-китайской дружбы – 55 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 162–170.
- Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
- Левашов Р.О., Беляев Е.В. Банк развития стран БРИКС как элемент международной финансовой архитектуры // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2014. № 4. С. 92–99.
- Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 5. С. 51–59.
- Ли Син, Савкин Д.А., Завьялова Е.А. Китай и Россия: Новое евразийское экономическое партнерство? М. – СПб: Нестор-История, 2018. 352 с.
- Лукин А.В., Денисов А.И., Дацышен В.Г. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: «Весь Мир», 2013. 704 с.
- Лу Чуньюе, Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран», через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 127–135.
- Мясников В.С. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. Lewiston (N.Y.): Edwin Mellen press, 2001. 619 с.
- Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 72–80.
- Мосяков Д.В. Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ // Международные процессы. 2016. Т. 15. № 3. С. 103–106.
- Муратишина К.Г. 20 лет партнерства России и Китая: результаты и итоги. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 248 с.
- Новосёлова Л.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 58–64.

- Новоселова Л.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте «поворота России на Восток» // *Россия и современный мир*. 2017. № 3. С. 149–163.
- Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 239 с.
- Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.
- Проскуракова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Новая и новейшая история*. 2005. № 7. С. 153–165.
- Петрова Д.А.* Перспективы сотрудничества России и Китая в рамках БРИКС // *Научный альманах*. 2017. № 5 (43). С. 204–207.
- Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: предпосылки, становление, развитие (1991–2015 гг.). СПб: Алетейя, 2017. 247 с.
- Пивовар Е.И.* Дефиниции и специфика интеграционных процессов на пространстве СНГ и ЕАЭС // *Современная история и геополитика в Центральной Азии: коллективная монография*. Алматы: Қазақ университеті, 2017. С. 6–19.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Садовничий В.А., Яковлев Ю.В., Акаев А.А.* Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII Саммиту БРИКС. М.: МИСК – ИНЭС, 2014. 388 с.
- Сазонов С.Л.* Сотрудничество РФ – КНР в развитии инфраструктурной интеграции // *Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»*. Москва, 16–18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 133–135.
- Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Россия и евроазиатский проект Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 7. С. 2–10.
- Сытенко Г.Н.* Российско-китайское культурное сотрудничество на рубеже XX–XXI вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2013. № 3. С. 99–106.
- Тавровский Ю.В.* Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: Эксмо, 2015. 272 с.
- Титаренко М.Л.* Россия и Китай: Стратегическое партнерство и вызовы времени. ИДВ РАН. М.: Форум, 2014. 224 с.
- Титаренко М.Д.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое партнерство: проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум», 2012. 544 с.
- Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.
- Титаренко М.Л., Портяков В.Я.* Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Современное состояние, проблемы и предложения. М.: Форум, 2014. 520 с.
- Цвык Г.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. Том 18. № 2 (2018). С. 415–428.
- Цуй Чжэн.* Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС. М.: Макс Пресс, 2016. 214 с.
- Чжан Шухуа.* Китай и Россия: обмен идеями и сотрудничество «мозговых центров» // *Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Современное состояние, проблемы и предложения*. М.: Форум, 2014. С. 220–224.
- Шавшуков В.М.* Развивающиеся рынки стран БРИКС в системе глобальных финансов // *Вестник СПбГУ*. Серия: Экономика. 2012. Вып. 1. С. 119–135.
- Шлындов А.В.* Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической, производственной сферах // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 6. С. 17–41.
- Эскиндаров М.А., Федотова М.А.* Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая. М.: Финакадемия, 2009. 146 с.
- Ярыгина И.З., Кибенко Н.С.* Опыт Китая и России в применении финансовых технологий // *Вектор экономики*. 2018. № 9. С. 1–12.

- Cheng Joseph Y.S. *China's foreign policy: Challenges and prospects*. Singapore: World Scientific Publishing, 2016. 210 p.
- Kurlantzick Joshua. *China's Charm: Implications of Chinese Soft Power* // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2006. № 47. P. 3–8.
- Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001. 555 p.
- Nye, Joseph S. *Is the American Century Over?* Malden, MA: Polity Press, 2015. 125 p.
- Mearsheimer, John J. *Conversations in International relations: Interview with John J. Mearsheimer (part I)* // *International Relations*. 2006. № 20. P. 110–125.
- Yeo Lay Hwee & Lluç Lopez I Vidal. *Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches*. Barcelona: CIDOB Edition, 2008. 149 p.

References

- Abramova, N.A., and Abramov, V.A. “Teoriya «novogo regionalizma» v issledovaniyakh kitayskikh uchenykh.” In *Transgranich'ye v izmenyayushchetsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Chita, 18–20 oktyabrya 2006 g.*, 75–79. Chita: ChitGU Publ., 2006 (in Russian).
- Avdokushin, Ye.F., and Zharikov, M.V. *Strany BRIKS v sovremennoy mirovoy ekonomike*. Moscow: INFRA-M Publ., 2013 (in Russian).
- Bulatov, A.S. *Rossiya v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala v 2017 – nachale 2018 goda: analiticheskiy doklad*. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2018 (in Russian).
- Buyanov, K.S. “Energeticheskiye parametry globaliziruyushchegosya kitayskogo regionalizma v kontekste strategicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya kak faktor obespecheniya regional'noy stabil'nosti i bezopasnosti.” *Transbaikal State University Journal*, no. 4 (61) (2010): 10–16 (in Russian).
- Buyarov, D.V. *Sovremennyy Kitay v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy*. Moscow: KRASAND Publ., 2012 (in Russian).
- Chzhan, Sh. “Kitay i Rossiya: obmen ideyami i sotrudnichestvo “mozgovykh tsentrov.” In *Strategicheskiy partnerskiy dialog mezhdru Rossiyey i Kitayem: Sovremennoye sostoyaniye, problemy i predlozheniya*, 220–224. Moscow: Forum Publ., 2014 (in Russian).
- Cheng, Joseph, Y.S. *China'S Foreign Policy: Challenges and Prospects*. Singapore: World Scientific Publishing Publ., 2016.
- Davydov, A.S. *Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformatsii global'noy arkhitektoniki*. Moscow: IDV RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Dolinskiy, A.V. “Obrazovatel'nyye obmeny v publichnoy diplomatii: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt.” *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (35) (2014): 56–62 (in Russian).
- Eskindarov, M.A., and Fedotova, M.A., eds. *Opyt reformirovaniya finansovykh i bankovskikh sistem Rossii i Kitaya*. Moscow: Finakademiya Publ., 2009 (in Russian).
- Isayev, A.S. “Sotrudnichestvo sredstv massovoy informatsii Rossii i Kitaya: istoriya, problemy, vozmozhnosti.” *Far Eastern Affairs*, no. 2 (2016): 12–20 (in Russian).
- Kokarev, K.A. “Kitayskiy faktor i interesy Rossii v ATR.” In *Aziatsko-Tikhookeanskoye sotrudnichestvo i mesto Rossii v regional'nom razvitii*, 62–68. Moscow: RISI Publ., 2014 (in Russian).
- Kissindzher, G. *O Kitaye*. Moscow: AST Publ., 2015 (in Russian).
- Kulikova, G. “Obshchestvu rossiysko-kitayskoy družby – 55 let.” *Far Eastern Affairs*, no. 1 (2013): 162–170 (in Russian).
- Kurlantzick, J. “China's Charm: Implications of Chinese Soft Power.” *Carnegie Endowment for International Peace*, no. 47 (2006): 3–8.
- Larin, V.L. *V teni prosmuvshegosya drakona. Rossiysko-kitayskiye otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov*. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Levashov, R.O., and Belyayev, Ye.V. “Bank razvitiya stran BRIKS kak element mezhdunarodnoy finansovoy arkhitektury.” *Modern High Technologies. Regional Application*, no. 4 (2014): 92–99 (in Russian).

- Leont'yeva, E.O., and Belokopytova, M.S. "Instituty Konfutsiya kak instrument vneshney politiki KNR." *Regionalistics* 3, no. 5 (2016): 51–59 (in Russian).
- Li, S., Savkin, D.A., and Zav'yalova, Ye.A. *Kitay i Rossiya: Novoye yevraziyskoye ekonomicheskoye partnerstvo?* Moscow – St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018 (in Russian).
- Lukin, A.V., Denisov, A.I., and Datsyshen, V.G. *Rossiia i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy.* Moscow: «Ves' Mir» Publ., 2013 (in Russian).
- Lu, Ch., and Datsyshen, V.G. "Rossiya i Kitay v 1990-ye gody: ot «druzhestvennykh stran», cherez «konstruktivnoye partnerstvo» k «strategicheskomu partnerstvu»." *Modern Scientific Thought*, no. 1 (2019): 127–135 (in Russian).
- Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton Publ., 2001.
- Mearsheimer, John J. "Conversations in International relations: Interview with John J. Mearsheimer (part I)." *International Relations*, no. 20 (2006): 110–125.
- Mosyakov, D.V. "Novaya i noveyshaya istoriya. Modernizatsiya i globalizatsiya vostochnykh obshchestv." *International Trends* 15, no. 3 (2016): 103–106 (in Russian).
- Myasnikov, V.S. *Rossiia i Kitay: 400 let mezhgosudarstvennykh otnosheniy.* Lewiston (N.Y.): Edwin Mellen press Publ., 2001 (in Russian).
- Myasnikov, V.S. "Rossiya i Kitay: kontakty gosudarstv i tsivilizatsiy." *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2 (1996): 72–80 (in Russian).
- Muratshina, K.G. *20 let partnerstva Rossii i Kitaya: rezul'taty i itogi.* Yekaterinburg: Ural State University Publ., 2016 (in Russian).
- Novosolova, L.V. "Rossiysko-kitayskoye investitsionnoye sotrudnichestvo: sostoyaniye i perspektivy." *Asia and Africa Today*, no. 1 (2013): 58–64 (in Russian).
- Novosolova, L.V. "Rossiysko-kitayskoye investitsionnoye sotrudnichestvo v kontekste «povorota Rossii na Vostok»." *Russia and Contemporary World*, no. 3 (2017): 149–163 (in Russian).
- Nye, Joseph S. *Is the American Century Over?* Malden, MA: Polity Press Publ., 2015.
- Portyakov, V.Ya. *Vneshnyaya politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki v XXI stoletii.* Moscow: IDV RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Portyakov, V.Ya. *Stanovleniye Kitaya kak otvetstvennoy global'noy derzhavy.* Moscow: IDV RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Proskuryakova, H.A. "Kontseptsii tsivilizatsii i modernizatsii v otechestvennoy istoriografii." *Modern and Current History Journal*, no. 7 (2005): 153–165.
- Petrova, D.A. "Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v ramkakh BRIKS." *Science Almanac*, no. 5 (43) (2017): 204–207 (in Russian).
- Pivovarov, Ye.I. *Yevraziyskiy integratsionnyy proyekt na postsovetskom prostranstve: predposylki, stanovleniye, razvitiye, (1991–2015 gg.).* St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2017 (in Russian).
- Pivovarov, Ye.I. "Definitsii i spetsifika integratsionnykh protsessov na prostranstve SNG i YEAES." In *Sovremennaya istoriya i geopolitika v Tsentral'noy Azii: kollektivnaya monografiya*, 6–19. Almaty: Kazak, universiteti Publ., 2017 (in Russian).
- Repina, L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: sotsial'nyye teorii i istoriograficheskaya praktika.* Moscow: Krug Publ., 2011 (in Russian).
- Sadovnichiy, V.A., Yakovlev, Yu.V., and Akayev, A.A. *Perspektivy i strategicheskiye priority voskhozhdeniya BRIKS. Nauchnyy doklad k VII Sammitu BRIKS.* Moscow: MISK – INES Publ., 2014 (in Russian).
- Sazonov, S.L. "Sotrudnichestvo RF – KNR v razvitii infrastrukturnoy integratsii." In *Kitay v epitsentre global'nykh problem ATR: Tezisy dokladov XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy».* Moskva, 16–18 oktyabrya 2013 g., 133–135. Moscow: IDV RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Salitskiy, A.I., and Semenova, N.K. "Rossiya i yevroaziatskiy proyekt Kitaya." *Asia and Africa Today*, no. 7 (2016): 2–10 (in Russian).
- Shavshukov, V.M. "Razvivayushchiyesya rynki stran BRIKS v sisteme global'nykh finansov." *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, no. 1 (2012): 119–135 (in Russian).

- Sytenko, G.N. “Cultural cooperation of Russia and China at the turn of the XX–XXI century.” *RUDN Journal of Russian History* 12, no. 3 (2013): 99–106.
- Shlyndov, A.V. “Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v nauchno-tekhnicheskoy, tekhnologicheskoy, proizvodstvennoy sferakh.” *Far Eastern Affairs*, no. 6 (2008): 17–41 (in Russian).
- Tavrovskiy, Yu.V. *Si Tszin’pin: Po stupenyam kitayskoy mechty*. Moscow: Eksmo Publ., 2015 (in Russian).
- Titarenko, M.L. *Rossiya i Kitay: Strategicheskoye partnerstvo i vyzovy vremeni*. IDV RAN. Moscow: Forum Publ., 2014 (in Russian).
- Titarenko, M.D. *Rossiya i yeye aziatskiye partnery v globaliziruyushchetsya mire. Strategicheskoye partnerstvo: problemy i perspektivy*. Moscow: ID «Forum» Publ., 2012 (in Russian).
- Titarenko, M.L. *Geopoliticheskoye znachenije Dal’nego Vostoka: Rossiya, Kitay i drugiye strany Azii*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008 (in Russian).
- Titarenko, M.L., and Portyakov, V.Ya. *Strategicheskij partnerskiy dialog mezhdru Rossiyey i Kitayem: Sovremennoye sostoyaniye, problemy i predlozheniya*. Moscow: Forum Publ., 2014 (in Russian).
- Tsvyk, G.I. “Rossiysko-kitayskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v ramkakh SHOS.” *Vestnik RUDN. International Relations* 18, no. 2 (2018): 415–428 (in Russian).
- Tsuy, Ch. *Nauchno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo RF i KNR v kontekste innovatsionnogo razvitiya stran BRIKS*. Moscow: Maks Press Publ., 2016 (in Russian).
- Vakhrushin, I.V. *Fondovyy rynek KNR*. Moscow: IDV RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. “Bol’shaya Vostochnaya Aziya»: energeticheskiye aspekty mezhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti.” In *Energeticheskiye izmereniya mezhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti v Vostochnoy Azii*, 22–39. Moscow: MGIMO Publ., 2007 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Rossiya i Kitay. Teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy*. Moscow: Izdatel’skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh program Publ., 1999 (in Russian).
- Yarygina, I.Z., and Kibenko, N.S. “Opyt Kitaya i Rossii v primenenii finansovykh tekhnologiy.” *Economic Vector*, no. 9 (27) (2018): 1–12 (in Russian).
- Yeo Lay Hwee, Lluc Lopez I Vidal. *Regionalism and Interregionalism in the ASEM context: Current Dynamic and Theoretical Approaches*. Barcelona: CIDOB Edition Publ., 2008.
- Yershov, V.F. “Aziatskiy bank infrastruktornykh investitsiy (ABII) – novyy institut finansovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki.” *Russian Scientific Journal*, no. 6 (2015): 261–268 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ершов Виталий Федорович, доктор исторических наук, заместитель директора Центра аналитики и прогнозирования Московского государственного областного университета.

Vitaly F. Ershov, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Deputy Director of the Center for Analytics and Forecasting, Moscow Region State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Научная статья / Research article

Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии

О.А. Воркунова^{a,b}, К.П. Курылев^c

^aМосковский государственный лингвистический университет;
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38; vorkunovaimemo@gmail.com

^bНациональный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН;
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23; vorkunovaimemo@gmail.com

^cРоссийский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10; kurylev-kp@rudn.ru

Russian-China relations – connectivity to Eurasia transformation

Olga A. Vorkunova^{ab}, Konstantin P. Kurylev^c

^aMoscow State Linguistic University; 38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia;
vorkunovaimemo@gmail.com

^bPrimakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences; 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russia;
vorkunovaimemo@gmail.com

^cRUDN University; 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация: В статье рассматриваются российско-китайские отношения и их влияние на состояние и перспективы развития такого важного международного региона, как Евразия. Специальное внимание авторы уделяют эволюции российско-китайских отношений в исторической ретроспективе, особенностям формирования стратегического партнерства двух ведущих держав Евразии, расширению их политического и экономического сотрудничества. В статье отмечается, что превращение Евразии в весомую политическую силу в международных отношениях было связано с качественными изменениями в мировой экономической и политической ситуации, с новым содержанием моделей соперничества и сотрудничества. В статье комплексно рассматриваются исторические этапы трансформации Евразийского центра силы, процессы его возвышения и фрагментации и место в этом России и Китая. Особое внимание уделяется специфике евразийской взаимозависимости, усилению факторов инноваций в содержании и формах евразийской трансформации. В анализе системы евразийского пространства авторами делается акцент на выделении основных тенденций в политической сфере, усилении значения организационных форм отношений между Европейским союзом и Китаем, а также

© Воркунова О.А., Курылев К.П., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на особенностях российско-китайских отношений в постукраинский период, повлиявших на консолидацию Евразийского хозяйственного комплекса. В статье анализируется сущность и характер отношений между складывающимся евразийским хозяйством и национальными хозяйствами входящих в евразийское пространство стран. Одновременно авторы исследуют проблему организации глобального и региональных пространств безопасности и формирования структуры комплексного сочетания горизонтальных и вертикальных связей.

Ключевые слова: Китай, Россия, ЕС, США, Маньчжурия, Арктика, ШОС, ЕвразЭс.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

Для цитирования: Воркунова О.А., Курьлев К.П. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 828–844. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Abstract: The article discusses Russian-Chinese relations and their impact on the state and development prospects of such an important international region as Eurasia. The authors pay special attention to the evolution of Russian-Chinese relations in historical retrospect, to the peculiarities of forming a strategic partnership between the two leading powers of Eurasia, and to the expansion of their political and economic cooperation. The article notes that the transformation of Eurasia into a significant political force in international relations was associated with qualitative changes in the global economic and political situation, with a new content of models of rivalry and cooperation. The article comprehensively examines the historical stages of the transformation of the Eurasian center of power, the processes of its elevation and fragmentation, and the place in this of Russia and China. Particular attention is paid to the specifics of Eurasian interdependence, the strengthening of innovation factors in the content and forms of the Eurasian transformation. In the analysis of the system of the Eurasian space, the authors focus on highlighting the main trends in the political sphere, strengthening the importance of the organizational forms of relations between the European Union and China, as well as on the features of Russian-Chinese relations in the post-Ukrainian period that influenced the consolidation of the Eurasian economic complex. The article analyzes the nature and nature of the relationship between the emerging Eurasian economy and the national economies of the countries included in the Eurasian space. At the same time, the authors explore the problem of organizing global and regional security spaces and forming the structure of a complex combination of horizontal and vertical ties.

Keywords: China, Russia, EU, USA, Manchuria, Arctic, SCO, EurAsEC

Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165.

For citation: Vorkunova, Olga A., and Kurylev, Konstantin P. “Russian-China relations – connectivity to Eurasia transformation,” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 828–844. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-828-844>

Введение

Проблемы появления международных регионов в целом и феномена трансформации регионального пространства Евразии в частности становятся предметом широких дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. Такие дискуссии резко обостряются после значительного усиления двух крупнейших держав Евразии – России и Китая и расширения их военно-политического сотрудничества. Изучением разных аспектов российско-китайского сотрудничества занимается широкий круг российских ученых, в том числе Воскресенский А.Д.¹,

¹ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай; теория и история межгосударственных отношений. М., 1999; *Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М., 2004; *Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.

Ганьшина Е.И.², Делюсин Л.П.³, Ефремова Л.И.⁴, Кузык Б.Н.⁵, Ипатова А.С.⁶, Курьлев К.П.⁷, Лузянин С.Г.⁸, Лукин А.В. Михеев В.В.⁹, Мосяков В.Д.¹⁰, Рахманин О.Б.¹¹, Титаренко М.Л.¹², Чудодеев Ю.В.¹³, Цвык Г.И.¹⁴, Юртаев В.И.¹⁵

Среди американских ученых, занимающихся изучением российско-китайских отношений, следует назвать Оливера Эдмунда Клабба¹⁶, бывшего американского консула в Урумчи и впоследствии известного историка, автора работ по китайско-советским отношениям в Синьцзяне в 40-е годы XX в., Бэнсона Бобрика¹⁷, Дебору Капл¹⁸, Кэтрин Везерсби¹⁹, Сэмуэля Чараба²⁰, Джона Дреннана²¹ и Пьера Ноеля²². Исследования американских ученых показывают, что глобальные стратегические интересы двух крупнейших военных держав Евразии оказывают

² Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97.

³ Делюсин Л.П. Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира. М., 2002.

⁴ Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.

⁵ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.

⁶ Ипатова А.С. История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.

⁷ Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.

⁸ Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М., 2009; Лузянин С.Г. Глобальные и региональные измерения российско-китайско-индийского сотрудничества в центрально-азиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 33–41; Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2011. С. 5–31; Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.

⁹ Михеев В.В. Мировой кризис как новые возможности для китайской экономики // Общество и экономика. 2009. № 6. С. 22–33.

¹⁰ Мосяков В.Д. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012.

¹¹ Рахманин О.Б. К истории отношений России–СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

¹² Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М., 2005.

¹³ Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М., 2008; Он же. Россия – Китай. Стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы). М., 2011.

¹⁴ Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 415–428.

¹⁵ Юртаев В.И., Розов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.

¹⁶ Clubb E. China and Russia: The Great Game. New York, 1971. P. 13.

¹⁷ Bobrick B. East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia. New York, 1992. P. 542.

¹⁸ Kaple D. Soviet Advisors in China in the 1950s // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington D.C., 1998. P. 117–120.

¹⁹ Weathersby K. Stalin, Mao, and the End of the Korean War // Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963. Washington D.C., 1998.

²⁰ Charap S., Drennan J., Noel P. Russia and China: A New Model of Great-Power Relations // Survival. 2017. Vol. 59. № 1. P. 25–45, 30.

²¹ Там же. P. 30.

²² Там же.

влияние на перспективы развития этого международного региона. Углубление их взаимодействия в военной сфере вызывает озабоченность со стороны США и их союзников по НАТО²³.

Из истории российско-китайских отношений

Для различных сфер и звеньев российско-китайского сотрудничества характерно то, что они развивались неравномерно и достигали разной степени зрелости, что отчасти вызывало в прошлом кризисные явления и столкновения между партнерами. В историографии отмечается, например, что в первые три столетия взаимодействия Россия полностью доминировала, еще в 1639 г. русские первопроходцы добрались до берегов Охотского моря, граничащего с Тихим океаном²⁴. Первый конфликт между царской Россией и Китаем маньчжурской династии Цин разгорелся спустя десять лет после этого события и был связан с территориальными претензиями Китая. Северные провинции Китая имели для империи Цин особое значение.

Первый конфликт между Россией и Китаем XVII в., получивший в истории наименование «Албазинской войны», разгорелся в связи с контролем над Приамурьем. В результате Нерчинского договора 1689 г. империя Цин закрепила за собой территорию, ранее освоенную русскими по реке Амур, и граница была проведена по реке Аргуни.

Нерчинский договор стал первым соглашением, заключенным Китаем с иностранным государством. В последующие 170 лет после военного конфликта сохранялся мир²⁵. В то же время, как отмечали американские ученые, Россия никогда не теряла надежды на возвращение Приамурья. И эта возможность представилась после ослабления империи Цин в результате Опиумной войны 1839–1842 гг. между Британией и Китаем. Впоследствии, в 1850-х гг., русские купцы под предводительством генерал-губернатора Николая Муравьева и при поддержке казачьих отрядов смогли освоить земли по реке Уссури до побережья Тихого океана. По договору 1858 г. территория от Станового хребта по реке Амуру перешла к России, а спустя два года был заключен Пекинский договор 1860 г., согласно которому вся территория от Уссури до Тихого океана становилась российской. В том же году был основан город Владивосток, и 40 тысяч русских поселенцев заселили это пространство, включая возведение необходимых военных укреплений и портовых сооружений²⁶.

В 1862–1877 гг. в результате Дунганского восстания в провинциях Шэньси и Ганьсу Россия получила возможность присоединить Синьцзян. Впоследствии по Петербургскому договору (Договор об Илийском крае) 1881 г. она уступила восточную часть Илийского края империи Цин. С конца XIX в. и до японской интервенции в Маньчжурию в 1931 г. интенсивно развивались российско-китайские торговые связи, чему способствовали и первые инфраструктурные проекты –

²³ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 140.

²⁴ *Clubb E.* China and Russia: The Great Game. New York, 1971. P. 13.

²⁵ *Bobrick B.* East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia. New York, 1992. P. 79–95.

²⁶ Там же. P. 262.

строительство Маньчжурской железной дороги, соединившей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

Новый этап российско-китайского сотрудничества пришелся на период после Октябрьской революции 1917 г. и был связан с деятельностью руководителя Советского государства В.И. Ленина и китайского революционера Сунь Ятсена. В 1927 г. в период борьбы главнокомандующего Национальной революционной армии Китая Чан Кайши с коммунистами советское руководство во главе с И.В. Сталиным занимало выжидательную позицию, но в период гражданской войны 1946–1949 гг. и Китайской революции под руководством Мао Цзэдуна Советский Союз оказывал новому руководству Китая значительную помощь. В феврале 1950 г. между Советским Союзом и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который на многие годы определил характер двусторонних отношений и прошел сложные испытания временем.

Новый этап российско-китайских отношений

С начала 90-х гг. XX в. открылись новые возможности для укрепления российско-китайских отношений. Для развития взаимной торговли России и Китая большое значение имеет взаимодополняемость хозяйственных структур, географическая близость, тесные исторические связи. И хотя в 2001 г. объемы двусторонней торговли не превышали 10 млрд долл., в 2004 г. они достигли 21 млрд долл., а в 2014 г. – уже 95.2 млрд долл. В 2015–2016 гг. темпы роста торговли несколько замедлились, но с 2017 г. наблюдается устойчивый рост²⁷. После украинского кризиса 2014 г. Россия активизировала усилия в направлении использования китайских технологий и инвестиций²⁸. Взаимный интерес подкреплялся дополняемостью структуры энергетического сектора экономики Китая. Россия сохраняет позиции ведущего мирового экспортера природного газа, располагая 1/5 мировых запасов газа и существенными ресурсами нефти, а Китай по-прежнему является крупнейшим мировым потребителем энергетических ресурсов. В 2017 г. он обошел США по импорту сырой нефти.

Таким образом, формируется устойчивый российско-китайский симбиоз в развитии северных провинций Китая в географической близости от РФ. Два из шести крупнейших китайских городов – Пекин и Тяньцзинь расположены всего в тысяче милях от самого крупного резервуара пресной воды в мире – озера Байкал. Самые значительные экономические центры в Маньчжурии – Харбин и Шэньян находятся в еще большей близости к России. Местные природные ресурсы в северо-восточном Китае, служившие основой для индустриализации территории Китая к северу от Шанхая, близки к истощению, поэтому поставки углеводородов из России приходится как нельзя кстати. Импорт энергоресурсов из России снижает транспортные издержки и время доставки по сравнению с морскими танкерными перевозками нефти из зоны Персидского залива. Другой маршрут доставки жизненно важного топлива из Мьянмы через Индийский океан проходит через Бен-

²⁷ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 143.

²⁸ *Gabuev A.* Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie, 2016.

гальский залив и проигрывает как альтернативный вариант из-за недостаточного контроля со стороны Китая.

Нынешний этап двусторонних российско-китайских отношений превосходит по масштабу и разнообразию период расцвета 50-х гг. прошлого века. В 1990-е гг. была заложена нормативно-правовая база гуманитарного сотрудничества и определены основные направления российско-китайского взаимодействия²⁹. В мае 2014 г. был заключен масштабный проект «Сила Сибири» по сооружению 3000 км газопровода от Якутии через Иркутскую область к границе Китая. Согласно расчетам ежегодные поставки природного газа по газопроводу обеспечат 40 % потребностей Китая в газе и составят 60 % импорта компании «Газпром» в 2019–2020 гг.

По мнению западных экспертов, с введением экономических санкций против России вследствие украинского кризиса в двустороннем геостратегическом взаимодействии России и Китая появляется новое направление – освоение Арктики. Россия располагает географическими и транспортными возможностями для налаживания транзитных маршрутов через Северный морской путь. Китай проявляет растущий интерес к использованию природных богатств Арктики и освоению транспортных возможностей перспективного маршрута из Евразии в Европу. Беспрецедентные возможности для сотрудничества в Арктике двух евразийских гигантов с учетом глобальных изменений климата меняют будущую конфигурацию соотношения центров силы в мире. Первым шагом на пути российско-китайского сотрудничества в Арктике стал проект, совместно финансируемый российской компанией Новатэк (50,1 %), Китайской национальной компанией (20 %), французской Тоталь (20 %) и Фондом Китайского Шелкового пути (9,9 %). Первые поставки сжиженного газа с месторождения на Ямале по морю были осуществлены летом 2018 г.

Поиски новых способов и форм преодоления кризиса в отношениях России и стран Запада после 2014 г. определяют и усилия РФ по сближению с Китаем и поворот на Восток. Символическим событием, определившим новый вектор внешней политики России, стало проведение саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г., который посетил будущий лидер КНР Си Цзиньпин и проигнорировал тогдашний Президент США Барак Обама. В 2015 г. во Владивостоке состоялся Восточный экономический форум, ставший регулярным событием сентября. В 2018 г. в его работе приняли участие лидеры ведущих стран Евразии – Президент РФ Владимир Путин, Председатель КНР Си Цзиньпин, премьер-министр Японии Синдзо Абе, Президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, премьер-министр Южной Кореи Ли Нак Ён.

Поворот России в сторону Азии обозначился на пяти главных направлениях. Они включают в себя: 1) форсированное развитие российского Дальнего Востока; 2) увеличение экспорта энергоресурсов в Азию, включая продукцию нефтехимической промышленности; 3) рост инвестиций в экономику России прежде всего из Китая; 4) расширение военно-политического сотрудничества со странами

²⁹ Ганьшина Е.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 94.

ми Азии, включая Китай, Вьетнам, Индию; 5) активное участие в организациях ШОС, БРИКС и Восточноазиатском саммите. Развитие российско-китайских отношений является значимым фактором продвижения ШОС³⁰. Далеко не случайно свой первый зарубежный визит в качестве Председателя КНР Си Цзиньпин совершил в Москву в конце марта 2013 г. В течение последующих месяцев он трижды встречался на высшем уровне с Президентом РФ В.В. Путиным и успел посетить Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан. Показательно было и то, что в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин объявил о своей инициативе Шелкового Экономического Пути в Университете Назарбаева в Алматы. При всех особенностях процесса регионализации в Евразии ведущей тенденцией во взаимодействии России и Китая в региональной организации глобального типа ШОС остается укрепление гуманистической составляющей, «понимаемой как адаптация человека к новому формату диалога»³¹.

Известную роль в изменении внешнеполитического курса России с Запада на Восток в международных отношениях сыграло стремление лидеров двух евразийских гигантов «компенсировать» потери, которые понесла Россия во взаимоотношениях с европейскими странами и США в связи с введением санкций. Однако сам по себе этот чисто субъективный фактор мог проявляться только потому, что назрели объективные потребности в формировании своего «политического лица» Евразии по отношению к внешнему миру.

Одна из таких объективных причин связана с успехами в продвижении целей проекта «Один пояс, один путь», Шелкового морского пути и осуществления финансирования глобальных проектов с помощью Азиатского Банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути. Общность интересов России и Китая в связи с ростом напряженности в отношениях между Россией и странами Запада наметилась также в валютно-финансовой сфере и особенно в сфере военно-политического сотрудничества. Так, в апреле 2015 г. Россия заключила контракт с Китаем на поставку ЗРС С-400 «Триумф», реализация которого началась в феврале 2017 г. Системы «Триумф» предназначены для обеспечения защиты зоны идентификации противоздушной обороны (ADIZ) в северной части Южно-Китайского моря и восточной части Китая. В 2018 г. Россия завершила поставки модернизированных истребителей Су-35 в соответствии с контрактом, заключенным в 2015 г. Экспорт российского вооружения стремительно рос в период 1999–2005 гг., в 2005–2010 гг. наблюдалось некоторое замедление, которое затем быстро компенсировалось подъемом экспорта вооружений в 2010–2015 гг.³²

Китайское руководство неоднократно выражало заинтересованность в развитии военных аспектов сотрудничества с Россией, радуя за проведение совместных военных операций. В мае 2015 г. Россия и Китай впервые предприня-

³⁰ Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 423.

³¹ Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 479.

³² Calder K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford, 2019. P. 155.

ли совместный поход кораблей военно-морского флота через Дарданеллы и провели маневры в Средиземном море, в сентябре 2016 г. – в Южно-Китайском море, а в 2018 г. – в восточной Сибири с участием 300 тыс. военнослужащих с российской стороны и 3 тыс. – с китайской³³.

Наконец, комплекс проблем, связанных с вопросами разоружения и сокращения стратегических наступательных вооружений, а также выходом США из Договора РСМД и вероятностью отказа США от продления срока Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений может оказать заметное воздействие на характер взаимоотношений между РФ и США и на характер мировой политики в целом. Евразийский проект – не столько альтернатива западной интеграции, сколько связующее звено между Западом и Востоком³⁴. В этих условиях консолидация Евразии, возвышение роли «евразийского культурного баланса» и развитие стратегического партнерства между Россией и Китаем могут стать единственной реалистической альтернативой для мирного взаимодействия, способствуя конструктивному ходу переговоров по широкому кругу международных вопросов как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Особенности исторической трансформации Евразии

Распад Советского Союза и последовавшая в результате этого трансформация региональной структуры политического пространства Евразии привели к тому, что образовавшийся здесь «геополитический вакуум» преобразовался в «вакуум безопасности» для государств евразийского пространства и его населения. С середины 1990-х гг. в регион проникают внешние акторы, претендовавшие на монопольное положение в системе региональной безопасности³⁵.

Превращение Евразии в весомую политическую силу в международных отношениях было связано с качественными изменениями в мировой экономической и политической ситуации, с новым содержанием соперничества и сотрудничества.

Европа и Азия физически не имеют географических барьеров, их разделяющих. Социокультурные системы располагающихся здесь государств развивались во взаимодействии. В то же время длительный период Евразию разобщали многочисленные конфликтные противостояния³⁶. Лишь с окончанием холодной войны наступил новый этап консолидации Евразии и превращения ее в суперконтинент, определяющий судьбы мира. Новый период развития Евразии формируется под воздействием внешних и внутренних факторов, в их числе возвышение Китая, распад СССР, приведший к сближению Китая и Европы, технологической революции в сфере логистики, внутренним разногласиям в США³⁷. Инфраструктур-

³³ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 158.

³⁴ *Курьлев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы, перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 14.

³⁵ *Emerson M.* The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe // Policy Brief. 2003. № 39. P. 2.

³⁶ *Emmott B.* Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade. Orlando, 2008.

³⁷ *Calder K.* Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, 2019. P. 1.

ная революция в Евразии благодаря осуществлению глобальных проектов Китая «Один пояс, один путь» преобразует континент в единое взаимосвязанное пространство, сокращая транспортные издержки и давление больших расстояний.

США доминировали в мировой политике в течение последних семидесяти лет, опираясь на неуязвимость американского континента. В то же время этот отрезок времени – лишь ничтожная часть тысячелетней мировой истории, в течение которой доминировал другой континент – евразийский. Например, в XVI в. на долю Евразии приходилось 89 % глобального ВВП, из которых Китаю принадлежало 25 %. Новый период в развитии Евразии открылся в результате начавшейся в конце XVIII в. промышленной революции. Доля Азии в глобальном производстве с 1750 по 1870 гг. до франко-прусской войны составляла 60 %. И лишь в конце XIX в. инициатива в мировом производстве перешла к Англии и США. Промышленное превосходство закрепило за Англией и США торговую гегемонию. Промышленный переворот и развитие капиталистической машинной индустрии начались в Англии, где мануфактура достигла наибольшего развития. Процесс производства в результате технического разделения труда был сведен к однородным, простейшим операциям, которые уже не трудно было заменить машиной. Военные победы над Испанией, Голландией и Францией обеспечили Великобритании господство на море и создание огромной колониальной империи, которая гарантировала для английской промышленности поступление денежных средств и сырья.

Социальные преобразования и революция в мануфактуре, рост внутреннего и внешнего рынка привели Европу и Северную Америку к ускоренному развитию и, наоборот, отставанию в технико-экономическом отношении Азии в течение XIX – начале XX в. К 1950 г. США обогнали Западную Европу по промышленному производству, при этом доля Азии составляла 2/3 производства США, хотя население континента десятикратно превышало население США (152,3 млн против 1,38 млрд. человек).

После Второй мировой войны Европа пережила реструктуризацию во многом благодаря плану Маршалла, когда в большинстве европейских стран завершилось восстановление разрушенной войной экономики и началось формирование новой структуры хозяйства. Катализатором для экономического возрождения Восточной Азии стала стремительно развивающаяся экономика Японии, Южной Кореи и отчасти Китая. Новый период в трансформации Евразии наступил в начале XXI в., когда существенно увеличились темпы экономического развития Китая на фоне распада Советского Союза и обнаружились новые черты трансформации Европы: интенсивный рост интеграционных процессов; усиление концентрации производства.

Связь между отдельными подсистемами Евразии формировалась в течение двух тысячелетий. Товарный обмен осуществлялся между Древним Римом и Китаем династии Хань. Весьма сложная совокупность национальных хозяйств, процесс воспроизводства в которых находился в тесной взаимной связи и обусловленности в период развития европейского империализма и отрыва от мирового капиталистического хозяйства Советского Союза, временно затормозила рост интеграционных процессов в Евразии. К этому добавились факторы влияния

двух мировых войн XX в., политического хаоса и последствия «холодной войны». Страны Евразии тогда не могли в полной мере участвовать в транснациональных экономических связях с другими субъектами международных отношений на прежней основе. В результате их роль в мировой экономике и политике сузилась.

Говоря о современном периоде развития Евразии, который наступил на рубеже XX–XXI вв., следует указать на формирование здесь новой «евразийской системы хозяйства», которая представляет собой весьма сложную совокупность национальных хозяйств. Специфика евразийской системы в отличие от североамериканской состоит прежде всего в том, что она объединяет в единое целое как государственно оформленные и исторически сложившиеся хозяйства Азии в качестве подсистемы, так и сложившуюся в результате интеграционных процессов единую Европу, внутри которой связи носят, как правило, более регулярный и интенсивный характер.

На рубеже XXI в. совокупность факторов: распад Советского Союза, глобальный экономический кризис 2008 г., логистическая и информационная революция, трансформация Европы, России и ЮВА, геоэкономические проблемы Индии и Ирана порождают объективно существующие самостоятельные и устойчивые связи по линии товарного обмена, валютных отношений и зависимостей, движения иностранного капитала, передачи научно-технической информации в Евразии. Свой вклад в формирование евразийского хозяйственного комплекса, в котором взаимоувязываются национальные комплексы в единый евразийский организм, вносит Китай при Председателе КНР Си Цзиньпине с глобальным проектом «Один пояс, один путь»³⁸. Железнодорожные контейнерные перевозки между Европой и Китаем, которые начались с 2011 г., в 2017 г. достигли масштабов 3 тыс. единиц контейнеров, превысив уровень перевозок за последние шесть лет. Номенклатура товаров из Китая включает в себя детали для автомобилей, персональные компьютеры, одежду, обувь и др. Европейские товары в Китай – это преимущественно фармацевтическая продукция, машиностроение, детское питание, алкоголь. Параллельно с железнодорожными перевозками существенно увеличилось перевозки морским и воздушным транспортом.

Весь комплекс евразийских экономических отношений является основой для соответствующих политических, дипломатических и иных связей между государствами, которые в совокупности образуют систему евразийского пространства. В него входят институты АСЕМ – Евро-Азиатских встреч на высшем уровне, ШОС, конференций в формате 16+1.

Объективные связи важнейших элементов евразийской системы хозяйства условно можно было бы выразить схематически, абстрагируясь при этом от субъектов и форм этих связей. Перевозки по суше между Роттердамом и Шанхаем сокращают время транспортировки на 30 % по сравнению с морскими перевозками. Это существенно снижает издержки на доставку товаров. В капитализацию

³⁸ *Yiwei Wang*. The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise? Beijing, 2016. P. 37.

китайского глобального проекта «Один пояс, один путь» вовлечены такие фирмы, как КОСКО (COSCO), Huawei, Ericsson, Alibaba, Deutsche Bahn.

В евразийской системе хозяйства, таким образом, в один хозяйственный строй включена совокупность типов хозяйств входящих в него стран Европы и Азии. Вместе с тем евразийская система хозяйства включает в себя и соответствующую ей региональную систему государств, которая является внешнеполитической формой существования всего евразийского пространства. От состояния и характера отношений между странами в системе государств во многом зависят методы и формы функционирования евразийского пространства. Политические отношения между государствами ЕС и Китаем могут создавать благоприятные предпосылки для евразийских связей.

Таблица 1 / Table 1

Доля Евразии в мировом хозяйстве / Eurasia share in world economy

	Территория	ВВП в номинальном выражении	ВВП	Валовые резервы (в т.ч. золото)	Запасы нефти (подтвержденные)	Запасы газа (подтвержденные)
Весь мир	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00	100.00
Евразия (Азия+Европа)	40.96	61.93	69.41	83.72	59.33	80.81
Центральная Азия	3.03	0.33	0.68	0.30	1.84	11.29
Восточная Азия	8.88	24.04	24.97	42.89	1.51	2.83
ЮВА	3.35	3.50	6.33	7.66	0.74	4.10
Южная Азия	4.93	4.71	10.61	4.23	9.53	18.10
Западная Азия	3.70	3.84	5.60	4.40	38.75	24.41
Восточная Европа	13.91	3.78	5.73	7.23	6.29	18.71
Северная Европа	1.31	5.80	3.89	3.38	0.62	0.99
Южная Европа	1.00	4.89	4.09	2.64	0.04	0.02
Западная Европа	0.84	11.03	7.52	11.00	0.00	0.35
Остальной мир	59.04	38.07	30.59	16.28	40.67	19.19

Источник / Source: Caldor, K. Supercontinent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019. P. 7.

На долю Евразии приходится две трети мировых запасов нефти и более 80 % природного газа, 85 % золотовалютных ресурсов, 70 % мирового ВВП, примерно половина мировых производимых товаров.

Таким образом, евразийское пространство – весьма сложный экономический организм, который все время развивается и совершенствуется. Механизм его саморазвития подчинен объективным законам, сущность которых определяется господствующей системой инфраструктуры и новейших технологий телекоммуникаций.

Евразийское хозяйство и национальное хозяйство входящих в евразийское пространство стран – это такие экономические категории, которые не только отличаются друг от друга сферой их действия, но и имеют, кроме того, свои качественные отличия. Так, евразийские хозяйственные отношения устанавливаются не между отдельными производителями или их группами в рамках национального хозяйства, а между нациями, которые государственно объединены в хозяйственно-политические единицы, или же такими производителями и группами, которые разделены государственными границами. Сущность и характер этих отношений отличаются от прямых связей во внутригосударственном процессе воспроизводства.

По мере развития евразийского пространства его связи все более усложняются, развиваются, изменяются, как изменяется структура экономики, имеющая тенденцию к постоянному расширению и совершенствованию. Так, китайская инициатива «Один пояс, один путь» сочетает «современные реалии мирового развития» с длительной исторической традицией внутренней установки политической элиты этой страны на воссоздание прежнего влияния на «утраченных территориях»³⁹.

Основные подходы к проблеме безопасности в Евразии

Геополитическая организация мира в конце XX – начале XXI в. переживает этап очередной динамичной трансформации. В сложившихся условиях Россия призвана оставаться великой евразийской державой, неделимым ядром Хартленда, растянувшегося на континентальном массиве Европы и Азии. Но в нынешней фазе своего развития для России первостепенными являются задачи по мобилизации имеющихся у нее сил и ресурсов для устойчивой внутренней динамики, сохранению и укреплению своих позиций на пространстве СНГ и обеспечению безопасной буферной зоны. В стратегическом плане и в долгосрочной перспективе нет принципиальных противоречий между Россией, ЕС и Китаем как основных центров силы в Европе и Евразии. Важно лишь формирование продуктивного баланса, позволяющего избегать перекоса в сторону доминирования какой-либо одной из трех составляющих. Примечательно, что та же задача – не допустить доминирования какой-либо из сил в Евразии – стоит и перед США. Поэтому стратегия поддержки наиболее слабого угла в треугольнике ЕС – Россия – Китай объективно отвечает интересам всех участников мировой политики.

Новый, интегрированный подход к решению вопросов международной безопасности подтвердил, что основные факторы, угрожающие международной и национальной безопасности, носят транснациональный и трансграничный характер. Уход от традиционного, «милитаристского» понимания безопасности породил

³⁹ *Омаров Н.М.* К проблеме становления трансевразийского пространства безопасности: современное состояние и перспективы // Черноморско-Каспийский регион: проблемы и перспективы сотрудничества. М., 2005. С. 99–134.

необходимость выработки более широкой ее концепции, создаваемой на основе многостороннего участия и всеобъемлющего подхода. В этом смысле заслуживает внимание вопрос о возможности создания глобального «ландшафта безопасности». Формирующееся пространство безопасности как сочетание региональных «ландшафтов безопасности» понимается как открытая система, содержащая внутренние гарантии безопасности и средства «выплескивания» безопасности вовне⁴⁰.

Среди других структур безопасности, возникших в Евразии, следует отметить уникальный механизм «шанхайской пятерки» (апрель 1996 г.), знаменовавшей переход к принципиально новым отношениям между КНР и граничащими с ней странами бывшего СССР⁴¹. Трансформация «пятерки» в «Шанхайскую Организацию Сотрудничества» с включением в нее Узбекистана (15 июня 2001 г.), подписание Хартии ШОС (7 июня 2002 г.) и Ташкентской декларации (18 июня 2004 г.) позволили существенно увеличить степень ее влияния на обеспечение безопасности в регионе.

Незавершенность процесса оформления отдельных регионов и субрегионов Евразии как политических и экономических субъектов, способных самостоятельно идентифицировать себя в системе международных отношений, придает условность оценке «ассоциативной» системы безопасности как нового способа и формы организации пространства безопасности в постсоветской Евразии, основанного на постепенном усилении принципов кооперативной и коллективной безопасности в отношениях государств и международных организаций.

Выводы

С начала 90-х гг. XX в. открылись новые возможности для укрепления российско-китайских отношений. Для развития взаимной торговли России и Китая большое значение имеет взаимодополняемость хозяйственных структур, географическая близость, тесные исторические связи. Нынешний этап двусторонних российско-китайских отношений превосходит по масштабу и разнообразию период их расцвета, который приходился на середину XX в. Формируется устойчивый российско-китайский симбиоз в развитии северных провинций Китая в географической близости от России.

Для различных сфер и звеньев российско-китайского сотрудничества характерно то, что они развивались неравномерно и достигали разной степени зрелости, что отчасти вызывало в прошлом кризисные явления и столкновения между партнерами. В двустороннем геостратегическом взаимодействии России и Китая появилось новое направление – освоение Арктики, благодаря тому, что Россия располагает географическими и транспортными возможностями для налаживания

⁴⁰ Кульман Ю., Каллаган Д. Военные в обществе общего риска: элементы сравнения по девяти странам Западной, Центральной и Восточной Европы // *Военные и общество в Западной и Восточной Европе*. М., 2000. С. 481–485.

⁴¹ Ся Ишань. Механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России // *Китай в мировой политике*. М., 2001. С. 340; Акатаева А.А. Шанхайская организация сотрудничества как фактор региональной безопасности // *НАТО и Центральная Азия: региональная и национальная безопасность и стратегическое партнерство*. Алматы, 2003. С. 59–60.

транзитных маршрутов через Северный морской путь, а Китай проявляет растущий интерес к использованию природных богатств Арктики и освоению транспортных возможностей перспективного маршрута из Евразии в Европу. Беспрецедентные возможности для сотрудничества в Арктике двух евразийских гигантов с учетом глобальных изменений климата меняют будущую конфигурацию соотношения центров силы в мире.

Рукопись поступила: 24 июня 2019 г.

Submitted: 24 June 2019

Библиографический список

- Акатаева А.А.* Шанхайская организация сотрудничества как фактор региональной безопасности // НАТО и Центральная Азия: региональная и национальная безопасность и стратегическое партнерство. Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2003. С. 56–61.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай; теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999. 412 с.
- Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.
- Воскресенский А.Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. 124 с.
- Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97.
- Делюсин Л.П.* Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира. М.: ИМЭПИ РАН, 2002. 153 с.
- Ефремова Л.И.* О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.
- Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 70–93.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. 656 с.
- Кульман Ю., Каллаган Д.* Военные в обществе общего риска: элементы сравнения по девяти странам Западной, Центральной и Восточной Европы // Военные и общество в Западной и Восточной Европе. М.: Научная книга, 2000. С. 227–260.
- Курьлев К.П., Дестерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы, перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13–18.
- Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: Форум, 2009. 288 с.
- Лузянин С.Г.* Глобальные и региональные измерения российско-китайско-индийского сотрудничества в центрально-азиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 33–41.
- Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 5–31.
- Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Изд-во Огни, 2003. 320 с.

- Михеев В.В. Мировой кризис как новые возможности для китайской экономики // Общество и экономика. 2009. № 6. С. 22–33.
- Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: ИВ РАН, 2012. 220 с.
- Рахманин О.Б. К истории отношений России–СССР с Китаем в XX веке. М.: Изд-во Москва, 2002. 512 с.
- Ся Ишань. Механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001. С. 336–351.
- Титаренко М.Л. Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005. 412 с.
- Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 2. С. 415–428.
- Чудодеев Ю.В. На глазах меняющийся Китай. М.: ИВ РАН, 2008. 160 с.
- Чудодеев Ю.В. Россия-Китай. Стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы). М.: ИВ РАН, 2011. 224 с.
- Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469–482.
- Bobrick B. *East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia*. New York: Poseidon Press, 1992. 542 p.
- Calder K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford: Stanford University Press, 2019. 344 p.
- Charap S., Drennan J., Noel P. *Russia and China: A New Model of Great-Power Relations* // *Survival*. 2017. Vol. 59. № 1. P. 25–45.
- Clubb E. *China and Russia: The Great Game*. New York: Columbia University Press, 1971. 578 p.
- Deutch K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.
- Emerson M. *The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe* // *Policy Brief*. 2003. № 39. P. 1–17.
- Emmott B. *Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade*. Orlando: FL: Harcourt, 2008. 352 p.
- Gabuev A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace, 2016. 300 p.
- Kaple D. *Soviet Advisors in China in the 1950s* // *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. P. 117–120.
- Weathersby K. *Stalin, Mao, and the End of the Korean War* // *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. P. 238–276.
- Yiwei Wang. *The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise?* Beijing: New World, 2016. 220 p.
- Zhouying Jin. *The Future of Humanity. Global Civilization and China's Rejuvenation*. Chicago: Intellect, The University of Chicago Press, 2018. 293 p.

References

- Akatayeva, A.A. “Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva kak faktor regional'noy bezopasnosti.” In *NATO i Tsentral'naya Aziya: regional'naya i natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoye partnerstvo*, 56–61. Almaty: KazNU im. Al'-Farabi Publ., 2003 (in Russian).
- Bobrick, B. *East of the Sun: The Epic Conquest and Tragic History of Siberia*. New York: Poseidon Press Publ., 1992.

- Calder, K. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford: Stanford University Press Publ., 2019.
- Charap, S., Drennan, J., and Noel, P. “Russia and China: A New Model of Great-Power Relations.” *Survival* 59, no. 1 (2017): 25–45.
- Chudodeyev, Yu.V. *Na glazakh menyayushchiysya Kitay*. Moscow: IV RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Chudodeyev, Yu.V. *Rossiya-Kitay. Strategicheskoye partnerstvo na sovremennom etape (problemy i perspektivy)*. Moscow: IV RAN Publ., 2011 (in Russian).
- Delyusin, L.P. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya i problema mnogopolyarnogo mira*. Moscow: IMEPI RAN Publ., 2002 (in Russian).
- Deutch, K. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press Publ., 1957.
- Emerson, M. “The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe.” *Policy Brief*, no. 39 (2003): 1–17.
- Emmott, B. *Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan Will Shape our Next Decade*. Orlando: FL: Harcourt Publ., 2008.
- Gabuev, A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016.
- Gan’shina, Ye.I. “Rossiysko-kitayskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v 90-ye gg. XX veka.” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2015): 88–97 (in Russian).
- Ipatova, A.S. “Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v dokumentakh i materialakh.” *Modern and Current History Journal*, no. 2 (2013): 70–93 (in Russian).
- Kaple, D. “Soviet Advisors in China in the 1950s.” In *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*, 117–120. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press Publ., 1998 (in Russian).
- Kuzyk, B.N., and Titarenko, M.L. *Kitay – Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya*. Moscow: Institute of Economic Strategy Publ., 2006 (in Russian).
- Kul’man, Yu., and Kallagan, D. “Voyennyye v obshchestve obshchego riska: elementy sravneniya po devyati stranam Zapadnoy, Tsentral’noy i Vostochnoy Yevropy.” In *Voyennyye i obshchestvo v Zapadnoy i Vostochnoy Yevrope*, 227–260. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 2000 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Degterev, D.A., Smolik, N.G., and Stanis, D.V. “Kolichestvennyy analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva.” *International Organizations Research Journal* 13, no. 1 (2018): 134–156 (in Russian).
- Kurylev, K.P., and Stanis, D.V. “Protseess razvitiya yevraziyskoy integratsii: istoriya, sovremennyye problemy, perspektivy.” *Modern Science*, no. 2 (2015): 13–18 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. *Rossiya i Kitay v Yevrazii. Mezhdunarodno-regional’nyye izmereniya rossiysko-kitayskogo partnerstva*. Moscow: «Forum» Publ., 2009 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. “Global’nyye i regional’nyye izmereniya rossiysko-kitaysko-indiyskogo sotrudnichestva v tsentral’no-aziatskom rakurse.” *Far Eastern Affairs*, no. 2 (2007): 33–41 (in Russian).
- Luzyanin, S.G., and Mamonov, M.V. “Kitay v global’nykh i regional’nykh izmereniyakh. resursy i marshruty «vozvyscheniya».” In *Kitay v mirovoy i regional’noy politike. Istoriya i sovremennost’*, 5–31. Moscow: IDV RAN Publ., 2011 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. *Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX v. Politicheskoye vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* Moscow: Ogni Publ., 2003 (in Russian).
- Mikheyev, V.V. “Mirovoy krizis kak novyye vozmozhnosti dlya kitayskoy ekonomiki.” *Society and Economy*, no. 6 (2009): 22–33 (in Russian).
- Mosyakov, D.V. *Politika Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii: ot proshlogo k nastoyashchemu*. Moscow: IV RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Rakhmanin, O.B. *K istorii otnosheniy Rossii–SSSR s Kitayem v XX veke*. Moscow: Moskva Publ., 2002 (in Russian).
- Slubb, E. *China and Russia: The Great Game*. New York: Columbia University Press Publ., 1971.
- Sya, Ishan’. “Mekhanizm «Shankhayskoy pyaterki» i strategicheskoye vzaimodeystviye Kitaya i Rossii.” In *Kitay v mirovoy politike*, 336–351. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).

- Titarenko, M.L. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya. Sostoyaniye i perspektivy*. Moscow: IDV RAN Publ., 2005 (in Russian).
- Tsvyk, G.I. “Rossiysko-kitayskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v ramkakh SHOS.” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 2 (2018): 415–428 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Rossiya i Kitay; teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy*. Moscow: MONF Publ., 1999 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. *Rossiysko-kitayskoye strategicheskoye vzaimodeystviye i mirovaya politika*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2004 (in Russian).
- Voskresenskiy, A.D. «Bol'shaya Vostochnaya Aziya»: mirovaya politika i energeticheskaya bezopasnost'. Moscow: LENAND Publ., 2006 (in Russian).
- Weathersby, K. “Stalin, Mao, and the End of the Korean War.” In *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance, 1945–1963*, 238–276. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press Publ., 1998.
- Yiwei, Wang. *The Belt and Road Initiative: What Will China Offer the World in its Rise?* Beijing: New World Publ., 2016.
- Yefremova, L.I. “O rossiysko-kitayskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 4 (2017): 857–865 (in Russian).
- Yurtayev, V.I., and Rogov, A.S. “SHOS i BRIKS: osobennosti uchastiya v protsesse yevraziyskoy integratsii.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 3 (2017): 469–482 (in Russian).
- Zhouying, Jin. *The Future of Humanity. Global Civilization and China's Rejuvenation*. Chicago: Intellect; The University of Chicago Press Publ., 2018.

Информация об авторах / Information about the authors

Воркунова Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории регионоведения МГЛУ, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова.

Курьлев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Olga A. Vorkunova, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; senior researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences.

Konstantin P. Kurylev, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil hist.], Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864>

Научная статья / Research article

Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of ‘Belt and Road Initiative’ Historical retrospective and economic prospects

Stanislav E. Martynenko^a, Nickolay P. Parkhitko^a

^a RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
martynenko-se@rudn.ru, parkhitko-np@rudn.ru

Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь». История и экономические перспективы

С.Е. Мартыненко^а, Н.П. Пархитко^а

^а Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6; martynenko-se@rudn.ru, parkhitko-np@rudn.ru

Abstract. This article examines Russo-Chinese investment cooperation in China’s Belt and Road Initiative (originally the Silk Road Economic Belt). At the same time, it also studies bilateral agreements, as well as investment and mechanisms. Another focus is the impact of the BRI in Central Asian countries on Russian interests in the region. Research is based on an analysis of the history of joint Russian and Chinese initiatives for economic development to determine the feasibility of cooperation in the BRI. Meanwhile, the authors discuss the BRI’s impact on the economic and foreign policy of the two partners, as well as the risks and opportunities for Russia. The article is based on content and statistical analysis combined with a historical approach. It concludes that Russia and China are actively developing investment cooperation in the framework of the BRI, including the Silk Road Fund. The principal elements of the partnership involve the economy and processing and transporting energy resources. Its objective is to attain both regional economic stability as well as maximizing economic and political independence.

Keywords: Russia, China, ‘Belt and Road Initiative,’ Silk Road Economic Belt, economy

Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165.

For citation: Martynenko, Stanislav E., and Parkhitko, Nickolay P. “Russian-Chinese cooperation in Central Asia in the context of ‘Belt and Road Initiative:’ Historical retrospective and economic prospects.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 845–864. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864>

Аннотация: В статье исследуется инициатива «Один пояс, один путь» (BRI, также называемая Экономическим Поясом Шелкового пути), предложенная Китаем в 2013 г. Особое внимание уделяется российско-китайскому инвестиционному сотрудничеству в рамках проекта. Также в материале наиболее детально представлены двусторонние соглашения и проанализированы

© Martynenko S.E., Parkhitko N.P., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

основные инвестиционные потоки и существующие инвестиционные механизмы. В статье рассматривается вопрос о реализации проекта «Один пояс, один путь» с участием стран Центральной Азии в контексте национальных интересов России в этом регионе. Новизна исследования основывается на анализе российских и китайских инициатив в исторической ретроспективе с целью выявления вероятности объединения российского и китайского видения нового глобального экономического развития, а также расширения сотрудничества по объединению совместных усилий в данном направлении. Также сделан краткий прогноз развития проекта в ближайшей перспективе. Авторы дают характеристику влияния проектов на российскую и китайскую экономику, а также на внешнюю политику двух стран. В статье также анализируются риски и возможности для России, связанные с реализацией проекта. В ходе подготовки исследования авторы использовали общенаучные и специальные методы: контент-анализ и статистический анализ, метод исторического анализа и историко-ретроспективный метод. При изучении проблемы были сделаны следующие выводы: в современной международной повестке дня Россия и Китай активно развивают инвестиционное сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь», в том числе с привлечением Фонда «Шелковый путь». Основными отраслями сотрудничества являются экономика, добыча и транспортировка энергоносителей. Глобальная задача – достижение экономической стабильности в регионе и в то же время – получение максимальной экономической и политической независимости от глобальной политической конъюнктуры.

Ключевые слова: Россия, Китай, Инициатива «Один пояс, один путь», Экономический Пояс Шелкового Пути, экономика

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00165).

Для цитирования: *Мартыненко С.Е., Пархитко Н.П.* Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь». История и экономические перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 845–864. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-845-864>

Introduction

The Silk Road was a network of trade routes, formally established during the Han Dynasty. The road originated from Chang'an (now Xian) in the east and ended in the Mediterranean in the west, linking China with the Roman Empire.

As China's silk was the major trade product, German geographer Ferdinand von Richthofen coined it the Silk Road in 1877.¹ It was not just one road but rather a series of major trade routes that helped build trade and cultural ties between China, India, Persia, Arabia, Greece, Rome and Mediterranean countries. It reached its height during the Tang Dynasty, but declined in the Yuan dynasty, established by the Mongol Empire, as political powers along the route became more fragmented. The Crusades in the fifteenth century as well as advances by the Mongols in Central Asia seriously disrupted the Silk Route. By the sixteenth century, commerce with Europe had largely shifted to maritime trade routes, which were then considered cheaper and faster. Today, Central Asian countries are unable to interact with other countries. They are keen to integrate with the world economy. They are members of WTO but are still heavily dependent on Russia. For example, remittances, which dropped from earlier figures to a mere 15 percent in 2014, were specifically due to Russia's economic woes.² In the contemporary globalised world order connectivity and trade have come to occupy the centre stage

¹ Lee, A. "A brilliant plan. One Belt One Road," CLSA, accessed May 4, 2019, <https://www.clsa.com/special/onebeltoneroad/>.

² McBride, James. "Building the New Silk Road," *Concil on Foreign Relation*, accessed May 4, 2019, <http://www.cfr.org/asia-and-pacific/building-new-silk-road/p36573>.

of international politics. Recently, several connectivity projects have been launched. In this interplay of connectivity projects and North-South/East-West links, Central Asia occupies a key position. Central Asia's abundant natural resources and geopolitical location in the centre of the Eurasian heartland has attracted major powers who are vying for presence through such projects.³

From the historiographical point of view the problem of Russian-Chinese cooperation was the subject of interest of respectful Russian scientists such as S. Luzyanin, V. Mamonov, D. Teurtrie, V. Kolosov, M. Zotova, F. Popov, A. Gricenko, A. Sebencov, A. Larin, I. Makarov, A. Sokolova, D. Mosyakov,⁴ A. Mastepanov and others. They researched quite all the aspects and fragmentations of Sino-Russian relations: from economic to cultural and political ones.

Russian-Chinese relations are characterized by high dynamics of development, a solid legal base, an extensive organizational structure and active ties at all levels.

China and the USSR established diplomatic relations on October 2, 1949. The Soviet Union was the first foreign state to announce the recognition of the PRC.

After the collapse of the USSR, the Chinese government on December 24, 1991 recognized the Russian Federation as the legal successor of international rights and obligations of the former Soviet Union.

The basic principles and directions of bilateral cooperation are reflected in the Treaty of Good Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China of July 16, 2001.

Today's Russian-Chinese relations are officially defined by the parties as a comprehensive equal trusting partnership and strategic interaction. An intensive political dialogue is ongoing. President of Russia V.V. Putin and President Xi Jinping meet annually at least five times a year.

Speaking about Russian-Chinese cooperation, we should mention the Agreement on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China, signed on July 16, 2001 in Moscow by Chinese President Jiang Zemin and Russian President Vladimir Putin, since this agreement laid the foundation for high-quality a new stage of partnership between the two states.⁵

³ Joshi Nirmala, Kamala Kumari, "China's Silk Road Economic Belt and the Central Asian Response," Russian International Affairs Council, accessed May 6, 2019, <https://russiancouncil.ru/en/analitics-and-comments/analitics/china-s-silk-road-economic-belt-and-the-central-asian-response/>.

⁴ S.G. Luzyanin, " 'Odin poyas, odin put': rossiyskaya proyektziya i problemy sopryazheniya," in *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* (Moscow: IDV RAN Publ., 2017), 27–37; S.G. Luzyanin, A.G. Larin, "Problema kitayskikh migrantov v Rossii v kontekste sopryazheniya 'YEAES – Shelkovyy put'," in *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* (Moscow: IDV RAN Publ., 2017), 64–76; V.A. Kolosov, M.V. Zotova, F.A. Popov, A.A. Gritsenko, and A.B. Sebentsov, "Postsovetskoe pogranič'ie Rossii mezhdru Vostokom i Zapadom (analiz politicheskogo diskursa)," *Polis. Political studies*, no. 5 (2018): 57–69; I. Makarov, A. Sokolova, "Sopryazheniye yevraziyskoy integratsii i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlya Rossii," *International Organization Research Journal* 11, no. 2 (2016): 40–57; D.V. Mosyakov, "Novaya i noveyshaya istoriya: modernizatsiya i globalizatsiya vostochnykh obshchestv," *International Trends* 15, no. 3 (2015): 103–106; A. Mastepanov, and I. Tomberg, "Kitay diktuyet energeticheskuyu politiku XXI v.," *International Trends* 16, no. 3: 6–38.

⁵ Li Na. "Iniciativa 'odin poyas, odin put' kak novaya model' sotrudnichestva KNR s Rossiey i stranami Central'noy Azii," *RUDN Journal of World History*, no. 10 (2018): 384–385.

Russia and China share a number of common interests, not least in post-Soviet Central Asia. Beijing and Moscow are seeking to increase stability in the region and reduce the threat of separatism, notably in Xinjiang Province and (just recently) the North Caucasus. They both seek to limit the US presence in the region. In the economic sphere, both China and Russia want to increase ties in the region and ensure markets for their exports in the Central Asian economies. However, there are also sources of contention. Beijing is very interested in gaining direct access to Central Asian energy resources, while Moscow wants to maintain its dominant influence over the routes of energy supplies in the region. Despite some rival economic interests, they are a not potential source of conflict in the future, because there is much broader agreement on the need to cooperate on enhancing political and economic stability in the region.

In the past 50 years China has developed from a poor inward-looking agricultural country to a global manufacturing powerhouse.⁶ Its model of investing and producing at home and exporting to developed markets has elevated it to the world's second-largest economy after the USA.

Now faced with a slowing economy at home, China's leadership is looking for new channels to sustain its appetite for growth at a time when developing neighbors are experiencing rapidly rising demand.

At the heart of 'Belt and Road Initiative' (BRI) lies the creation of an economic land belt that includes countries on the original Silk Road through Central Asia, West Asia, the Middle East and Europe, as well as a maritime road that links China's port facilities with the African coast, pushing up through the Suez Canal into the Mediterranean. The project aims to redirect the country's domestic overcapacity and capital for regional infrastructure development to improve trade and relations with Asean, Central Asian and European countries.

First announced by Chinese president Xi Jinping in 2013, the core drive behind OBOR was clear. China's massive manufacturing sector, which had fueled its rapid expansion since the country's opening up in the 80s, was reaching overcapacity relative to sluggish global demand. Its export growth rate had slowed by a third since its historical peak in 2006, according to World Bank data, weighed down by anemic global consumer confidence still recovering from the 2008 financial crisis and continuing Greek and other European sovereign debt and fiscal worries.

Meanwhile, China faced a domestic conundrum of its own. Investment accounted for nearly half of GDP at the time, twice the world average according to OECD data, and was running into sharply diminishing returns.⁷ This meant that rather than China consuming the fruits of its labor, more money was flowing into new real estate projects, businesses, machinery, etc. than could be productively used.

BRI would achieve several goals in one fell swoop. Connecting China more directly with European and wealthy Persian Gulf consumer markets would vastly reduce transport times and cost, breathing life into higher-end technology manufacturing deve-

⁶ D.V. Mosyakov, "Novaya i noveyshaya istoriya: modernizatsiya i globalizatsiya vostochnykh obshchestv," *International Trends* 15, no. 3 (2015): 103.

⁷ "China Economic Snapshot," OECD, accessed May 6, 2019, <https://www.oecd.org/economy/china-economic-snapshot/>.

loping up and down the East Coast, Pearl River Delta, and increasingly inland (with China's Western Development strategy). This improved ability to get high-tech and finer products to market would drive up employment demand for their creators – i.e. the engineers, designers, financiers, and everyone in between involved in China's burgeoning innovation economy. These high-value-added sectors would in turn provide the growing urban middle class with spending money, driving up the domestic consumption share of GDP to assuage economic concerns over the investment share.⁸

The economic basis of the BRI project

On 28 March 2015, during the Boao Forum for Asia, China's National Development and Reform Commission, in conjunction with China's Foreign Ministry and Commerce Ministry, issued an action plan for the Belt and Road, bringing the concept one important step closer to realization. Titled the 'Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt (SREB) and 21st Century Maritime Silk Road,' the official document lays out the basic goals of the 'One Belt One Road' Initiative:

It is aimed at promoting orderly and free flow of economic factors, highly efficient allocation of resources and deep integration of markets; encouraging the countries along the Belt and Road to achieve economic policy coordination and carry out broader and more in-depth regional cooperation of higher standards; and jointly creating an open, inclusive and balanced regional economic cooperation architecture that benefits all.⁹

The Initiative's current priority is infrastructure connectivity. Towards that end, the Chinese government has facilitated the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank and set up a 40 billion US dollars Silk Road Fund.

SREB in geographically sense starts from China on the east end of the Eurasia continent, passes through Central Asia, West Asia, South Asia and some other regions by three lines (north line, middle line, and south line), approaches the Caspian, Black Sea, Mediterranean Sea and the Arabian Peninsula, and arrives in Europe and North Africa on the west end of Eurasia. Specifically, the three lines of the SREB are as follows:

- 'North Line' starting from China, via Kazakhstan, through southern Russia, through the Ukraine, Belarus, by Poland and other Eastern European countries, and finally reaches Germany, arriving in Western Europe;

- 'Middle Line' starting from China, via Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan by Turkmenistan and continues along the south shore of the Caspian Sea, finally reaching Europe through Turkey;

- 'South Line' starting from China, via Afghanistan, Pakistan, through Iran into the Arabian Peninsula, and then reaches North Africa through Egypt.¹⁰

⁸ Marcus Ryder, "One Belt, One Road, One Trillion Dollars – Everything You Need to Know in One Essay," CGTN.COM, accessed May 4, 2019, https://news.cgtn.com/news/3d63544d3363544d/share_p.html

⁹ "On the Formation and Significance of the Silk Road," *CNKI.NET*, no. 1 (2017), [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2018&filename=XWLL2017S1192&uid=WEE-vREcwSIJHSIdTTEYZVDhsN3d4K3BWZHE1M1RqQk5wUVdiSWlvaDVOcz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVA-qNKPCYcEjKensW4IQMouvHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjM3MjdTN0RoMVQzcVRyV00xRnJDV-VJMT2ZZdVJvRnk3aFY3ekFQVHJWJXJHNEg5YXZybzVNWm9SOGVYMUx1eFk](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFQ&dbname=CJFDLAST2018&filename=XWLL2017S1192&uid=WEE-vREcwSIJHSIdTTEYZVDhsN3d4K3BWZHE1M1RqQk5wUVdiSWlvaDVOcz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVA-qNKPCYcEjKensW4IQMouvHtwkF4VYPoHbKxJw!!&v=MjM3MjdTN0RoMVQzcVRyV00xRnJDV-VJMT2ZZdVJvRnk3aFY3ekFQVHJWJXJHNEg5YXZybzVNWm9SOGVYMUx1eFk).

¹⁰ *Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers*, May 20, 2014, <http://intl.ce.cn/specials/zxxx/201405/26/P020140526515434111874.pdf>.

One end of the SREB is the East Asian-Southeast Asia industrial chain, and the other end connects the developed Europe and the developing Africa. Even by the narrow-definition estimates, the SREB covers a population of 2.175 billion, accounting for 30.87 % of the world's total population. It is also related to economic scale of about 16 trillion U.S. dollars, accounting for 22.1 % of world total. By the broad-definition estimates, the SREB covers a population of approximately 3 billion, and relates to economy of approximately \$23 trillion USD, with huge market potential.¹¹

China is backing the plan with considerable resources, setting up, as we mentioned above, a New Silk Road Fund of \$40 billion to promote private investment along BRI. The New Silk Road Fund is sponsored by China's foreign exchange reserves, as well as government investment and lending arms.

In addition, the Asia Infrastructure Investment Bank is widely expected to support the initiative with a considerable share of its \$100 billion in lending, and the China Development Bank reportedly said it would invest almost \$900 billion into more than 900 projects involving 60 countries to bolster the initiative.¹² The OBOR goes well beyond infrastructure, envisioning closer coordination of economic development policies, harmonization of technical standards for infrastructure, removal of investment and trade barriers, establishment of free trade areas, financial cooperation and 'people to people bonds' involving cultural and academic exchanges, personnel exchanges and cooperation, media cooperation, youth and women exchanges, and volunteer services.¹³

BRI would achieve several goals in one fell swoop. Connecting China more directly with European and wealthy Persian Gulf consumer markets would vastly reduce transport times and cost, breathing life into higher-end technology manufacturing developing up and down the East Coast, Pearl River Delta, and increasingly inland (with China's Western Development strategy). This improved ability to get high-tech and finer products to market would drive up employment demand for their creators – i.e. the engineers, designers, financiers, and everyone in between involved in China's burgeoning innovation economy. These high-value-added sectors would in turn provide the growing urban middle class with spending money, driving up the domestic consumption share of GDP to assuage economic concerns over the investment share.

There's a geopolitically vital addition to BRI's benefits: increasing the efficiency of land and maritime trade routes would share China's economic success with its peers near and far by geographically dispersing complex supply chains across national borders. Large projects up and down the supply chain are already starting to see needed

¹¹ "The Impact of the New Silk Road on Trade: Analysis of Integration Model," *CNKI.NET*, no. 3 (2019), [http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFY&dbname=CJFDLAST2019&filename=DLCS201903019&uid=WEEvREcwSIJHSlDTEYzVDhsN3d4K3BWZHE1M1RqQk5wU-VdiSWlvaDVOcz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKx-Jw!!&v=MTQ0OTkxRnJVVJMTZ2ZdVJvRnk3aFU3elBJU0hJZmJHNEg5ak1ySTIFYlISOGVYMUx-leFITN0RoMVQzcVRyV00](http://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFY&dbname=CJFDLAST2019&filename=DLCS201903019&uid=WEEvREcwSIJHSlDTEYzVDhsN3d4K3BWZHE1M1RqQk5wU-VdiSWlvaDVOcz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKx-Jw!!&v=MTQ0OTkxRnJVVJMTZ2ZdVJvRnk3aFU3elBJU0hJZmJHNEg5ak1ySTIFYlISOGVYMUx-leFITN0RoMVQzcVRyV00).

¹² China Development Bank data, accessed May 11, 2019, http://www.cdb.com.cn/English/xwzx_715/khdt/201803/t20180309_4988.html.

¹³ Bert Hofman, "China's One Belt One Road Initiative: What we know thus far," World Bank Grup, accessed May 11, 2019, http://blogs.worldbank.org/eastasiapacific/china-one-belt-one-road-initiative-what-we-know-thus-farK_ftnrefl.

funding regardless of nationality. Chinese companies are investing massively in Central Asia's mining and petroleum industries, for example, improving employment conditions for substantial portions of their labor forces. And experienced Chinese high-speed rail companies, which have laid more track than the rest of the world combined, are building and planning networks in Southeast Asia and Africa (linking over sixty countries of the latter in conjunction with road construction projects).¹⁴

The historical retrospective of the Russian-Chinese economic cooperation in Central Asian region

Despite the collapse of the Soviet Union and China's growing economic influence in Central Asia, Russia keeps playing a substantial role in the region through a combination of energy, culture and military bonds that run too deep for China to sever in the short to medium term.¹⁵ China historically lags behind Russia in the matters of influence on Central Asia's humanitarian field.

Economically, while China has emerged as the region's number one trading partner and investor, Russia remains a dominant economic force in Central Asia. Russia continues to play a bigger role than China in the Central Asian oil market. Kazakhstan's two largest oil pipelines (with a combined export capacity of 1.42 million bpd) terminate on Russian territory, in Novorossiysk and in Samara. Tajikistan imports 90 percent of all petroleum products from the Russian Federation, while neighboring Kyrgyzstan brings in 92 percent of its fuel from Russia. Uzbekistan, with the region's largest population of 28 million people, consumes mostly internally produced natural gas but exports more than half of its remaining gas through Russia.

Russia's economic dominance in Central Asia is more prominent given the reliance of Central Asian countries on migrant remittance from Russia. About 1 million Kyrgyz citizens and over 1 million Tajikistan citizens (about half of each country's workforce) work in Russia. Tajikistan, a country with 8 million people, has been able to regain stability after the 1992–97 civil war, because many of its citizens are earning a living in Russia. The same goes for Kyrgyzstan, a country of less than 6 million and where two presidents have been overthrown since 2005.¹⁶ According to World Bank data, migrant remittance from Russia accounted for 25 per cent of the GDP in 2018 for both Tajikistan and Kyrgyzstan, and 12 per cent for Uzbekistan.¹⁷ While Russia's recent economic crisis and drop in the Ruble value has led to notable reduction of migrant remittance to these Central Asian countries, a significant portion of their GDP will continue to come from remittance from Russia given there is limited employment opportunities domestically and elsewhere, except Russia.

¹⁴ Marcus Ryder, and Patrick Musgrave, "One Belt, One Road, One Trillion Dollars – Everything You Need to Know in One Essay," CGTN, accessed May 12, 2019, https://news.cgtn.com/news/3d63544d3363544d/share_p.html.

¹⁵ Garret Mitchell, "China in Central Asia: the Beginning of the end for Russia?" *SLOVO* 26, no. 1 (2014): 7.

¹⁶ James Sherr, "How to Suborn Great Powers," *Asia Policy*, no. 16 (2013): 166.

¹⁷ "Russia's rouble crisis poses threat to nine countries relying on remittances," *The Guardian*, accessed May 12, 2019, <http://www.theguardian.com/world/2015/jan/18/russia-rouble-threat-nine-countries-remittances>.

Russia's ability to advance a Moscow-centered regional economic integration framework also promotes Russian economic supremacy over China in Central Asia. On the one hand, since 2003, the Chinese concept of SCO (Shanghai Cooperation Organization) free trade zone has not materialized because of the lack of support among member countries.¹⁸ On the other hand, in 2010 Russia successfully established a Moscow-centered Eurasian Customs Union which was upgraded in May 2014 to the Eurasian Economic Union (EEU). The EEU comprises members such as Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan (since 1 May 2015), and is open for Tajikistan and even Turkey to join this organization. The objective of the EEU is to establish a bloc of post-Soviet republics and to create a single market for goods and services among members.¹⁹ Taking into consideration both economic and political aspects, the EEU could serve as a potential counter-balance to Sino-Central Asian economic ties.

In the political and security arena, Russia's dominance is even clearer. Five Central Asian states were all founding members of the Russian-centered Commonwealth of Independent States (CIS). Member countries interact within the CIS through its coordinating institutions such as Council of Heads of State, the Council of Heads of Government and the Councils of Foreign Ministers and Defense Ministers to promote regional cooperation on various issues. On the CIS platform Russia has enhanced its leading military role establishing the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in the post-Soviet space including Central Asia. In recent years Russia has expanded defense capabilities, legal mandate, and a range of CSTO missions in the region. At the forefront of these efforts is a Russia-led plan to create a new CSTO Rapid Reaction Force (RRF) and a larger Central Asian Military Group.²⁰ As CSTO is evolving into a more coherent organization, American political scientist Jeffrey Mankoff argues that political and security integration via CSTO 'provides Russia an avenue for direct intervention in Central Asia.'²¹ Withdrawing NATO from Central Asia after 2014 further enhanced the Russia-led CSTO as the dominating security force in the region. In comparison, the China-centered SCO does not provide any security presence in Central Asia.

Lastly, the biggest advantage of Russia in Central Asia is supported, perhaps, by the fact that Central Asia represents one of the unique locations in the world, where Russia successfully implements instruments of soft power. Russian language is dominant in Central Asia and many of the Central Asian elites were educated in Russia and have developed close connections with Russian leaders. According to the last Soviet census, conducted in 1989, as a result of the USSR collapse about 25 million ethnic Russians

¹⁸ Yu Bin, "China-Russia Relations: Putin's Glory and Xi's Dream. Comparative Connections," PACFORUM.ORG, Vol. 3, accessed May 11, 2019, https://csisprod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/legacy_files/files/publication/1303qchina_russia.pdf.

¹⁹ "The New Eurasian Economic Union – A China FTA in the Offing?" China Briefing, accessed May 12, 2019, <http://www.china-briefing.com/news/2015/01/09/new-urasian-economic-union-china-fta-offing.htmlKsthash.AY2bpMUX.dpuf>.

²⁰ Zhang Hongzhou, "Building the Silk Road economic Belt: Problems and Priorities in Central Asia," Policy Report, accessed May 12, 2019, https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/05/PR150518_Building-the-Economic-Silk-Road-Belt.pdf.

²¹ Jeffrey Mankoff, "The United States and Central Asia in 2014," CSIS Report, accessed May 11, 2019, <https://www.csis.org/analysis>.

found themselves outside the borders of the Russian Federation, on the territory of new independent states.²² While the number of ethnic Russians residing in Central Asia has notably decreased since the collapse of the Soviet Union, their combined total currently stands at about 6,5 million. The vast majority continues to live in Kazakhstan – about 3,5 million Russians (representing 19 percent of the country’s total population).²³ Ethnic Russians make up 12 percent of the population in Kyrgyzstan, 6 percent in Uzbekistan, 4 percent in Turkmenistan and 1 percent in Tajikistan.²⁴

The ‘soft power’ tools used by Russia in the Central Asian region are worth to be mentioned separately. One of the key actors in the field of Russian ‘soft power’ is Rosstrudnichestvo – the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, compatriots living abroad. It is the agency for international humanitarian cooperation. It was established in September 2008 and is structurally subordinated to the Russian Foreign Ministry. Rosstrudnichestvo, as the name of the organization implies, promotes international humanitarian cooperation and, together with the Russian Foreign Ministry, represents modern Russia abroad. Currently, the organization has 95 offices in 79 countries, 72 Russian centers of science and culture in 62 states and 23 representatives of the Agency as part of Russian embassies in 22 countries, including Latin America, North America, Europe, Africa and Asia.²⁵ Nevertheless, its activities are mainly focused on the CIS member states within the Russian centers of science and culture in each country.

One of the key areas of Russia’s implementation of ‘soft power’ in the region is the promotion and support of the Russian language. The federal target program ‘Russian Language’ for 2016–20 is a strategic element in the implementation of this task. Practical work in this direction is carried out through the Russian centers of science and culture (RCSC).

During 2014–18 79 RCSC offices together with the Ministry of Education and Science of Russia and the Russian Language Institute A.S. Pushkin on an ongoing basis conducted various cultural, educational, scientific and methodological events and projects. For students of the Russian language, access to the My Russian electronic library is provided, which includes more than 186 thousand titles of various publications, including educational literature. Russian Language Day is widely celebrated with the support of the RCSC in the framework of more than 500 events held in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. In total, with the assistance of Rosstrudnichestvo in 2018 alone, more than 3 thousand comprehensive events were held aimed at supporting and popularizing the Russian language abroad.²⁶

²² D. Teurtrie, “Russkiy vopros v postsovetitskiy period,” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 1 (2017): 44.

²³ “Chislennost’ naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel’nym etnosam na nachalo 2019 goda,” Open Data. Gov, accessed May 12, 2019, https://data.egov.kz/datasets/view?index=kazakhstan_respublikasy_halkyny.

²⁴ “Major ethnic groups in Central Asia,” National Security, accessed May 12, 2019, <http://www.nationalsecurity.ru/maps/centralasiaethno.htm>.

²⁵ “Predstavitel’sstva Rosstrudnichestva v mire,” Study in Russia, accessed May 12, 2019, <https://studyinrussia.ru/upload/embassy/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-1.pdf>.

²⁶ “Report «On the Results of Activity of Rosstrudnichestvo for 2018,” *Rosstrudnichestvo*, accessed May 12, 2019, <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/11228/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf>.

Concerning the objectives of the state programs ‘Foreign Policy’ and ‘Development of Education,’ implementation of state support concepts and Russian language and ‘Russian School Abroad’ promotion, Russian education abroad is being actively promoted. For example, the practice of facilitating the holding of educational exhibitions and fairs in the CIS has proved to be very positive. In Central Asia, the most large-scale event in 2018 was the VIII International Exhibition-Fair ‘Russian Education. Dushanbe-2018,’ held in April 2018 in the capital of Tajikistan with the participation of 35 educational organizations from Russia and the CIS.²⁷

For Russia, these issues are particularly acute: the region of the post-Soviet borderlands stretched across the periphery of the former USSR in a broad band. After the collapse of the Soviet Union, the political and everyday vocabulary was instantly filled with tenacious, spatially determined categories: ‘near abroad,’ preserving the memory of the allied border as a sacred furthest limit of the Russian state space, emphasizing the immanent integrity of the region, and, as a result, the instability of the political boundaries cut in it.²⁸

Russian security interests in the context of the BRI project

Russia officially endorsed EEU–Belt cooperation in May 2015, after a period of nearly two years of assessment, through a joint statement signed by President Vladimir Putin and President Xi Jinping. To obtain a better understanding of what shifted in Russia’s strategic calculus, it is essential to briefly discuss Russia’s global economic orientation more broadly.

Russian intentions to balance its economic trade dependence between Europe and Asia have been mooted since at least 1996. The Ukraine crisis, which was followed by sanctions, economic fallout and a sharp decline in oil prices, has accelerated Russia’s ‘turn to the East’. This policy seeks to improve economic integration with the Asia-Pacific region and, in relative terms, decrease Russia’s dependence on the West. So far, China’s large economy has been the focal point of this policy, as the other major economies in the Asia-Pacific region, Japan and South Korea, are US treaty allies, and trade with ASEAN is negligible. China has steadily been working on integration with Russia through bilateral and multilateral institutions since the 1990s. The Belt may yet be another platform to further deepen cooperation and integration between China and Russia, and discussions on the specifics of EEU–Belt cooperation are ongoing – albeit slowly.

Moreover, Russia believes that the world order is moving towards economic and security macro-blocs.²⁹ In western side Russia sees the EU and the TPIP; in the east it meets the TPP; and to its southeast, Russia faces the BRI. With the exception of the BRI, Russia finds itself excluded from all the other aforementioned economic blocs. The EEU, formally founded in 2014, is intended to serve Russia’s own global economic

²⁷ “Report «On the Results of Activity of Rossotrudnichestvo for 2018,” *Rossotrudnichestvo*, accessed May 12, 2019, <http://rs.gov.ru/uploads/document/file/11228/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202018%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf>.

²⁸ V.A. Kolosov, “Postsovetskoe pogranič’e Rossii mezhdru Vostokom i Zapadom (analiz političeskogo diskursa),” *Polis. Political studies*, no. 5 (2018): 57.

²⁹ M. Duchâtel, “Eurasian integration: caught between Russia and China,” *European Council on Foreign Relations*, http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian.

interests in much the same way. The creation of the EEU is the end result of numerous attempts to create a customs union and a single economic space since the early 1990s. Formally, it is the successor of the Eurasian Economic Commission (EEC) and its Customs Union. The EEU has the objective to give Russia and the former Soviet states of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Ukraine a degree of economic latitude and sovereignty in world economic affairs. As a Russia-led initiative, it both results from and strengthens Russia's continued leverage over these former Soviet states. This has always been a top foreign policy priority for Russia. The EEU was also introduced as the result of a realization and decision in Russia that it should look beyond the mere transit potential of its own territory, and Central Asia's for that matter, to connect China, Europe and the Middle East through the Belt and other mechanisms.³⁰

Nonetheless, the EEU has three serious limitations that have caused Russia to link it to the Belt: (a) it is regional and protective rather than extra-regional; (b) it is exclusive in membership; and (c) it carries limited economic weight. With the exception of Russia, all member states are landlocked. Excepting Russia and Kazakhstan, all member states have rather small economies. The aggregate GDP of Armenia, Belarus and Kyrgyzstan combined is only 5.4 per cent of that of Russia and only 19.4 percent if Kazakhstan is added.³¹ This gives Russia an overly central role. The economies of Russia and Kazakhstan are dominated by natural resources export and therefore lack complementarity – as the EEU does as a whole. Intra-EEU trade is thus of little significance to Russia. EEU total trade with third countries was at a mere 3.7 percent of world export and 2.3 percent of world import in 2014.³²

Thus, Russia cannot rely on either the size or economic clout of the EEU combined markets to advance its economic interests. Instead, it has to rely on Asian and European markets and on external investment in EEU markets. This is where the Belt comes into the discussion. In conversation with the authors in Moscow, there was a consensus among many experts (but not all) that the Belt supplements the EEU. Russia is interested in improving the competitiveness of EEU industrial output and strengthening the collective market, and through the Belt, China can provide the investment capital to make this happen. However, there is no consensus among international scholars about whether the Belt and the EEU's diametrically opposite institutional designs (the former is exclusive and regional in design, while the latter is inclusive and extra-regional) will actually supplement one another or work in opposition. Yet, the political will to connect the two is present and Russian and Chinese experts, at least, expect this to lead to practical cooperation.

What specifically shaped this political will in Russia? The Belt serves Russian interests in eight specific ways:

1. Linking up with the Belt gives the EEU legitimacy and international recognition by a great power, namely China—the first to do so;

³⁰ I. Safranchuk, "Russia in a reconnecting Eurasia: foreign economic and security interests," in *Centre for Strategic and International Studies (CSIS)* (New York; London: Rowman & Littlefield Publ., 2016).

³¹ "Calculations based on data derived from the World Bank," The World Bank, accessed May 14, 2019, www.data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD.

³² "Statistics on the official EEU website," Eurasian Economic Union, accessed May 14, 2019, www.eaeunion.org/?lang=en&about.

2. EEU-Belt cooperation accelerates Russia's 'turn to the East', thereby reducing Russia's economic and institutional dependence on the West;

3. Since China is economically more powerful than Russia in bilateral terms, negotiations through the Belt and EEU framework give Russia an edge;

4. The Belt undermines the relevance of US aid and integration efforts in Central Asia that bypass Russia, such as the US-proposed 'New Silk Road.' Another feature of the implementation of the SREB in the Russian-Chinese projection is associated with the beginning of reformatting intergovernmental economic and integration links to the construction of the 'Eurasian world' without the intervention of the United States and its close allies. In the context of Western anti-Russian sanctions and attempts to isolate the Russian Federation from the rest of the world, the convergence of the SREB, the EAEU and the new members of the SCO objectively 'torpedoes' the American strategy;³³

5. The Belt paves the way for closer cooperation with China, despite strategic distrust: linking it with the EEU sends a strong signal of trust to China, and is an additional institutional platform that may mitigate confrontation perspectives;

6. Russia views the Belt as an opportunity to bring in investment capital that will result in domestic and Central Asian job creation, which in turn may help to sustain order and stability in the face of the rising threat of Islamic extremism, the danger of 'color revolutions,' and instability radiating from Afghanistan. The stability of current Central Asia regimes and borders is of paramount interest to Russia;³⁴

7. The economic interplay between the Belt and the EEU is anticipated to strike a balance between globalism and regionalism: Central Asian elites want to attract large capital to increase rent-seeking practices, while their populations favor employment creation and a measure of protectionism.³⁵ With the open connectivity of the Belt presenting globalization opportunities and the regional market focus of the EEU, the merging of the two may possibly present a balance for Central Asia – it remains to be seen how this will unfold;

8. Russia considers the Belt as a mechanism to increase the EU's dependence on Russian energy as Central Asian energy resources are diverted to China.

Nevertheless, despite these convergences, it would appear as if the two initiatives of the EEU and the Belt are somewhat unnaturally coupled. Furthermore, Russia has been cautious in opening up infrastructure projects to Chinese parties and in specifying the terms of investment. Currently, both sides are working on forging an essential regulatory framework for trade and investment.³⁶ This may be a slow process and Chinese investment in Russia remains relatively small.

³³ S. Luzyanin, "Odin poyas, odin put' : rossiyskaya proyektsiya i problemy sopryazheniya," in *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* (Moscow: IDV RAN Publ., 2017), 29.

³⁴ T. Bordachev, "Rossiya i Kitay v Central'noy Azii: bol'shaja igra s pozitivnoy summoy," *Russia in Global Affairs Journal*, <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiya-i-Kitay-v-Tcentralnoi-Azii-bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18258>.

³⁵ V. Vorobyev, "Stykovka na strategicheskoy orbite," *Russia in Global Affairs Journal*, <http://www.globalaffairs.ru/number/Stykovka-na-strategicheskoi-orbite-18347>.

³⁶ "Interv'yu Posla Rossii v KNR A.I. Denisova informagentstvam 'Rossiya segodnya' i TASS," MID, accessed May 15, 2019, http://www.mid.ru/en/web/guest/nota-bene/-/asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/2327002.

The question also remains whether an increased Chinese economic footprint in Central Asia will erode Russia's influence in the region over the long term, as Russia simply does not have the economic and financial means to compete with China. Yet for now, there is a 'division of labor': Russia maintains its strong military and political ties, while China injects financial capital into the region and increases its trade with the region.³⁷ How this dynamic will play out in practice remains to be seen but is clear that China cannot compete with Russia's political, historical and cultural affinity with the region, and its domination of the region's military architecture.

However, this compartmentalization is not as rigid as it may sound. Russia is the main export destination for Central Asian labor resources and will remain in that role for the foreseeable future. This creates very strong economic dependence and generates considerable soft power. Kazakhstan, for example, conducted more trade with Russia than with China in 2016. At the same time, China is gradually increasing its security role in the area through significant arms sales to Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan.³⁸

Some Russian analysts have expressed concerns that the Belt will, over time, subsume the EEU, as the Belt offers EEU members favorable incentives, specifically capital and better integration with the world economy. Concurrently, there is concern over Russian economic overdependence on China, as a result of which Russia is attempting to connect the EEU with Mongolian and South Korean regional integration initiatives and is seeking warmer ties with Japan. Indeed, Russia's 'turn to the East' has put it in a political and economic position of precarious overdependence on China – this is unlikely to be sustainable and is likely to affect Russian security interests negatively over time.

The interlinking of the EEU and the Belt is still unfolding, but it has already brought Russia and China closer.

Historical prospects for the Russian-Chinese cooperation in the frames of the BRI project

Russian-Chinese cooperation and large joint projects under the Belt and Road Initiative have stepped up across the energy, finance, high-speed rail, infrastructure and science and technology sectors over the past decade, which turns the rhetoric of partnership between China and Russia into tangible benefits.

Let's list the basic elements of the cooperation.

1. *Economic ties*. Even according to the narrow-definition, countries along the Belt bear a significant share of world international trade and cross-border capital flows. They account for 23.9% of the world's total exports of goods and services, 22.1% of world's imports of goods and services, and 25.7% of FDI inflows.³⁹

Russia is an important supporter and participant in the process of promoting the BRI. In 2015 China and Russia signed the 'Joint Statement on Cooperation on the

³⁷ F. Lukyanov, "Kak Moskva ishhet svoe mesto v Central'noy Azii," *Russia in Global Affairs Journal*, <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Kak-Moskva-ischet-svoe-mesto-v-Tcentralnoi-Azii-18328>.

³⁸ *Yezhegodnik SIPRI. Vooruzheniya, razoruzheniye i mezhdunarodnaya bezopasnost'* (Moscow: IMEMO RAN Publ., 2018, https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/SIPRI/SIPRI_YEARBOOK_2017_RUS.pdf).

³⁹ "Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers," China Economic Net, accessed May 15, 2019, <http://intl.ce.cn/specials/zxxx/201405/26/P020140526515434111874.pdf>.

Construction of Joint Eurasian Economic Union and the Silk Road Projects.’ China intends to connect an economically active, rapidly developing East Asia with rich, developed Europe with the help of the Silk Road Economic Belt, and Russia and Central Asia stand to serve as the central zone and hub. So China needs strategic cooperation with Russia in order to move ahead, to Europe through Russia and the countries of Central Asia. At the same time, Europe is the largest trading partner of Russia and for its economic development, Russia needs to implement interconnection and simplify its process of trade and investment with Europe. It is the gradual coupling of interests that stimulates Russia’s active and constructive participation in the Chinese initiative and contributes to the further deepening of the confluence between the construction of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union. In May 2017, during the first Belt and Road Forum on international cooperation, Russian President Vladimir Putin gave an active cooperative signal and expressed hope that the Northern Sea Route would be connected with the BRI. In January 2018, China published a White Paper on China’s Arctic policy, which reflects the country’s readiness to build the ‘Ice Silk Road’ along with all interested parties, based on the development and use of the Arctic route. This is also China’s active response to Russia’s participation in Beijing’s Belt and Road initiative. The Northern Sea Route is the shortest route connecting Asia and Europe. Chinese-Russian joint construction of an ‘Ice Silk Road’ could provide a new option for the interconnected relationships on the Eurasian continent, while at the same time it will intensify the economic development of the Northeast of China, Russia’s Far East and Siberia.⁴⁰

There is also one project that can be related to the mega-initiative and claim to have the strategic meaning. It is the hypothetical ‘Synergizing’ China’s Belt and Road Initiative (BRI) and Russia’s Eurasian Economic Union (EAEU). This idea arose in May 2015, a few months after the EAEU was officially established. Chinese leader Xi Jinping was in Moscow to attend the 70-th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Xi and Russian President Vladimir Putin reportedly agreed at the time to

connect the initiative of the construction of the Silk Road Economic Belt put forward by the Chinese side with the construction of the Eurasian Economic Union (EEU) of the Russian side.⁴¹

When convenient, the linking of the BRI and the EAEU is mentioned by Russian and Chinese leaders. In perspective this project may generate in the mind the image of two global giants hitching together their prized economic projects. In the subsequent years, however, here hasn’t been much clarity on what either side really means when they mention this connection, because the components (EEU and BRI) of the hypothetical project have still not been complete in the full scale.

⁴⁰ Xing Guangcheng, Wang Xuemei, “Russia Supports the Chinese Belt and Road Initiative,” Valdai Club, accessed May 15, 2019, <http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-supports-the-chinese-belt-and-road/>.

⁴¹ “Can Russia and China ‘Synergize’ the Eurasian Economic Union and the Belt and Road Initiative?” *The Diplomat*, accessed May 15, 2019, <https://thediplomat.com/2018/11/can-russia-and-china-synergize-the-eurasian-economic-union-and-the-belt-and-road-initiative/>.

2. *Logistics (transport cooperation)*. The transportation infrastructure of the Silk Road Economic Belt includes railways, roads, air transportation and pipelines, etc. After several decades of development, it has formed a comprehensive, three-dimensional traffic network. The northline of Silk Road is of specific interest for the authors, because about 25 percent of its length locates on the Russian territory. Railways go through China, Kazakhstan, Russia, Belarus, Poland and Germany and can constitute a route connecting Europe and Asia. This route is known as the 2nd Eurasia Land Bridge.⁴²

3. *Energy and pipeline cooperation*. China in the world energy reserves, ranks among the forefront, both as the world's second energy producing country, is also ranked second in energy consumption in the country. As the economy continues to expand, China's energy consumption has continued to rise, China's rapid economic growth cannot do without Russian energy supplies, as energy reserves, production and export volume ranking the forefront of Russia, is China's major energy-importing item. Russia is a world energy superpower, the 2018 oil proven reserves in the world rankings ranked sixth, accounting for the world of 13 percent, oil production accounted for the world total output of 12 percent.⁴³ Improving energy efficiency and ensuring the country's energy security are also among the priorities of both components (internal and external) of China's energy policy.⁴⁴

As an example, we can give the following: about two thousand Chinese workers participated in the Eastern Siberia – Pacific Ocean gas pipeline at its part in Yakutsk. They also worked on the construction of the NPP Summit facilities in Vladivostok. This allowed both sides to accumulate experience in using Chinese labor at large construction sites.⁴⁵

In Silk Road Economic Belt, Russia, Central Asia and Middle East are rich in oil and gas resources, and the pipeline transportation is highly developed. Russia, Middle East and Europe have established dense oil and gas pipeline network. Besides, there are several multinational oil and gas pipelines in the Silk Road Economic Belt.

Russia is not only oil-rich, gas reserves also ranked in the world. In 2014 Russian natural gas total export volume up to 1812 billion cubic meters, in 2015 the growth of 4.9 %, up to 1900 billion cubic meters. In 2015 China's natural gas imports amounted to 621 million cubic meters, which imports from Russia about 61 billion cubic meters. In the natural gas fields of cooperation, in Chinese-Russian consultations, the two countries will be on the West line gas project restarted, which is following the East line natural gas cooperation project reached remarkable results. China and Russia West line gas project of scale with the East line of the project comparable. The West line gas project

⁴² *Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy...*

⁴³ Xuefeng Zhang, and Melebayev Serdar, "Analysis of Oil and Gas Cooperation between China and Russia in the Belt and Road," SHS Web of Conferences, accessed May 16, 2019, https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2017/07/shsconf_ies2017_01034.pdf.

⁴⁴ A. Mastepanov, and I. Tomberg, "Kitay diktuyet energeticheskuyu politiku XXI veka," *International Trends* 16, no. 3 (54) (2018): 18.

⁴⁵ S. Luzyanin, and A. Larin, "Problema kitayskikh migrantov v Rossii v kontekste sopryazheniya YEAES – Shelkovyy put'," in *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* (Moscow: IDV RAN Publ., 2017), 66.

cooperation reached with the East line natural gas project Double sword combination, this will promote 'One Belt and One Road' by the country's economic take-off.⁴⁶

Europe and the United States who provoked the Ukrainian issue and implemented anti-Russian economic sanctions aimed at making pressure on the Russian government, shifted Russian attention to the East. In November 2014, covering from Siberia to the construction of China gas pipeline, including a 30 year gas supply contract, the Russian-Chinese joint efforts acquired a qualitatively new impulse.

Problems and challenges

Although the prospects for cooperation in the Silk Road Economic Belt can be anticipated, it still faces a lot of challenges involving international and domestic, political and economic aspects. Only by taking positive, reasonable and proper measures can the vision of construction of the Silk Road Economic Belt be achieved.

Above, we described the countries covered by the north line of the Silk Road Economic Belt. Most parts covered by North line are located in Eastern and Western Europe, and except Kazakhstan, these areas have higher development and better infrastructure, for example, freight railroad has been opened from China to Western Europe. The regions covered by the middle Line and south line include Central Asia, West Asia, North Africa and other regions. These regions are characterized with a poor natural environment, complex terrain conditions and low level of development. It will be very difficult to build railways, highways and other infrastructure connecting these countries. These objective conditions will be largely hindered the process of building a Silk Road Economic Belt and reduce the economic welfare of the entire project.

Vast areas of Silk Road Economic Belt are located in the three continents with a key strategic position and huge reserves of oil and gas resources. The proposal of building Silk Road Economic Belt will inevitably cause vigilance of traditional powers in these regions. It needs to promote economic prosperity and achieve mutual benefit and win-win results along the Road, and thus dispel suspicion and enhance mutual confidence.

The Russian concerns about the side effect of the project are also to be taken into consideration. It is really hard to expect Russia to open its Far East as completely as China's Shenzhen did. As Chinese economic and political expert Li Yonghui argues,

for a country like Russia, which puts security assurance over economic benefits, it is reasonable to see Russian Federation close itself in the future once they detect any adverse factors against its security or ecosystem.⁴⁷

Russia's degree of openness may also be challenged by raised anxieties and tensions among local residents. An influx of Chinese investment may even amplify xenophobic sentiments among Russian nationalists.

⁴⁶ Xuefeng Zhang, Melebayev Serdar, *Analysis of Oil and Gas Cooperation between China and Russia in the Belt and Road*, https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2017/07/shsconf_ies2017_01034.pdf

⁴⁷ "Sino-Russian Cooperation, Exchange Increase Under Belt and Road Initiative," Sputnik News, accessed May 17, 2019, <https://sputniknews.com/analysis/201803161062581637-china-russia-cooperation-increase-belt-and-road/>.

A rise in Chinese migrants to the Far East – a side effect of Chinese investment – is reportedly perceived by locals as a threat of China’s population expansion. There is a common concern in Russia that the Far East might be ‘Sinicized’ after a massive arrival of Chinese capital, technology and services. There is a claim that the economic Sinicization may, sooner or later, set the stage for the erosion of geopolitical control. Others fear that China’s exclusive economic penetration of Russia may turn it into a ‘raw material appendix’ of China.

It is also worth mentioning that not all states support China’s initiative. India is wary of the SREB due to concerns that it could strengthen China’s influence in the Indian Ocean. India also opposes the construction of the railway and pipeline because of their impact on the disputed region of Kashmir. The development of the project directly touches upon the interests of the ASEAN countries.⁴⁸

Conclusions

The main conclusions we have revealed proceed from both political and economic principles. First of all, Russian Federation regards geographic position of the country as very attractive for linking Eurasia’s two economic powerhouses: the European Union and East Asia. The connectivity dimension of the BRI, which seeks to improve land-based transportation links between the EU and China, is naturally aligned with Moscow’s desire to unlock its transit potential in Eurasia. Of all the overland pathways between western China and Europe, the one through Russia is the shortest. Moreover, the Eurasian Economic Union (EEU) of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Russia allows cargo to pass through just two customs posts en route from Xinjiang to the EU’s doorstep in Poland, Finland, or the Baltic states. Thanks to policy incentives provided by China, this route is now booming, with the volume of cargo transit growing by double digits every year since 2015. In the first ten months of 2018 alone, the volume of goods transported between China and Europe via Russia grew by 23 percent to 323,000 TEU (twenty-foot equivalent unit, a measure of ship cargo).⁴⁹

So far, this trade is using existing railroads and highways. Moscow and Beijing are discussing projects for upgrading and expanding existing transportation links, including a high-speed rail connection between Moscow and Kazan with possible expansion to Europe and China, a highway from the Kazakhstan-Russia border to Europe, and several smaller projects to address existing bottlenecks.⁵⁰ For Russia, upgrading the Trans-Siberian Railway is also a major priority, but it is of less interest to China. At the same time, Moscow has realized that a trans-Eurasian route from China to Europe via Kazakhstan and Russia is not a challenge to the Trans-Siberian Railway since these two routes target two different cargo bases in different regions of Asia.

⁴⁸ I. Makarov, and A. Sokolova, “Sopryazheniye yevraziyskoy integratsii i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlya Rossii,” *International Organizations Research Journal* 11, no. 2 (2016): 55.

⁴⁹ “Posol Rossii v KNR: rossiysko-kitayskoye sotrudnichestvo – stabiliziruyushchiy faktor v neshnem turbulentnom mire,” Interfax, accessed May 17, 2019, <https://www.interfax.ru/interview/645268>.

⁵⁰ “Moskva-Kazan’ – pervyy shag v global’nom transportnom projekte. RZHD, OAO ‘Skorostnyye magistrali’,” High-Speed Railway, accessed May 17, 2019, <http://www.eng.hsrail.ru/press-center/news/178.html>

Beijing is also interested in developing infrastructure along the Northern Sea Route that passes through the Arctic along the Siberian coast. For Moscow, opening the route is both a major economic opportunity and a security challenge, and it is likely to proceed with some caution. So far Moscow has accepted Beijing as its principle partner in developing the Arctic. That seems quiet logical from the geopolitical point of view. Many economic activities that Russia wants to pursue in the region are subject to Western sanctions.

One example of Sino-Russian cooperation that is directly linked to the BRI is Chinese participation in Yamal LNG, the first liquefied natural gas (LNG) project in Russia above the Arctic Circle. In 2015, the Silk Road Fund (SRF), a special purpose vehicle created by Beijing to finance BRI projects, was able to acquire a 9.9 percent stake in Yamal LNG.⁵¹ Beijing later helped it secure a \$12 billion loan from China Export-Import Bank and China Development Bank.⁵² The China National Petroleum Corporation (CNPC), China's largest state-owned enterprise in the energy field, already had a 20 percent stake in Yamal LNG, bringing Beijing's total share in this strategic project to 29.9 percent.⁵³ Significantly, Yamal LNG is under U.S. sanctions, since one of its Russian shareholders, Gennady Timchenko, was put on the U.S. Treasury's special designated nationals (SDN) list, and the legal entity, Novatek, is included in the sectoral sanctions identification list. Without Chinese loans and equity financing provided through the BRI, Russia would have faced tremendous difficulties to complete this project, which acquires a strategic character concerning the global competition in the energy market.

Another example of Russia using BRI-related Chinese financial institutions to go round Western sanctions and attract investment to key projects is the SRF's decision in 2016 to acquire 10 percent in Sibur, Russia's largest petrochemical company. This built on Chinese petrochemical giant Sinopec's previous acquisition of 10 percent of Sibur.⁵⁴

Outside of the high profile deals that were blessed by the top leaders of Russia and China, many smaller investment projects in Russia that lack powerful political backing struggle to attract Chinese investment. This causes some frustration among Russian private businesspeople about the opportunities provided by the BRI. However, the Russian government is fully aware that the low rate of Chinese investment in Russia is caused by the structural problems of the Russian economy and resultant lack of trust by Chinese businesses. The government views the BRI as a good framework to address at least the latter issue.

Summarizing all the above analyzed, the authors can conclude that Russia's attitude toward the BRI is generally positive. It is looked upon as an opportunity laden with manageable risks. Russia is far less preoccupied with issues of global governance, as applied to the BRI, than with the initiative's real impact on Russia itself and its post-Soviet

⁵¹ "NOVATEK i Fond Shelkovogo Puti zakryli sdelku po prodazhe doli v 'Yamal SPG'," Novatek, accessed May 17, 2019, http://www.novatek.ru/en/press/releases/index.php?id_4=1165.

⁵² "China lenders provide \$12 bln. loan for Russia's Yamal LNG project-sources," UK Reuters, accessed May 18, 2019, <https://uk.reuters.com/article/russia-china-yamal/china-lenders-provide-12-bln-loan-for-russias-yamal-lng-project-sources-idUKL2N17V2MI>.

⁵³ "Major events: 2014, history of the company," CNPC.COM.CN, accessed May 18, 2019, <https://www.cnpc.com.cn/en/majorevents/201507/b63990686b4b4d6bbf6081c97a80ddc1.shtml>.

⁵⁴ "10% stake in SIBUR to be sold to China's Silk Road Fund," SIBUR, accessed May 18, 2019, <https://www.sibur.ru/en/press-center/news/10stakeinSIBURtobesoldtoChinasSilkRoadFund/>.

neighborhood.⁵⁵ There, Moscow is focused on finding a model of engagement that, while benefiting Russia economically, would protect Russia's national sovereignty and its security interests. Russians also realize that the BRI is a political project geared to bolster the stature of President Xi Jinping. The Russian public opinion is willing to express support, conscious that it is Putin-Xi relationship the key element of the Russian-Chinese partnership. The Belt permits Russia to diversify its economic latitude over both Chinese-initiated economic integration blocs and Western ones in the possible future.

Рукопись поступила: 28 мая 2019 г.

Submitted: 28 May 2019

References

- Kolosov, V.A., Zotova, M.V., Popov, F.A., Gritsenko, A.A., and Sebentsov, A.B. "Postsovetskoye pogranič'ye Rossii mezhdru Vostokom i Zapadom (analiz politicheskogo diskursa)." *Polis. Political Studies Journal*, no. 5 (2018): 57–69 (in Russian).
- Li, Na. "Initsiativa 'odin poyas, odin put'" kak novaya model' sotrudnichestva KNR s Rossiyei i stranami Tsentral'noy Azii." *RUDN Journal of World History* 10, no. 4 (2018): 382–392 (in Russian).
- Luzyanin, S.G. "'Odin poyas, odin put': rossiyskaya proyektsiya i problemy sopryazheniya." In *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 27–37. Moscow: IDV RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Luzyanin, S.G., and Larin, A.G. "Problema kitayskikh migrantov v Rossii v kontekste sopryazheniya "YEAES – Shelkovyy put'." In *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 64–76. Moscow: IDV RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Makarov, I.A., and Sokolova, A.K. "Sopryazheniye yevraziyskoy integratsii i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlya Rossii." *International Organizations Research Journal* 11, no. 2 (2016): 40–57 (in Russian).
- Mastepanov, A., and Tomberg, I. "Kitay diktuyet energeticheskuyu politiku XXI v." *International Trends* 16, no. 3 (2018): 6–38 (in Russian).
- Mosyakov, D.V. "Novaya i noveyshaya istoriya. Modernizatsiya i globalizatsiya vostochnykh obshchestv." *International Trends* 15, no. 3 (2016): 103–106 (in Russian).
- Mitchell, G. "China in Central Asia: The beginning of the end for Russia?" *Slovo* 26, no. 1 (2014): 18–31.
- James, Sherr. "How to Suborn Great Powers." *Asia Policy*, no. 16 (2013): 164–167.
- Tertri, D. "Russkiy vopros v postsovetskiy period." *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 1 (2017): 43–56 (in Russian).

Библиографический список

- Ли На. Инициатива «один пояс, один путь» как новая модель сотрудничества КНР с Россией и странами Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 4. С. 382–392.
- Лузянин С.Г. «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 27–37.
- Лузянин С.Г., Ларин А.Г. Проблема китайских мигрантов в России в контексте сопряжения «ЕАЭС – Шелковый путь» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 64–76.

⁵⁵ A. Gabuev, "Kak Shelkovyy put' stal rezinovym," *Vedomosti*, accessed May 18, 2019, <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/04/779827-shelkovii-put>.

- Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б.* Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса) // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 5. С. 57–69.
- Макаров И.А., Соколова А.К.* Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // *Вестник международных организаций*. 2016. Т. 11. № 2. С. 40–57.
- Мастепанов А., Томберг И.* Китай диктует энергетическую политику XXI в. // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 3. С. 6–38.
- Мосяков Д.В.* Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ // *Международные процессы*. 2016. Т. 15. № 3. С. 103–106.
- Тертри Д.* Русский вопрос в постсоветский период // *Вестник СПбГУ. История*. 2017. Т. 62. № 1. С. 43–56.
- James Sherr.* How to Suborn Great Powers // *Asia Policy*. 2013. № 16. P. 164–167.
- Mitchell G.* China in Central Asia: The beginning of the end for Russia? // *Slovo*. 2014. Vol. 26. № 1. P. 18–31.

Информация об авторах / Information about the authors

Мартыненко Станислав Евгеньевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Stanislav E. Martynenko, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Assistant at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

Пархитко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов.

Nickolay P. Parkhitko, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882>

Научная статья / Research article

Музеи в культурной дипломатии России и Китая

В.И. Фокин^а, Е.Э. Эльца^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; fokin.vladimir@mail.ru, elenaelts@mail.ru

The role of museums in Russia's and China's cultural diplomacies

Vladimir I. Fokin^a, Elena E. Elts^a

^a Saint Petersburg State University; 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia; fokin.vladimir@mail.ru, elenaelts@mail.ru

Аннотация: Россия и Китай демонстрируют растущую заинтересованность в продвижении своих культурных достижений, в использовании культуры как важнейшего ресурса «мягкой силы», концепция которой приобретает популярность в академическом и политическом дискурсе в обеих странах. Значительный вклад в современный российско-китайский культурный обмен вносят музеи, которые вовлечены в развитие дипломатических отношений двух стран, в том числе по линии обществ дружбы, в развитие «красного туризма» (посещение памятников революционной истории России), в проведение культурных сезонов, перекрестных годов культуры. Авторы статьи иллюстрируют это на примере Государственного Эрмитажа, музеев Московского Кремля, Национального музея Китая и дворца-музея Гугун в Пекине. В статье в контексте современной теории «мягкой силы» рассматривается потенциал музеев России и Китая в развитии двусторонних отношений и формировании внешнеполитического имиджа двух стран. Выявляются особенности «музейной дипломатии» РФ и КНР и в этой связи анализируются нормативно-правовая основа и направления музейного сотрудничества. Авторами определяются общие источники распространения неолиберальных идей в музейной сфере, характерные для России и Китая. Особое внимание уделяется рейтингам «мягкой силы» и самых посещаемых музеев и выставок, рекомендациям и выводам их составителей. В статье представлены новые формы международной музейной интеграции, объединяющие музейные институции России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, инициативы «Один пояс, один путь». Авторами делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы сотрудничества в условиях углубления российско-китайского партнерства в музейной сфере и усиления роли музейных институций в международных отношениях.

Ключевые слова: российско-китайский культурный обмен, культурная дипломатия, Эрмитаж, Музей Гугун, Музей Гуггенхайма

Для цитирования: Фокин В.И., Эльца Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 865–882. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882>

Abstract: Russia and China have both shown increasing interest in the promotion their cultural achievements and have utilized culture as essential soft-power resource. Moreover, the concept of ‘soft po-

© Фокин В.И., Эльца Е.Э., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

wer' has gained popularity in Russia's and China's academic and political discourse. Russian-Chinese cultural cooperation is gaining momentum due to this exchange, and the scale and the depth of the cultural projects have expanded. At the moment, museums are involved in development of diplomatic relations, including within the framework of friendship societies, and through the development of the Russian-Chinese tourism. 'Red tourism' (it means visiting the monuments of the revolutionary history of Russia) in particular has expanded through the implementation of cultural seasons, Cross-Years of Culture, and the promotion of cultural exchanges of contemporary art. As shown in the case of Hermitage, Moscow Kremlin Museums, National Museum of China, Palace Museum 'Gugong' in Beijing, famous world museums have been carrying out the ambitious development programmes, scaling up their resource capacities, and since the beginning of the 21st century have begun to promote their brand. The article considers the potential for museums to participate in the development of bilateral relations, and in improving the foreign-policy image of both countries. The authors' research reveals the features of museum diplomacy, areas of museums' international activities that enhanced the efficiency of Russia's and China's soft power and identifies the common avenues for disseminating the neoliberal messages in museum sphere. Moreover, particular attention is paid by the authors' to 'soft power' rankings and to lists of the most visited museums. Furthermore, new modalities of international museum cooperation are discussed by the authors, with a focus on areas of joint collaboration within the framework of SCO, BRICS, and the "One belt, one road" initiative. The authors conclude that there is a need to improve the legal framework for Russian-Chinese museum cooperation in response to the deepening interaction and transformation of the role of museums in both international and bilateral relations.

Keywords: Russian-Chinese cultural exchange, cultural diplomacy, Palace Museum 'Gugong', Guggenheim museum, Hermitage

For citation: Fokin, Vladimir I., and Elts, Elena E. "The role of museums in Russia's and China's cultural diplomacies." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 865–882. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-865-882>

Введение

В условиях динамичного развития российско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном уровне, повышения значимости общественной дипломатии, культурный обмен между Россией и Китаем, способствующий взаимоизучению культур, взаимопониманию и взаимодействию, приобретает особую значимость во взаимодействии государств.

Обе страны демонстрируют растущую заинтересованность в продвижении своих культурных достижений, использовании культуры как ресурса «мягкой силы» и средства формирования благоприятного имиджа государства и продвижения политических и экономических интересов. Культура, распространение культурного влияния, которое базируется на культурно-ценностной привлекательности, достижениях национальной культуры, а также на привлекательном имидже страны, находится в центре теории «мягкой силы», набирающей популярность в России и Китае.

Современный китайско-российский культурный обмен набирает обороты, расширяется масштаб и глубина культурных проектов. Значительный вклад в этот процесс вносят музеи. «Музейный бум» и особенности государственного регулирования, при котором государство существенно влияет на деятельность музеев, характерны и для России, и для Китая.

Современные музеи становятся активными участниками дипломатического процесса, связывая страны и города. Как показывает пример Государственного Эрмитажа и Дворца-Музея Гугун в Пекине, известные мировые музеи, выстраивающие продуктивные двусторонние культурные отношения с зарубежными парт-

нерами, с начала XXI в. реализуют масштабные программы развития, наращивая свой ресурсный потенциал и продвигая свой бренд. Зона ответственности современных музеев расширяется, все чаще предпринимаются попытки оценить «мягкую силу» этих учреждений культуры и их международных связей, в том числе посредством рейтингов и специальных исследований.

В последнее время в России и за рубежом появилось немало исследований, посвященных особенностям культурной дипломатии и «мягкой силы» Китая. Внешнеполитические стратегии КНР привлекли внимание всемирно известных теоретиков «мягкой силы», Дж. Ная и Г. Лорд¹. Комплекс исследовательских работ, специализирующихся на вопросах «мягкой силы» и культурной дипломатии, был подготовлен зарубежными, в том числе китайскими, учеными. Исторический обзор подходов и концепций по теме культурной дипломатии представлен в работах Синь Лю². М. Барр отмечает, что культура составляет ядро «мягкой силы» Китая, которая является одновременно и внешнеполитическим и внутривнутриполитическим инструментом³. Работа Ш. Диня посвящена исследованию многочисленных ресурсов «мягкой силы» и действий государственных акторов по их активизации для достижения желаемых результатов⁴. Особое внимание уделяется позиции руководства страны, сформулировавшего свое понимание концепции «мягкой силы»⁵, и «мягкосиловым» инструментам, среди которых – интенсивное распространение Институтов Конфуция⁶.

Изучение «мягкосилового» потенциала Китая стало новым направлением отечественного китаеведения. Российские ученые отмечают «культуроцентричность» «мягкой силы» Китая, ее «наполненность» конфуцианскими ценностями⁷. Изучается культурная и идеологическая специфика современной концепции «мягкой силы», основные направления наращивания экспорта культурной продукции⁸. Внимание уделяется реформированию культурной сферы, которое сопутствует возрастающей роли гуманитарного фактора во внешней политике; отмечается влияние народной дипломатии на усиление «мягкой силы» КНР⁹.

Активно разрабатывается тематика двустороннего российско-китайского сотрудничества. Концепции «мягкой силы культуры Китая» и ее практикам в международ-

¹ Lord G.D. *Laishun A., Jimenez J. Museum Development in China: Understanding the Building Boom*. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2019.

² Xin Liu. The Vehicle and Driver of China's Cultural Diplomacy: Global Vision Vs. Localised Practice // *Journal of Contemporary Eastern Asia*. 2018. Т. 17. № 1.

³ Barr M. *Who's afraid of China? The Challenge of Chinese Soft Power*. London & New York, 2011.

⁴ Ding S. *The Dragon's Hidden Wings: How China Rises with its Soft Power*. UK, 2008.

⁵ Parama Sinha Palit *China's cultural diplomacy: Historical origin, modern methods and strategic outcomes* // *China Currents*. 2014. Vol. 12. № 2. URL: http://www.chinacenter.net/2014/china_currents/12-2/chinas-cultural-diplomacy-historical-origin-modern-methods-and-strategic-outcomes/ (дата обращения: 10.06.2019).

⁶ Xin Liu. China's Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward with Chinese Characteristics? Multiple Comparative Case Studies of the Confucius Institutes // *Journal of Contemporary China*. 2019. Vol. 28. P. 118, 646–661.

⁷ Харитонов А.И. «Мягкая сила» с китайской спецификой // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2017. № 1. С. 113–120.

⁸ Ломанов А.В., Кобелев Е.В. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М., 2015.

⁹ Бодрова О.И. Гуманитарная экспансия Китайской Народной Республики в период с 1978 г. по 2012 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2013.

ной среде и российско-китайских отношениях посвящена диссертация К.А. Тарабарко¹⁰. Роли народной дипломатии, являвшейся на протяжении десятилетий важным компонентом становления, восстановления и развития российско-китайских отношений, посвящены работы Г.В. Куликовой¹¹. Подчеркивается лидирующая роль Общества российско-китайской дружбы в двусторонних отношениях, его активная вовлеченность вместе с Обществом китайско-российской дружбы в проведение перекрестных годов культуры, участие в разнообразных и многочисленных мероприятиях, в том числе реализуемых в музеях. Сформировавшаяся на рубеже XX–XXI вв. нормативно-правовая основа культурного взаимодействия и новые его формы, такие как проведение годов и дней культуры рассматриваются в работе Р.М. Валеева и А.Р. Касимовой, которые выделяют межгосударственный, региональный и отраслевой уровни культурного сотрудничества двух стран¹². Приоритет роли культуры и образования в многоуровневом российско-китайском сотрудничестве отмечает А.Р. Аликберова, подчеркивая важность для его развития разработанной нормативно-правовой базы двусторонних отношений и совместных крупномасштабных культурных проектов и выделяя в качестве отдельного направления взаимодействие между самостоятельными организациями (в том числе музеями) на основе двусторонних договоров¹³. Важным стимулом международной деятельности музея является наличие в нем памятников зарубежной культуры. Они могут быть бесценным источником исследования отдельных эпох и традиций¹⁴. Ряд работ раскрывает состав коллекций китайского искусства в отечественных музеях: Государственного музея истории религии¹⁵, Эрмитажа¹⁶. Этот список музейных институций заметно расширяется благодаря работам Б.Л. Рифтина, посвященным собранию старинных китайских лубков няньхуа: Иркутский художественный музей, Кунсткамера, Китайский дворец в Ораниенбауме, музей Омска, Рыбинска, Смоленска, Казани¹⁷.

С недавнего времени появляются труды, посвященные гуманитарной деятельности государств в многостороннем формате. Примером интегрированного подхода является диссертационное исследование Ли Мэнлун¹⁸. Потенциалу гуманитарного

¹⁰ *Тарабарко К.А.* Мягкая сила культуры Китая: Концептуальное содержание и практики реализации. Дис. ... канд. философских наук. Забайкальский государственный университет, 2017.

¹¹ *Куликова Г.В.* Россия – Китай. Народная дипломатия. М., 2012.

¹² *Валеев Р.М., Касимова А.Р.* Российско-китайские культурные связи (1990–2000-е гг.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3. С. 151–156.

¹³ *Аликберова А.Р.* Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014.

¹⁴ *Teryukova E., Zavidovskaya E.* The Archives of Academician V. M. Alekseev from the Collection of the State Museum ... Religion as a Source for the Study of Popular Religious Beliefs in Late Imperial China // Manuscripta Orientalia. 2017. № 23/1. P. 61–69.

¹⁵ *Терюкова Е.А., Завидовская Е.А., Хижняк О.С., Кормановская М.В., Мазурина В.Н.* Китайская народная картина из собрания ГМИР: опыт систематизации // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 17. СПб., 2017. С. 85–114.

¹⁶ *Жэнь Л.* Коллекция памятников Дуньхуана в Государственном Эрмитаже // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9. С. 52–56.

¹⁷ *Рифтин Б.Л.* Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л. – Пекин, 1991.

¹⁸ *Мэнлун Л.* Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.

взаимодействия стран-членов ШОС, в том числе в области культуры и туризма, значению отдельных направлений сотрудничества для России и Китая посвящена глава монографии о стратегии развития ШОС. Ее авторы, Ю.В. Морозов, Е.И. Сафронова, подчеркивают необходимость задействования Москвой и Пекином возможностей «мягкой силы» в Центральной Азии, усилий по возведению «гуманитарного кордона» западным акциям, увеличения информационной составляющей¹⁹. Все большее внимание уделяется ключевым принципам и инициативам культурной дипломатии ШОС как составляющей политики «мягкой силы» организации; в связи с чем анализируется нормативно-правовая основа, которая регулирует сферу культурного сотрудничества, а также практика взаимодействия²⁰. Особое значение придается предполагающей взаимное доверие и выгоду, взаимные консультации, уважение многообразия культур и цивилизаций интеллектуально новаторской концепции «Шанхайский дух», в создании и продвижении которой ведущую роль играл Китай²¹.

Методологическая основа исследования включает комплекс различных методов, позволяющих определить роль музеев в российско-китайских отношениях и процессе формирования внешнеполитического имиджа стран. Системный метод способствовал раскрытию сущности понятий «мягкая сила» применительно к современным музеям и их международной деятельности как целостного комплекса идей и практических способов их реализаций. Структурно-функциональный метод был необходим для выявления культурных инструментов, позволяющих музеям генерировать «мягкую силу». Компаративный метод позволил сравнить использование музеев Россией и Китаем в деле формирования своего имиджа. Контент-анализ помог выявлению, систематизации и обобщению разнообразной культурологической информации, представленной в монографиях, аналитических статьях, докладах российских и зарубежных ученых, деятелей культуры, государственных деятелей, средствах массовой информации.

В качестве базовых методологических концепций использовались взгляды и идеи Дж. Ная, Г. Лорд и других зарубежных и отечественных авторов, исследующих имиджевую роль культуры и музеев в международных отношениях, способность музейных институций генерировать «мягкую силу».

Данное исследование предлагает новый подход к изучению роли музеев и их международной деятельности в культурной дипломатии России и Китая и российско-китайском культурном обмене. Анализируется распространение концепции «мягкой силы» в политическом и академическом дискурсе обеих стран, выявляются процессы, способствующие росту музейного потенциала в генерировании «мягкой силы» и культурном взаимодействии двух стран.

¹⁹ Лузянин С.Г., Сафронова Е.И., Морозов Ю.В. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. М., 2015.

²⁰ Ruskova O., Kovba D., Gribovod E., Popova N. Cultural diplomacy as the intellectual capital of soft power exercised by the Shanghai cooperation organization member states // Proceedings of the International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management and Organisational Learning, ICICKM. 2018. November. P. 277–284.

²¹ Song Weiqing. Feeling safe, being strong: China's strategy of soft balancing through the Shanghai Cooperation Organization // International Politics. 2013. Vol. 50. № 5. P. 664–685.

Культура как ресурс «мягкой силы»

Появление в Китае новой формы международной активности, связанной с решением руководства Китая использовать потенциал «мягкой силы» (популярной концепции, выдвинутой американским политологом Дж. Наем) для формирования положительного имиджа страны за рубежом гуманитарными средствами, совпало с институциональным оформлением в России международного культурного сотрудничества и укреплением межгосударственной договорно-правовой базы российско-китайских отношений в культурной сфере.

По мнению российских китаеведов, открывших в начале XXI века новое направление в культурологических исследованиях, китаизированная «мягкая сила» отличается «культуроцентричностью». Концепция «мягкой силы» – основной вектор реализации культурной дипломатии государства, направленный на укрепление его геополитических и геокультурных позиций²².

В академическом и политическом дискурсе Китая именно на культуру ставится особый акцент при употреблении термина, предложенного Наем. Основными источниками культурной дипломатии Китая считаются богатство национальной культуры и успех китайской модернизации. Распространению национальных идеалов и духовных ценностей служат такие виды деятельности, как продвижение китайской культуры и языка, эффективно реализуемое расширяющейся сетью Институтов Конфуция, информирование о своей стране широкой международной общественности посредством СМИ, культурные обмены и проведение мегасобытий²³.

Активными участниками межкультурных обменов, в процессе которых осуществляется культурная политика «мягкой силы» Китая, являются музеи, что находит отражение в двусторонних и многосторонних соглашениях, регулирующих сотрудничество в культурной сфере. В 2002 г. рамках инициативы «мягкой силы» китайское правительство объявило культуру стратегической целью и поставило задачу построить к 2015 г. тысячу новых музеев. В характеристике особенностей «музейного бума» в КНР Центр Будущего Музеев Американского Альянса музеев выделяет такие черты, как огромный скачок количественного роста, акцент на архитектуру, дополнительную символическую функцию музеев Китая, наблюдающийся в последний год сдвиг на работу по активизации музейных пространств и развитие музейного образования²⁴.

Идеи приоритета «мягкой силы» и культурной дипломатии во внешней политике были выдвинуты на Форуме древних цивилизаций, проведенном в 2017 г. в рамках проекта «Большая десятка цивилизаций» (GC10) по инициативе министров иностранных дел Греции и Китая. На Форуме министры стран-участниц подчеркнули общее видение культурного наследия как средства для содействия развитию дружественных

²² *Раснертова С.Ю.* Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия. Автореф. дисс. ... канд. философских наук. М., 2011. С. 8.

²³ *Wu You.* The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization // *Journal of Literature and Art Studies*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 764–765, 769.

²⁴ *Sarah Jesse.* Museum Education: China's Next Big Build-Out? // *American Alliance of Museums*. URL: <https://www.aam-us.org/2017/07/24/museum-education-chinas-next-big-build-out/> (дата обращения: 19.04.2019).

отношений, международного сотрудничества, мира, стабильности и процветания²⁵. Сотрудничество в сфере охраны исторического и культурного наследия, музейной деятельности – одно из направлений культурно-гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС, для продвижения которого в 2002 г. был создан механизм регулярных встреч министров культуры стран-участниц. Китай использует данную платформу для укрепления своего «мягкосилового» влияния в Центральной Азии. Для продвижения инструментов «мягкой силы» также используется формат БРИКС. В 2017 г. китайское председательство в этой организации было озаглавлено институционализацией диалога в сфере культуры, в том числе за счет создания ассоциации музеев БРИКС²⁶. Важным элементом «мягкосилового» инструментария Китая выступает инициатива «Один пояс, один путь», среди основных направлений которой – усиление гуманитарного сотрудничества и поддержка имиджа страны²⁷. Под влиянием этой составляющей китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии развиваются такие формы международного сотрудничества, как альянсы музеев Шелкового пути, в которых китайские организации играют ведущую роль.

Дружественная ассоциация музеев стран «пояса и пути» была учреждена в 2016 г. в провинции Шэньси на форуме стран «пояса и пути» по обмену и сотрудничеству в области охраны культурного наследия, организованном Государственным комитетом по охране культурного наследия. Главной задачей учрежденного в 2018 г. Международного Альянса музеев Шелкового пути, лидирующую роль в управлении которого призван играть Национальный музей Китая, стала реализация целей инициативы «Один пояс, один путь» и Плана действий по развитию культуры «Один пояс, один путь» 2016–2020²⁸.

В политическом дискурсе России понятие «мягкая сила» прозвучало в 2012 г. в выступлении Президента В.В. Путина и существует наряду с закрепленным в документации МИД понятием «внешняя культурная политика». Свое концептуальное оформление данное направление внешнеполитической деятельности страны получило в 2000 г., с изданием тезисов «Внешняя культурная политика России – год 2000», которые закрепили за культурой наиболее важную роль в создании «благоприятного и объективного образа России в мире»²⁹. В 2010 г. был принят новый документ, посвященный приоритетам и особенностям реализации современной политики Российской Федерации в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества³⁰. Его отличительной чертой стал интерес к культурной дипло-

²⁵ *Ancient Civilizations Forum*. URL: <http://ancientcivilizationsforum.org> (дата обращения: 18.04.2019).

²⁶ Сафонкина Е.В. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 362.

²⁷ Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, один путь» – комплексный фактор «мягкой силы» Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / отв. ред.-сост. В.А. Матвеев. М., 2017. С. 74.

²⁸ The International Alliance of Museums of the Silk Road [сайт]. URL: <http://www.musesilkroad.org> (дата обращения: 05.06.2019).

²⁹ Внешняя культурная политика России – год 2000»: тезисы // Дипломатический вестник. 2000. № 4. С. 76–84.

³⁰ Основные направления политики Российской Федерации в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/Ср-tfCkV6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 07.06.2019).

матии как инструменту «мягкой силы», использующему «специфические формы и методы воздействия на общественное мнение» и работающему на укрепление международного авторитета страны.

Наряду с распространением русского языка, проведением перекрестных годов культур, проведением разнообразных мегасобытий доминантными инструментами внешней культурной политики России и ее «мягкой силы» может рассматриваться международная деятельность музеев, прежде всего Государственного Эрмитажа и Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Особую роль в связи с интеграционными процессами в регионе Великого шелкового пути приобретает Государственный исторический музей³¹, установивший прочные связи с Национальным музеем Китая. Оба музея – члены ассоциации музеев БРИКС и участники объединений музеев Шелкового пути.

«Мягкая сила» музеев

Современные музеи становятся ключевыми акторами на международной арене, способными с поддержкой своих правительств или без нее оказывать значительное социально-экономическое и культурное влияние внутри и за пределами национальных границ. С сокращением роли государственных структур в межнациональном взаимодействии происходит рост самостоятельности музеев в международном культурном обмене, увеличивается их способность генерировать «мягкую силу». В настоящее время предпринимаются попытки оценить «мягкую силу» отдельных институтов, в том числе музеев. Среди параметров, позволяющих измерить «мягкую силу» музея, – его ресурсы, проводимые им мероприятия, музейные сети (например, общества друзей, филиалы музея), восприятие посетителей³².

Среди самых посещаемых российских музеев в рейтингах музеев мира, составленных с учетом их посещаемости, – Государственный Эрмитаж и Музеи Московского Кремля с их богатейшими коллекциями, интенсивной выставочной деятельностью и широкими международными связями. Лидирующие позиции занимает Национальный музей Пекина, занявший в 2018 г. второе место в списке лучших музеев. По мнению исследователей компании «АЕСОМ», успех китайских музеев, уверенно продвигающихся в общемировых рейтингах и занимающих верхние позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, связан с эффективными правительственными инициативами в сфере культурного обмена, сотрудничеством со знаменитостями для увеличения посещаемости, взаимодействием с крупными зарубежными музеями³³.

Согласно более известному в России рейтингу газеты «The Art Newspaper» твердые позиции занимает Шанхайский музей, благодаря своим популярным выставкам, некоторые из которых полностью составлены из коллекций зарубежных музеев. Отмечается, что выставка «Передвижники. Шедевры русского искусства из Третьяковской

³¹ В Национальном музее Китая открылась выставка, посвященная Октябрьской революции. URL: <http://pm.pf/news/233145/> (дата обращения: 02.06.2019).

³² Natalia Grincheva. Mapping museum «Soft Power»: Adding geo-vizualization to the methodological framework // *Computers and the Humanities*. December 2018. P. 1–22.

³³ TEA/AECOM 2018. Theme Index and Museum Index: The Global Attractions Attendance Report. Burbank, California: Themed Entertainment Association (TEA), 2019. P. 69.

галереи» в 2017 г. привлекала в Шанхайский музей в среднем по 6 666 человек в день³⁴. По данным газеты «Чайна Дейли» (China Daily), самым посещаемым музеем мира является «Запретный Город» – ансамбль бывшего императорского дворца, своеобразный музей-заповедник Гугун в Пекине, который известен своим архитектурным величием и ценными выставками³⁵. Включение памятника в список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1987 г. имело важное значение для международного признания дворца-музея Гугун, в несколько раз превышающего по своим размерам Эрмитаж и Московский Кремль и несущего, как и они, значение политического и цивилизационного символа³⁶.

Обмен выставками между музеем Гугун и Музеями Московского Кремля, представлявшими сокровища китайских и российских императоров, состоялся трижды, в 2006, 2007 и в 2019 г., когда были объявлены Год России в Китае (2006), Год Китая в России (2007) и Год межрегионального сотрудничества России и Китая (2018–2019). В 2019 г. выставку «Сокровища императорского дворца Гугун. Эпоха процветания Китая в XVIII в.», проходившую в Музеях Московского Кремля с 15 марта по 30 мая, посетило более 120 тыс. человек; онлайн-трансляции лекций ведущих российских сиологов, сопровождавших выставочный проект, просмотрели 327 тыс. пользователей³⁷.

В 2001 г. в музее Гугун состоялась археологическая выставка из коллекций Эрмитажа «Сокровища Золотой Орды». Государственный Эрмитаж, один из крупнейших художественных музеев мира, играет в культурном обмене России очень важную роль. Музей организует международные выставки и имеет свои филиалы как на территории России, так и за рубежом. В настоящее время обсуждается открытие представительств музея в Китае.

Формируются представления о том, что музеи в своей международной деятельности реализуют не только государственные внешнеполитические задачи, но и осуществляют собственную, институциональную, дипломатию для достижения своих целей. Новые возможности открывает для этого музейный франчайзинг, или создание филиалов музеев. В России свои филиалы и представительства как в различных регионах, так и за рубежом имеют ведущие художественные музеи страны, Эрмитаж и Русский музей (в случае Русского музея речь идет о виртуальных филиалах; один из них был открыт в 2010 г. в Российском культурном центре в Пекине, обсуждается проект филиала в Шанхае).

Китайские музеи еще не успели создать свои филиалы за рубежом, однако в Шэньчжэне появился первый зарубежный филиал знаменитого Лондонского музея Виктории и Альберта, в Шанхае планируется открытие филиала французского музея Центр Помпиду. Кроме того, в 2016 г. в Москве открылся первый за пределами КНР музей коммунистической партии Китая (КПК) – Музей VI съезда КПК.

³⁴ *Emily Sharpe, José da Silva*. Fashion provides winning formula // The Art Newspaper. Special Report. 2019. Vol. 28. № 311. P. II.

³⁵ Beijing's Forbidden City ranks most visited museum in the world // China Daily. 2018. December 18.

³⁶ *Guo Changhong*. The Qing Palace: from a Forbidden City to a Public Heritage // Museum International. 2008. Vol. 60. № 1–2. P. 78–88.

³⁷ Выставку «Сокровища императорского дворца Гугун» посетило более 120 тысяч человек [сайт]. URL: <https://www.kreml.ru/press-room/press-releases/vystavku-sokrovishcha-imperatorskogodvortsa-gugun-posetilo-bole-120-tysyach-chelovek/> (дата обращения: 14.07.2019).

Можно предположить, что отсутствие у ведущих музеев Китая зарубежных филиалов, появление которых улучшило бы «мягкую силу» Китая, вызвано несколькими причинами³⁸. Музейный франчайзинг – новое явление в международной деятельности музеев – впервые был реализован американским музеем Гутгенхайма; примеру его инновационных стратегий нелиберального менеджмента последовали с определенной осторожностью некоторые крупнейшие музеи мира. Появление зарубежных филиалов Эрмитажа вряд ли бы состоялось без тесного сотрудничества с музеем Гутгенхайма. С другой стороны, китайские художественные музеи не обладают значимыми коллекциями зарубежного искусства, важной составляющей успеха музейного филиала. И наконец, музеи в КНР, участвуя в международном культурном обмене, ориентируются на требования и ожидания своего правительства, а также Коммунистической партии в отношении внешнеполитического имиджа государства. Создавая образ цивилизованного, открытого, «культурного Китая», музеи должны посредством организации выставок за рубежом демонстрировать славу и блестящие достижения китайской цивилизации и философии гармонии и мира³⁹.

Новая роль музейных институций – одна из актуальных тем международного музейного движения, которая присутствует в повестке дня Международного совета музеев (ИКОМ) и других организаций. В начале XXI в. активизировалось участие России и Китая в многостороннем формате международного музейного сотрудничества. Китай все чаще стал организовывать на своей территории международные музейные мероприятия. В обеих странах широкое распространение получили идеи о «мягкой силе музеев» и музейной дипломатии Гейл Лорд, президента и основателя международной компании по музейному консультированию «Lord cultural resources». Лорд отмечает, что с приобретением музеями большей независимости от государства, превращением музеев в институты гражданского общества, диверсификацией источников финансирования, привлечением механизмов частно-государственного партнерства возрастает «мягкая сила» музеев, которые служат дискуссионной площадкой, двигателем культурных изменений, развивают способность понимания других культур, навыки межкультурной коммуникации. Благодаря своей «мягкой силе» музеи могут влиять на мнение лидеров⁴⁰. Международная компания «Lord cultural resources» является одним из эффективных каналов распространения нелиберальных идей в музейной сфере. В Китае данное агентство начало свою деятельность в 2004 г., открыло свой филиал в Пекине, а в 2011 г. заключило меморандум о взаимопонимании с Ассоциацией музеев Китая⁴¹, направленный на взаимодействие в сфере музейных исследований, профессиональных стандартов и тренинга, а также обмен ресурсами и информацией. Публичные лекции Гейл Лорд в разных городах России были проведены при поддержке Благотворительного фонда

³⁸ *Harvey Dzodin*. Time to ramp up China's soft power: China Daily Columnist // *The Straitstimes*. 2016. December 28.

³⁹ *Da Kong*. Imaging China. China's cultural diplomacy through loan exhibitions to British museums. PhD diss. ... University of Leicester. 2015. P. 44–51.

⁴⁰ *Gail Lord*. The soft power of museums // *The Soft Power* 30. A Global Ranking of Soft Power. 2017. Issue 30. P. 101–103.

⁴¹ *Chinese Museums Association Signs MOU with Lord Cultural Resources* // Lord. URL: <https://www.lord.ca/news/press-releases/chinese-museums-association-signs-mou-with-lord-cultural-resources> (дата обращения: 13.07.2019).

В. Потанина – одного из первых российских частных фондов, среди приоритетов которого выделяется развитие музейной сферы.

Традиционным и эффективным инструментом культурной дипломатии в обеих странах являются художественные выставки – основная форма международной деятельности музеев. В китайско-американских отношениях конца XX века художественные обмены широко использовались в дипломатических целях, в 2000-е гг. география культурных обменов Китая с зарубежными странами значительно расширилась, в настоящее время выставки способствуют укреплению культурной повестки проекта «Один пояс – один путь». Важную роль в организации выставок за рубежом играет Государственное управление по охране культурного наследия КНР, которое с учетом провозглашаемых правительством и Коммунистической партией задач культурной дипломатии формулирует рекомендации музеям, призывая их к международному сотрудничеству и укреплению своего влияния за рубежом⁴². Ведущие музеи страны – Национальный музей Китая и музей Гугун – занимают особое место в этом процессе⁴³.

В России и в Китае внимание к выездным выставкам, широко анонсируемым и обсуждаемым в прессе, способным существенно повлиять на имидж государства на международной арене, усиливается. Модели государственного регулирования музейной деятельности в обеих странах подразумевают существенную финансовую поддержку, жесткое управление в обороте культурных ценностей, и, конечно, значительное, обеспеченное юридическими средствами, влияние на международное сотрудничество музеев. Однако несмотря на то, что в России и Китае выработаны механизмы, позволяющие в определенной степени контролировать суть выставочного обмена, с помощью которого правительство старается донести до зарубежной общественности определенные идеи, художественные выставки остаются формой культурного сотрудничества на профессиональном уровне и музеи обладают определенной самостоятельностью в своей творческой деятельности и формировании экспозиций.

Музеи как элемент «мягкой силы» государства

Растущее внимание в мире к роли «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности государств способствует появлению различных рейтингов и индексов, призванных оценить, измерить и сравнить успехи различных государств в данной области. При этом сама концепция «мягкой силы», предложенная Наем, стала теоретическим обобщением политики распространения либерально-буржуазных идеалов в ходе реализации публичной дипломатии США. Говоря о «мягкой силе», автор имел в виду, прежде всего, привлекательное значение идеалов американского общества в мире, которое может быть использовано в интересах внешней политики США. Термин «мягкая сила» приобрел модный характер, причем каждые государственный деятель или государство вкладывают в «soft power» собственное содержание и пропаганду собственных идеалов.

Пример англоамериканского подхода демонстрирует известный рейтинг «мягкой силы» «Soft Power 30», созданный британским PR-агентством Portland во главе

⁴² Kong. *Imaging China...* P. 51–52.

⁴³ Zhou Ming. *Exhibitions as tools of diplomacy // Museum development in China. Understanding the building boom*. London, Rowman & Littlefield, 2019. P. 63–68.

с Дж. Макклори в сотрудничестве с университетом Южной Калифорнии. Данный рейтинг отмечает высокий потенциал богатой и разнообразной культуры Китая, ежегодно размещает КНР в список 30 наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы». Рейтинг учитывает такой показатель, как ежегодная посещаемость музеев (субиндекс культура), который выводится из ежегодного рейтинга музейной посещаемости, публикуемый газетой «The Art Newspaper». Устойчивые позиции Китая в рейтинге «Soft Power 30» определили интерес к музейным проектам, реализующимся в стране⁴⁴. Музейный комплекс Гугун с его филиалами воспринимается как инструмент «мягкой силы» Китая, наряду с институтами Конфуция. Новые стратегии дворца-музея Гугун рассматриваются сквозь призму изобретенной американским музеем Гугенхайма политики музейного франчайзинга и глобального партнерства⁴⁵.

Рейтинг отметил возрастающую роль музеев как инструментов культурной дипломатии и «мягкой силы». Среди других упоминаемых в отчетах рейтинга «Портленд» музеев – Лувр, один из музеев Франции, признанный самым посещаемым в мире, Британский музей – инструмент «мягкой силы» Великобритании, Эрмитаж – важный ресурс «мягкой силы» культуры России.

Отчеты рейтинга Portland отмечают такие проекты, как создание филиала музея Гугун в Гонконге и нового посвященного искусству экогорода под Пекином «Valley XL», неотъемлемой составляющей которого является Музей современного искусства.

В 2017 г. между администрацией музейного комплекса «Гугун» и администрацией специального административного района Гонконг (САРГ) был подписан меморандум о создании филиала, учрежденного с целью развития культурной индустрии и продвижения традиционной культуры в САРГ, а также содействия китайскому и западному культурному обмену. Инициатива создания музейного филиала была воспринята в Гонконге с некоторой долей враждебности. В это время в Пекине и Гонконге организуется выставка Лувра «От дворца до музея за 800 лет» в 2017 г. Опыт ведущего французского музея – безусловного лидера в продвижении культурного наследия за рубежом, имеющего филиал в Абу-Даби – был признан полезным уроком культурной мощи для Китая⁴⁶.

О растущей роли музеев в формировании «мягкой силы» современного Китая также свидетельствует участие всемирно известных архитекторов, Жана Нувеля, Херцога и де Мерона, Чипперфильда, в создании и проектировании грандиозных по замыслу музеев КНР. Сооружение великолепных, доступных и содержательных музейных зданий – это не только архитектурное, культурное и политическое заявление, очередной шаг в гонке «мягкой силы», но и способ продвижения города, его стремление к культурному лидерству на национальной и на международной арене. Наиболее показателен пример Шанхая, в котором местные власти разрабатывают стратегию превращения города в культурную столицу путем инвестиций в совре-

⁴⁴ The Soft Power 30 [сайт]. URL: <https://www.softpower30.com> (дата обращения: 18.05.2019).

⁴⁵ Alexandra Seno. Hong Kong branch of Palace Museum touches a political nerve // The Art Newspaper. 2017. February 1.

⁴⁶ Enid Tsui. The irony of Louvre's soft-power lesson for China, as museum's history tour comes to Hong Kong // South China Morning Post. 2017. March 15.

менное искусство, Пекина с проектом строительства национального музея искусства Китая (НАМОС), превосходящего по размеру все художественные музеи мира, Гонконга с недавно открытым музеем визуальной культуры М+.

В России мало исследований, посвященных современному музейному строительству в КНР. В основе научных представлений о развитии музеев Китая лежит концепция Т.Ю. Юреновой об уникальности китайских музеев, наиболее полно репрезентирующих национальное наследие и практически лишенных коллекций западного искусства, стремительном развитии музейной сферы в КНР, модернизации музеев по вестернизированному образцу⁴⁷.

Очевидно, что зарубежное восприятие музейного дела в КНР нуждается в корректировке; необходимо сформировать у широкой общественности представление об особом пути развития музеев Китая, его участии в формировании повестки дня международного музейного движения, и особенно в свете задач культурной дипломатии, готовности государства к конструктивному диалогу со странами Запада. Важную роль в реализации этих задач играют проведение китайско-американских музейных саммитов, участие Нанкинского музея в Глобальном коллоквиуме музейных лидеров, разработанная в Шанхае с целью информирования о тенденциях развития китайских музеев платформа Museum 2050. В 2015 г. в музее Гугун стартовал международный музейный форум Запретного города, объединивший представителей азиатских, европейских и американских музеев для обсуждения тем музейного образования, новых технологий, музеев в городской среде. Ожидается, что мероприятие будет проводиться каждые 5 лет.

В настоящее время основная роль в информировании широкой общественности о состоянии музейного дела в Китае принадлежит информационным агентствам (в том числе «Синьхуа», «РИА новости») и другим СМИ, широко освещающим китайские художественные выставки в западных музеях, представляющим зарубежной аудитории амбициозные музейные проекты в КНР. Важное значение приобретает участие Китая в многостороннем формате обсуждения музейной проблематики, результатом которого становится принятие нормативных документов, создание ассоциаций (ассоциация музеев БРИКС) и т.д.

Музейное сотрудничество в двусторонних отношениях России и Китая

Международные музейные обмены – традиционные инструменты культурной дипломатии – широко и уже давно присутствуют в российско-китайских отношениях, что получило отражение в двусторонних соглашениях. Советская музейная теория оказала определенное влияние на китайское музейное строительство. Российские и китайские музеологи принимают активное участие в международных проектах в рамках ИКОМ, ШОС и БРИКС. Активизируется международная деятельность музеев, наибольшую активность проявляют ведущие музеи страны. Музеи вовлечены в развитие дипломатических отношений двух стран, в том числе по линии обществ дружбы, в развитие красного туризма, в проведение культурных сезонов, перекрестных годов культуры, способствуют взаимодействию в сфере современного искусства. Воз-

⁴⁷ Юренова Т.Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003. С 299–306.

никают новые формы сотрудничества, такие как создание зарубежных музейных филиалов и представительств (Русский музей, Эрмитаж, музей истории VI съезда КПК).

Во многих совместных декларациях и заявлениях России и Китая подчеркивается важность развития двусторонних связей в области культуры. В нем выделяют межгосударственный уровень, тесно связанный с основными направлениями, проблемами международных отношений и активизацией политических и торгово-экономических связей двух стран, и региональные связи, одной из важнейших форм которых является приграничное взаимодействие⁴⁸.

Нормативно-правовую основу российско-китайского сотрудничества в сфере культуры на межправительственном уровне составляют Соглашение о культурном сотрудничестве 1992 г. и межправительственные планы культурного сотрудничества, Соглашение о взаимном учреждении культурных центров 2009 г.

Понимание важности гуманитарного блока в двусторонних отношениях, интенсификации связей в сфере культуры и других социально-ориентированных областях для расширения массовой базы двусторонних отношений и углубления взаимопонимания между народами способствовало созданию межправительственной комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта (с 2007 г. Российско-Китайская Комиссия по гуманитарному сотрудничеству), ставшей основным движущим механизмом сотрудничества двух стран в гуманитарной сфере. В рамках комиссии действуют подкомиссии; двусторонняя подкомиссия по сотрудничеству в области культуры провела первое заседание в 2001 г.

В Соглашении о культурном сотрудничестве обмена и сотрудничество между музеями – одна из форм взаимодействия в области культуры и искусства. Необходимость установления прямых связей между музеями, а также расширение масштабов культурных обменов регионов подчеркивается в протоколах Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, которые также отражают растущее влияние механизмов многостороннего сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, инициативы «Один пояс – один путь». В 2012 г. Комиссия утвердила План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 г. Одна из основных задач Плана – сотрудничество в области культуры – включает в себя взаимодействие между культурными учреждениями. Особое внимание уделено Государственному историко-культурному музею-заповеднику «Московский Кремль», Государственному Эрмитажу, заповеднику «Царское село», Китайскому национальному музею и китайскому Музею Гугун.

Важной частью российско-китайских отношений является межрегиональное сотрудничество городов и регионов двух стран, укреплению которого способствует общественный Российско-китайский комитет дружбы, мира; в реализации плана мероприятий комитета широко задействованы музеи⁴⁹.

Содействие в налаживании гуманитарных связей оказывают регионам российские дипломаты. Взаимодействие между музеями предусматривается в программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Россий-

⁴⁸ Валеев Р.М., Касимова А.Р. Российско-китайские культурные связи (1990–2000-е гг.) // Вестник Казанского Государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3. С. 151–156.

⁴⁹ Рогачев И. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М., 2005. С. 106.

ской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.), музеи активно вовлечены в развитие региональных и побратимских связей.

Документальная основа двусторонних культурных связей России и Китая практически не отражает современное интенсивное развитие международной деятельности отечественных и китайских музеев, многообразие форм сотрудничества, ставя традиционные общие задачи укрепления сотрудничества между музеями и привлечения сотрудников учреждений культуры к участию в совместных мероприятиях и поддерживая существующие уже в течение длительного времени модели взаимодействия между музеями.

Вероятно, подобная ситуация вызвана малой осведомленностью о состоянии музейного дела в КНР, общей ориентацией на неолиберальные идеи в музейной сфере, очагами распространения которых в обеих странах становятся компании по музейному консультированию.

Некоторое преимущество имеют в этом отношении План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, отмечающий необходимость проведения выставок экспонатов музеев и обменов музейными работниками для ведущих государственных музеев, отмеченных в международных рейтингах «мягкой силы». Большим потенциалом обладает деятельность Комиссии по гуманитарному сотрудничеству и механизмы многостороннего сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, инициативы «Один пояс – один путь».

Современный этап развития музейного дела в России и Китае характеризуется осознанной потребностью в укреплении роли музеев в международном культурном обмене, в расширении их участия в реализации целей культурной дипломатии, и вместе с тем растущей самостоятельностью музеев как акторов на международной арене. Музейный бум, сходство моделей государственного регулирования музейной деятельности, предполагающий значительный контроль со стороны государственных структур, а также интенсивный выставочный обмен и активизация сотрудничества в последние годы объединяют две страны. Однако сотрудничество между музеями России и Китая в рамках двусторонних отношений развивается в основном рамках традиционных форм, тогда как следовало бы усилить те направления сотрудничества, которые связаны с эволюцией концепции музея в современном мире. Многочисленные инициативы Китая в музейном строительстве, грандиозные проекты, информация о которых доступна лишь благодаря некоторым СМИ, малоизвестны в России; утвердившиеся научные представления о музейном деле в КНР безусловно нуждаются в обновлении. В этом отношении участие двух стран в региональных организациях БРИКС и ШОС, содействующих взаимодействию в гуманитарной сфере и утверждению соответственного культурного пространства, способно осовременить содержание музейного сотрудничества.

Рукопись поступила: 1 августа 2019 г.

Submitted: 1 August 2019

Библиографический список

Аликберова А.Р. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. 210 с.

- Бодрова О.И.* Гуманитарная экспансия Китайской Народной Республики в период с 1978 г. по 2012 г. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2013. 200 с.
- Валеев Р.М., Касимова А.Р.* Российско-китайские культурные связи (1990–2000-е гг.) // Вестник Казанского Государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3. С. 151–156.
- Жэнь Л.* Коллекция памятников Дуньхуана в Государственном Эрмитаже // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9 (29). С. 52–56.
- Куликова Г.В.* Россия – Китай. народная дипломатия. М.: ИД ФОРУМ, 2012. 512 с.
- Ломанов А.В., Кобелев Е.В.* «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. 223 с.
- Лузянин С.Г., Сафронова Е.И., Морозов Ю.В.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства. М.: ИДВ РАН, 2015. 168 с.
- Мэнлун Л.* Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 190 с.
- Распертова С.Ю.* Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2011. 24 с.
- Рифтин Б.Л.* Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л.: Аврора; Пекин: Народное искусство, 1991. 206 с.
- Рогачев И.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI в. М.: Известия, 2005. 278 с.
- Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 701 с.
- Сафонкина Е.В.* Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356–367.
- Сафронова Е.И.* Проект «Один пояс, один путь» – комплексный фактор «мягкой силы» Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 60–78.
- Тарабарко К.А.* Мягкая сила культуры Китая: Концептуальное содержание и практики реализации. Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. 215 с.
- Терюкова Е.А., Завидовская Е.А., Хижняк О.С., Кормановская М.В., Мазурина В.Н.* Китайская народная картина из собрания ГМИР: опыт систематизации // Труды Государственного музея истории религии. СПб.: СПГУД, 2017. С. 85–114.
- Харитонов А.И.* «Мягкая сила» с китайской спецификой // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 1 (7). С. 113–120.
- Юренева Т.Ю.* Музей в мировой культуре. М.: Русское слово, 2003. 532 с.
- Barr M.* Who's afraid of China? The Challenge of Chinese Soft Power. London&New York: Zed Books, 2011. 154 p.
- Changhong G.* The Qing Palace: from a Forbidden City to a Public Heritage // Museum International. 2008. Vol. 60. № 1–2. P. 78–88.
- Dzodin H.* Time to ramp up China's soft power: China Daily Columnist // The Straitstimes, 2016. December 28.
- Emily Sharpe, José da Silva.* Fashion provides winning formula // The Art Newspaper. Special Report. 2019. Vol. 28. № 311. P. II.
- Grincheva N.* Mapping museum «Soft Power»: Adding geo-visualization to the methodological framework // Computers and the Humanities. 2018. P. 1–22.
- Kong Da.* Imaging China. China's cultural diplomacy through loan exhibitions to British museums. PhD diss. Leicester: University of Leicester, 2015.
- Lord Gail.* The soft power of museums // The Soft Power. Issue 30. 2017. P. 101–103.
- Ming Zh.* Exhibitions as tools of diplomacy // Museum development in China. Understanding the building boom. London: Rowman & Littlefield, 2019. P. 63–68.
- Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 130 p.

- Parama Sinha Palit*. China's cultural diplomacy: Historical origin, modern methods and strategic outcomes // *China Currents*. Vol. 12. № 2. 2014. URL: https://www.chinacenter.net/2014/china_currents/12-2/chinas-cultural-diplomacy-historical-origin-modern-methods-and-strategic-outcomes/
- Rusakova O., Kovba D., Gribovod E., Popova N.* Cultural diplomacy as the intellectual capital of soft power exercised by the Shanghai cooperation organization member states // *Proceedings of the International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management and Organisational Learning, ICICKM*. 2018. № 4. P. 277–284.
- Seno A.* Hong Kong branch of Palace Museum touches a political nerve // *The Art Newspaper*. 2017. February 1.
- Song Weiqing*. Feeling safe, being strong: China's strategy of soft balancing through the Shanghai Cooperation Organization // *International Politics*. 2013. № 50 (5). P. 664–685.
- Teryukova E., Zavidovskaya E.* The archives of academician V. M. Alekseev from the collection of the State Museum of the History of Religion as a source for the study of popular religious beliefs in late imperial China // *Manuscripta Orientalia*. 2017. № 23 (1). P. 61–69.
- Tsui E.* The irony of Louvre's soft-power lesson for China, as museum's history tour comes to Hong Kong // *South China Morning Post*. 2017. March 15.
- Wu You*. The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization // *Journal of Literature and Art Studies*. 2018. № 5. P. 763–778.

References

- Alikberova, A.R. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v sfere kul'tury i obrazovaniya*. Kazan': Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet Publ., 2014 (in Russian).
- Bodrova, O.I. *Gumanitarnaya ekspansiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki v period s 1978 g. po 2012 g.* Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2013 (in Russian).
- Changhong, Guo. "The Qing Palace: from a Forbidden City to a Public Heritage." *Museum International* 60, no. 1–2 (2008): 78–88.
- Dzodin, Harvey. "Time to ramp up China's soft power: China Daily Columnist." *The Straitstimes*, December 28, 2016.
- Emily Sharpe, José da Silva. "Fashion provides winning formula." *The Art Newspaper*. 28, no. 311 (April 2019): II.
- Grincheva, Natalia. "Mapping museum 'Soft Power': Adding geo-vizualization to the methodological framework." *Computers and the Humanities* (December 2018): 1–22.
- Jesse, Sarah. "Museum Education: China's Next Big Build-Out?" American Alliance of Museums, accessed April 19, 2019, <https://www.aam-us.org/2017/07/24/museum-education-chinas-next-big-build-out/>.
- Kharitonov, A.I. "Myagkaya sila" s kitayskoy spetsifikoy." *RUSH/RGU Bulletin. Series Political Science. History. International Relations*, no. 1 (7) (2017): 113–120 (in Russian).
- Kong, Da. *Imaging China. China's cultural diplomacy through loan exhibitions to British museums*. Leicester: University of Leicester Publ., 2015.
- Kulikova, G.V. *Rossiya – Kitay. narodnaya diplomatiya*. Moscow: ID FORUM Publ., 2012 (in Russian).
- Lomanov, A.V., and Kobelev, Ye.V. "Myagkaya sila" v otnosheniyakh Kitaya s vneshnim mirom. Moscow: IDV RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Luzyanin, S.G., Safronova, Ye.I., and Morozov Yu.V. *Strategiya razvitiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva do 2025 goda: iskhodnyye realii i faktor rossiysko-kitayskogo partnerstva*. Moscow: IDV RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Lord, Gail. "The soft power of museums." In *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power*, 101–103. Portland: [N.s.], 2017.
- Lukin, A.V. *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy*. Moscow: Ves' Mir Publ., 2013 (in Russian).
- Menlun, L. *Kitaysko-rossiyskoye gumanitarnoye sotrudnichestvo v XXI v.: tendentsii i perspektivy*. Moscow: RUDN University, 2018 (in Russian).
- Ming, Zhou. "Exhibitions as tools of diplomacy." *Museum development in China. Understanding the building boom*. London: Rowman & Littlefield Publ., 2019.

- Raspertova, S.Yu. *Sovremennyye kul'turnyye strategii Kitayskoy Narodnoy Respubliki v praktike mezhdunarodnogo vzaimodeystviya*. Moscow: Moscow State Linguistic University Publ., 2011 (in Russian).
- Rogachev, I. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v kontse XX – nachale XXI v.* Moscow: Izvestiya Publ., 2005 (in Russian).
- Riftin, B.L. *Redkiye kitayskiye narodnyye kartiny iz sovetских sobraniy*. Leningrad: Avrora Publ.; Pekin: Narodnoye iskusstvo Publ., 1991 (in Russian).
- Rusakova, O., Kovba, D., Gribovod, E., and Popova, N. “Cultural diplomacy as the intellectual capital of soft power exercised by the Shanghai cooperation organization member states.” *Proceedings of the International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management and Organisational Learning*, no. 4 (2018): 277–284.
- Parama, S.P. “China’s cultural diplomacy: Historical origin, modern methods and strategic outcomes.” *China Currents* 12, no. 2 (2014), https://www.chinacenter.net/2014/china_currents/12-2/chinas-cultural-diplomacy-historical-origin-modern-methods-and-strategic-outcomes/
- Safonkina, Ye.V. “Kitayskoye predsedatel'stvo v BRIKS v 2017 g.: rasshiryaya gorizonty sotrudnichestva.” *Vestnik RUDN. International Relations* 18, no. 2 (2018): 356–367 (in Russian).
- Safronova, Ye.I. “Proyekt ‘Odin poyas, odin put’ – kompleksnyy faktor ‘myagkoy sily’ Kitaya.” In *Problemy i perspektivy realizatsii initsiativy ‘Ekonomicheskij poyas Shelkovogo puti’ v kontekste SHOS*, 60–78. Moscow: IDV RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Seno, Alexandra. “Hong Kong branch of Palace Museum touches a political nerve.” *The Art Newspaper*, February 1, 2017.
- Song, Weiqing. “Feeling safe, being strong: China’s strategy of soft balancing through the Shanghai Cooperation Organization.” *International Politics*, no. 50 (5) (2013): 664–685.
- Tarabarko, K.A. *Myagkaya sila kul'tury Kitaya: Kontseptual'noye sodержaniye i praktiki realizatsii*. Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2014 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A., Zavidovskaya, Ye.A., Khizhnyak, O.S., Kormanovskaya, M.V., and Mazurina, V.N. “Kitayskaya narodnaya kartina iz sobraniya GMIR: opyt sistematizatsii.” In *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii*, 85–114. St. Petersburg: SPGUD Publ., 2017 (in Russian).
- Teryukova, E., and Zavidovskaya, E. “The archives of academician V. M. Alekseev from the collection of the State Museum of the History of Religion as a source for the study of popular religious beliefs in late imperial China.” *Manuscripta Orientalia*, no. 23 (1) (2017): 61–69.
- Tsui, Enid. “The irony of Louvre’s soft-power lesson for China, as museum’s history tour comes to Hong Kong.” *South China Morning Post*, March 15, 2017.
- Zhen', L. “Kollektsiya pamyatnikov Dun'khuana v Gosudarstvennom Ermitazhe.” *Scientific journal of Herzen University*, no. 9 (29) (2007): 52–56 (in Russian).
- Valeyev, R.M. “Kasimova A.R. Rossiysko-kitayskiye kul'turnyye svyazi (1990–2000-ye gg.)” *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, no. 3 (2013): 151–156 (in Russian).
- Wu., You. “The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization.” *Journal of Literature and Art Studies* 8, no. 5 (2018): 764–765.
- Yureneva, T.Yu. *Muzey v mirovoy kul'ture*. Moscow: Russkoye slovo Publ., 2003 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Фокин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета.

Vladimir I. Fokin, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of International Humanitarian Relations, Saint Petersburg State University.

Эльц Елена Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena E. Elts, Kandidat istoricheskikh nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of International Humanitarian Relations, Saint Petersburg State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-883-903>

Научная статья / Research article

The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries

Nikita I. Khrapunov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 4, Vernadskogo Ave., Simferopol, Republic of Crimea, 295004, Russia; khrapunovn@gmail.com

Образ Крыма в восприятии британских путешественников рубежа XVIII–XIX вв. Эдварда Кларка и Реджинальда Хебера

Н.И. Храпунов

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; 295004, Россия, Республика Крым, Симферополь, пр-кт Вернадского, 4; khrapunovn@gmail.com

Abstract: This paper analyses two books by British travellers offering accounts of Crimea in the first decades of the Russian period in its history. Crimea became a stage in Western Grand Tour, offering a possibility to view and discuss different phenomena: Mediterranean environment, cultural heritage sites, multiethnic populations confessing different religions, the change of Crimea’s political status, and the first results of Russia’s attempts of its integration. The comparison of these two travelogues with other sources and the materials supplied by current researches has uncovered who the British mind interpreted Crimean realities. The travellers created unified image of Crimea featuring its past, present, and future. The travelogues under analysis uncover the features of researchers’ thinking in the period of transition from the Enlightenment to the Romanticism. This way, the notion of ethnic processes actually restricted to the search for modern parallels of ancient ethnic names. The books under study reflect a complicated and controversial process of Crimea’s integration into the Russian Empire. Heber considered the future as economic progress and therefore thought it necessary to develop Crimean trade, infrastructure, and economy, building them into all-Russia and all-Europe network. Clarke’s opinion of Russia was distinctly negative, therefore he thought desirable to ‘return’ Crimea to the Ottomans. The travellers created several stereotypes, such as the ideas of ‘earthly paradise’ in Crimea, ‘Tatar laziness,’ ‘golden age’ of the Crimean khanate, or ‘barbarous destruction’ of cultural heritage monuments by Russians, still existing in Western mind.

Keywords: travelogues, history of Crimea, imagined geographies, Edward Daniel Clarke, Reginald Heber, English-Russian contacts

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). The scientific project № 18-09-00053.

For citation: Khrapunov, Nikita I. “The image of Crimea among British travelers Edward Clarke and Reginald Heber at the turn of the 18th–19th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 883–903. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-883-903>

Аннотация: В статье проанализированы сочинения двух британских путешественников, создавших описания Крыма в первые десятилетия российской эпохи в истории полуострова. Крым

© Khrapunov N.I., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

превратился в часть западного образовательного путешествия, поскольку здесь была возможность наблюдать и обсуждать ряд феноменов, среди которых средиземноморская природа, памятники культурного наследия, этнически и религиозно пестрое население, изменение политического статуса полуострова, а также первые результаты попыток России интегрировать окраинную территорию. Сопоставление данных путевых записок с другими источниками и материалами современных исследований показывает, как преломлялись крымские реалии в сознании британцев. Путешественники создали целостный образ Крыма, в котором нашлось место прошлому полуострова, его настоящему и прогнозам на будущее. Исследуемые травелоги демонстрируют особенности исследовательского мышления в переходную эпоху от века Просвещения к романтизму. Так, представления об этнических процессах фактически сводились к поиску современных соответствий древним этнонимам. Анализируемые сочинения отразили сложный и противоречивый процесс интеграции Крыма в состав Российской империи. Хебер, видевший будущее в терминах экономического прогресса, считал необходимым развивать торговлю, инфраструктуру и хозяйство Крыма, встраивая их в общероссийскую и общеевропейскую систему. Мнение Кларка о России было резко отрицательным, потому он считал желательным «вернуть» Крым османам. Путешественники сформировали ряд стереотипов, такие как представления о «земном рае» в Крыму, «татарской лености», «золотом веке» Крымского ханства или «варварском разрушении» русскими памятников культурного наследия, которые сохранились в западном сознании до наших дней.

Ключевые слова: записки путешественников, история Крыма, воображаемая география, Эдвард-Даньел Кларк, Реджинальд Хебер, англо-русские контакты

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

Для цитирования: *Храпунов Н.И.* Образ Крыма в восприятии британских путешественников рубежа XVIII–XIX вв. Эдварда Кларка и Реджинальда Хебера // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России.* 2019. Т. 18. № 4. С. 883–903. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-883-903>

Introduction

'The capture of the Crimea excited the attention of all Europe,' wrote the famous British traveler Edward Daniel Clarke, who visited the peninsula in 1800.¹ Russia's conquest of Crimea 17 years earlier had not just changed the balance of power in the Black Sea region. Almost immediately, many found it an ideal place for an educational trip. The peninsula's geography varied, from the barren steppe in the north to picturesque mountains and the subtropical coast in the south. There was a wide variety of nationalities, who spoke exotic languages and belonged to strange religions and cultures. Numerous archaeological sites held artefacts from ancient Greece and Rome, medieval Europe, and Islam. Visitors could also study Russian efforts to develop frontier lands, while also contemplating the historical role of Moscow and the Ottoman Porte. As a result, Taurica, as the Greeks had known the peninsula, immediately became an important stop on the Grand Tour – the journey young European noblemen took before settling down to begin the responsibilities of adulthood.

Studying images of Russia and Russian people has become a popular topic of research in the West.² Although its conquest in 1783 added Crimea to the Russian empire, culturally,

¹ E.D. Clarke, *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa* (London: T. Cadell and W. Davies Publ., 1816), 173.

² M.S. Anderson, *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815* (London; New York: Macmillan & Co Publ., 1958); M.P. Alekseev, *Russko-angliyskiye literaturnyye otnosheniya (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* (Moscow: Nauka Publ., 1982); N.P. Mikhalskaya, *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX–XIX vekov*

it was still seen as Oriental – as some travelogues suggested. Usually lengthy, they described the route an author took, allowing the armchair tourist to travel to the distant land in his imagination. Adding Crimea to his itinerary added interest to such literature, since many were now paying attention to the new Russian domain. As a result, both Russian and foreign scholars have studied the region's image.³ Indeed, considering how Crimea is perceived results in a more nuanced understanding of British views of 'the Other,' especially with respect to Russia's historical mission. At the same time, it sheds light on how English Orientalism influenced the understanding of the lifestyles, religions and history of Tauric Muslims and Jews.

Among the first who told the West about the previously unknown land were two Englishmen – Edward Clarke and Reginald Heber. Their works reflect the complex and controversial process of Crimea's integration into the Russian Empire, while also helping to form often enduring images of the exotic peninsula in the Western mind. Clarke and Heber were the spokesmen of an 'outskirts of civilization' attitude typical in Western European culture. Their works are interesting both because of the range of sources they collected as well as their effect on historiography.⁴ Modern studies, especially Western ones, still often rely on them uncritically. They take Clarke at his word when he reports about the ruthless destruction of Crimean Tatar heritage by Russians as they dismantled mosques, palaces, and manors for building materials. They also recall the traveler's account of soldiers killing a Muslim cleric, who climbed up the minaret of one of mosques. Clarke's credibility as an eyewitness is taken beyond any doubt.⁵ Of course, many architectural and archaeological sites were destroyed under Russian rule. However, wars, unrest during the Tatar khanate's final years, and the mass emigration of its Muslim population also played their part. Clarke's tendency to exaggerate Russian 'barbarism,' and the inconsistencies of his facts when compared to other sources, were already apparent in the late 19th century.⁶ The shocking story about the death of the mullah retold an urban legend, which was also known from other sources. Ap-

(Moscow: Literary Institute of A.M. Gorky Publ., 2003); L. Wolff, *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: karta tsivilizatsii v soznanii Prosveshcheniya* (Moscow: NLO, 2003); I. Neumann, *Ispolzovaniye drugogo: «Vostok» v formirovaniy yevropeyskoy identichnosti* (Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2004); A. Cross, *Angliyskiy Petr. Petr Velikiy glazami anglichan v 17–20 vekakh* (St. Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2013); S.B. Koroleva, *Mifo Rossii v britanskoy kul'ture i literature (do 1920-kh godov)* (Moscow: Direct-Media Publ., 2014); V.M. Chekmarev, *Rossiya v angliyskoy grafike vo vremena pravleniya Yekateriny II i Pavla I (1762–1801)* (Moscow: Tonchu Publ., 2019).

³ A. Schönle, "Garden of Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea," *Slavic Review* 60, no. 1 (2001): 1–23; S. Dickinson, "Russia's First 'Orient': Characterizing the Crimea in 1787," *Criticism: Explorations in Russian and Eurasian History* 3, no. 1 (2002): 3–25; A. Stroeve, "Des voyages en Antiquité," in *La lettre de voyage* (Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007); G. Sasse, *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict* (Cambridge: Harvard University Press Publ., 2007); K.S. Jobst, *Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich* (Konstanz: Universitätsverlag Publ., 2017); V.A. Koshelev, *Tavricheskaya mifologiya Pushkina. Literaturno-istoricheskiye ocherki* (Velikiy Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2017); V.V. Orekhov, *V labirinte krymskogo mifa* (Velikiy Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2017).

⁴ N.I. Khrapunov, "Bakhchisaray of Edward-Daniel Clarke: East, Russia and Crimea," *Problems of History, Philology, Culture*, no. 4 (2014): 142.

⁵ B.G. Williams, *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation* (Leiden; Boston; Köln: Brill Publ., 2001), 108; V.E. Vozgrin, *Istoriya krymskikh tatar* (Simferopol: Tezis Publ., 2013), 401, 406, 413, 419; K. O'Neill, "Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape," *Ab imperio*, no. 2 (2006): 176–177.

⁶ A.L. Berthier de Lagarde, "Drevnosti Yuga Rossii. Raskopki Khersonesa," in *Materialy po arkheologii Rossii*, no. 12 (1893): 2–9; V.V. Orekhov, *V labirinte krymskogo mifa ...*

parently, unlike real events, it reflected the psychological trauma of Crimean Tatars as they fell under Christian rule.⁷ Despite often being linked to the arrival of Empress Catherine II to Bakhchisaray, the extensive array of accounts about her famous southern journey – even by authors critical of Russia – does not mention the episode.

Recent publications discuss the influence of European perceptions about the East on Clarke's travelogue, address such questions as using archeology for ideological purposes, justify the 'barbaric' nature of Russia, as well as Heber's views on the Crimea's society and economy.⁸ Today, the study of travelogues applies discursive analytic tools developed by historical science, literary criticism, political science, and cultural studies.⁹ The purpose of this article is to reveal the image of Crimea that Clarke and Heber fashioned. The juxtaposition of this image with other sources and the results of modern researches will uncover how Crimean realities were transformed in the British mind. Comparative analysis of Heber's and Clarke's travelogues is capable of discovering the impact of subjective circumstances on the evaluation of what the travelers saw. The examination of the travelogues in the context of the actual knowledge of Crimea in that time would explain their role for the shaping of the image of this peninsula in public mind. Finally, Russia's role in Crimea's fate as described by the travelers will be also be assessed, along with their speculations about its prospects, which affected the views of future generations.

Life details of Edward Clarke and Reginald Heber

Edward Daniel Clarke (1769–1822) was born into a poor family. A lack of money forced the gifted Cambridge graduate to become a tutor to John Marten Cripps (1780–1853) and embark on a journey through Europe, Russia, and Middle East. In 1800, the British travelers visited Crimea. First published in 1810, their description of the peninsula formed an important part of multi-volume Clarke's *Travels*. Fragments of his travel diary were combined with encyclopedic descriptions of the nature, geography, and archaeology of the region, and elements of political pamphlet. Even in the author's lifetime, the Crimean volume went through five publications in its original language – not to mention its French and German translations as well. The publication of his travelogue and the sale of the collections accumulated in the East ensured the author's fame, money, and a career as a Cambridge professor. In his footnotes, he quoted the diary of his friend Heber, which were unpublished at the time, and used his drawings as illustrations.

By contrast, Reginald Heber (1783–1826) had money, which enabled him to take a long overseas trip after graduating from Oxford. In 1806, Heber and his friend John Thornton (1783–1861) visited Crimea. Heber may have regretted his kindness in letting Clarke use his travel notes later on. In 1812, he wrote:

⁷ N.I. Khrapunov, Bakhchisaray of Edward-Daniel Clarke., 145–146.

⁸ Ibid.; N.I. Khrapunov, "Outside view: British poet and traveler Reginald Heber on status of Crimea in 1806," *Crimean Historical Review*, no. 3 (2015): 252–273.

⁹ P. Hulme, T. Youngs, *The Cambridge Companion to Travel Writing* (Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2002), 261–273; A.P. Tolochko, *Kiyevskaya Rus' i Malorossiya v 19 veke* (Kiev: Laurus Publ., 2012), 50–76; M.V. Belov, *Otkrytiye «brat'yev-slavyan»: russkiye puteshestvenniki na Balkanakh v pervoy polovine 19 veka* (St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2018), 519–538.

since Dr. Clarke has selected from my journals whatever he thought most curious, my papers have been so much dispersed, that I am altogether at a loss to know how to recur to any part of them.¹⁰

Heber was renowned for composing religious hymns and his later works as missionary and teacher led to his appointment as an Anglican bishop in Calcutta. To recognize Heber's merits, his friends were permitted to put the bishop's cenotaph in St. Paul's Cathedral in London, near the graves of those who had defeated Napoleon – Arthur Wellington and Horatio Nelson. After his death, Heber's diaries and letters were published, as well as the incomplete *History of the Cossacks*.

Both Britons appreciated each other's observations. Clarke praised Heber for his accuracy and the statistics he collected.¹¹ Meanwhile, Heber complimented Clarke's knowledge of antiquities, as well as the liveliness of his sketches and his power of comparing one nation with another.¹² The notes of the two Britons differ from the sentimental and romantic travelogues that were popular at the time. Heber preferred simply recording his observations, while Clarke, inclined to analytics, added the results of arm-chair studies to his descriptions of his voyages. Heber did not have this opportunity, but this fact makes looking at the similarities and differences between the travelogues of the authors all the more interesting.

Images of Crimea and its inhabitants: Between reality and stereotypes

To most travelers, Crimea seemed like garden of paradise. On his departure, Heber noted:

it was really like being turned out of paradise, when we abandoned these beautiful mountains, and again found ourselves in the vast green desert...¹³

Clarke specified that only the peninsula's southern coast fit that description:

If there exist upon earth a terrestrial paradise, it is to be found in the district intervening between Kutchuckoy and Sudak, along the south coast of the Crimea.¹⁴

Indeed, Crimea's northern and central regions are arid plain, consisting of semi-desert and steppe. To the south are forested mountains separated with fertile valleys. Further south, between the cliffs of the Main Ridge of the Crimean Mountains and the sea, there lies a narrow strip of southern coast with a Mediterranean climate. In the early years of Russian rule, this was an almost inaccessible area that could be only be reached on horseback by crossing the mountain passes from the north or approaching it along the seashore from the east. It is no coincidence that travelers thought of the peninsula's south as a paradise, with its romantic landscapes and lush subtropical vegetation,

¹⁰ *The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta* (New York: Protestant Episcopal Press Publ., 1830), 359.

¹¹ E.D. Clarke, *Travels...*, 4–5.

¹² *The Life*, 344.

¹³ *Ibid.*, 261.

¹⁴ E.D. Clarke, *Travels...*, 252.

far from the bustling cities. Together with naval Sevastopol and oriental Bakhchisaray, it replaced the steppes, which covered three-quarters of the peninsula, in images of Crimea.

Yet the paradise had some unpleasant features. The peninsula was inhabited by dangerous insects. Heber complained of mosquitoes,¹⁵ Clarke described and sketched locusts, scolopendra (large, venomous centipedes), tarantulas, phalangium (a type of spider), and nearly fell victim to malaria.¹⁶ To guard against this disease, Heber advised avoiding fruits and fatty foods. He also contracted a skin disorder, which wasn't cured until near the end of his life.¹⁷ Instead of medicines, Crimean Tatars used prayers and amulets,¹⁸ which made them seem all the more barbaric, thereby reinforcing notions of Crimea as Eastern Europe, or the edge of civilization. According to 18th century intellectuals, exotic diseases and a lack of qualified doctors were among the characteristics of 'uncivilized peoples.'¹⁹ Clarke clearly understood that descriptions Crimean paradise were not congruent with details about illnesses and poisonous insects. Hence, the conclusion was that Crimea is blessed only for its natives, while being deadly for newcomers, especially its Russian conquerors.²⁰ This recalls the opinion of Prince Mikhail Shcherbatov, a leading critic of Catherine II, who noted that Crimea's conquest was useless, since the different climate made it a 'tomb for Russians.'²¹

Among the features of the Crimean paradise was the diversity of its nationalities, which Clarke likened to a 'menagerie of living rarities.'²² As basic ethnic phenomena, such as migration and assimilation, had not yet been discovered, Enlightenment era ethnology was reduced to looking for modern 'parallels' to ancient ethnic names.²³ Thus, when Heber wrote his history of the Cossacks, he began with Herodotus' Cimmerians and Scythians.²⁴ In the 18th century, writers could find Scythians all over Eastern Europe. This image could be interpreted both positively and negatively, while revealing the 'Scythian' features in a wide variety of contemporaries.²⁵ According to Heber, even in the early 19th century, the Crimean towns Bakhchisaray and Karasubazar (modern Belogorsk) were famous for their *Scythian industry*, which consisted of working with leather and steel.²⁶ In this way, the Tatars were the heirs of ancient nomads. Clarke found that Crimean Greeks referred to Russians with their epithet 'Σκύθαι' (Scythians), since they intentionally destroyed archaeological and architectural sites. The traveler concluded:

¹⁵ *The Life*, 315.

¹⁶ E.D. Clarke, *Travels...*, 135–137, 196–198, 205–206, 221, 257, 296–297, 303.

¹⁷ *The Life*, 314–315, 355.

¹⁸ E.D. Clarke, *Travels*, 206; *The Life...*, 263.

¹⁹ L. Wolff, *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu...*, 273–274.

²⁰ E.D. Clarke, *Travels*, 296–297. In traditions of their era, Clarke and Heber used the term 'Russians' in relation to both the ethnic group and political nation (nobility and bureaucracy of the Russian Empire of various ethnic origins).

²¹ M.V. Nechkin, E.L. Rudnitskaya (eds.), "*O povrezhdenii npravov v Rossii*" knyazya Shcherbatova i "*Puteshestviye*" A. Radishcheva (Moscow: Nauka Publ., 1985), (pt. 2), 127.

²² E.D. Clarke, *Travels*, 221–222.

²³ L. Wolff, *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu*, 422–428.

²⁴ *The Life*, 531–638.

²⁵ L. Wolff, *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu...*

²⁶ *The Life*, 538.

If the [Aegean] Archipelago should ever fall under the dominion of Russia, the fine remains of Antient Greece will be destroyed; Athens will be rased, and not a stone be left to mark where the city stood. Turks are men of taste and profound science in comparison with the Russians.²⁷

Of course, Russians were often called ‘Scythians.’ When using the term, Voltaire wrote about the readiness of ‘barbarians’ to join the achievements of Western civilization.²⁸ Colorful images of ancient nomads inspired different interpretations, blending ethnography and metaphor.

At the turn of 19th century, Antiquity became fashionable.²⁹ On the one hand, destroying Graeco-Roman monuments was considered uncivilized; on the other hand, even Muslim culture was seen to bear traces of a Classical heritage. Heber noted that Tatar mosques had gable roofs, unlike the flat roofs of residential houses, invoking the words of the ancient Greek comedian Aristophanes about the pointed tops of Athenian sanctuaries.³⁰ By the same token, to Clarke, the enormous, loud drums of Crimean Tatars recalled Strabo’s remarks about Cimbrian drums, while a stone bridge near the town of Sary Krym (Eski Krym) was called a creation of Etrurians (i. e. Etruscans).³¹ Clarke unjustly enjoyed a reputation as connoisseur of antiquities, since his work was highly inaccurate, even by the standards of the time. Thus, he placed ancient Feodosiya in Saryy Krym (Eski-Krym), while confusing and mistaking sites of Heracleotic Chersonesus (now the Gerakleiskii, or Heracleon, Peninsula), including the city of Chersonesus.³² It is especially demonstrative since Clarke’s guide and consultant in the Crimea was famous naturalist Peter Simon Pallas, who accurately located the above-mentioned sites according to Classical sources.³³

Both travelers contributed to seeing the era of the Khan as golden age now irrevocably lost. Heber wrote about Feodosiya:

Caffa now lay on our left hand, and presented a most dismal prospect, as we approached it on that side. There is a striking ruin on the north-east point of the bay which was formerly a mint; and the walls and towers, though dismantled, are very fine. The town rises like a theatre from the water’s edge, and is of considerable extent, but almost entirely ruinous. <...> Caffa was called by the Tartars, in its better days, Kutchuk Stamboul (little Constantinople.) <...> All the Tartars attributed its desolation to the calamities brought on it by the Russian garrison, who tore off the roofs of the houses where they were quartered, for fire-wood.³⁴

Clarke did not hide his disdain of Russia’s annexation of Crimea:

²⁷ E.D. Clarke, *Travels*, 145, 207.

²⁸ L. Wolff, *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu*, 158–159.

²⁹ R. Eisner, *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece* (Michigan: The University of Michigan Press Publ., 1993), 63–88.

³⁰ *The Life*, 256.

³¹ E.D. Clarke, *Travels*, 138, 295, 154.

³² *Ibid.*, 142, 151–152, 154–156, 210–212.

³³ P.S. Pallas, *Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya poyezdki v yuzhnyye oblasti Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* (Moscow: Nauka Publ., 1999), 40–49, 116.

³⁴ *The Life*, 252–253.

If we were to detail half the cruelties, the extortions, the rapine, and the barbarity practiced by the Russians upon the devoted inhabitants of the Crimea, and their deluded Khan, the narrative would exceed belief.³⁵

He described the peninsula's annexation in detail, ending with a quote from the Roman historian Tacitus: 'To ravage, to slaughter, to usurp under false titles, they call empire; and where they make a desert, they call it peace.'³⁶ Taken from his *Agricola*, it referred to a rebellion by the Caledonian chieftain Calgacus against the Romans in Britain in the first century AD.³⁷ Clarke thereby compared events in Crimea to Rome's conquest of Britain, likening the latter's freedom-loving residents to Crimean Tatars.

Clarke's history of the conquest of Taurica is tendentious and incomplete. To be fair, his contemporaries knew very little about the event. The memoirs of an elderly Serbian monk, Gerasim Zelić, who was in southern Russia in 1783, studied his account of Prince Grigorii Potemkin and Crimea's annexation with highly imaginary details.³⁸ In the context of such works, what is notable about Clarke is his hostility to Russia rather than its inaccuracy.

The British considered Crimean Tatars to be victims of Russian arbitrariness. According to Heber, the new government destroyed the morals of the hitherto friendly, hospitable and generous Tatars. Their hospitality vanished when they mistook travelers for Russian officials. Indeed, Crimean Tatars refused to take Russian money. As a result, the British travelers had to exchange their cash into Turkish currency beforehand.³⁹ Clarke was sure that Tatars would meet any deliverers of the 'Russian yoke' with 'tears of joy.'⁴⁰

According to Heber, while Russians complained about the laziness of Crimean Tatars, the latter actually were skilled winegrowers, who set up an artificial irrigation systems and built ships.⁴¹ By contrast, Clarke, noted:

yet, they [Tatars] deem it their greatest happiness to sit still, to smoke, or to sleep; having nothing to employ their thoughts, and as little as possible to do.⁴²

Notions about the pastoral idleness of Crimean Tatars, especially those on the south coast, appeared in many Western-European and Russian works, a clear legacy of Enlightenment thought. Montesquieu considered laziness to be a characteristic of southerners living in fertile climes, unlike the hardworking northerners.⁴³ Meanwhile, Rousseau wrote about the 'noble savage' who leads a happy life, content with the minimum necessary for survival and unspoiled by civilization.⁴⁴ Indolence therefore became a universal marker of 'the Other.' European intellectuals also attributed it East Asia's inhabitants,⁴⁵ as well as those on the

³⁵ E.D. Clarke, *Travels*, 173.

³⁶ *Ibid.*, 173–180.

³⁷ Cornelius Tacitus, *Sochineniya* (St. Petersburg: Nauka Publ., 1993), 328.

³⁸ G. Zelić, *Zhitie, sirech rozhdienie, vospitanie, stranstvovaniya i razlichnye po svetu i u otechestve priklyucheniya i stradaniya* (Budim: Pismeny Kral. Univerziteta Ungarskago Publ., 1823), 92–94.

³⁹ *The Life*, 262–263, 315.

⁴⁰ E.D. Clarke, *Travels*, 269.

⁴¹ *The Life*, 256–258, 263.

⁴² E.D. Clarke, *Travels*, 248.

⁴³ Ch. L. Montesquieu, *Dukh Zakonov* (Moscow: Mysl Publ., 1999), 202–203, 295–296.

⁴⁴ J.-J. Rousseau, *Traktaty* (Moscow: Nauka Publ., 1969), 47.

⁴⁵ E.V. Said, *Orientalism*, 280, 391; E.A. Prusskaya, *Frantsuzskaya ekspeditsiya v Yegipet v 1798–1801 gg.: vzaimnoye vospriyatiye dvukh tsivilizatsiy* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2016), 81, 135.

‘outskirts of civilization’ – Southern and Eastern Europe. Thus, inhabitants of Greece were called ‘noble savages.’⁴⁶ The French of the Napoleonic era believed that, due to its fertile soil and gentle climate, the inhabitants of ‘Little Russia’ became careless idlers.⁴⁷ The notion of idleness as a marker of being uncivilized was assimilated into Russian culture. In the 19th century, Russian travelers in Greece considered the Greeks to be idlers since they preferred trade to farming.⁴⁸ The similarity between descriptions of idle Crimeans and the way Russian travelers spoke of the inhabitants of Ukraine’s Dnieper basin⁴⁹ is evident.

In the Crimean context, laziness initially had no negative connotations and even inspired envy. Prince Charles-Joseph de Ligne, who received an estate on the south coast from Catherine II, was delighted with the life led by his Tatar neighbors, who did not need to work and were content with the bare minimum of goods to be happy in the bosom of nature’s beauty: ‘I bless the lazy. I promise to prevent their being harassed.’⁵⁰ Others attributed ‘Tatar laziness’ to a reluctance to adopt modern agricultural technology and start intensive production for local and foreign markets. Practical considerations – underdeveloped roads, ports, and other infrastructure, the high customs duties at Crimean ports as well as the high cost of bank lending were neglected. In part, the travelers did not understand Islam’s attitude to entrepreneurship, which seemed alien to their Protestant ethics.⁵¹

Seeing the local residents as idlers could lead to practical suggestions. Pallas proposed evicting insufficiently hardworking Crimean Tatars from the fertile valleys of south and south-west Crimea, while replacing them with more industrious migrants.⁵² He considered this solution to be universally applicable, having previously spoken the same way about a French colony in the Volga region. In the wake of this accusation, the French, ‘incapable of farming,’ were evicted to other areas.⁵³ Some Russians adopted this logic. Thus in 1816, the young Grand Duke and future Emperor Nicholas I noted:

If Crimea were not to be in Tatar hands, it would be absolutely different; with landowners and migrants from Russia or Little Russia, everything changes: there is bread and abundant gardens...⁵⁴

The commonly held notion of Tatars being incapable of work was used by landowners from the mainland who had received estates in Crimea to defend their interests

⁴⁶ R. Eisner, *Travelers*, 77–78.

⁴⁷ V.V. Adadurov, *‘Napoleonida’ na skhodi Yevropy: uyavleniya, proekty ta diyal'nist' uryadu Frantsiyi shchodo pivdenno-zakhidnykh okrayin Rosiys'koyi imperiyi na pochatku XIX stolittya* (Lviv: UKU, 2007), 178–181.

⁴⁸ F. Yannitsy, *Grecheskiy mir v kontse XVIII – nachale XX v. po rossiyskim istochnikam (k voprosu ob izuchenii samosoznaniya grekov)* (St. Petersburg: Aleteya Publ., 2005), 87–88.

⁴⁹ A.P. Tolochko, *Kiyevskaya Rus'*, 102–109.

⁵⁰ Ch.-J. de Ligne, *Lettres et pensées* (Paris; Genève: J.J. Pachoud Publ., 1809), 68.

⁵¹ M.Z. Gibadullin, A.A. Ayupov, A.R. Nuriyeva, A.R. Shagimardanov, *Predprinimatel'stvo i islam: rossiyskiy istoricheskiy opyt* (Kazan: Publishing house of Kazan University Publ., 2016), 38–48.

⁵² P.S. Pallas, *Nablyudeniya*, 148–149.

⁵³ V.S. Rzhetskiy, “Frantsuzy na rossiyskikh dorogakh: immigratsionnaya politika Yekateriny II i formirovaniye frantsuzskikh obshchin v Rossii,” in *Yevropeyskoye prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* (Moscow: Nauka Publ., 2004), 242.

⁵⁴ M. Korf, “Materialy i osobennosti biografii imperatora Nikolaya I i istorii yego pravleniya. Rozhdeniye i pervyye dvadtsat' let zhizni (1796–1817),” *Sobraniye Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva*, no. 98 (1896): 95.

before imperial officials.⁵⁵ This perception may well also have influenced Alexander II, who considered the eviction of the peninsula's Muslims to Turkey after Crimean War of 1853–1856 as blessing for Crimea.⁵⁶

While sympathizing with Crimea's Muslims, the British travelers often poorly understood their culture. Islamic norms, according to which women covered their faces and lived in separate rooms, were interpreted as a result of male jealousy. According to Heber, 'in their jealousy, the Tartars go even beyond the Turks.'⁵⁷ Similar misconceptions arose among Europeans in other Muslim regions, such as Egypt.⁵⁸ According to the travelers, those wishing to see the face of Crimean Tatar women had to behave like opera characters. Clarke told an anecdote of an English servant, who began to imitate the Tatar ladies by covering his face and fleeing from view. 'Having caught him, they actually demanded an explanation of his unaccountable behavior,' while showing their faces, as he wanted.⁵⁹

Heber and Clarke accused the Russians of being completely unsympathetic to the Tatars. In discussing the fall of the Khanate, Clarke portrayed its ruler Şahin Girey as a naive, impractical, and gullible man, easily deceived by 'the arch-priest of intrigue and wickedness,' Grigory Potemkin. In contrasting naive barbarism with corrupt civilization, this passage clearly bears the influence of Rousseau. According to Clarke, the nationalities even looked different. 'The Tahtar may be said to exhibit the playful flexibility and varying posture of the leopard; while the Russian, rather resembling the bear, is making an awkward parade of his paws.' The poorest Tatar houses are very clean, while 'in the houses of Russian grandees, unwholesome filth is ill concealed by external splendor.' Although there were many insects in Tatar huts,⁶⁰ Heber shared the opinion of his friend regarding Tatar neatness. Even before his arrival in Crimea, he noted that sloppiness was specific to Russians, thus distinguishing them from civilized nations, such as Swedes, and from Finns and Cossacks, who occupied intermediate place on 'civilization map.' However, unlike Clarke, Heber admitted that some Russians were decent. The police chief of Yekaterinodar (now Krasnodar) did not appropriate a rifle the travelers hand left behind and sent a special messenger to deliver it to the Britons, who had left for Taman, refusing any reward.⁶¹

Travelers loved to talk about meetings with Europeans, whom fate cast to distant lands. The British were inclined to perceive them as bearers of enlightenment 'in darkness of barbaric ignorance.' Clarke did not spare warm words about Pallas, who was an outstanding scientist, but also a man of great kindness. He cured Clarke when seriously ill, let him and Cripps live at his house in Simferopol, accompanied them in trips around Crimea, and donated part of his collections⁶².

⁵⁵ D.V. Konkin, "Russian landowners in Crimea (late 18th– early 19th century): new people with old views," *Materials in archeology, history and ethnography of Tauria*, no. 23 (2018): 761–763.

⁵⁶ M. Kozelsky, *Crimea in War and Transformation* (Oxford: Oxford University Press Publ., 2019), 170.

⁵⁷ *The Life*, 310.

⁵⁸ *E.A. Prusskaya, Frantsuzskaya ekspeditsiya v Yegipet*, 82, 108–109.

⁵⁹ E.D. Clarke, *Travels*, 186.

⁶⁰ *Ibid.*, 173–179, 297–298, 235.

⁶¹ *The Life*, 263, 92, 142, 222, 245.

⁶² E.D. Clarke, *Travels*, 160–164.

The travelers look into Crimea's future

The British described the economic problems caused by government reforms and the declining population. Heber pointed out that the new administration was providing land to Russians that had belonged to Crimeans. It was hard for the British to understand the new status of the native population. According to Heber, the Tatars were converted to 'slavery,' i.e., serfdom.⁶³ De Ligne had come to similar conclusions when he had accompanied Catherine II on her southern tour in 1787.⁶⁴ The European travelers did not understand the situation in Crimea, where most peasants remained free, but were obligated to carry labour-rent to be able to farm on a landowner's property.⁶⁵ In the reader's eyes, Heber's observations would refute Russian efforts during Catherine II's reign to distinguish between serfs and slaves, arguing that the former led a 'happy life.'⁶⁶

Some passages suggest that their ignorance of local realities led the Britons to conclude that the Russian government was unreasonable. Thus, Heber considered the ban on wood-cutting in the south coast needless.⁶⁷ However, according to Pallas, naval shipworm (*teredo navalis*) was widespread in the Black Sea, which quickly rendered the sheathing of wooden ships unusable. To deal with this problem, it was necessary to scorch the sides of vessels on regular basis, which required firewood. The local population, Russian soldiers, and sailors needlessly cut down forests, which were also ravaged by Tatar cattle.⁶⁸ This led to fuel shortage and, consequently, to bans on wood-cutting.

Heber considered the 'prohibition of the entrance of merchant vessels into the harbor of [Sevastopol]'⁶⁹ to be absurd. He did not realize that it had been deemed a closed military base because of concerns about French and British spies by the Black Sea Fleet's commander, Jean Baptiste de Traversay.⁷⁰ The travelers also wrote about the corruption related to issuing import and export permits, theft, and other abuses by officials.⁷¹ These descriptions led readers to conclude that Russia was inert and probably incapable of properly administering its new conquest.

The pair also thought about Crimea's future. Clarke did not believe that Russia could bring prosperity to the peninsula. His remedy was to have another European power, preferably Britain, restore Crimea to the Turks by force.⁷² Clarke was clearly confident about the superiority of Europeans, especially his countrymen. They were therefore better suited to what was best for Crimea's Tatars. At the same time, he doubted that the Russian military was capable of effective resistance. This belief was widely held by the French as well. Indeed, on the eve of the Grand Armée's march into Russia, Napoleon's government

⁶³ *The Life*, 258.

⁶⁴ Ch.-J. de Ligne, *Lettres et pensées*, 68.

⁶⁵ E.I. Druzhinina, *Severnoye Prichernomor'ye v 1775–1800 gg.* (Moscow: Nauka Publ., 1959), 97–98, 158–159.

⁶⁶ K.A. Bogdanov, *O krokodilakh v Rossii. Ocherki istorii zaimstvovaniy i ekzotsizmov* (Moscow: NLO Publ., 2006), 42–43.

⁶⁷ *The Life*, 258.

⁶⁸ P.S. Pallas, *Nablyudeniya*, 38–39, 156.

⁶⁹ *The Life*, 259.

⁷⁰ M. du Chatenet, *Zhan Batist de Traversay, ministr flota Rossiyskogo* (Moscow: Nauka Publ., 2003), 187.

⁷¹ E.D. Clarke, *Travels*, 302, 304–305; *The Life*, 251, 259.

⁷² *Ibid.*, 268–270.

was considering a plan to establish a *cordon sanitaire* of satellite states around the empire, which would include a revived Crimean Tatar state.⁷³

As for Heber, he tied Crimea's future to Russian economic initiatives. He approved the plans of Feodosiya's governor, Anton Fensh, to restore the decrepit port to its former prosperity by linking it to a trade route that would connect the Mediterranean and Black Seas to Russia's interior. This involved making the city a duty-free port, arranging effective quarantine against the plague, and establishing a bank. Heber noted one possible aspect of the plan involved building a railway to Arabat as part of the route – an innovative idea for Russia, which had no railroads at the time. However, he did not share the unbridled optimism of Feodosiya's inhabitants, especially based on the data he collected in Taganrog.⁷⁴ Foreigners widely discussed involving Crimea in international trade, but these were unrealistic in given Europe's uncertain political climate at the time.

Contemporary assessment of Clarke and Heber's travelogues

Clarke's work was one of the most famous British descriptions of Russia and Crimea. As noted, it was reprinted a number of times, including in French and German translations. A review in one popular British magazine praised Clarke,

not merely for the good sense which he has shown in being plain and simple, – in telling ordinary things in an ordinary manner, – in avoiding declamation and trifling of all descriptions, – in putting down what is useful to his reader, whether it happens to display his own powers or not; but also for the judgement which he has shown in selecting, for the most part, the most interesting particulars of a very extensive store, and for the learning which he has displayed in observing and in commenting upon his facts.⁷⁵

However, it assessed Heber's observations published by Clarke's footnotes more modestly – useful but at times overly theoretical.

By contrast, a review in North American magazine complained that Clarke significantly distorted Russian realities.⁷⁶ Its author may have been the Russian journalist and publisher Pavel Svinine, who was on the continent then. A year later, Svinine published his *Sketches of Russia*, which often criticized Clarke, especially for not knowing the Russian language.⁷⁷ Clarke's judgments were also doubted by his French translator. However, unlike the English reviewer, he thought highly of Heber's notes.⁷⁸ The criticism stung Clarke, who included a warning in the travelogue's fourth edition that such disparagement was unscrupulous and motivated French and Russian hostility.⁷⁹

⁷³ V.V. Adadurov, "Napoleonida," 286–287, 290–291, 500–501, 508.

⁷⁴ *The Life*, 254.

⁷⁵ "Review of: Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa," *The Edinburgh Review*, no. 16 (1810): 335, 350, 364–365.

⁷⁶ "Observations on the first volume of Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey," *The American Review of History and Politics*, no. 3 (1812): 76–120.

⁷⁷ P. Svinine, *Sketches of Russia* (London: A.K. Newman and Company, 1843), 29.

⁷⁸ É.-D. Clarke, *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie* (Paris: Buisson; Arthus Bertrand Publ., 1813), 449.

⁷⁹ E.D. Clarke, *Traveles*.

Clarke's anti-Russian rhetoric resembled Napoleonic propaganda in 1812, which likewise condemned the Russians as barbarous antipodes to European civilization.⁸⁰ In the middle of the 19th century, Xavier and Adèle Hommaire de Hell published descriptions of their travels in southern Russia, which once again blamed Russians for destroying the region's cultural heritage. Echoing western tropes about East Slavic barbarism (largely influenced by Clarke's book), they subtly sought to justify 'protecting' Crimea's antiquities by taking them to Western Europe.⁸¹ Confident in their cultural superiority, they saw themselves as the heirs of Antiquity's great civilizations. Thus, during Napoleon's Egyptian campaign, the French 'saved' archaeological monuments from the savage Egyptians, who were thoroughly unworthy of their great ancestors.⁸² Similar rhetoric justified the looting of Russian cultural treasures in 1812.⁸³

One might ask how the works of Clarke and Heber enticed their compatriots to go to southern Russia to educate themselves. For example, Heber convinced one of his friends, Robert William Hay (1786–1861), to visit the peninsula.⁸⁴ English travelogues of Crimea in the 19th century invariably praised Clarke's text as an authoritative source about the region and its past. Thus, in 1807 the publisher of Philip Yorke Royston's letters quoted Clarke to confirm its observations about Crimea's insalubrious climate and the secluded Karaite settlements.⁸⁵ In 1821, another traveler, the well-known critic of Russian habits Robert Lyall repeatedly referred to Clarke. Describing the misery of Crimean Tatars, he noted:

I heartily joined in the noble indignation, and generous feeling, everywhere shown by Clarke, when these scenes of destruction, and almost total annihilation presented themselves.⁸⁶

Lyall went even further than Clarke and began contemplating plans:

In the event of a revolution, which sooner or later is likely to overthrow the extensive and despotic government of Russian empire, and to dismember it into a number of smaller states, the Crimea, no doubt, will be early secured by one party, whether they be Tartars, Turks, Greeks, or even Russians.⁸⁷

Well aware of the peninsula's strategic significance, he suggested sending the British fleet to the Black Sea to control the Russians and, should they lapse into brigandage, the Tatars.⁸⁸

⁸⁰ V.V. Adadurov, *Voyna tsyvylyzatsyy. Sotsyokul'turnaya ystoriyya russkoho pokhoda Napoleona* (Kiev: Laurus Publ., 2017), 22–32.

⁸¹ V.V. Orekhov, *V labirinte krymskogo mifa ...*

⁸² E.A. Prusskaya, *Frantsuzskaya ekspeditsiya v Yegipet*, 160–161.

⁸³ V.V. Adadurov, *Voyna tsivilizatsiy*, 213–223.

⁸⁴ *The Life.*, 309–315.

⁸⁵ H. Pepys, *The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life* (London: John Murray Publ., 1838).

⁸⁶ R. Lyall, *Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia* (London: T. Cadell and W. Blackwood Publ., 1825), 361–362.

⁸⁷ *Ibid.*, 224.

⁸⁸ *Ibid.*, 224–225.

Some travelers learnt Clarke's subjectiveness by their own experience; they sometimes also mentioned Heber, though remained confident in his observations. The Scot James Webster, who arrived in Crimea in 1827, heard accusations that Clarke had distorted many facts, especially that Russian soldiers had murdered a mullah, as mentioned earlier.⁸⁹ The English officer James Edward Alexander, who spent several months in Russia and Crimea in 1829, more than once argued with his famous compatriot. As he saw it, Clarke criticized Russia mostly because of his own biases and inability to accept the norms of another culture:

It is inconceivable what mischief travelers like this occasion. In giving vent to their evil passions in their works, they not only cause those who follow them to be looked on with suspicion, but foment quarrels between nations, whose mutual interest it may be to remain in peace.⁹⁰

Clarke's influence on notions of Russian cultural vandalism

One of reasons for Clarke's critiques was the fact that Russian authorities forbade his commercial plans to export antiquities back to Britain.⁹¹ At the time, travelers to Italy and Greece eagerly purchased antique coins, vases, and other rarities.⁹² The difference lay in the ambitious scale of the enterprise Clarke was contemplating, as well as the ideas that justified it. In 1801 he had seen the British ambassador, Lord Thomas Elgin, dismantle sections of the Parthenon and ship them back home. Naturally, this did not strike him as cultural vandalism. Moreover, when he found ancient statues nearby, he added them to his own collection.⁹³ His travel diary muted some of its author's opinions. By contrast, in letters to his friend, Clarke assessed the behavior of his compatriots more critically,

Under pretense of rescuing the arts from the hands of the Turks, they are pulling down temples that have withstood the injuries of time and war and barbarism for ages, to adorn a miserable Scotch villa.⁹⁴

Indeed, a careful reading of Clarke's letters indicate that he was outraged by Elgin's actions mostly because he saw him as competitor in collecting antiquities. He did not condemn the act of moving them to England itself. Later, another Clarke's correspondent and his biographer William Otter remarked that his friend actually had no reason to complain, since, to everyone's pleasure, the Elgin Marbles were delivered no to the

⁸⁹ J. Webster, *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt* (London: Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830), 60.

⁹⁰ J.E. Alexander, *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829* (London: Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830), 245.

⁹¹ N.I. Khrapunov, *Bakhchisaray of Edward-Daniel Clarke*, 149–150.

⁹² R. Eisner, *Travelers to an Antique Land*, 71; A. Ročko, "Polski Grand Tour 'dam modnych'," in *Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku* (Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie Publ., 2014), 145–149.

⁹³ E.D. Clarke, *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa* (London: T. Cadell and W. Davies Publ., 1818), 218, 219, 223–227.

⁹⁴ W. Otter, *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge* (New York: J. & J. Harper Publ., 1827), 347.

lord's estate, but to the British Museum.⁹⁵ Clarke's judgment recalls the more famous story about Alexandre Dumas père, who came to Russia hoping to be awarded with an order by Nicholas I. However, offended that the emperor merely gave him a ring, he wrote a novel about the Decembrists.⁹⁶

The Crimean War rekindled interest in Clarke's travelogue. British rhetoric on the eve of the hostilities resembled Clarke's anti-Russian invectives. Henry Palmerston, who became Prime Minister during the war, believed that Russia should be punished by relinquishing territory on its western border, including Crimea.⁹⁷ An armchair researcher of Crimea, Anthony Grant, who retold Clarke's vivid and emotional words about the alleged atrocities of the Russians on the peninsula, called for restoring Crimea as bastion 'to defend the gentler refinements of the South from the ruthless violence of the North.' In his opinion, this was the goal, 'in which all civilizations are interested,' except, of course, Russia.⁹⁸

For obvious reasons, Thomas Milner, a member of a British expedition to Crimea who published a description of the peninsula, agreed with the negative assessment of Russia's role. He quoted Clarke on many occasions, often without attributing him. For example, when explaining that the Russians had deceived the last Tatar ruler, Khan Şahin Girey, of how they barbarously razed his summer palace, Aşlama Saray.⁹⁹ At times, Milner 'creatively developed' Clarke's anti-Russian invectives. For example, the episode of the Tatar convoy that accompanied Catherine II to Crimea and her joyous meeting with the native inhabitants were deemed a grandiose deception by the 'prince of rogues' Potemkin.

The devoted myrzas, beys, imans, aghas, and soldiers, were Gypsies, Jews, Armenians, and Cossacks, arrayed for the occasion in the costume of Tatar grandees, officials, and troops.¹⁰⁰

It is characteristic that this account, which contradicts all available sources, does not keep it from being repeated by modern authors critical of Russia.¹⁰¹

During the Crimean War, the British and French, who echoed Clarke by invoking rhetoric about the need to 'save' the peninsula's archeological monuments, carried out excavations in Chersoneses, the Kerch Peninsula and Taman, exported their finds back home, and plundered several museums.¹⁰² The burning of Kerch and a local

⁹⁵ W. Otter, *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge* (New York: J. & J. Harper Publ., 1827), 349.

⁹⁶ N.P. Tanshina, *Samoderzhaviye i liberalizm: epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2018), 139–140.

⁹⁷ O.V. Orlik, N.V. Ponomarev, *Istoriya rossiyskoy vneshney politiki. Pervaya polovina XIX veka (ot voyn protiv Napoleona do Parizhskogo mirnogo dogovora 1856 goda)* (Moscow: International Relations Publ., 1999), 376.

⁹⁸ A. Grant, *A Historical Sketch of the Crimea* (London: Bell & Daldy Publ., 1855), 105–111.

⁹⁹ Th. Milner, *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars* (London: Longman, Brown, Green, and Longmans Publ., 1855), 236–239, 243–250, 268–269; E.D. Clarke, *Travels*, 172–179.

¹⁰⁰ Th. Milner, *The Crimea*, 259–260.

¹⁰¹ V.E. Vozgrin, *Istoriya krymskikh tatar*, 417–420.

¹⁰² A.V. Shamanaev, "“Vyvoz iz Kryma arkheologicheskikh nakhodok za rubezh v XVIII – nachale XX veka: perspektivy issledovaniya problem,” *Scientific notes of Crimean Federal University. Historical sciences* 2, no. 2 (2016): 163–173; V.V. Orekhov, *V labirinte krymskogo mifa*, 231–236.

museum made a negative impression even on John Codman, the American captain of a French-chartered transport ship. To Codman, the actions of the allies were no different than those of Napoleon when he had looted Italian museums half a century earlier.¹⁰³ Duncan McPherson, a British physician who was involved in excavations near Kerch, was more equivocal. On the one hand, to justify his works, he repeated arguments about Russian vandalism, which ‘effaced all traces of the stately ruins that formerly existed here.’ Yet he also bemoaned the ‘almost sacrilegious destruction of the precious specimens of fine arts deposited in the Ketch Museum.’ However, he shifted the blame to Britain’s Turkish ally and the Tatars who had happily greeted the expeditionary forces. In the end, McPherson concluded that, ‘perhaps it was better that all this was done,’ since the city was destroyed by fire.¹⁰⁴

Conclusions

Clarke’s and Heber’s travelogues mark a stage in the development of British, and more broadly, Western perceptions of Crimea. At times superficial and at times biased, their opinions were often dictated by stereotypes. But the general outlook and extensive knowledge of such travelers enabled them to create a credible image of the peninsula in the West. Their narrative told of a region with a rich past that was now in decline due both to historical circumstance as well as the neglect and abuse by its current rulers, which resulted in behavior that did not always accord with English common sense. The travelogues studied in this article demonstrate the characteristics of a way of thought during the transition from the Enlightenment to the Romantic era, when science had not yet completely separated from literature.

It is significant that the views of the two British about historical and ethnic processes generally coincide. But when it came to modernity, their opinions diverged. This is due to the personal opinions, views and of the authors. Clarke is much more emotional, prone to hasty judgments, and his notes, written from the perspective of British supremacy, uncover profound elements of the Orientalism and xenophobia. Heber is much more restrained, rational, and focused on practical issues. While Clarke was conservative and believed that Crimea’s salvation lay in returning to the situation before 1783, Heber was more progressive. As he saw it, the peninsula’s economy and infrastructure had to be developed so that it could better integrate into the Russian and Western world. The travelogues’ readers could reflect on the effectiveness of Russian rule and, therefore, whether Russia played a progressive role. Clarke’s travelogue implied a negative answer to both questions, whereas Heber’s notes were moderately pessimistic. Unfortunately, some of their still survive in the Western mind.

Поступила: 25 апреля 2019 г.
Submitted: 25 April 2019

¹⁰³ J. Codman, *An American Transport in the Crimean War* (New York: Bonnell, Silver & Co Publ., 1897), 76–77.

¹⁰⁴ D. McPherson, *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus* (London: Smith, Elder & Co Publ., 1857), 32, 40–43.

References

- Adadurov, V.V. *'Napoleonida' na skhodi Yevropy: uyavleniya, proekty ta diyal'nist' uryadu Frantsiyi shchodo pivdenno-zakhidnykh okrayin Rosiys'koy imperiyi na pochatku XIX stolit'ya*. L'viv: UKU Publ., 2007 (in Ukrainian).
- Adadurov, V.V. *Voyna tsyvylyzatsyy. Sotsyokul'turnaya ystoriya russkoho pokhoda Napoleona*. Kyev: Laurus Publ., 2017 (in Russian).
- Alekseyev, M.P. *Russko-angliyskiye literaturnyye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka)*. Moscow: Nauka Publ., 1982 (in Russian).
- Anderson, M.S. *Britain's Discovery of Russia, 1553–1815*. London; New York: Macmillan & Co Publ., 1958.
- Alexander, J.E. *Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*. London: Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830.
- Belov, M.V. *Otkrytiye «brat'yev-slavyan»: russkiye puteshestvenniki na Balkanakh v pervoy polovine XIX veka*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018 (in Russian).
- Bert'ye-Delagard, A.L. “Drevnosti Yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa,” *Materialy po arkheologii Rossii*, no. 12 (1893): 2–9 (in Russian).
- Bogdanov, K.A. *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov*. Moscow: NLO Publ., 2006 (in Russian).
- Chekmarov, V.M. *Rossiya v angliyskoy grafike v tsarstvovaniye Yekateriny II i Pavla I (1762–1801 gg.)*. Moscow: Tonchu Publ., 2019 (in Russian).
- Codman, J. *An American Transport in the Crimean War*. New York: Bonnell, Silver & Co Publ., 1897.
- Clarke, É.-D. *Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie*. Paris: Buisson; Arthus Bertrand Publ., 1813 (in French).
- Clarke, E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. London: T. Cadell and W. Davies Publ., 1816.
- Cross, A. *Angliyskiy Petr. Petr Velikiy glazami britantsev XVII–XX vv.* St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2013 (in Russian).
- Dickinson, S. “Russia's First ‘Orient’: Characterizing the Crimea in 1787.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3, no. 1 (2002): 3–25.
- Druzhinina, Ye.I. *Severnoye Prichernomor'ye v 1775–1800 gg.* Moscow: Nauka Publ., 1959 (in Russian).
- Eisner, R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*. Michigan: The University of Michigan Press Publ., 1993.
- Gibadullin, M.Z., Ayupov, A.A., Nuriyeva, A.R., and Shagimardanov, A.R. *Predprinimatel'stvo i islam: rossiyskiy istoricheskiy opyt*. Kazan': Kazan University Publ., 2016 (in Russian).
- Grant, A. *An Historical Sketch of the Crimea*. London: Bell & Daldy Publ., 1855.
- Hulme, P., and Youngs, T. *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2002.
- Jobst, K.S. *Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich*. Konstanz: Universitätsverlag Publ., 2017 (in German).
- Khrapunov, N.I. “Bakhchisaray Edvarda-Dan'yela Klarka: Vostok, Rossiya i Krym.” *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 4 (2014): 141–153 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. “Vzglyad izvne: britanskiy poet i puteshestvennik Redzhinal'd Kheber o sostoyanii Kryma v 1806 g.” *Crimean Historical Review*, no. 3 (2015): 252–273 (in Russian).
- Konkin, D.V. “Rossiyskiye pomeshchiki v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): novyye lyudi so starymi vzglyadami.” *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, no. 23 (2018): 761–763 (in Russian).
- Korneliy, Tatsit. *Sochineniya v dvukh tomakh*. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Koroleva, S.B. *Mif o Rossii v britanskoy kul'ture i literature (do 1920-kh godov)*. Moscow: Direkt-Media Publ., 2014 (in Russian).
- Korf, M. “Materialy i cherty k biografii imperatora Nikolaya I i k istorii yego tsarstvovaniya. Rozhdeniye i pervyye dvadtsat' let zhizni (1796–1817 gg.)” *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* 98 (1896): 90–105 (in Russian).

- Koshelev, V.A. *Tavrisheskaya mifologiya Pushkina. Literaturno-istoricheskiye ocherki*. Velikiy Novgorod; Simferopol'; Nizhniy Novgorod: Rastr Publ., 2017 (in Russian).
- Kross, E. *Angliyskiy Petr. Petr Velikiy glazami britanitsev XVII–XX vv.* St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2013 (in Russian).
- Ligne, Ch.-J. de. *Lettres et pensées*. Paris; Genève: J.J. Pachoud Publ., 1809 (in French).
- Lyall, R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia*. London: T. Cadell and W. Blackwood Publ., 1825.
- Montesk'ye, Sh.L. *O dukhe zakonov*. Moscow: Mysl' Publ., 1999 (in Russian).
- Mikhal'skaya, N.P. *Obraz Rossii v angliyskoy khudozhestvennoy literature IX–XIX vv.* Moscow: University A. M. Gor'ky Publ., 2003 (in Russian).
- McPherson, D. *Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus*. London: Smith, Elder & Co Publ., 1857.
- Milner, Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans Publ., 1855.
- Nechkina, M.V., and Rudnitskaya, Ye.L. *O povrezhdenii nravov v Rossii knyazy M. Shcherbatova i Puteshestviye A. Radishcheva*. Moscow: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Noymann, I. *Ispol'zovaniye «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovaniy yevropeyskikh identichnostey*. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2004 (in Russian).
- Orekhov, V.V. *V labirinte krymskogo mifa*. Velikiy Novgorod; Simferopol'; Nizhniy Novgorod: Rastr Publ., 2017 (in Russian).
- Orlik, O.V., and Ponomarev, N.V. *Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka (ot voyn protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.)*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999 (in Russian).
- O'Neill, K. "Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape." *Ab imperio* 2 (2006): 163–192.
- Otter, W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. New York: J. & J. Harper Publ., 1827.
- Pallas, P.S. *Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Pepys, H. *The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life*. London: John Murray Publ., 1838.
- Prusskaya, Ye.A. *Frantsuzskaya ekspeditsiya v Yegipet 1798–1801 gg.: vzaimnoye vospriyatiye dvukh tsivilizatsiy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016 (in Russian).
- Roćko, A. "Polski Grand Tour 'dam modnych.'" In *Polski Grand Tour w XVIII i poczqtkach XIX wieku*, 145–149. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie Publ., 2014 (in Polish).
- Rzheutskiy, V.S. "Frantsuzy na russkikh dorogakh: immigratsionnaya poliika Yekateriny II i formirovaniye frantsuzskikh zemlyachestv v Rossii." In *Yevropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii*, 238–254. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Russo, Zh.-Zh. *Traktaty*. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Said, E.V. *Orientalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka*. Moscow: Russkiy mir Publ., 2006 (in Russian).
- Sasse, G. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. Cambridge: Harvard University Press Publ., 2007.
- Shamanayev, A.V. "Vyvoz iz Kryma arkeologicheskikh nakhodok za rubezh v XVIII – nachale XX veka: perspektivy issledovaniya problem." *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science* 2, no. 2 (2016): 163–173 (in Russian).
- Shatne, M. *Zhan Batist de Traverse, ministr flota rossiyskogo*. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Schönle, A. "Garden of Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea." *Slavic Review* 60, no. 1 (2001): 96–120.
- Stroev, A. *Des voyages en Antiquité. La lettre de voyage*. Rennes: Presses universitaires de Rennes Publ., 2007 (in French).

- Svinine, P. *Sketches of Russia*. London: A.K. Newman and Company Publ., 1843.
- Tan'shina, N.P. *Samoderzhaviye i liberalizm: epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018 (in Russian).
- Tolochko, A.P. *Kiyevskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke*. Kiyev: Laurus Publ., 2012 (in Russian).
- Vozgrin, V.Ye. *Istoriya krymskikh tatar*. Simferopol': Tezis Publ., 2013 (in Russian).
- Vul'f, L. *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. Moscow: NLO Publ., 2003 (in Russian).
- Webster, J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt*. London: Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830.
- Williams, B.G. *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001.
- Yannitsy, F. *Grecheskiy mir v kontse XVIII – nachale XX v. po rossiyskim istochnikam (k voprosu ob izuchenii samosoznaniya grekov)*. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2005 (in Russian).
- Zeliđ, G. *Zhitie sir'ŕch' rozhdeniie, vospitanie, stranstvovaniya, i razlchina po sv'ŕtu i u otechestvu priklyucheniya i stradaniya*. Budim: Pismeny Kral. Un'iversiteta Ungarskago Publ., 1823 (in Hungarian).

Библиографический список

- Ададуров В.В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: УКУ, 2007. 560 с.
- Ададуров В.В. Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Киев: Laurus, 2017. 400 с.
- Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 863 с.
- Белов М.В. Открытие «братъев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб.: Нестор-История, 2018. 665 с.
- Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. 1893. № 12. С. 2–9.
- Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: НЛО, 2006. 352 с.
- Возгрин В.Е. История крымских татар. Симферополь: Тезис, 2013. 872 с.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 548 с.
- Гибадуллин М.З., Аюпов А.А., Нуриева А.Р., Шагимарданов А.Р. Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. 250 с.
- Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959. 279 с.
- Зелиђ Г. Житіє сир'ŕч' рожденіє, вихованіє, странствованія, и разлчина по св'ŕту и у отечеству приключенія и страданія. Будим: Писмени Крал. Універсітета Унгарскаго, 1823. 643 с.
- Конкин Д.В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. Вып. XXIII. С.761–763.
- Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. СПб.: Наука, 1993. 744 с.
- Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 461 с.
- Корф М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1896. Т. 98. С. 90–105.
- Кошелев В.А. Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: Растр, 2017. 303 с.

- Кросс Э.* Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2013. 229 с.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
- Михальская Н.П.* Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Лит. Ин-т им. А. М. Горького, 2003. 150 с.
- Нечкина М.В., Рудницкая Е.Л.* О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. М.: Наука, 1985. 515 с.
- Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Орехов В.В.* В лабиринте крымского мифа. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: Растр, 2017. 579 с.
- Орлик О.В., Пономарев Н.В.* История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
- Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. 183 с.
- Ржеуцкий В.С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 238–254.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: РОССПЭН, 2018. 335 с.
- Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laurus, 2012. 257 с.
- Храпунов Н.И.* Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 141–153.
- Храпунов Н.И.* Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 252–273.
- Чекмарёв В.М.* Россия в английской графике в царствование Екатерины II и Павла I (1762–1801 гг.). М.: Тончу, 2019. 317 с.
- Шаманаев А.В.* Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII – начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2016. Т. 2. № 2. С. 163–173.
- Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе, министр флота российского. М.: Наука, 2003. 411 с.
- Янницы Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX в. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). СПб.: Алетейя, 2005. 186 с.
- Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London; New York: Macmillan & Co. 1958. 245 p.
- Alexander J.E.* Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 308 p.
- Codman J.* An American Transport in the Crimean War. New York: Bonnell, Silver & Co., 1897). 198 p.
- Clarke E.D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 100 p.
- Clarke É.-D.* Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie. Paris: Buisson; Arthus Bertrand, 1813). 400 p.
- Dickinson S.* Russia's First 'Orient': Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.
- Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Michigan: The University of Michigan Press, 1993. 304 p.
- Grant A.* An Historical Sketch of the Crimea. London: Bell & Daldy, 1855. 119 p.

- Hulme P., Youngs T.* The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 270 p.
- Jobst K.S.* Die Perle des Imperiums. Der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz: Universitätsverlag, 2017. 210 p.
- Ligne Ch.-J. de.* Lettres et pensées. Paris; Genève: J.J. Pachoud, 1809. 245 p.
- Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. London: T. Cadell and W. Blackwood, 1825. 150 p.
- McPherson D.* Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus. London: Smith, Elder & Co., 1857. 110 p.
- Milner Th.* The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
- O'Neill K.* Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape // *Ab imperio*. 2006. Vol. 2. P. 163–192.
- Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
- Pepys H.* The Remains of the Late Viscount Royston, with a Memoir of His Life. London: John Murray, 1838. 200 p.
- Roćko A.* Polski Grand Tour ‘dam modnych // Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014. P. 145–149.
- Sasse G.* The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 359 p.
- Schönle A.* Garden of Empire: Catherine’s Appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 96–120.
- Stroev A.* Des voyages en Antiquité. La lettre de voyage. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007. 258 p.
- Svinine P.* Sketches of Russia. London: A.K. Newman and Company, 1843. 112 p.
- Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 162 p.
- Williams B.G.* The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 488 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Nikita I. Khrapunov, Kandidat istoricheskikh nauk [PhD in History], leading researcher of the Department of Modern History at the History and Archaeology of Crimea Research Centre, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921>

Научная статья / Research article

Parochial schools in Yakutia's intellectual landscape (the second half of 19th – early 20th century)

Sardana I. Boyakova^a, Inna I. Yurganova^a

^aThe Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
1, Petrovsky St., Yakutsk, 677027, Russia; boyakova@mail.ru; inna.yurganova@mail.ru

Церковно-приходские школы в интеллектуальном ландшафте Якутии (вторая половина XIX – начало XX в.)

С.И. Боякова^a, И.И. Юрганова^a

^aИнститут гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера,
ФИЦ «Якутский научный центр Сибирского отделения РАН»; 677027, Россия,
г. Якутск, ул. Петровского, 1; boyakova@mail.ru; inna.yurganova@mail.ru

Abstract: The article deals with the activities of the parochial schools in the Yakut region in the second half 19th – early 20th century as the region's main primary schools. The authors consider the effect of the climate and the local population's living conditions to explain the slow growth of these schools. Among other, it also discusses disagreements between the region's secular and spiritual authorities about education, as well as how the institutions were financed. It argues the teachers, as members of the intelligentsia, were Yakutia's intellectual elites, which enabled them to influence public opinion. Their educational activities, involvement in academic research, journalism and art significantly enriched the region's intellectual life. The authors conclude that parochial schools enabled the population to receive primary education, as well as the possibility of further study. Both secular and religious educators contributed to the formation of the intelligentsia nationally and the integration of the Yakut periphery into the empire.

Keywords: Yakut and Vilyui diocese, elementary church education, theological schools of Yakutia

For citation: Boyakova, Sardana I., and Yurganova, Inna I. "Parochial schools in Yakutia's intellectual landscape (the second half of 19th – early 20th century)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 904–921. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921>

Аннотация: В статье рассматривается деятельность церковно-приходских школ (далее – ЦППШ) Якутской области во второй половине XIX – начале XX в. как основных начальных учебных заведений якутской окраины. Выявлена специфика их деятельности, связанная с природно-климатическими условиями и особенностями проживания населения, обусловившая медленные темпы расширения сети церковных школ при недостаточности их финансирования, обозначены причины и условия конфликта между светской и духовной властью области по вопросу о школьном образовании, представлена подробная характеристика финансирования церковных школ из местных

© Boyakova S.I., Yurganova I.I., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

источников. Определено, что учительская корпорация ЦПШ области, составляя часть якутской интеллигенции, являлась интеллектуальной элитой якутского общества, влиявшей на общественное мнение. Просветительская деятельность, участие в научных изысканиях, публицистические и художественные произведения преподавателей якутских церковно-приходских школ заметно расширили интеллектуальный ландшафт края. Сделан вывод, что школы духовного ведомства представляли населению Якутии возможность получения начального образования и перспектив продолжения обучения на основе полученных знаний, а представители педагогического сообщества, как из духовного сословия, так и светские персоны, способствовали формированию национальной интеллигенции и интеграции якутской окраины в общеимперское пространство.

Ключевые слова: Якутская и Вилюйская епархии, начальное церковное образование, духовные учебные заведения Якутии

Для цитирования: Боякова С.И., Юрганова И.И. Церковно-приходские школы в интеллектуальном ландшафте Якутии (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 904–921. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921>

Introduction

Parochial schools were the lowest link in the Russian Empire's system of public education. They were mainly supported by parish funds. As a rule, they were located in church gatehouses or empty houses and lacked enough textbooks and training manuals. By the middle of the 19th century, the schools were unable fully to meet the population's needs for primary education, and might have been replaced by zemstvo and ministerial schools had it not been for the autocracy's patronage. In 1858, Emperor Alexander II drew the attention of diocesan authorities to the parochial schools and ordered them to inform him about their organization. As a result, the number of schools began to increase. If in 1861 there were 9,283 parochial schools with 159,000 students in the empire, the numbers rose to 21,420 parish schools with 413,524 students by 1865.¹

In 1884, the government confirmed its 'Rules on parochial schools,' which set out their role with respect to zemstvo schools. It declared that their purpose was 'establishing the people's Orthodox doctrine, faith and Christian morals as well as providing useful basic knowledge.' Managing parochial school was entrusted to the School Council at the Holy Synod created in 1885, while diocesan school councils carried out on-site control. Diocesan observers from among parish priests were directly to supervise and support the schools.

According to the new regulations, the teachers of parochial schools were to be graduates of religious educational establishments. Initially, only those schools located at a church were considered to be parochial, but in 1891 this category was broadened to include peasant grammar schools. Their pupils were taught prayers, sacred history, the short catechism, church singing, reading and writing, the history of the state and the church, as well as elementary arithmetic.

New schools were only to be set up where the Ministry of Education did not provide them and were divided into one-class and two-class schools, with two and four years of study (subsequently increased to three and six), respectively. The primary schools included those for literacy, religion, as well as Sunday schools, while there were also institu-

¹ N.I. Yakovkina, "Istoriya russkoy kul'tury. XIX vek," Viki Chtenie, March 15, 2019, <https://history.wikireading.ru/283846>.

tions to train teachers of the primary and religious schools. With little government support, they were financed by local sources, including the parish clergy, urban and rural societies, parish guardianships, as well as donations by institutions and individuals.²

The history of religious education in one of the empire's remote regions provides insights the role of the Russian Orthodox Church's socio-educational activities to Yakutia's intellectual history. This article therefore examines the history of parochial primary education to gain some insights into their regional aspects as well as the teachers.

Its goal is to study the history of primary spiritual education, to identify its regional specificity and the characteristics of the teaching community's first representatives. The article is based on a comprehensive approach using previous research of local history to reconstruct biographical narratives of certain individuals.

The historiography of church education in the Russian Empire is extensive and diverse. Scholars have studied the history of the Russian Orthodox Church's educational activities both in the empire as a whole, and in its remote regions. The works of Metropolitan Filaret (Drozdov) and S.G. Runkevich addressed primary church education,³ P.V. Znamenskii, a corresponding member of St. Petersburg Academy of Sciences, studied church administration, the role and rights of the clergy, and the state of religious education in Russia.⁴ S.I. Miropolskii's work concluded that, led by the church, Russian schools 'went hand in hand with life, answering its requests and meeting its requirements.'⁵ Meanwhile, A.M. Vanchakov considered theological education in Russia. Using official statistics, this author analyzed the state of parochial education and its development to support his argument that parochial schools were one of the most important tools for implementing the state's pedagogical goals.⁶ Others tended to stress the importance of zemstvo schools.⁷

Contemporary historians have also studied religious education in Russia. Thus Archpriest V. Tsy-pin examined the issue during the Synodal period⁸. Others have looked at the views of K. P. Pobedonostsev and his role in developing parochial schools.⁹ Arguing that the attitudes of Soviet and post-Soviet scholars to parochial schools is biased,¹⁰ they stress the importance of such studies in understanding the modern system of Russian education.¹¹

² I.K. Smolich, *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1700–1917* (Moscow: Valaamskiy monastyr' Publ., 1996).

³ Filaret (Drozdov), *Istoriya Russkoy Tserkvi* (St. Petersburg: [N.s.], 1880); S.G. Runkevich, *Istoriya Russkoy Tserkvi pod upravleniyem Svyateyshego Sinoda* (St. Petersburg: Tipografiya Lopukhina Publ., 1900).

⁴ P.V. Znamenskii, *Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 g.* (Kazan': Tipografiya imperatorskogo universiteta Publ., 1881).

⁵ S.I. Miropol'skiy, *Ocherk istorii tserkovno-prikhodskoy shkoly ot pervogo yeye vozniknoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni* (St. Petersburg: Tip. Glazunova Publ., 1910).

⁶ A.M. Vanchakov, *Zametki o nachal'noy shkole (V vidu proyekta o vseobshchem obuchenii)* (St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908); A.M. Vanchakov, *Tserkovnyye shkoly pri zakonakh o vseobshchem obuchenii* (Petrograd: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1917).

⁷ N.V. Chekhov, *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX v.* (Moscow: Pol'za Publ., 1912).

⁸ V. Tsy-pin, *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiy periody. (1700–2005)* (Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2006).

⁹ N.Ye. Svetlova, "K.P. Pobedonostsev i tserkovno-prikhodskiy shkoly Rossii," *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy*, no. 49 (2018): 59–68.

¹⁰ A.V. Kalachev, "Tserkovno-prikhodskaya shkola v sisteme nachal'nogo narodnogo obrazovaniya," *Kantian Journal*, no. 4 (2011): 21–30

¹¹ M.A. Goncharov, and M.G. Plokhova, "Tserkovno-prikhodskiy shkoly i ikh mesto v podgotovke uchiteley v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.," *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, no. 2 (2012): 101–117.

In her article, A.D. Avdeeva studied the activity of the Moscow diocese's parochial schools in the early 19th century to evaluate the management of the Church's educational institutions.¹² Meanwhile, E. B. Sofinskaia argues that the competition between zemstvo and parochial schools in Saratov Province stimulated the development of public education.¹³ V.A. Ovchinnikov's monograph is devoted to the formation of the system of theological schools in Tomsk province.¹⁴

There are some details about parochial schools in the Yakut region in the work of V. F. Afanasiev, who mistakenly concluded that that

their pedagogy was limited to reading one or two church books and familiarizing students with the elements of grammar and arithmetic.¹⁵

The *Chronicle of the City of Yakutsk from its foundation to the present (1632–1914)*, a thesis written at the turn of the 20th century by the candidate of theology P.P. Iavlovskii, the overseer of parochial schools and grammar of the Yakut and Vilyui dioceses, offers a more positive picture, with details about the opening of parochial and pedagogical schools, seminaries, and their staff.¹⁶ A.A. Pavlov, A.A. Makarova, and I.I. Iurganova used new sources to shed light on spiritual education.¹⁷ Others have written about Yakutia's first teachers,¹⁸ while the reports of the diocese's bishops also provide details about their parochial schools.¹⁹

This article is based on documents from the funds of the School Council at Russian State Historical Archive the Holy Synod (RSIA). At the same time, it has also relied on the funds of the Yakut spiritual board, consistory, churches and secular institutions of the National archive of the Republic of Sakha (Yakutia) for details about the region. Analyzing these archival documents provides insights into the evolution of the Yakut region's parochial schools of, their role in educating the population and promoting the

¹² A.D. Avdeyeva, "Tserkovno-prikhodskkiye shkoly Moskovskoy yeparkhii v nachale XX v.," *RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations*, no. 10 (2013): 118–126.

¹³ Ye.B. Sofinskaya, "Sistema tserkovnoprikhodskikh shkol v Saratovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (problemy stanovleniya i razvitiya)," *Power*, no. 1 (2010): 108–111.

¹⁴ V.A. Ovchinnikov, "Tserkovnaya shkola v Tomskoy gubernii," in *Iz istorii yuga Zapadnoy Sibiri* (Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1993), 114–122.

¹⁵ V.F. Afanas'yev, *Shkola i razvitiye pedagogicheskoy mysli v Yakutii* (Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1966).

¹⁶ P.P. Yavlovskiy, *Letopis' goroda Yakutska ot yego osnovaniya do nastoyashchego vremeni. Vol. II. (1801–1914 gg.)* (Yakutsk: Yakutskiy kray Publ., 2004).

¹⁷ A.A. Pavlov, *Professional'nyye i sredniye shkoly Yakutii (XVIII–nachalo XX vv.)* (Yakutsk: Bichik Publ., 2013); A.A. Makarova, "Vyzyvaya stremleniye k istine, pravde, dobru..." *Ilin*, no. 3–4 (2001), <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-34/31.htm>; I.I. Yurganova, "Iz istorii dukhovnogo obrazovaniya v Yakutii," *Yakutskiy arkhiv*, no. 3 (2006): 111–122; I.I. Yurganova, "K voprosu o shkol'nom obrazovanii Yakutii v nach. XX v.: gubernator I.I. Kraft i Yepiskop Makariy," *Bulletin of Catherine The Great National Institute*, no. 2 (26) (2014): 125–128.

¹⁸ L.T. Ivanova, *Raskrepushcheniye zhenshchin Yakutii i ikh rol' v sotsialisticheskoy stroitel'stve (1917–1937)* (Yakutsk: Yakutknigizdat Publ., 1977); M.I. Starostina, "Pedagogicheskaya deyatel'nost' i rodoslovnaya iyeromonakha Aleksiya Okoneshnikova," *Educational and Science Journal*, no. 3 (2006): 94–99; M.I. Starostina, "Zhiznennyy put' iyeromonakha Aleksiya (Okoneshnikova)," *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 2 (2014): 34–40; V.G. Semenova, "Vozvrashcheniye iz nebytiya: pravoslavnyye prosvetiteli Grigoriy i Il'ya Popovy," *Modern Science: actual problems of theory and practice* (2016), <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/--gn16-11/3008-a>; S.I. Boyakova, V.D. Petrova, "Na sluzhbe Bogu i lyudyam: zhiznennyy i pastyrskiy put' Leonida Siniavina," in *Siniavin Leonid Grigor'yevich: missioner, prosvetitel', obshchestvennyy deyatel': sbornik dokumentov* (Yakutsk: Ofset Publ., 2018), 10–35.

¹⁹ Dionisiy (Khitrov), *Stopami missionera. Trudy Dionisiya (Khitrova), yepiskopa Yakutskogo, a zatem Ufimskogo, na missionerskom poprishche* (Tver': Bulat Publ., 2013).

rise of Yakut intelligentsia, as well as providing details about the teachers and their activities at the turn of the 20th century.

Primary Church education in the Yakut region

In Yakutia, the Church was administered by the Siberian archdiocese in Tobolsk from 1638 to 1731, followed by the Irkutsk and Kamchatka dioceses in 1731–1852 and 1852–1869, respectively. An independent Yakut and Viliuisk diocese was established in 1870 as the 53rd of the Russian Orthodox Church. Yakutia's remote location, the considerable size of its territory, lack of infrastructure, harsh climate, as well as the low population density of its mostly nomadic and semi-nomadic population all influenced the church and its schools.

Education first arrived to Yakutia in 1735 when a church school was founded at the Spasskii monastery with the blessing of Bishop Innokentii (Nerunovich) of Irkutsk and Nerchinsk.²⁰ Its initial enrolment consisted of 15 Yakut children.²¹ But the history of Yakutia's parochial schools had begun more than a century later. They had been set up by parish priests, who taught the children in their flock to read and write in a home-like setting. Thus, in 1851 or 1852, Fr. Dimitrian Popov opened a private school at the Church of the Transfiguration in the village of Ytyk-Kiuel of Baturusskii ulus and began to teach some boys he had chosen while travelling there. Subsequently converted into a parochial school, Fr. Dimitrian worked there until his death in 1896. His daughter Kapitolina and son-in-law, Fr. V.S. Popov also taught there.

To teach Yakut children, the Archpriest produced the first Russian-Yakut textbooks, visual aids and translated some texts from the Scripture into the Yakut language.²² His students later became well-known members of the Yakut intelligentsia. They included K. G. Orosin, the first author of the text of Olonkho *Nyurgun Bootur the Impetuous*; E.D. Nikolaev, a member of Sibirakovskii historical-ethnographic expedition (1892–1894); E. D. Nikolaev the second, the head of the ulus; the teacher N.A. Sivtsev; and the clergymen A.V. Kiultiugiurov and F. G. Sivtsev, among other. However, there were few such schools. In his report to the Holy Synod, Archbishop Innokentii (Veniaminov),²³ whose residence became the Yakutsk Spasskii monastery in 1853–1859, he stated:

In the Yakutsk region, there is neither a church school nor are any clergy teaching children to read and write, because nowhere it is as difficult to start school as in the Yakutsk region, because are no Yakut settlements...²⁴

In 1861, funding the regions's clergy,²⁵ was made conditional on teaching their parishioners' children. However, the lack of premises and the lengthy travels the priests

²⁰ Innocent (Nerunovich) in 1732–1747 was a bishop of Irkutsk and Nerchinsky, the first of the Irkutsk bishops visited the Yakutsk Territory.

²¹ I.I. Yurganova, "Tsivilizatsionnaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Yakutii (XVII – nachalo XX vv.)," *RUDN Journal of Russian History* 15, no. 3 (2016): 55–63.

²² V.S. Ivanova, *Pedagogicheskaya entsiklopediya* (Yakutsk: Ofset Publ., 2005), 307, 309.

²³ Innokenty (Veniaminov) (Popov Ivan Evseevich) (1797–1879), a native of Irkutsk province. From 1823, he was a missionary priest in Russian America, then the Archbishop of Kamchatka, Kuril and Aleutian, and from 1868, Metropolitan of Moscow and Kolomensk. A well-known missionary of Siberia, the Far East and Alaska, a member of the Synod, a linguistic scientist and ethnologist, an Honorary member of the Imperial Russian Geographical Society. In 1977, the Russian Orthodox Church was canonized and canonized.

²⁴ RGIA, f. 796, op. 442, d. 29. l. 13.

²⁵ Ore maintenance (ruga) is a local source of financing, replacing a bread ruga with money to keep the parish clergy of the Yakutsk region since 1861, obliging the clergy to fulfill requirements and teach literacy to children of parishioners.

had to make hindered systematic teaching. Cash payments were introduced to support new parochial schools. Thus, when students successful passed their final exams under the supervision of the dean and local officials, a teacher received 30–35 rubles. However, this payment did not cover the cost of supporting a student, which amounted to an average of more than 60 rubles annually.²⁶

With the accession of Alexander III and the implementation of the ‘new course’ aimed at strengthening the imperial regime under the slogan ‘United and indivisible Russia,’ whose main ideologist was Chief Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev, the Russian Orthodox Church’s role in public education overall was increased. Pobedonostsev’s educational reforms in the 1880s paid special attention to the primary level and promoted a new type of institution – parochial schools. Closely supervised by the church, most of its staff would become members of the clergy. Realizing that the vast majority of the empire’s population would only attend primary schools, the reformers’ priorities were shaping the younger generation’s world view.²⁷ The famous Kazan educator N.I. Il’minskii²⁸ who played a prominent role in developing primary schools, including those for children of *inorodtsy* (native minorities). M.A. Goncharov and M.G. Plokhova stress, thanks to Il’minskii, the church educational department betrayed an

unusually broadminded approach to on the nationalities question by agreeing with the principle of teaching in native languages, whereas even moderate conservatives regarded this with suspicion, and many government officials and church hierarchs treated all minorities with contempt.²⁹

The ‘Rules on Parochial Schools’ defined the status of parochial schools as primary schools, with a corresponding set of academic disciplines, which were to be opened both in cities and in rural areas. Thus, in the Yakut diocese on 1 September 1885 in the Yakut diocese, parochial schools were opened in the village of Sunтар, with 20 pupils and in the village of Malikai in the Viliuisk district with 9 students.³⁰

Most of the parochial schools’ curricula was approved by the canons of the Holy Synod in 1886 and were in force until 1903, when a new, largely unchanged curricula with longer hours for certain subjects was introduced.

The Ministry of Education also opened schools in Yakutia in 1870, but parochial schools continued their activities. By 1871 there were three schools in the region, and three years later there were seven, which taught 84 pupils.³¹ In 1887, this number had risen to 25 schools, of which 13 were parochial and 12 were grammar schools, with an enrollment of 165 pupils, including 15 girls. And in the 1891–1892 school year, Yakutia counted 44 schools, including 15 Ministry of Education schools, with a total of 1,054 pupils.

²⁶ RGIA, f. 796, op. 442, d. 406, l.75

²⁷ M.A. Goncharov, and M.G. Plokhova, “Tserkovno-prikhodskiyе shkoly,” 102.

²⁸ Ilminskii Nikolai Ivanovich (1822–1891), Russian teacher, missionary, translator, ethnographer, public figure. Founder and director of the Kazan Teacher’s Seminary for the training of teachers of national schools. I.’s pedagogical system provided for: reliance on Orthodoxy as the basis of the spiritual world of students; the active use of missionary teachers who know the language of their students, the admission of their native language to school and church preaching; creation of educational and creed books in national languages.

²⁹ M.A. Goncharov, and M.G. Plokhova, “Tserkovno-prikhodskiyе shkoly,” 104–105.

³⁰ A.A. Kalashnikov, *Yakutiya. Khronika. Fakty. Sobytiya. 1632–1917* (Yakutsk: Bichik Publ., 2000), 229.

³¹ RGIA, f. 796, op. 442, d. 455, l. 48.

In the late 19th century, most of Yakutia's educational institutions were clearly parochial schools. At the same time, 26 of them had their own buildings, three were housed in the premises provided by rural societies, two in private houses, 18 in those of members of the clergy, while three were located in parish churches and a monastery.³²

Table 1

Parochial schools of the Yakut diocese in 1898–1915

School year	Location												In total	Number of students (total)		
	Yakutsk		Yakutsk region		Vilyuisk region		Olekma region		Verkhoyansk region		Kolyma region				Olkhotsk region	
	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools	Parochial school	Grammar schools		
1888/1889	2	2	2	2	3	3	3	1	1	3	2	1	No data available		25	165
1898/1899	2	3	16	4	7	2	8	1	3	4	3	1	No data available		54	713
1902/1903	6	3	21	–	8	5	8	1	No data available		3	2	1	5	63	1,119
1907/1908	6	3	20	–	6	3	7	–	3	4	3	2	2	5	64	1,202
1913/1914	6	3	26	4	7	2	7	–	–	3	3	5	2	–	68	1,345

Note: The table is compiled by authors.

Sources: “Sheets on parochial schools of the Yakut diocese in 1898 – 1915,” in RSIA, f. 803, op. 16, d. 2207; *Reference book on the Yakut diocese for 1889*, p. 7.

The issue of increasing and improving parochial schools was repeatedly considered at the diocesan level, since in general there weren't enough to meet the needs of the population. The diocesan school council began to function in 1889, and by early 20th century, it had offices in all districts. In addition to organizing and supervising schools, it was the council's responsibility to provide religious schools with textbooks and literature. In 1892, the Brotherhood of Christ the Savior was established, which provided, among other things, assistance in opening and maintaining parochial schools. This sup-

³² RGIA, f. 796, op. 442, d. 1431, l. 57.

port was provided only as a last resort and was, in fact, a reserve fund.³³ Two years later, in 1894, a diocesan overseer of the parochial schools and grammar schools of the Yakut diocese was appointed ‘closely to administer and directly manage the schools.’

In the early 20th century, the heads of Yakutia’s secular and religious authorities, I.I. Kraft, the regional Governor³⁴ and diocesan Bishop Makarii³⁵ (Pavlov), respectively initiated a public debate about their relative merits.³⁶ After visiting one of the region’s parochial schools, the governor became dissatisfied with the qualifications of its teachers and began to take measures to close them. He began to build stone buildings for a non-classical secondary school and a women’s gymnasium, created a special Peter the Great scholarship to support poor students, set up scholarships, and initiated two-year pedagogical courses. the construction of stone buildings of a non-classical secondary school. By declaring that religious education wasn’t useful, he entered into a conflict with diocesan authorities. The struggle caught the attention of Irkutsk Governor-General A.N. Selivanov,³⁷ who sided with the bishop, as did Chairman of the Council of Ministers and Minister of Internal Affairs P.A. Stolypin,³⁸ who took a ‘conciliatory’ position.

State funding for ministerial schools by the State Treasury made them more attractive to rural societies, but in case they weren’t opened, they supported parochial schools at their own expense. The governor and the bishop disagreed about resolving the joint task of developing public education. Governor Kraft led the efforts to expand a network of secular schools to provide educated personnel to serve as his officials, a task that coincided with a major push to open ministerial schools throughout the empire. Meanwhile, the diocesan authorities promoted religious education as the basis of Christian morality and loyalty to the monarchy.

Yakutia’s parochial schools were meant for all social classes, and those of other faiths could receive education there as well. The diocesan school council’s report for 1912 noted that, along with Orthodox children, the region’s parochial schools provided primary education to ‘children of the Roman Catholic faith – 1 girl; Muslims – 3 boys, 2 girls; Jewish – 26 boys, 16 girls.’ As for social classes, they taught 50 sons and 35 daughters of noblemen and officials, 53 sons and 37 daughters of priests, 192 sons and 81 daughters of peasants, townsmen and Cossacks, and 407 sons and 151 daughters of inorodtsy.³⁹ By 1914, the Yakut region, counted 95 primary ministerial schools as well as 68 parochial schools.⁴⁰

Nevertheless, the audit of the parochial schools in 1914 stated that ‘to implement universal primary education, 489 establishments... for 2,803 students of both sexes are still needed.’ It added that the expansion of such schools was hampered by insufficient funding by the Synod, local sources ‘meagre zemstvo allocations.’⁴¹

³³ RGIA, f. 796, op. 442, d. 1544. l. 9–10.

³⁴ Kraft Ivan Ivanovich (1861–1914), State Councilor, 1907–1913 – Governor of the Yakutsk region.

³⁵ Bishop Makarii (Pavlov) (1867–1928 (?), In 1905–1909 – Bishop of Yakutsk and Vilyui.

³⁶ I.I. Yurganova, *K voprosu o shkol'nom obrazovanii v Yakutii*, 179.

³⁷ Selivanov Andrey Nikolaevich (1847–1917), in 1906–1910 was Irkutsk Governor-General, commander of the troops of the Irkutsk Military District and the military ataman of the Transbaikal Cossack Army. General from Infantry (1907). In 1910 – Member of the State Council.

³⁸ Stolypin Pyotr Arkadievich (1862–1911), statesman of the Russian Empire, state secretary of His Imperial Majesty (1908), current state adviser (1904), coffer (1906). Grodno (1902–1903) and Saratov (1903–1906) Governor, Minister of the Interior and Chairman of the Council of Ministers (1906–1911), member of the State Council (1907–1911).

³⁹ NA RC (YA), f. 287-I, op. 3, d. 18, l. 2–3.

⁴⁰ Ibid., f. 12-I, op. 2, d. 8013.

⁴¹ Ibid., f. 287-I, op. 1, d. 80, l. 2.

Running and funding parochial schools

The Synod's education committee budgeted 32,862 rubles annually for its educational institutions. Additional sources of revenues came from parish funds, church fees and private donations. Charitable institutions and philanthropists also helped. In 1910, they donated 335 rubles, a sum that grew to 14,530 rubles by 1913. At the same time, local support ranged from 634 rubles in 1908, 14,971 rubles in 1913 and 10,419 rubles in 1914.

Table 2

Local sources of financing of the early 20th century in rubles

	1900	1902	1904	1906	1908	1910	1911	1913	1914	1915
Churches, monastery	–	–	–	–	–	–	–	–	1,305	–
Brotherhood, committees	–	–	–	–	–	–	–	–	1,258	–
Parish meetings and councils	675	120	–	–	–	265	–	10	–	60
Parish guardianships	369*	275*	145*	82*	–	125	268	431	47	7
Municipal office, volost and rural societies	–	–	–	–	–	–	–	–	536	–
Charitable institutions and private persons	1,100	2,153	690	650	634	335	1,172	14,530	515	605
% of church capital	–	–	–	–	–	–	–	–	1,227	–
Zemstvos	–	–	–	–	–	–	–	–	4,491	–
Other sources	–	–	–	–	–	–	–	–	1,040	–
In total	2,144	2,548	835	732	634	625	1,440	14,971	10,419	672

Note: * – incomplete information.

Sources: RGIA, f. 803, op. 16, d. 2207, l. 1–94.

The Neryuktyaisk school of the Olekminskiy district was the richest, with 3,000 rubles of donations and its own premises.⁴² Table 2 shows the variation in the flow of funds from local sources, which hindered the stable development of parochial schools.

According to the *Regulations on parish guardians of the Orthodox churches* of 1864, their main tasks were to improve churches and the clergy's welfare, organizing

⁴² *Spravochnaya knizhka po Yakutskoy yeparkhii* (Yakutsk: Yakutskaya yeparkhiya Publ., 1889), 7–8.

primary schooling and charitable activities. They were to be paid by membership fees, donations, interest from the church capital and ‘passing the hat.’

In the Yakut region, parish guardians began to be appointed in 1880. Members of the clergy and churchwardens would serve *ex officio*, while others were elected among the most respected parishioners. Their main task became ‘arranging’ the education of children and maintaining parochial and grammar schools, including financing their buildings and dormitories. Parish guardianships operated in 13 parishes of the Yakut diocese, but the poverty of the rural population, and their irregular church attendance because of their nomadic way of life meant that, in the absence of zemstvo support, only the clergy acted as guardians, who were also busy visiting their parishioners, financing their, church and teaching.

The training and composition of teachers

As a rule, there were no professional teachers in the first parochial schools, and lessons were conducted by local priests. One can assume the difficulties of teaching in the harsh northern climate of Yakutia, whose parishes stretched for hundreds, and sometimes thousands of kilometers, especially when the 1822 *Regulation of Indigenous Population* also required the clergy to visiting the far flung ‘nomadic inorodtsy’ among their parishioners. Unlike central Russia and Siberia, a rural parish church in Yakutia tended only to be close to its clergy’s residence, with a hostel for the school’s pupils, whose parents lived too far away. Moreover, parents often unwilling to let their children study since they helped them with their household work. Meanwhile, money to house and feed the pupils was often irregular, forcing the priests to feed and clothe them at their own expense, along with their children. Since most students did not know the Russian language they could not use textbooks.

Ministry parochial schools in regional and district centers, where the settled population lived and newspapers from Central Russia were accessible, even if sometimes with a six-month delay, found it easier to attract teachers. Archbishop Innokentii (Veniaminov) wrote that even in the Yakutsk’s urban churches native children did not know how to behave during services, and he therefore blessed organizing instruction in the Catechism, first in the cathedral churches, and then in the others.⁴³ However, the Catechism was hard to teach since natives did not know the Russian language. He accordingly had the the Sacred History for children translated into the Yakut language and published in 1866.

The increasing number of parochial schools led to a shortage in staff. Therefore, the *Rules for Parochial Schools* (p. 10) allowed the laity to teach along with the priests. But only those men and women ‘... who had mainly been educated in theological educational institutions and women’s schools of the spiritual department’ could do so (p. 12). They had the same privileges as the teachers of public schools, including exemption from military service (items 13, 14).⁴⁴

⁴³ “Predpisaniye arkhiepiskopa Kamchatskogo Innokentiya (Veniaminova) Yakutskomu dukhovnomu pravleniyu ob obuchenii detey gramote i Zakonu Bozh’yemu ot 18 aprelya 1855 g.,” in *Svyatitel’ Innokentiy Moskovskiy, prosvetitel’ Ameriki i Sibiri. Apostol Dal’nego Vostoka i Sibiri (1852–1860)* (Moscow: RPTS Publ., 2013), 46–47.

⁴⁴ “Pravila o tserkovno-prikhodskikh shkolakh (1884),” *Detskiy sad*. Ru, accessed March 19, 2019, <http://detskiysad.ru/raznlit/istped008.html>.

Another measure to boost the ranks of parochial school teachers was to set up pedagogical institutions. I.I. Malyshevskii, a professor of the Kiev Theological Academy, developed a special project for monastic teachers' seminaries. Meanwhile, Yakutia saw the opening of various secondary schools, including the theological seminary (1858–1870, 1884), the progymnasium (1869), and the women's progymnasium (1882), which was converted to a gymnasium with a teacher's course in 1901. As a result, the region's public and parochial schools began to be staffed with their graduates.⁴⁵

To train parochial school teachers, in 1888 Jacob (Domskii), the Yakut and Viliuisk bishop⁴⁶, opened a diocesan women's school for the daughters of priests and laity. Initially with three classes and a two-year course of study in each, in 1890, the school expanded to a six-class course. Two years later, it opened a seventh additional class to provide specialized training for parochial and grammar school teachers. In September 1899 Bishop Nikanor (Nadezhdin)⁴⁷ also set up a primary grammar school to provide practical classroom experience to those preparing to become teachers, which the following year became a model school. Students in their final year carried out practice teaching twice a week, whose results would be discussed with their mentor in the presence of other teachers and the inspector. In addition to general subjects, future teachers studied pedagogy, psychology and didactics⁴⁸. In 1888–1915, 543 girls, of whom 205 were daughters of the clergy, were taught in the diocesan school. An increasing number of Yakut girls joined their ranks.⁴⁹

In summer 1911, the teacher training courses for one-class parochial schools were also begun. They were attended by 80 people, of whom only 20, passed the exam and were given the right to teach.⁵⁰

Nevertheless, attracting staff from European Russia to the inhospitable northern region remained an uphill battle. Low parochial school salaries combined with the lack of the pensions and the seniority system secular teachers received made the problem did not help matters. Even the graduates of theological seminaries and diocesan schools sought work at schools of the Ministry of Education and other better paying institutions⁵¹. In 1914, 66 people, including 50 priests, one deacon and 15 laymen, taught in the parochial schools of the Yakut region.⁵²

Parochial school teachers: Time and destiny

It is impossible to write a history of parochial schools without describing the most prominent teachers. There were many true champions of national education among Yakutia's clergy and laity.

Fr. Leonid Siniavin (1875–1922) made an important contribution to the development of primary education among the indigenous peoples of the North. Born into a family of Irkutsk clergymen, as one of the best graduates of the Yakut theological seminary,

⁴⁵ A.A. Pavlov, *Professional'nyye i sredniye shkoly Yakutii*, 37, 65–67, 106, 109, 127–128.

⁴⁶ Jacob (Domestic Jerome Petrovich) (1823–1889), in 1884–1889 – Bishop of Yakutsk and Vilyui.

⁴⁷ Nikanor (Nadezhdin Nikolay Alekseevich) (1858–1897), in 1898–1905 – Bishop of Yakutsk and Vilyui.

⁴⁸ A.A. Makarova, “Vyzyvaya stremleniye k istine, pravde, dobru...”

⁴⁹ A.A. Pavlov, *Professional'nyye i sredniye shkoly Yakutii*, 134.

⁵⁰ RGIA, f. 796, op. 442, d. 2498, l. 53.

⁵¹ A.A. Pavlov, *Professional'nyye i sredniye shkoly Yakutii*, 109.

⁵² *Yakutiya. Khronika. Fakty. Sobytiya*, 398.

he could have made a brilliant career or have taught at the seminary school, where he was sent after his studies. But Siniavin preferred the difficult path of a parish priest and missionary. In 1899, he was appointed rector of the Okhotsk Transfiguration Church and head of a parochial school. His wife, V. N. Siniavina (Pel-Gorskaia), a graduate of the Yakut diocesan women's school, began to teach at the same school. Fr. Leonid arrived in Okhotsk in September 1899, and in January 1900 he turned to Bishop Nikanor with a report on the lack of premises for the school. Having raised money for its construction with the help of parishioners, at the end of the year he inaugurated a new school building.⁵³

After several years of service in the ulus of the Yakut district, Fr. Leonid became a teacher in religious schools in Yakutsk, including the parochial school, and in March 1908, he was appointed the diocesan overseer for the Yakutsk district. When inspecting the schools, Siniavin noted the need to improve the quality of their pedagogy, which depended on teachers' level of education and their knowledge of the Yakut language.⁵⁴ Fr. Leonid actively participated in scientific and educational activities. Thus, on 14 October 1908, along with 56 'competitors of studies of the fatherland' (in Russian: *sorevnovateli Otechestvovedeniya*) of the Yakut region, whose ranks included other parochial schools teachers such as Frs. P. A. Burnashev and I.P. Berdennikov, he signed an announcement about the establishment of the Yakut Branch of the Imperial Russian Geographical Society.⁵⁵

In 1909, he was appointed to the Sen-Kelskii Innokentievskii camp of the Chukotka mission, and from that time on, Fr. Siniavin considered teaching indigenous peoples of the North to be his main task. During his stay in Sen-Kel, he taught 20 people from among the local population to read and write. The classes were originally held in the Yakut language, which Fr. Leonid knew perfectly, and he also went on to learn the Chukot and Even. In 1912, Siniavin opened a parochial school in transpolar Pokhodsk. Right away he successfully applied to the Yakut Committee of the Orthodox missionary society for funding to teach 'at least five boys from the kinship community of Chukchi and people of other faiths,' receiving a 400 ruble grant for the 1912–1913 school year.⁵⁶ Siniavin's educational activities in the Kolyma region were highly appreciated by the Orthodox Missionary society of St. Petersburg, whose report noted:

Despite the school's recent opening, its teaching has significantly improved. In the summer of this year [1912 – S.B., and I.Yu. noted] the missionary-teacher transferred the school to the (eastern) tundra and placed it in the central location of the nomadic Chukchi, where they stayed from the second half of April or early May until October. Thus, the school was mobile, and the missionary teacher roamed with his students from place to place. Already 10 Chukchis have expressed a desire to send their children to Fr. Leonid's school.⁵⁷

At the same time, L. G. Siniavin collected exhibits for the Russian Museum of Ethnography, contributing valuable collections of artefacts of Chukchi and other northern

⁵³ NA RC (YA), f. 226-I, op. 1, d. 2432, l. 19.

⁵⁴ S.I. Boyakova, and V.D. Petrova, *Na sluzhbe Bogu i lyudyam*, 24.

⁵⁵ R.N. Ivanova, *Uchastiye zhenshchin v deyatel'nosti Yakutskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, <https://rgosakha.ru>.

⁵⁶ *Yakutskiyeparkhial'nyye vedomosti*, no. 8 (1913): 152.

⁵⁷ S.I. Boyakova, V.D. Petrova, *Na sluzhbe Bogu i lyudyam*, 27.

peoples. In his ‘Notes of a Missionary’ published in the *Orthodox Evangelist* in 1910 and his *Diary of the Missionary to the Sen-Kelskii Camp of the Chukchi Mission Leonid Siniavin* (1913), he provided detailed ethnographic information about the Northern Yakuts, the Evenki, the Yukagirs and Chukchi of the Kolyma region.⁵⁸

In 1913, when the first nomadic school in the Kolyma region proved notably successful, Siniavin was transferred to serve as rector of St. Panteleimon Church at the Viliuisk leper colony. Even there, however, on the ‘threshold of sorrow,’ in the most difficult conditions, which called for great psychic and physical effort, Fr. Leonid remained faithful to himself – there was a grammar school at the church. The events of 1917 found him in there. The chaos of his revolution first put him into the ranks of the Yakut zemstvo, then amongst those who sympathized with the Soviet government, and eventually his execution, along with Commissar V. D. Kotenko, in Allaikhovsky tundra.⁵⁹

Hieromonk Alexy (V.T. Okoneshnikov) (1873–?), the only Yakut naval priest, and a hero of the Russo-Japanese war of 1904–1905, began his service as a teacher of a parochial school. After graduating from the Kazan teachers’ seminary in 1898, he enrolled in the missionary courses of the Kazan Theological Academy, where a year later he took monastic vows. In 1900, Fr. Alexy was appointed assistant head of the diocese’s largest parochial school, the two-class (missionary) school of Yakutsk. Many documents of that year mention his name among the best teachers.

Fr. Alexy taught Russian history, didactics with practical lessons, as well as liturgical singing. M.I. Starostina quotes how the monk was described by Okhlopov, the district overseer of the parochial and grammar schools of the Yakut district:

...Hieromonk Alexy distinguished himself by his work and an exemplary attitude toward the school. By his example and perseverance he encouraged other teachers in their diligence, care, and love for teaching.⁶⁰

Already in September 1901, Hieromonk Alexy was appointed head of the missionary school, which trained 69 students (34 Yakuts, 23 Russians and 2 Tungus). In the following year he was appointed treasurer of the Spasskii monastery and house-keeper of the Bishop’s residence. In 1903, Fr. Alexy, who spoke English well, was sent to ‘perform a clergyman’s duties’ on the cruiser *Rurik*, later participating in the Russian-Japanese war. He continued to serve aboard other Russian Navy vessels until 1913 and was awarded Russian and foreign orders.⁶¹

At the turn of the 20th century the pedagogical intelligentsia of Yakutia became the most important force in the region’s political and cultural life. Yakut teachers in religious schools took an active part in educational activities, and later in the national democratic movement.

Thus, Il’ia Egorovich Popov (1872–1944) became famous for the opinionated pieces he published beginning in the late 1890s in Siberian and Yakut periodicals, which

⁵⁸ V.D. Petrova, *Leonid Grigor’evich Siniavin: missioner, prosvetitel’, obshchestvennyy deyatel’* (Yakutsk: Ofset Publ., 2018), 37–74, 80–81.

⁵⁹ S.I. Boyakova, and V.D. Petrova, *Na sluzhbe Bogu i lyudyam*, 30–35.

⁶⁰ M.I. Starostina, “Pedagogicheskaya deyatel’nost’ i rodoslovnaya iyeromonakha Aleksiya Okoneshnikova,” *Educational and Science Journal*, no. 3 (2006): 95–96.

⁶¹ M.I. Starostina, *Zhiznennyi put’*, 34–40.

criticized the patriarchal foundations of Yakut society and the arbitrariness of the local authorities. His collection *In the Valley of Sorrow (stories and notes from the life of the Yakuts)* of 1914 had a special resonance. In discussing Popov's contribution to the development of Yakut literature, the scholar V.G. Semenova argued,

He not only defended the interests of the poor, but also sought ways to save the impoverished people. He called for public education, timely free medical care, respect for human rights, implementing laws, banning the liquor trade, crop insurance, etc.⁶²

Fr. Popov was born into the family of a poor native of the Suntar ulus, graduated from a parochial school, worked as a scribe in the office of the Yakut Governor, and then as a teacher in the Berden, Satin (Bulgunniakhtakh) and Suntar parochial schools. He was ordained a priest in 1904 and together with his family moved to Kutan village of Suntar ulus of Viliui district. In summer 1910, as part of the delegation of the Yakut diocese, he participated in the missionary Congress in Irkutsk. In 1911, at the initiative of Fr. Elijah, a grammar school was opened at the Batomaiskii Kazan Church of Suntar district, which was transformed into a parochial school the next year. He summarized his long experience in teaching Yakut children in the book *The Russian-Yakut Travelling ABC (Русско-якутской передвижной азбуке)*, published in 1914, and in 1918–1919, participated in the work of the Yakutsk zemstvo. During the Soviet period, he worked in cooperative organizations until he was 'repressed' in 1930.⁶³

One of the active figures of the national-democratic and zemstvo movement in Yakutia was Mikhail Dmitrievich Azarov (1883–?), a parochial schoolteacher the Yakut district. He grew up in a wealthy family, his grandfather and father having built churches and been patrons of art. Azarov graduated from a parochial school, followed by a theological school in Yakutsk. His father wanted him to become a priest, but Mikhail chose a different career. From 1901, he taught at parochial schools in Meginsk, Solsk, and Sochinsk, from 1907 to 1916 in the Tiungiuliu primary school, and then in Nam's two-year College until 1920. He actively helped S.A. Novgorodov⁶⁴ to develop Yakut writing and compile textbooks on the Yakut language. During the February revolution, he was elected a member of the Commission of the Yakut Committee of Public security, and then the Commissioner of the Provisional government for Nam ulus. During the Civil War, he joined the White army and was a member of the anti-Soviet Provisional Yakut regional people's control. After the amnesty, he continued to teach, but in 1929 was arrested as a member of the 'counter-revolutionary movements,' dying in prison.⁶⁵

Women began to play an active role in primary education beginning towards the end of the 19th century. Among the first teachers from the local population, Evdokia Semenovna Akinina-Shilova (1865–1943) stands out as the first female paramedic in Yakutia and teach-

⁶² V.G. Semenova, *Vozvrashcheniye iz nebyt'ya...*

⁶³ "Istoriya Yakutii," Yakutsk. Stranitsa o Yakutske, accessed April 15, 2018, <https://www.yakutskhistory.net/духовная-жизнь/православные-просветители>.

⁶⁴ Novgorodov Semen Andreevich (1892–1924), Yakut linguist, political figure, one of the creators of the Yakut alphabet.

⁶⁵ V.I. Pesterev, I.Z. Krivoshapkin, and T.P. Tikhonov, *Namskiy ulus v gody grazhdanskoy voyny (1918–1930)* (Namsy: [N.s.], 2017), 8–9.

er of Yakut. She left an orphan at an early age and graduated from a parochial school. With the help of Count A.P. Ignat'ev, the Governor-General of Eastern Siberia,⁶⁶ she began to study at the Yakut civil hospital in 1887, where she was considered as an 'extremely useful' and conscientious paramedic. After becoming acquainted with political exiles and providing them with material and medical assistance, Akinina earned a reputation as 'politically unreliable,' which forced her to leave the hospital.⁶⁷ In 1892, having passed the exams for the title of people's teacher, she worked for three years in the Semipalatinsk region. After returning to her homeland, she taught at a parochial school in Grado-Yakut Nicholas Church for 18 years.⁶⁸ In that school, E.S. Akinina inaugurated students' parties with performances of plays, and at her initiative, primary schools in Yakutsk began children's matinees, Christmas tree parties and holidays with treats. E.S. Akinina was awarded three medals for her 'fruitful activity in the field of public education' before the Revolution. In 1920, she moved to Olekminsk and worked in the district educational institutions for over 20 years.⁶⁹

Conclusions

At the elementary level of public education in the Russian Empire, along with the ministerial schools that emerged later, parochial schools provided an opportunity for the residents of remote Yakutia to acquire basic knowledge – 'a window into the big world' – which led to the origins of the intelligentsia and an educated population. In first half of the 17th century, the monastery school was founded to teach the basics of reading and writing to Yakut children. Then, in the context of imperial reforms in the system of public education, a network of primary religious schools was established in the region. The north's harsh conditions influenced the activities of the parochial school. Including those of the Russian Orthodox Church, the institutions of interest to intellectual historians carried out, among other, a civilizing role to integrate the remote territories into the Russian state. When opening schools at their churches, parish clergy took on the additional responsibilities of organizing education and boarding schools for students. as well as finding the time raise money to keep them running, since most were free or charged a small fee.

The slow growth of Yakutia's parochial schools was due, above all, to the difficult climatic conditions and the nomadic lifestyle of much of the population. The parish guardianships that arose at the end of the 19th century provided only partial solutions to these obstacles. The sources confirm that funding for the educational activities the Yakut region's churches was wanting. At the same time, the permanent expansion of the network of schools provided an opportunity to obtain primary education as well as the prospects for continuing education.

Given the small number of officials, the remoteness of cultural centers, and the lack of zemstvo organizations, at the turn of the 20th century teachers played an important role in Yakutia's intelligentsia. That is why the pedagogical community, both public and religious, formed Yakutia's intellectual elite. The history of education in Yakutia is im-

⁶⁶ Ignatiev Alexei Pavlovich (1842–1906), in 1885 – commander of the Irkutsk military district and governor-general of Eastern Siberia, in 1887–1889 – Irkutsk Governor General.

⁶⁷ L.T. Ivanova, *Raskrepostsheniye zhenshchin Yakutii*, 31.

⁶⁸ NA RC (YA), f. 165, op. 4, d. 117.

⁶⁹ V.F. Afanas'yev, "Yevdokiya Semenovna Akinina (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)," in *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Yakutskoy ASSR na 1965 g.* (Yakutsk: Yakutknigizdat Publ., 1965), 105–106.

portant in understanding how schools became the cradle of the emerging intelligentsia and its role in the cultural development of provincial society. At the same light, it also sheds light on educational reform past and present.

Рукопись поступила: 31 марта 2019 г.

Submitted: 31 March 2019

References

- Afanas'yev, V.F. *Shkola i razvitiye pedagogicheskoy mysli v Yakutii*. Yakutsk: Yakutknigizdat Publ., 1966 (in Russian).
- Afanas'yev, V.F. "Yevdokiya Semenovna Akinina (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)." In *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Yakutskoy ASSR na 1965 g.*, 105–106. Yakutsk: Yakutknigizdat Publ., 1965 (in Russian).
- Boyakova, S.I., and Petrova, V.D. "Na sluzhbe Bogu i lyudyam: zhiznennyi i pastyrskiy put' Leonida Sinyavina." In *Sinyavin Leonid Grigor'yevich: missioner, prosvetitel', obshchestvennyy deyatel': sbornik dokumentov*, 10–35. Yakutsk: Ofset Publ., 2018 (in Russian).
- Chekhov, N.V. *Narodnoye obrazovaniye v Rossii s 60-kh godov XIX v.* Moscow: Pol'za Publ., 1912 (in Russian).
- Dionisiy (Khitrov). *Stopami missionera. Trudy Dionisiya (Khitrova), yepiskopa Yakutskogo, a zatem Ufimskogo, na missionerskom poprishche*. Tver': Bulat Publ., 2013 (in Russian).
- Filaret (Drozdov). *Istoriya Russkoy Tserkvi*. St. Petersburg: [N.s.], 1880 (in Russian).
- Goncharov, M.A., and Plokhova, M.G. "Tserkovno-prikhodskiy shkoly i ikh mesto v podgotovke uchiteley v Rossii v kontse XIX – nachale XX v." *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, no. 2 (2012): 101–117 (in Russian).
- Ivanova, L.T. *Raskreposhcheniye zhenshchin Yakutii i ikh rol' v sotsialisticheskoy stroitel'stve (1917–1937)*. Yakutsk: Kn. izd-vo Publ., 1974 (in Russian).
- Ivanova, V.S. *Pedagogicheskaya entsiklopediya*. Yakutsk: Ofset Publ., 2005 (in Russian).
- Kalashnikov, A.A. *Yakutiya. Khronika. Fakty. Sobytiya. 1632–1917*. Yakutsk: Bichik Publ., 2000 (in Russian).
- Maynov, I.I. "Zachatki narodnogo obrazovaniya v Yakutskoy oblasti." In *Sibirskiy sbornik. Vyp. III*, 174–229. Irkutsk: Natsional'naya biblioteka Publ., 1897 (in Russian).
- Miropol'skiy, S.I. *Ocherk istorii tserkovno-prihodskoy shkoly ot pervogo yeye vzniknoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni*. St. Petersburg: Glazunov Press, 1910 (in Russian).
- Ovchinnikov, V.A. "Tserkovnaya shkola v Tomskoy gubernii." In *Iz istorii yuga Zapadnoy Sibiri*, 114–122. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1993 (in Russian).
- Pavlov, A.A. *Professional'nye i sredniye shkoly Yakutii (XVIII–nachalo XX vv.)*. Yakutsk: Bichik Publ., 2013 (in Russian).
- Petrova, V.D. *Leonid Grigor'yevich Sinyavin: missioner, prosvetitel', obshchestvennyy deyatel'*. Yakutsk: Ofset Publ., 2018 (in Russian).
- Pesterev, V.I., Krivoshapkin, I.Z., and Tikhonov, T.P. *Namskiy ulus v gody grazhdanskoy voyny (1918–1930)*. Namsy: [N.s.], 2017 (in Russian).
- Runkevich, S.G. *Istoriya Russkoy Tserkvi pod upravleniyem Svyateyshego Sinoda*. St. Petersburg: Tipografiya Lopukhina Publ., 1900 (in Russian).
- Smolich, I.K. *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1700–1917*. Moscow: Valaamskiy monastyr' Publ., 1996 (in Russian).
- Starostina, M.I. "Pedagogicheskaya deyatel'nost' i rodoslovnaya iyeromonakha Aleksiya Okoneshnikova." *Educational and Science Journal*, no. 3 (2006): 94–99 (in Russian).
- Starostina, M.I. "Zhiznennyi put' iyeromonakha Aleksiya (Okoneshnikova)." *North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 2 (2014): 34–40 (in Russian).
- Tsy-pin, V. *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiyy periody. (1700–2005)*. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2006 (in Russian).

- Vanchakov, A.M. *Zametki o nachal'noy shkole (V vidu proyekta o vseobshchem obuchenii)*. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908 (in Russian).
- Vanchakov, A.M. *Tserkovnyye shkoly pri zakonakh o vseobshchem obuchenii*. Petrograd: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1917 (in Russian).
- Yavlovskiy, P.P. *Letopis' goroda Yakutska ot yego osnovaniya do nastoyashchego vremeni. Vol. I. (1632–1800 gg.)*. Yakutsk: Yakutskiy kray Publ., 2002 (in Russian).
- Yavlovskiy, P.P. *Letopis' goroda Yakutska ot yego osnovaniya do nastoyashchego vremeni. Vol. II. (1801–1914 gg.)*. Yakutsk: Yakutskiy kray Publ., 2004 (in Russian).
- Yurganova, I.I. “Civilizational activities of the Russian Orthodox Church in Yakutia (17th – early 20th centuries).” *RUDN Journal of Russian History* 15, no. 3 (2016): 55–63 (in Russian).
- Yurganova, I.I. “Iz istorii dukhovnogo obrazovaniya v Yakutii.” *Yakutskiy arkhiv*, no. 3 (2006): 111–122 (in Russian).
- Yurganova, I.I. “K voprosu o shkol'nom obrazovanii Yakutii v nach. XX v.: gubernator I.I. Kraft i Yepiskop Makariy.” *Bulletin of Catherine The Great National Institute*, no. 2 (2014): 125–128 (in Russian).
- Znamenskiy, P.V. *Dukhovnyye shkoly v Rossii do reformy 1808 g.* Kazan': Tipografiya imperatorskogo universiteta Publ., 1881 (in Russian).

Библиографический список

- Афанасьев В.Ф.* Евдокия Семеновна Акинина (к 100-летию со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат Якутской АССР на 1965 г. Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. С. 105–106.
- Афанасьев В.Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1966. 344 с.
- Боякова С.И., Петрова В.Д.* На службе Богу и людям: жизненный и пастырский путь Леонида Синявина // Синявин Леонид Григорьевич: миссионер, просветитель, общественный деятель: Сб. документов. Якутск: Офсет, 2018. С. 10–35.
- Ванчаков А.М.* Заметки о начальной школе (Ввиду проекта о всеобщем обучении). СПб.: Синодальная типография, 1908. 180 с.
- Ванчаков А.М.* Церковные школы при законах о всеобщем обучении. Пг.: Синодальная типография, 1917. 56 с.
- Гончаров М.А., Плохова М.Г.* Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2012. Вып. 2 (25). С. 101–117.
- Дионисий (Хитров)*, епископ. Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще. Тверь: Булат, 2013. 456 с.
- Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань: Типография императорского университета, 1881. 807 с.
- Иванова Л.Т.* Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937). Якутск: Якуткнигоиздат, 1974. 180 с.
- Иванова В.С.* Педагогическая энциклопедия. Якутск: Офсет, 2005. 452 с.
- Калашиников А.А.* Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917. Якутск: Бичик, 2000. 480 с.
- Майнов И.И.* Зачатки народного образования в Якутской области // Сибирский сборник. Вып. III. Иркутск: Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), 1897. С. 174–229.
- Миропольский С.И.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб.: Тип. Глазунова, 1910. 143 с.
- Овчинников В.А.* Церковная школа в Томской губернии // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. С. 114–122.
- Павлов А.А.* Профессиональные и средние школы Якутии (XVIII– начало XX вв.). Якутск: Бичик, 2013. 176 с.
- Петрова В.Д.* Леонид Григорьевич Синявин: миссионер, просветитель, общественный деятель. Якутск: Офсет, 2018. 174 с.

- Пестерев В.И., Кривошапкин И.З., Тихонов Т.П.* Намский улус в годы гражданской войны (1918–1930). Намцы: [Б.и.], 2017. 213 с.
- Рункевич С.Г.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. СПб.: Типография Лопухина, 1900. 429 с.
- Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М.: Валаамский монастырь, 1996. 800 с.
- Старостина М.И.* Педагогическая деятельность и родословная иеромонаха Алексея Оконешникова // Наука и образование. 2006. № 3. С. 94–99.
- Старостина М.И.* Жизненный путь иеромонаха Алексея (Оконешникова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 2. С. 34–40.
- Филарет (Дроздов)*, митрополит. История Русской Церкви. СПб.: [Б.и.], 1880. 110 с.
- Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М.: Польза, 1912. 224 с.
- Цытин В.*, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. (1700–2005). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 816 с.
- Юрганова И.И.* Из истории духовного образования в Якутии // Якутский архив. 2006. № 3 (22). С. 111–122.
- Юрганова И.И.* К вопросу о школьном образовании Якутии в нач. XX в.: губернатор И.И. Крафт и Епископ Макарий // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 2 (26). С. 125–128.
- Юрганова И.И.* Цивилизационная деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII – нач. XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 3. С. 55–63.
- Явловский П.П.* Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. Т. 1. 1632–1800 гг. Якутск: Якутский край, 2002. 125 с.
- Явловский П.П.* Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. Т. II. 1801–1914 гг. Якутск: Якутский край. 2004. 100 с.

Информация об авторах / Information about the authors

Боякова Сардана Ильинична, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, ФИЦ «Якутский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук.

Sardana I. Boyakova, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], chief researcher of the History and Arctic studies of Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, ФИЦ «Якутский научный центр» Сибирского отделения Российской академии наук.

Inna I. Yurganova, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], leading researcher of the History and Arctic studies of Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-922-937>

Научная статья / Research article

Религиозные особенности этнической традиции осетин в условиях общественных модернизаций конца XIX – начала XX в. (по данным фольклорной легенды «Сказание об Одиноком»)

С.Г. Кцоева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН; 362040, Россия,
Владикавказ, пр. Мира, 10; sultana_t@mail.ru

Religious features of the ethnic tradition of the Ossetians in the conditions of social modernization of the late 19th and early 20th centuries, according to the folklore legend “The Tale of the Lonely”

Sultana G. Ktsoeva

V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies;
10, Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russia; sultana_t@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются процессы трансформации этнической традиции осетин, обусловленные модернизационными импульсами пореформенной эпохи. Хронологические рамки статьи охватывают рубеж XIX–XX веков. Тем не менее, предпосылки анализируемых изменений выходят за обозначенные границы, поскольку комплекс этих видимых изменений складывался и нарастал постепенно. Вовлечение Осетии, в том числе и ее горной части, в орбиту российского влияния обусловило процесс преодоления этнической замкнутости и, как следствие, – изменение существенных аспектов традиции. Пореформенный период, способствовавший ускорению капиталистического развития в Российской империи, обеспечил существенные сдвиги не только в хозяйственной, но и в социокультурной жизни осетинских горцев. На деле это проявилось в постепенной модернизации на тот момент еще в значительной степени архаической традиции этноса. Обозначенный процесс трансформации традиционного этнического мировоззрения осетинских горцев существенно отражен в различного рода нарративных источниках. В этом отношении информативная содержательность фольклорных легенд, тогда уже записываемых целым рядом представителей осетинской интеллигенции, очень высока. Сами носители устного фольклора – жители горной Осетии – зачастую вносили в содержание архаичных сюжетов новые реалии, нетипичные для мифологического сознания. Таким образом, ценность фольклорных легенд в качестве источника для изучения процессов модернизации традиционного сознания, безусловно, высока.

Ключевые слова: этническая религия осетин, устный фольклор, Гапшо Баев, мифологическое мировоззрение, религиозное мировоззрение

© Кцоева С.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Кцоева С.Г. Религиозные особенности этнической традиции осетин в условиях общественных модернизаций конца XIX – начала XX в. (по данным фольклорной легенды «Сказание об Одиноком») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 922–937. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-922-937>

Abstract: The article analyzes transformation processes in the Ossetian ethnic tradition that resulted from the modernization of the Great Reforms era. While the article covers the late nineteenth and early twentieth centuries, the changes in question stretched beyond these limits, being complex in nature and increasing gradually. As mountainous Ossetia was drawn into the orbit of Russian influence the ethnic isolation was ended, and certain aspects of the tradition changed. The period of Great Reforms contributed to the strengthening of capitalist development in the Russian Empire. This period provided significant changes not only in the economic but also in the socio-cultural life of the Ossetian highlanders. We observe a gradual modernization of the archaic tradition of the ethnos at that time. This transformation of the traditional ethnic worldview of the Ossetian highlanders is reflected in various narrative sources. In particular the folk legends recorded by representatives of the educated part of Ossetian society carry significant information. The bearers of oral folklore – the inhabitants of mountainous Ossetia – often introduced new realities into the narratives, elements that were atypical for the archaic consciousness. Folk legends therefore constitute an important source for studying the processes of modernization of the traditional consciousness. The present article studies these processes with the folklore legend *The Tale of the Lonely* recorded in the nineteenth century, which reflects ideological transformations characteristic of the ethnic consciousness in this period.

Keywords: Ossetian ethnic religion, oral folklore, Gappo Baev, mythological worldview, religious worldview

For citation: Ktsoeva, Sultana G. “Religious features of the ethnic tradition of the Ossetians in the conditions of social modernization of the late 19th and early 20th centuries, according to the folklore legend “The Tale of the Lonely,” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 922–937. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-922-937>

Введение

Этническая религия осетин – тема актуальная, но малоизученная. Представляя собой сложнейший разнородный синтез, она содержит элементы множества религиозных систем. Сложные перипетии истории осетинского народа, оставившего свой заметный след в древних и средневековых культурах, образовали причудливый монолитный сплав из индоиранского наследства, античных черт, раннего христианства, православия средневековой Византии и грузинского православия, влияния кавказской культурной общности, ислама, иудаизма, религий древнего Ирана и Индии. Темой специального научного изучения этническая религия осетин еще не стала, хотя отдельные ее аспекты анализировались. Основполагающим по значимости можно считать наследие В.Ф. Миллера¹, записавшего и переведшего на русский язык обширный фольклорный материал, часть которого он исследовал сам как этнограф. Наиболее весомый вклад в разработку проблемы был внесен В.И. Абаевым², изучавшим проблемы христианских реминисценций в Нартовском эпосе осетин. Вслед за ним проблемы христианского влияния изучал

¹ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.

² Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 102–114.

видный осетинский историк В.С. Уарзиати³. На современном этапе христианская и иудейская подоплека осетинских фольклорных образов изучается рядом исследователей – А.А. Туаллаговым⁴, М.Э. Мамиевым⁵, А.В. Дарчиевым⁶.

Вообще проблема идентификации и изучения этнических религий в российской этнологии была сформулирована сравнительно недавно. Речь идет о терминологической интерпретации религиозных систем отдельных этносов, определяемых еще примерно двадцать лет назад принципиально ненаучным термином «язычество». Конфликт интерпретаций был несколько смягчен, когда представителями британской этнологической школы – Джоном Хиннелзом⁷, Джеймсом Коксом⁸ – был использован термин «этническая религия» для описания различных религий, связанных с теми или иными этническими группами. Таким образом, термин «этническая религия» методологически апробирован американскими и европейскими коллегами, и в настоящий момент активно проводятся исследования с целью классификации этнических религий различных народов мира.

В центре внимания автора – фольклорная легенда «Сказание об Одиноком», которая является своеобразным слепком, в котором «отпечатались» метаморфозы, происходившие в этнорелигиозном сознании осетин в момент важного исторического перехода от архаики к модернизации. Эти процессы нашли свое выражение, в частности, в активном проникновении элементов авраамистических религий (в первую очередь православного христианства) в этническую религию осетин. Таким образом, цель данного исследования видится нам в анализе одной из фольклорных легенд, которая является своеобразным маркером мировоззренческого перехода, и в попытке идентификации содержащихся в ней черт упомянутой «переходности» этнорелигиозного сознания осетин в обозначенный период.

Методологическую базу исследования составил принцип синхронического исследования в рамках структурализма, выработанный К. Леви-Строссом⁹. Важное место в его концепции занимает понятие бессознательного как скрытого механизма знаковых систем (в отличие от Юнга, где в качестве таковых выступают архетипы), лежащего в основании культуры. Таким образом, в структурализме мы вновь встречаемся с концепцией коллективного бессознательного, которое лежит в основании культуры. С точки зрения структурализма все культурные системы (язык, мифология, религия, искусство, обычаи, традиции) могут быть изучаемы как знаковые системы. Анализ процессов мировоззренческих трансформаций этноса осуществлялся с привлечением методов сравнительно нового методологического направления – исторической психологии.

³ Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.

⁴ Туаллагов А.А. Нартовский Батраз и история христианства у алан // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Владикавказ, 2000. С. 217–231.

⁵ Мамиев М.Э. Образ нарта Батраза и становление аланской православной традиции // Геополитика. Ру [сайт]. URL: <https://www.geopolitica.ru> (дата обращения: 30.04.2019).

⁶ Дарчиев А.В. Батраз-муравей (об одном мотиве нартовского эпоса) // Известия СОИГСИ. (Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований). 2011. № 7. С. 26–37.

⁷ Hinnells John R. The Routledge companion to the study of religion. London, 2005.

⁸ Cox James L. From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions. Aldershot, 2007.

⁹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.

Современный этап развития исторической науки, и этнологии в особенности, актуализирует обращение к произведениям устного народного творчества в качестве нарративного исторического источника, поскольку позволяет выявить динамику и трансформацию культуры общества, системы мировоззрения этноса и его психологии. Цель этнолога, исследующего фольклорные тексты, состоит в реконструкции коллективных следов и фрагментов памяти, оставленных историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц. Главная же задача заключена в добычании достоверной информации не столько о самих событиях исторического прошлого, сколько о том, как именно эти события преломляются в общественном сознании и как они с течением времени меняют его. По словам Н.А. Добролюбова, «...фольклор – это не устаревшая, древняя, мертвая вещь, а непрерывно изменяющийся живой организм. С изменением исторической действительности изменяется и фольклор»¹⁰.

В данной статье анализируется легенда «Иунаджи кадаг» («Сказание об Одиноком»), записанная в конце XIX в. Г.В. Баевым и опубликованная в 1895 г. на страницах газеты «Северный Кавказ» с пометкой «Очерк из жизни осетин»¹¹. Текст легенды представляет собой ценный источник по изучению особенностей этнорелигиозных представлений осетин, свидетельствующий о процессе постепенной религиозно-мировоззренческой эволюции общественного сознания народа Осетии на рубеже XIX–XX вв., что является предметом нашего изучения.

Георгий (Гаппо) Васильевич Баев – государственный и общественный деятель, юрист, публицист, фольклорист и литературный критик, педагог, который в 1902–1907 гг. был также градоначальником во Владикавказе. В 1895 г. им со слов слепого Бибо – пожилого рассказчика из горного селения Данар (очень известного в дореволюционной Осетии) была записана легенда «Иунаджи кадаг» («Сказание об Одиноком»). Сама легенда интересна, в частности, тем, что в ней очевидным образом запечатлены фрагменты по сути мифологического мировоззрения, что дает основание констатировать его укорененность в рассматриваемый период в этнорелигиозном сознании осетин-горцев. Другой не менее характерной особенностью легенды является одновременное содержание в ней элементов религиозного мировоззрения, настолько значимых, что они в конечном итоге определяют ее сюжет и ее мораль.

Исторический контекст

Конец XIX в. в Северной Осетии был отмечен ослаблением старых докапиталистических социальных структур и формированием буржуазных отношений, которые, тем не менее, обременялись различными пережитками во всех сферах жизни осетинского этноса. Модернизационные процессы, которые должны были способствовать выработке способов адаптации традиционного осетинского общества к требованиям жизни «большого» государства, носили сложный, противоречивый характер, а «существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом опреде-

¹⁰ Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М., 1937.

¹¹ Баев Г. Сказание об Одиноком (Иунаджи кадаг) // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. С. 333–339.

лялось корпоративной принадлежностью»¹². Одновременно, как отмечает Э.Ш. Гутиева, применительно к анализируемой территории данный период был «одним из наиболее активных по части социальной динамики». Автор пишет: «Проведение буржуазных реформ, освобождение зависимых сословий, вовлечение Осетии в систему всероссийского рынка, урбанизационные процессы, повышение социальной мобильности осетин предопределили их интеграцию в российское социально-культурное пространство»¹³. В то же время «...начавшееся под влиянием модернизационных процессов расслоение осетинского общества не дает нам возможности судить о религиозном мировоззрении этноса в целом, часть которого принимала православие или ислам или вовсе скептически относилась к религиозным вопросам, что вполне естественно для сложно стратифицированного буржуазного социума»¹⁴, поэтому речь в данной статье идет только об осетинах-горцах.

Выработка наиболее безболезненных способов приспособления народа к существенным политико-административным, социально-экономическим и культурным изменениям, товарному производству и стихии рыночного уклада стала целью части осетинской интеллигенции. Труды целого ряда ее представителей – Коста Хетагурова, Инала Канукова, Афания Гассиева, Георгия Цаголова, Алихана Ардасенова и др., помимо прочего, представляют собой содержательный источник для изучения структурных аспектов этнического мировоззрения того периода.

Фабула «Легенды об Одиноком»

Умирая, «черный» охотник обратился к своему единственному сыну со словами: «Ты одинок, а потому бедняк, ибо некому будет отомстить за пролитую твою кровь! Высокосядющий Творец мира – единственный твой защитник»¹⁵.

Юноша, дабы справить тризну по отцу, отправляется в лес в надежде на удачную охоту, однако не встретил ни одно животное. Тогда Одинокий обратился с молитвой к Всевышнему: «Бог богов! Призываю тебя в защитники! Повели Авсати»¹⁶, дабы выпустил он хоть одного оленя!» По воле Бога предстал тогда перед ним светлый Уастырджи¹⁷, который привел Одинокого на пир к Авсати. Уастырджи подучил юношу, чтобы тот не садился за стол, пока он не подаст ему соответствующего знака, а после окончания пира он приказал юноше спрятать одно ребро съеденного оленя в ноговице.

Гости расселись и принялись за угощение, только юноша, помня слова Уастырджи, продолжал стоять. Уастырджи обратился к Авсати: «О, наш добрый Авсати! Гость твой стоит, наверное, он ждет от тебя какого-нибудь достойного дара!

¹² Туаева Б.В., Канукова З.В., Усова Ю.В., Плиева З.Т. Ремесленники в сословной структуре городов Северного Кавказа // Былые годы. 2017. № 2. С. 384.

¹³ Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации: вторая половина XIX – начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2013. С. 19.

¹⁴ Ктsoева С.Г. Некоторые аспекты трансформации мировоззренческих парадигм этнической религии осетин (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 164.

¹⁵ Баев Г. Сказание об Одиноком (Иунаджи кадаг)... С. 335.

¹⁶ В осетинской мифологии покровитель лесов и их обитателей: туров, оленей, кабанов и коз.

¹⁷ В осетинской этнической религии покровитель мужчин, воров, мошенников, клятвопреступников и убийц. Часто воспринимается как св. Георгий.

– Гость наш – молодой охотник! Дарую ему удачную охоту в моих беспредельных лесах в продолжении года! – ответил Авсати.

– Скуповат же ты, богатейший из дзуаров¹⁸! Если бы я знал, то не привел бы сюда этого бедного гостя.

Обидными показались эти слова Авсати, и он промолчал:

– Мальчик! Пользуйся удачей в моих владениях в продолжении десяти лет.

Но не садился опять Одинокий, вызывая гнев против себя в пировавших дзуарах. Разгневался тогда Авсати и сказал:

– Мальчик, сын черного охотника! Пользуйся удачей в продолжении всей твоей жизни до седой старости. Не срами моего пира и садись за фынг¹⁹.

Подавал тогда знак рукой светлый Уастырджи, и бедный Одинокий подсел к пировавшим небожителям. Во время еды он спрятал одно ребро в ноговице²⁰.

Пир закончился. Авсати, чтобы оживить оленя, стал собирать все его кости, но не обнаружил одного ребра. Поиски ни к чему не привели. Тогда Уастырджи предложил выточить его из ясеня. Так и сделали. Все кости сложили в кучу на столе, и Авсати ударил их своей плетью. Олень тут же ожил и умчался в лес.

После окончания пира Уастырджи вернул Одинокого на то самое место, где его встретил. Покидая мальчика, он произнес: «Сын черного охотника, ты убьешь этого оленя сегодня, а потом навсегда вернешься ко мне, ибо жестокосердные люди не дадут долго жить на свете бедному Одинокому даже тогда, когда будут видеть, что Бог на его стороне»²¹.

Одинокий убил оленя с ребром из ясеня. Ему встретились злые охотники и потребовали части оленя для себя. Он им отказал, тогда они убили его. Умирая, он обратился с просьбой о свидетельстве греха, совершенного против него, и места за его смерть к солнцу и его лучам и зеленым листьям клена: «О, чистое солнце! Пусть светлые лучи твои будут свидетелями этого греха, а вы, зеленые листья клена, будьте мстителями за пролитую кровь Одинокого»²².

Прошли годы. Дальние родственники Одинокого решили справить по нему тризну. Собралось много народу. Так случилось, что в это время мимо проезжали как раз те трое охотников – убийцы Одинокого. По обычаю путников пригласили к столу. «Тогда единый Бог, Творец мира, явился мстителем за невинно пролитую кровь Одинокого. Лучи солнца осветили зеленые листья клена и сказали им: “Пришел час наш, помчимся и выполним последнюю мольбу Одинокого!”».

Лучи солнца проникли через окно и осветили чашу черного пива в руках старшего охотника, а зеленые листья с шумом упали в ту чашу и закружились в ней. Переглянулись старшие охотники и говорят друг другу...: “Когда мы убивали мальчика, то он призвал в свидетели лучи солнца, а своими мстителями назначил листья клена! Видно, Бог сам нагнал нас!” Один из прислуживавших... сказал хозяевам: “Это ведь наши кровники! Мстите им”. Когда весть об этом долетела до почетных

¹⁸ Дзуар – святой небесный покровитель в осетинской мифологии.

¹⁹ Круглый стол с тремя ножками.

²⁰ *Баев Г.* Сказание об Одиноком (Иунаджи кадаг)... С. 336.

²¹ Там же. С. 338.

²² Там же.

стариков, то те сказали: “Гость – Божий гость! Не надо спешить, поведите гостей к могиле Одинокого, где они по обычаю принесут очистительную присягу”...

Повели гостей к могиле. Весь народ собрался там. Подали сперва чашу пива в руки старшего и сказали ему: “Да будет над тобою проклятие этой могилы, если ты утаишь правду!” В это время с неба опять спустились листья клена и упали в чашу. Затряслись руки старшего, упала чаша и разбилась...

Народ крикнул: “Держите его, это один из убийц! Сам Бог видел его!” Второго постигла та же участь. Обоих их убили над самой могилой, дабы напоить ее кровью. Младший всадник выпил и поклялся над могилой по обычаю. Народ отпустил его невредимым домой»²³.

Синтез мифа и религии

В эпоху архаики отдельные аспекты мира еще не обобщались в понятиях (форма понятийного отражения является более поздней), а выражались в чувственно-конкретных образах, совокупность которых и являла собой мифологическую картину мира. Основаниями, связующими наглядные образы, выступают, как правило, аналогии с самим человеком и кровнородственными связями. Мифологическое сознание отражало мир антропоморфно: он существовал по тем же законам, что и родовая община, и представлялся как общинно-родовая организация, где люди связаны коллективным трудом и потреблением на основе кровного родства. У главного персонажа анализируемой легенды нет ближайших родственников. Он – одиночка, что в условиях родового строя означало «никто». Неслучайно в легенде он даже лишен имени: рассказчик называет его «Иунаг» («Одинокий»). Сам Уастырджи и тот не зовет его по имени, и создается впечатление, что герой и вовсе лишен имени, что неудивительно, поскольку главным критерием личностной идентификации, как уже было сказано, являлась родовая принадлежность индивида. Таким образом, изолированность Одинокого от родовой общины воспринимается как идентификационный признак, гораздо более существенный, чем его имя.

Его одиночество трактуется как страшное несчастье, на деле означающее незащищенность от агрессивного воздействия внешнего мира. В итоге, как мы видим, он неминуемо гибнет, поскольку, даже обеспеченный поддержкой высших сил, он не в состоянии выжить в условиях мира, где в качестве основной социальной единицы выступает не индивид, а закрытый коллектив, в который он не сможет интегрироваться. Создается впечатление, что прочность социальных институтов не под силу сломить даже небожителям, и Богу легче «забрать его к Себе», чем обеспечить постоянную защиту в мире людей. Уастырджи обращается к нему со словами: «Сын черного охотника... жестокосердные люди не дадут долго жить на свете бедному Одинокому даже тогда, когда будут видеть, что Бог на его стороне»²⁴. Напрашивается вывод о том, что переходное сознание негативно коннотирует устаревающие формы социальной действительности, противопоставляя им новые. Возникает антитеза (сознательная или бессознательная) между прежним «варварством» коллективного существования и индивидуализирующей ролью идей, в данном случае христианской этики.

²³ Баев Г. Сказание об Одиноком (Иунаджи кадаг)... С. 338.

²⁴ Там же. С. 337.

В 1928 г. Карл Густав Юнг в своей книге «Отношения между эго и бессознательным» пришел к выводу, что архетипы означают не унаследованные идеи, а унаследованную предрасположенность к ним, показав тем самым, как индивид балансирует меж двух полюсов коллективной психики: с одной стороны, личность «соблазняется» обществом посредством коллективных ролей и статусов, с другой – коллективным бессознательным с его собственными стимулами: герой должен победить в себе коллективное психическое, что означает освобождение как «от покровов персоны, так и от власти архетипических образов». Формулируя понятие самости, психолог определяет этапы индивидуации – 1) освобождение от действия коллективных архетипов и 2) освобождение от личности (индивида, социализированного в коллективе)²⁵. В данном случае мы видим и то, и другое: во-первых, Одинокий (правда, в силу объективных причин) пытается противостоять обстоятельствам социального характера. Во-вторых, он в итоге добивается искомого освобождения, правда, ценой физической смерти, которая, тем не менее, компенсируется посмертным раем. Поэтому можно сказать, что легенда отражает тенденцию к индивидуализации, к эмансипации индивидуального сознательного/бессознательного от гнета коллективного сознательного/бессознательного, о которой говорит Юнг, однако важно не упускать из виду, чему именно он обязан своим освобождением. С психологической точки зрения отрыв от привычного подсознательно заставляет человека искать альтернативные опоры. В качестве таковых в легенде выступают активно распространяемые в тот период идеи христианства.

Факт того, что Бог на стороне Одинокого, является ключевым при анализе. Здесь, очевидно, проявлена идея милосердия – одна из главных идей собственно религиозного, а не мифологического сознания. В Библии часто встречаются фрагменты, словно обращенные к людям, оказавшимся в идентичной ситуации одиночества и сиротства, где единственным заступником выступает Бог:

«...ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр.13:5).

«Не скрой от меня лица Твоего... Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой! ибо отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня» (Пс.26:9–10).

«Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Евангелие от Иоанна 14:15–18).

«При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня...» (Второе послание Апостола Павла к Тимофею 4:16–18).

«Господь Сам пойдет перед тобою, Сам будет с тобою, не отступит от тебя и не оставит тебя, не бойся и не ужасайся» (Втор. 3:18).

«И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во все времена скорби; и будут уповать на Тебя знающие имя Твое, потому что ты не оставляешь ищущих тебя, Господи» (Пс. 9:10–11).

«Очи мои всегда к Господу, ибо Он извлекает из сети ноги мои. Призри на меня... ибо я одинок и угнетен» (Пс. 24:15–16).

²⁵ Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным. URL: <https://royallib.com>

Подобные примеры можно множить. Сюжет легенды, таким образом, в немалой степени испытывает в целом сильное религиозное, в частности – авраамистическое, и христианское – в особенности, влияние.

Мифологическая составляющая легенды играет не менее значимую роль, чем религиозная. В мифе, как известно, отсутствуют различия между реальным и сверхъестественным. Сам факт призвания Одиноким природных объектов (солнца и листьев клена) в качестве одушевленных свидетелей совершенного над ним злодеяния демонстрирует мифологичность сознания авторов легенды в силу характерного для мифа антропоморфизма: неодушевленные объекты, разделяя те же моральные категории, что и люди, могут отомстить.

О символике упоминаемых природных объектов

Солнце – особый символ в осетинской мифологии. Есть мнение, что солнце олицетворяет здесь феномен Единого Бога (Хуыцау). По аналогии с рядом народов древности, исповадовавших верховный культ солнца, среди которых, в частности, были и древние иранцы²⁶, В.С. Уарзиати высказал предположение, что культу Хуыцау до принятия христианства аланами также соответствовал культ солнца, отразившийся в ритуальном действии освящения трех пирогов: «Об этом свидетельствует сохранившееся... культовое название хурзæрин, что буквально означает «солнце золотое» и хурты хурзæрин – «золотое солнце солнц»²⁷, логично наводящее на аналогию со словосочетанием Хуыцауты Хуыцау. Ученый обращает внимание на феномен трех пирогов, где «Хуыцау – Бог, хур – солнце и зæхх – земля»²⁸. Разграничение функций солнца и Хуыцау в религиозном сознании возникло, по мнению ученого, в эпоху Средневековья.

В легенде, на наш взгляд, фигурируют три названные сакральные силы, символически воплощенные в трех пирогах: Хуыцау – Бог, хур – солнце и зæхх – земля как третья стихия, очевидно олицетворенная здесь в образе клена.

Конкретизация породы дерева, к чьим листьям обращается Одинокий, на наш взгляд, неслучайна. Во многих культурах клен является «живым» деревом, причастным к человеческой судьбе. Так, согласно преданиям западных и восточных славян, клен – это дерево, в которое был превращен человек. По этой причине кленовое дерево не использовали на дрова, не делали из него гроб («грешно гноить в земле живого человека»), не подкладывали листья клена под хлеб в печи, потому что в листе клена видели ладонь с пятью пальцами. Превращение человека в клен становится одним из наиболее популярных мотивов славянских баллад. Мать «закляла» в клен (явор) сына или дочь. Музыканты, проходя через рощу, где растет это дерево, срубают явор и делают из него скрипку, которая голосами сына или дочери рассказывает о вине матери или жены-отравительницы. Клен вырастает на могиле убитого сына (мужа)²⁹.

²⁶ Ленцман Я.А. Иранский культ Митры и культ Непобедимого солнца // Происхождение христианства. М., 1958. С. 90–120.

²⁷ Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. С. 122.

²⁸ Там же.

²⁹ Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 1999.

В южнославянской традиции клен также причастен к человеческой судьбе. Так, согласно сербским поверьям, если высохший клен обнимет несправедливо осужденный человек, то клен зазеленеет. Если же к зеленому клену прикоснется обиженный человек, дерево непременно засохнет³⁰.

В Нартовском эпосе «живая», божественная сила клена запечатлена, в частности, в сказании «Нарт Дзылы и его сын», когда вследствие неурожайного года богатый нарт Дзылы обеднел, и, дабы избавить себя и единственного сына от голодной смерти, отправляет его за зерном к Уацилле³¹. Однако скептически настроенный юноша предварительно обратился за советом к старой вещунье Кулбадагус. Следуя ее наставлению, он, добравшись до Уациллы, просит не хлеб, а «старенький совочек из клена (курсив наш – С.К.), что лежит за дверью... амбара» Уациллы: «этот старый совок имеет такое свойство, что в том доме, где будет он находиться, никогда не иссякнут запасы хлеба. Сверху берешь, а ниже нарастает»³². Впоследствии мы узнаем, что этот кленовый совок благодаря своей преумножающей силе спасает от голодной смерти жителей трех нартских селений.

Таким образом, в религиозной традиции многих народов, в том числе и осетин, клен – пограничное дерево обоих миров (живых и мертвых, людей и богов) с выраженным сакральным значением. Клен – актер: через его посредничество реализуется божественная помощь, о которой просит человек. Клен – свидетель защиты. В «Сказании об Одиноком» по воле Бога, к которому страдалец обратился перед смертью с просьбой об отмщении, листья клена оживают, что однозначно трактуется присутствовавшими на поминальной тризне по Одинокому как неопровержимое доказательство вины его убийц.

Ордалии, или «Сцены Божьего суда»

Отчетливо выраженная мифологичность сознания осетинских горцев упомянутого периода проявляется в еще одном смысловом фрагменте легенды: в акте реализации божественной мести за совершенное преступление. Любопытно, что миссия Бога ограничивается здесь исключительно содействием всенародному выявлению убийц. Сам же акт справедливого возмездия так или иначе возложен на родственников убитого: характеристики Хуыцау как «бога отдыхающего» (*deus otiosus*)³³ в данной легенде сохраняются (непосредственное участие Бога в сюжете рассказчиком не обозначается). Тем не менее, в легенде особо подчеркивается, что именно Бог мстит за невинно пролитую кровь: «Тогда Единый Бог, Творец мира явился мстителем за невинно пролитую кровь Одинокого»³⁴. Акцентирование внимания слушателей на карающей воле справедливого Вседержителя, таким образом, свидетельствует о заметном влиянии авраамистической парадигмы на этнорелигиозное мировоззрение осетин на обозначенной стадии исторического развития.

³⁰ Козолупенко Д.П. Миф на гранях культуры. М., 2005.

³¹ Уацилла – дзуар-громовежце в традиционной религии осетин, покровитель земледелия и урожая.

³² Лебединский Ю. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.

³³ Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / перев. с англ. М., 1999.

³⁴ Баев Г. Сказание об Одиноком... С. 338.

В заключительном фрагменте легенды, где говорится о присяге (ард) подозреваемых на могиле убитого и воспоследовавшей мести кровников, отражен существенный религиозно-мировоззренческий аспект сознания осетин-горцев конца XIX в. Анализ данной нормы обычного права позволяет утверждать, что мы имеем дело ни с чем иным, как с практикой ордалий (англосакс. *ordal* – приговор, суд) – «Божьим судом» (*Dei iudicium*).

Ордалии были известны разным народам и представляли собой средство установления юридической истины посредством обращения к воле Творца. В их основе лежала убежденность в том, что Бог постоянно участвует в людских делах, и, следовательно, может быть подвигнут к участию в судебном состязании, поэтому традиционное сознание воспринимало суд Божий наиболее надежным методом доказательства правоты. Формы суда Божия были различны: преимущественно практиковались жребий, присяга и судебный поединок³⁵. По утверждению Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, ордалии «... существовали у всех народов в первый период их жизни»³⁶. В Европе ордалии исчезли полностью уже в XVIII в. В горной Осетии конца XIX в. пережитки мифологического сознания, таким образом, еще продолжали сохраняться.

В 1873 г. Дж. Шанаев в своем сочинении подробно описал этот феномен у осетин³⁷. Из вариативного ряда различных видов присяг нас интересует так называемая «присяга убитым лицом». Дж. Шанаев описывает ее так: «...лицо, которое подозревали в убийстве, присягоприимец, при многочисленном стечении народа сам один или в сопровождении присяжников должен был явиться на могилу убитого, взяться за памятник убитого одной рукой и произнести следующую фразу: «Покойник! Если я к чему-либо причастен в убийстве твоём, да буду тебе конем на том свете, да взять мне все грехи твои на том свете!», после которой три раза обходил могилу покойника кругом. По произнесении этой клятвы присягоприимцем потерпевшие протягивали ему руку примирения, и он считался уже правым. Клятву эту называли самопосвящением – хифалдисын. В ней заключалось, по понятию народа, довольно много сраму для присягоприимца, потому мало, кто решался принять эту присягу, делаясь охотнее кровником, чем выносить посрамлявшее действие этой присяги...»³⁸.

Факт фигурирования сцены ордалии в легенде, записанной в самом конце XIX в., вовсе не должен означать сохранения подобных практик в реальной жизни. Тем не менее, на вопрос об укорененности элементов «суда Божьего» в повседневной юридической практике осетин в тот период сам автор отвечает: «Возникает вопрос: заключала ли присяга-ард столько гарантий для правосудия народа, чтобы она могла служить рациональной процессуальной формой и средством раскрытия истины в продолжение, по крайней мере, многих столетий, если

³⁵ Суд Божий // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. С. 1–2.

³⁶ Там же.

³⁷ Шанаев Дж.Т. Присяга по обычному праву осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2014. С. 455–469.

³⁸ Там же. С. 460.

не тысячелетий, в народной юстиции осетин? На этот вопрос, не задумываясь долго, ответу: да, заключала, и до тех пор заключала, пока религиозные представления, суеверия и мифология, составлявшие основу присяги, были крепки в народе, а стали они ослабевать только теперь, при столкновении осетин с европейской жизнью и цивилизацией». Таким образом, «Ленегда об Одиноком» хоть и свидетельствует о постепенном угасании ордалий как элемента обычного права осетин, тем не менее, указывает на их сохранение.

Однако не следует объяснять бытование ордалий у осетин-горцев как исключительно дохристианскую традицию. Идея Божьего Суда достаточно часто фигурирует и в Библии. Суд выражается в стремлении отделить правое от неправого и принять решение, определяющее справедливое воздаяние за содеянное. В «Легенде об Одиноком» мы имеем дело с идеей суда как публичного разоблачения, нередко встречаемой в христианском Писании. Популярность публичных разоблачений была высока во все времена и не утратила своей актуальности по сей день. Подобное рассмотрение грехов ближнего психологически служит успокоением собственной совести, а в религиозном сознании способствует приглушению чувства собственной греховности. Авраамистическая традиция, как известно, выстраивается вокруг идеи посмертного публичного разоблачения: «И нет твари, сокровавленной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4:13). Таким образом, вполне можно допустить в судебной присяге по обычному праву осетин следы авраамистических религий, которые не в меньшей степени в сравнении с религиями древности изобилуют чертами собственно мифологического сознания. В особенности это касается содержания Ветхого завета. Таким образом, мы подошли к смысловому завершению повествования – идее неизменного справедливого воздаяния за несправедливое поведение: «У меня отмщение и воздаяние» или «Аз воздам» (Втор. 32:35).

Итак, в содержании легенды запечатлен процесс метаморфоз архаического сознания с преобладанием христианского влияния. Выражается это в том, что в качестве главного действующего лица в сказании выступает ни кто иной как «Единый Бог, Творец мира»: Его воля здесь играет ключевую роль, несмотря на то, что здесь отсутствуют прямые указания на его конкретные действия. Тем не менее, здесь Хуыцау – не *deus otiosus*, безразличный к судьбам своих творений. Тут он в гораздо большей степени в сравнении с Нартовским эпосом наделен чертами авраамистического Бога (умирающий отец Одинокого препоручает сына Творцу мира; Единый Бог выступает мстителем за невинно пролитую кровь; участие Бога в ордалии; наличие упоминаний греха, понятие о котором – маркер религиозного сознания).

Идея справедливого воздаяния за содеянный грех – важной смысловой момент легенды, но не менее важной является и идея судьбы, в которую вписана идея неотвратимости этого воздаяния.

Тема божественного предопределения, столь типичная для любой из авраамистических религий, предстает в анализируемой легенде весьма отчетливо. В ходе повествования выявляется логическое несоответствие: Уастырджи, приведя Одинокого на пир Авсати, подучил его таким образом, чтобы тот вытребовал для себя у хозяина лесов неизменной удачи на охоте. Однако он не соглашается на первые

два предложения Авсати о даровании ему удачи в течение одного года. Он также, по наущению Уастырджи, не соглашается и на предложение удачной охоты в течение десяти лет и успокаивается лишь тогда, когда Авсати пообещал ему обеспечивать удачную охоту «в продолжение всей жизни до седой старости», из-за чего юноша был вынужден даже проявить неучтивость по отношению к покровителю леса, настойчиво отвергнув первые два его предложения.

Однако сразу по окончании пира Уастырджи обращается к Одинокому с роковыми словами о том, что тому осталось совсем недолго жить, потому что злые люди убьют его.

Возникает логичный вопрос: зачем Уастырджи понадобилось перед этим обеспечивать для Одинокого удачную охоту до седой старости, если бы он заранее знал, что тот не доживет не только до старости, но даже и до утра следующего дня? И почему Уастырджи не приходит на помощь юноше, когда над тем нависла угроза смерти? Ответ, на наш взгляд, очевиден: Уастырджи не в силах распоряжаться судьбой Одинокого. Его жизнь и судьба в руках Того, Кому поручил его перед смертью отец. Тот факт, что Уастырджи берется помогать юноше, свидетельствует о его неосведомленности относительно дальнейшей его судьбы, знание о которой неведомым образом открывается Уастырджи, очевидно, уже после пира Авсати. Поэтому покровитель мужчин констатирует его близкую смерть и уже не смеет вмешиваться в ход дальнейших событий. Таким образом, мы видим, что попытка Уастырджи помочь оказывается безрезультатной, поскольку в сюжет вступает сила, которой он, несмотря на свой авторитет, не может противостоять.

Несмотря на очевидное преобладание в излагаемой легенде элементов архаики, в ее предисловии, а также в заключительной вставке, написанных самим Г. Баевым, характеризуется процесс постепенной модернизации сознания осетинских горцев. Налицо двойственность его оценки вовлечения горцев в российское пространство: с одной стороны, он видит в распространяемом Россией среди населения Осетии христианстве только положительные перспективы, с другой – интеграция осетин в систему имперской государственности вовсе не способствовала, по его мнению, улучшению их материальной жизни, а даже усугубляла их нищету: «Новая экономическая ситуация поставила крестьян перед необходимостью зарабатывать деньги, и этот фактор повлек за собой целый ряд трансформаций традиционного хозяйства и ментальности горцев. Крестьянин должен был уплачивать государственные земские и мирские повинности уже не в натуральной форме, как прежде, а в денежной»³⁹, что привело к тому, что «Горная часть Осетии в силу ее ужасающей бедности становилась резервом дешевых батрацких рук»⁴⁰. Г. Баев, даже занимая административную должность в структуре губернского управления, открыто сочувствует тяжелой жизни горцев, усугубленной налоговым бременем, наложенным на них царской администрацией: «Много тепла вносит родная поэзия в серую жизнь этих пасынков грозного Кавказа, живущих среди столь суровой

³⁹ Канукова З.В., Дзалаева К.Р. Хозяйственно-культурный облик осетинского селения: традиция и ее пореформенная модернизация (конец XIX – начало XX в.) // VI Всероссийские миллеровские чтения. Владикавказ, 2018. С. 242–256, 250.

⁴⁰ Там же. С. 251.

горной природы, где сердце поневоле черствеет, ибо все помыслы направлены на добывание себе скудного пропитания, да на своевременную выплату податей»⁴¹.

Выводы

В содержании легенды наряду с чертами архаичного мифа представлены элементы религиозного мировоззрения, очевидно, христианские, что позволяет судить о значительном влиянии христианства на систему этнорелигиозного мировоззрения осетин в рассматриваемый период.

Архаические черты легенды сводятся к следующему ряду:

а) наличие антропоморфных ролей в реальной жизни неодушевленных природных объектов – солнца, листьев клена: они выступают в качестве акторов в происходящих событиях;

б) безымянность Одинокого, обусловленная низкой социальной значимостью любого индивида, не имеющего кровного родства;

в) преобладание коллективного над индивидуальным.

К собственно религиозным чертам легенды можно отнести:

а) тенденцию к индивидуализации сознания, выразившуюся в образе божественного заступничества за одиночку;

б) в качестве главного действующего лица повествования выступает «Единый Бог, Творец мира»;

в) присутствие сугубо религиозных понятий «грех» и «воздаяние» (если наступающее, то не сразу или вовсе не наступающее в зависимости от воли Бога), принципиально отличных от мифологических эквивалентов «табу» и «наказание» (неминуемо наступающее тут же по нарушению табу);

г) присутствие идеи божественного предопределения.

Отдельный интерес представляет фрагмент с принесением присяги – аналогом ордалий, допускавшихся как мифологическим, так и религиозным сознанием (практика ордалий неоднократно описывается как в Ветхом, так и в Новом завете).

Несмотря на колоссальные качественные изменения, которые претерпело этнорелигиозное мировоззрение осетин за последние полтора столетия, многое, очень существенное, продолжает жить, несмотря на стремительно изменяющийся вокруг мир. Очевидно, этот экзистенциальный казус определяем тем, что «...мировоззрение соотносится с ценностной сферой, теми моральными убеждениями и духовными накоплениями, которые на протяжении веков формировали принципы, нормы и институты традиционной коммуникации и, в конечном счете – этнический облик современных народов»⁴².

Рукопись поступила: 14 марта 2019 г.

Submitted: 14 March 2019

⁴¹ Баев Г. Очерк из жизни осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. С. 333, 339.

⁴² Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015. С. 10.

Библиографический список

- Абаев В.И. Дохристианская религия алан // Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ирстон, 1990. С. 102–114.
- Баев Г. Сказание об Одиноком (Иунаджи кадаг) // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Ирстон, 1982. С. 330–340.
- Баев Г. Очерк из жизни осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. II. Цхинвали: Ирстон, 1982. С. 341–350.
- Гутиева Э.Ш. Осетинская интеллигенция в эпоху пореформенной модернизации: вторая половина XIX – начало XX вв. Владикавказ: Северо-Осетинский Госуниверситет, 2013. 130 с.
- Дарчиев А.В. Батраз-муравей (об одном мотиве нартовского эпоса) // Известия СОИГСИ. 2011. № 7. С. 26–37.
- Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М.: Наука, 1937. 350 с.
- Канукова З.В., Дзалаева К.Р. Хозяйственно-культурный облик осетинского селения: традиция и ее пореформенная модернизация (конец XIX – начало XX в.) // VI Всероссийские миллеровские чтения. Владикавказ: СОИГСИ, 2018. С. 242–256.
- Козолупенко Д.П. Миф на гранях культуры. М.: Миф, 2005. 212 с.
- Кцоева С.Г. Некоторые аспекты трансформации мировоззренческих парадигм этнической религии осетин (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 162–171.
- Лебединский Ю. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Ленцман Я.А. Иранский культ Митры и культ Непобедимого солнца // Происхождение христианства. М.: Академия наук СССР, 1958. С. 90–120.
- Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. 279 с.
- Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб.: Лань, 1999. 212 с.
- Туаллагов А.А. Нартовский Батраз и история христианства у алан // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. С. 217–231.
- Туаева Б.В., Канукова З.В., Усова Ю.В., Плиева З.Т. Ремесленники в сословной структуре городов Северного Кавказа // Былые годы. 2017. № 2 (44). С. 378–386.
- Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГСИ, 1995. 232 с.
- Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2015. 441 с.
- Шанаев Дж.Т. Присяга по обычному праву осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ: СОИГСИ, 2014. С. 455–469.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / перев. с англ. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- Cox James L. *From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions*. Aldershot: Ashgate, 2007. 206 p.
- Hinnells John R. *The Routledge companion to the study of religion*. London: Routledge, 2005. 624 p.

References

- Abayev, V.I. “Dokhristianskaya religiya alan.” In *Izbrannyye trudy. Religiya, fol'klor, literature*, 102–114. Vladikavkaz: Irston Publ., 1990 (in Russian).
- Bayev, G. “Skazaniye ob Odinokom (Iunadzhi kadag).” In *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh*, 330–340. Tskhinvali: Iryston Publ., 1982 (in Russian).
- Bayev, G. “Ocherk iz zhizni osetin.” In *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh*, 341–350. Tskhinvali: Iryston Publ., 1982 (in Russian).
- Cox, James L. *From Primitive to Indigenous: The Academic Study of Indigenous Religions*. Aldershot: Ashgate Publ., 2007.

- Darchiyev, A.V. “Batraz-muravey (ob odnom motive nartovskogo eposa).” *Izvestiya SOIGSI*, no. 7 (2011): 26–37 (in Russian).
- Dobrolyubov, N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow: Nauka Publ., 1937 (in Russian).
- Eliade, M. *Izbrannyye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya*. Moscow: Ladomir Publ., 1999 (in Russian).
- Gutiyeva, E.Sh. *Osetinskaya intelligentsiya v epokhu poreformennoy modernizatsii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy Gosuniversitet Publ., 2013 (in Russian).
- Hinnells, John R. *The Routledge companion to the study of religion*. London: Routledge Publ., 2005.
- Kanukova, Z.V., and Dzalayeva, K.R. “Khozyaystvenno-kul'turnyy oblik osetinskogo seleniya: traditsiya i yeye poreformennaya modernizatsiya (konets XIX – nachalo XX v.).” In *VI Vserossiyskiye millerovskiyechteniya*, 242–256. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2018 (in Russian).
- Khadikova, A.Kh. *Etnicheskiye obrazy i traditsionnyye modeli povedeniya osetin*. Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Kozolupenko, D.P. *Mifna granyakh kul'tury*. Moscow: Mif Publ., 2005 (in Russian).
- Ktsoyeva, S.G. “Nekotoryye aspekty transformatsii mirovozzrencheskikh paradigmi etnicheskoj religii osetin (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka).” *Voprosy istorii*, no. 8 (2018): 162–171 (in Russian).
- Lebedinskiy, Yu. *Skazaniya o nartakh. Osetinskiy epos*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1978 (in Russian).
- Levi-Stross, K. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001 (in Russian).
- Lentsman, Ya.A. “Iranskiy kul't Mitry i kul't Nepobedimogo solntsa.” In *Proiskhozhdeniye khristianstva*, 90–120. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958 (in Russian).
- Miller, V.F. *Osetinskiye etyudy*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 1992 (in Russian).
- Shanayev, Dzh. T. “Prisyaga po obychnomu pravu osetin.” In *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh*, 455–469. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2014 (in Russian).
- Sobolev, A.N. *Mifologiya slavyan. Zagrobnyy mir po drevnerusskim predstavleniyam*. St. Petersburg: Lan' Publ., 1999 (in Russian).
- Tuallagov, A.A. “Nartovskiy Batraz i istoriya khristianstva u alan.” In *Problemy osetinskogo nartovskogo eposa*, 217–231. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2000 (in Russian).
- Tuayeva, B.V., Kanukova, Z.V., Usova, Yu.V., and Pliyeva, Z.T. “Remeslenniki v soslovnoy strukture gorodov Severnogo Kavkaza.” *Russian Historical Journal Bylye Gody*, no. 2 (44) (2017): 378–386 (in Russian).
- Uarziati, V.S. *Prazdnichnyy mir osetin*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 1995 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и исторической политологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Аббаева Владикавказского научного центра РАН.

Sultana G. Ktsoeva, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of World History and Historical Political Science, V.I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-938-961>

Научная статья / Research article

Ivan IV and Elizabeth I: The influence of the Tsar's matrimonial endeavours on the development of Russo-English relations

George W.C. Gross

King's College London; Virginia Woolf Building, 22 Kingsway,
London WC2B 6LE, United Kingdom; george.gross@kcl.ac.uk

Иван IV и Елизавета I: влияние матримониальных проектов царя на развитие русско-английских отношений

Джордж Гросс

Королевский колледж Лондона; WC2B 6LE, Великобритания, Лондон,
ул. Кингсвэй, д. 22, стр. Вирджиния Вулф Билдинг; george.gross@kcl.ac.uk

Abstract: Did Ivan the Terrible¹ propose a marriage alliance with Elizabeth I of England? Did he ever seek an alternative English bride? Was the Tsar truly serious about an English match? Historians have long been divided on whether Ivan the Terrible ever formally sought out to marry the Queen of England – this article reveals that a marriage proposal may indeed have been proffered to Elizabeth I, but was not formally written down. The evidence for this is found by focussing on the contextual background of their relations, the long-term *realpolitik* of the Tsar with England, including his marriage attempts to a relation of the English Queen in the 1580s, and the work of the ambassador Anthony Jenkinson, as an intermediary between Ivan and Elizabeth. In investigating these points, the close diplomatic relations of the two countries in the late sixteenth century and the extraordinarily favourable trading terms offered by Ivan IV to English merchants in the form of the Muscovy Company will also be examined. In addition, the differences and similarities of the perceptions of the two monarchies will be touched upon². Perhaps most intriguingly for the present, research in this period reveals a time in which the two countries experienced a ‘friendliness’ in diplomatic and trading relations that has never been repeated since and would seem unthinkable today.

Keywords: correspondence of Ivan the Terrible, Muscovy, Muscovy Company, Richard Chancellor, East India Company, Jerome Horsey, Anthony Jenkinson

For citation: Gross, George W.C. “Ivan IV and Elizabeth I: The influence of the Tsar’s matrimonial endeavours on the development of Russo-English relations.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 938–961. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-938-961>

© Gross G.W.C., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ I. De Madariaga, *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia* (New Haven: Connecticut Publ., 2005), 12; C.J. Halperin, “Ivan IV as Autocrat (Samoderzhets),” *Cahiers du Monde Russe*, no. 55 (2014): 197–213; F. Pryor, *Elizabeth I: Her Life in Letters* (London: British Library Publ., 2003), 55; B. Bobrick, *Fearful Majesty: The Life and Reign of Ivan the Terrible* (Montpelier, Vermont: Russian life books Publ., 2014), 364–365.

² G. Gross, “From London to Moscow coronations: perceptions of monarchy,” *Systems psychology and sociology*, no. 2 (26) (2018): 97–110.

Аннотация: В статье рассматривается проблема матримониальных намерений русского царя Ивана Грозного, не раз обращавшегося к английской королеве Елизавете I с предложением брачного союза. Прежде всего, на основании выявленных источников и английской историографии выясняется реальность существования этих планов, опровергается существующее в литературе предположение об их мифологичности. При этом прослеживается влияние брачных проектов на развитие русско-английских отношений, устанавливается, что периодическое возвращение Ивана IV к идее династического союза было сопряжено с ухудшением дел как в самой России, так и на международной арене. Возможный брак с английской королевой рассматривался русским монархом как средство не только укрепления собственной власти, но и выхода России из международной изоляции. В статье обращается внимание на то, что развитие тесных дипломатических отношений между двумя странами способствовало предоставлению Иваном IV английским купцам торговых преференций. Это «невиданное» в прошлом и «немыслимое» сегодня «дружелюбие» даже дало основание русским боярам называть Ивана Грозного «английским царем». Деятельность же Московской компании, внесшей немалый вклад в процветание английской экономики, станет ориентиром для многих торговых предприятий, заложивших основу величия Великобритании. Однако после отказа Елизаветы I от предложения «руки и сердца» московского правителя, вызванного, прежде всего, политическими соображениями, а также различным пониманием роли монарха, английские купцы утратили свое привилегированное положение в России, а отношения между двумя странами больше никогда не подымались на уровень, достигнутый в середине XVI в. Следует заметить, что часть исследователей к причинам королевского неприятия брачного проекта относят серьезные цивилизационные различия, существовавшие между двумя странами, проявлявшиеся, например, в многоженстве, жестокосердии и деспотизме русского царя. Интерес представляют и выявленные в статье особенности в восприятии двумя монархами природы своей власти. Так, разгневанный отказ Елизаветы, русский царь упрекал ее за согласие с ограничением королевской власти «торговыми людьми», а свое превосходство видел в самодержавном характере правления.

Ключевые слова: Московская компания, переписка Ивана Грозного, Ост-Индская компания, Джером Горсей, Ричард Ченслер, Энтони Дженкинсон

Для цитирования: Гросс Дж. Иван IV и Елизавета I: влияние матримониальных проектов царя на развитие русско-английских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 938–961. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-938-961>

Introduction

This article will examine the prospective of a series of historians (some from a more academic field than others) that have either suggested the possibility or have categorically written of a marriage proposal between Ivan the Terrible and Elizabeth I of England. We begin, however, with the other side of the coin and the prevailing view. Tolstoy of the Victorian historians regarded such a proposition as ‘improbable’ and ‘entirely without foundation’³ – yet Huttenbach’s detailed analysis of a potential Anglo-Russian alliance raised serious doubts about the validity of resting any argument on Tolstoy’s work – ‘the material pertaining to the Anglo-Russian treaty presented by Tolstoy is unacceptable and that all works based upon his editions must be considerably revised.’⁴ Lubimenko acknowledged Ivan’s plan for an English match in the 1580s with Lady

³ G. Tolstoy, *Pervyye sorok let obshcheniya mezhdru Angliyyey i Rossiyyey 1553–1593* (St. Petersburg, 1875), 35–36.

⁴ H.R. Huttenbach, “New Archival Material on the Anglo-Russian Treaty of Queen Elizabeth I and Tsar Ivan IV,” *The Slavonic and East European Review*, no. 49 (1971): 540.

Mary Hastings but does not reference a marriage proposal with Elizabeth I – asserting importantly the very ‘different motives’ and ‘aspirations of [the] different monarchs.’⁵ Pavlov, Perrie, Skrynnikov and Keenan, all show that Ivan was in close and secret communication with the Tudor queen in the 1560s, using the diplomat Anthony Jenkinson, on a matter of political asylum, but do not go so far as to include talk of marriage.⁶ Mayers is more forceful in setting out that ‘there is no remaining direct evidence’ for a proposal to Elizabeth I;⁷ and Doran does not cover Ivan the Terrible or view him as a potential suitor.⁸ Bertolet has it that there was no chance of a more formal alliance or indeed a marriage union, because the two monarchs spoke a very different language for successful diplomatic relations, let alone marital discussions. There was the problem of mother tongues and varying forms of rhetoric, for

the two monarchs repeatedly misunderstood each other because their writing was a product of different rhetorical systems.⁹

Without a shared mutually understood form of formal conversation, ‘neither communicated in a manner wholly understood by the other.’¹⁰ Yet, this tale has a similar feel to accusations levelled against George I of England in 1714 and his supposed inability to relate to his court and subjects because he spoke German (a lesser point as the language of the courts of Europe involved French).¹¹ All this being said, diplomatic languages came in different forms, in this case Latin and Greek were more frequently used and much rested on the success of translators/interpreters. Of course, a question of rhetorical devices mattered, but we know that Ivan had a successful and longstanding friendship with Jenkinson, so did he really so misunderstand Elizabeth? Were they both so naive? This seems too simplistic an understanding of diplomatic relations, not least because for over ten years Anglo-Russian relations were raised to heights never again repeated and even after Ivan’s rage in the 1570s towards the Muscovy Company, he renewed talks in the 1580s and sought out an English marriage with a relation of the queen. Language barriers did not prevent the English mercantile community flourishing in Moscow, nor indeed across the world. The same can be said for the Dutch. So, we must turn to other explanations.

⁵ I. Lubimenko, “The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars,” *The American Historical Review*, no. 19 (1914): 528–530.

⁶ A. Pavlov, and M. Perrie, *Ivan the Terrible: Profiles in Power* (London: New York University, 2013), 137; E.L. Keenan, “Ivan the Terrible and His Women,” *Russian History*, no. 37 (2010): 341; R.G. Skrynnikov, *Ivan the Terrible* (Florida: Academic International Press Publ., 1981), 105. See also J.H. Appleby, “Jenkinson, Anthony (1529–1610/11),” in *Oxford Dictionary of National Biography*.

⁷ K. Mayers, *North-East Passage to Muscovy: Stephen Borough and the First Tudor Explorations* (Stroud: Sutton Publ., 2005), 125.

⁸ S. Doran, *Monarchy and Matrimony. The courtships of Elizabeth I* (London: Routledge Publ., 1996); S. Doran, *Elizabeth I and Her Circle* (Oxford: Oxford University Press Publ., 2015); S. Doran, *Elizabeth I and Foreign Policy, 1558–1603* (London: Routledge Publ., 2000).

⁹ A.R. Bertolet, “The Tsar and the Queen: ‘You Speak a Language that I Understand Not’,” in C. Beem, *The Foreign Relations of Elizabeth I* (London: Springer Publ., 2011), 102.

¹⁰ *Ibid.*, 104.

¹¹ J. Black, *The Hanoverians: The History of a Dynasty* (London: Hambledon Publ., 2004), 43, 59; R. Hatton, *George I* (New Haven, Connecticut: Yale University Press Publ., 2001), 2.

This article will reveal from the surviving evidence that a marriage proposal may well have been made and was talked about in diplomatic circles. Not only is this finding important for the study of Anglo-Russian relations in the Elizabethan period, it also points to the outward looking nature of Ivan – both internationally for trade links with England, but also to his serious desire for a formal alliance. Whilst this article indicates that many historians have overlooked this important piece of evidence and failed to view it in the long-term context of Ivan's relations with England, the marriage proposal, probably delivered orally by Jenkinson, was nevertheless turned down – indeed seemingly disregarded altogether by Elizabeth. Doran's extensive analysis on Elizabeth's main suitors, while ignoring the possibility of Ivan, nevertheless points in several ways to why a Russian match would most likely have failed with the English Queen. This important work highlights differences in perceptions of rule between the two monarchs.

Unlike the Tsar, Elizabeth had a 'sensitivity to public opinion and an awareness of what was politically possible'. She was not in Doran's view a 'tyrannical ruler who would ride roughshod over the views of the political nation.' Perhaps, even more importantly, she was a pragmatist, and was well '[a]ware of her own limitations' and thus took 'counsel, reject[ing] controversial matches' and therefore remained unmarried.¹² On two occasions she nearly ventured into a serious union, once with Robert Dudley, Earl of Leicester (1532/3–1588)¹³ and then in 1579 when 'her political intuition falter[ed]', but this was a passing phase, and the Queen 'soon recovered and stepped back from the brink of the disaster which would surely have accompanied the Anjou marriage.'¹⁴ This gap between these two most serious marriage considerations for Elizabeth was roughly twenty years.

Elizabeth's relationship with Leicester was 'unique,' and according to Doran 'based on mutual affection and probably love.' The earl 'owed everything to his intimacy' with his sovereign and both suffered from the imbalance of traditional 'gender roles.' The Queen's position ultimately would not permit a fully-fledged romance with marriage as the end game; and Leicester was forever 'dependent on her favour' and bound by the commands of a woman.¹⁵

The emotional attachment and blow of the match to the Duke of Anjou, the youngest son of Henri II of France and Catherine de Medici, was all the more difficult. Perhaps because Elizabeth may well have viewed it as her last serious chance. This would have created an alliance that would have brought England and France together against the wishes of her political advisors. As Starkey points out, the Queen was not too dissimilarly aged to her late half-sister Mary I, when she had married Philipp II of Spain. Yet, Elizabeth 'recollected herself' and unlike her predecessor, was not prepared to defy 'both her people and her council.'¹⁶

Ivan had none of Elizabeth's pragmatism. His rule was tyrannical, and he rarely listened to the political nation or counsel. Indeed, his creation of the *Oprichnina*

¹² S. Doran, *Monarchy and Matrimony*, 218.

¹³ D. Starkey, *Elizabeth: Apprenticeship* (London: Vintage Publ., 2000), 314; S. Adams, "Dudley, Robert, Earl of Leicester (1532/3–1588)," *Oxford Dictionary of National Biography*.

¹⁴ S. Doran, *Monarchy and Matrimony*, 218.

¹⁵ S. Doran, *Elizabeth I*, 141.

¹⁶ D. Starkey, *Elizabeth: Apprenticeship*, 315–316.

was a total rejection of the political elite in Russia and the *status quo*. Even his English friend Jenkinson reported of the horrors he witnessed in 1571, some of unfortunate natural occurrence in ‘plague,’ but others created by this most capricious of rulers, that Russia has been afflicted in

many ways; first by famine, that the people have been forced to eat bread made of [the] bark of trees, and it is reported that in some places they have eaten one another. Also, the Prince has by sundry torments put to death a great number of his people, chiefly of his nobility, gentlemen, and principal merchants.¹⁷

Nevertheless, both monarchs had undergone considerable ordeals as children, and had a clear ‘instinct for survival’ – however, they chose to go about that in very different ways.¹⁸

Anglo-Russian relations in the 1550s – The Muscovy Company

We now turn to the beginnings of Anglo-Russian relations for the contextual background to the diplomatic relations of Elizabeth and Ivan. While both countries had some form of understanding of each other’s existence before 1553,¹⁹ the formal communications that began in the summer of that year with England was entirely ‘unexpected.’²⁰ It was ‘as so many discoveries tend to be ... an accident, or, to be more precise, a result of an error.’²¹ Under the command of Sir Hugh Willoughby, three ships set sail from Gravesend (Kent) in May 1553 with the aim of discovering a north-east route or passage to China. It should not be underestimated just how adventurous, ambitious, and remarkable a sailing feat this was. The mission was financed by London merchants – as ever merchant and thus private funding led the way in England – but this expedition also had royal assent from the court of Edward VI. The *Edward Bonaventure* managed by the pilot-general of the expedition Richard Chancellor and Willoughby’s the *Bona Speranza* and the *Bona Confidentia* made good progress reaching the North Cape, the northern coast of Magerøya in Northern Norway (Western Finnmark).²² At this point tragedy struck and the vessels were scattered by a storm. The *Bona Speranza* and *Bona Confidentia* eventually reunited and opted to harbour in a northern Norwegian fjord, sealing their fate. The crew perished in the Arctic winter either from freezing or more probably, ‘carbon monoxide poisoning’, from making a fire below-deck using sea coal and then battening-down the hatches, thereby preventing

¹⁷ The National Archive (UK), 70/147, fol. 413 r. – 416 v.; A.J. Crosby, *Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, 1569–1571* (London: Her Majesty’s Stationery Office Publ., 1874), 500–520.

¹⁸ S. Doran, *Monarchy and Matrimony*, 218.

¹⁹ K. Mayers, *North-East Passage*, 113; J.D. Clarkson, *A History of Russia* (London: Random House Publ., 1961), 130.

²⁰ I. De Madariaga, *Ivan*, 121.

²¹ A.R. Bertolet, “The Tsar and the Queen,” 102.

²² British Library, Cotton MS Otho E VIII, fol. 11 r. – 16 v.; K. Mayers, *North-East Passage*, 53–64; I. Grey, *Ivan The Terrible* (London: Hodder & Stoughton Publ., 1964), 127–28; F.J. Stout, *Exploring Russia in the Elizabethan commonwealth: The Muscovy Company and Giles Fletcher, the elder (1546–1611)* (Manchester: Manchester University Press Publ., 2015), 18–20; D. MacCulloch, *The Boy King: Edward VI and the Protestant Reformation* (Berkeley, California: University of California Press Publ., 2002), 11; S. Alford, *London’s Triumph: Merchant Adventurers and the Tudor City* (London: The Spectator Publ., 2017).

proper ventilation.²³ The *Edward Bonaventure* led by Chancellor, failing to find the other two ships, carried on the dangerous route, alone, eventually ending up in the White Sea. They would discover the demise of their friends on their return voyage. Assisted by the brilliant sailor Stephen Borough, the *Edward Bonaventure* eventually arrived at St Nicholas on 24 August 1553, near Arkhangelsk (Archangel) via the Dvina river, and opted to stop at this point, to winter in the security of the harbour, while Chancellor set-off overland to meet the ruler of this new-found country. His journey would take him to the capital Moscow, accompanied by various locals. This first encounter must have been quite extraordinary, and we can only imagine, given the language barriers, that early communication would have been via Latin or Greek for the very well educated, or at this early stage and much more likely – hand gestures.²⁴ Chancellor was the very first English visitor to Russia and arrived in the capital city in November 1553. He carried with him a letter of reference, a manuscript of friendship and desire to open trading relations from Edward VI – a remarkable exposition on the merits of free trade. The document was presented to the Tsar.

Edward ... King of England, France, and Ireland, etc. To all Kings, Princes, Rulers, Judges, and Souernours of the earth ... that every man be freeth to joyne friendship with other, to love, and to be loved, also to give and receave mutuall benefites ... And if it be right and equitie to shewe such humanitie toward all men, doubtlesse the same ought chiefly to be shewed to marchants, who wandering about the world, search both the land and the sea, to carry such good and profitable things, as are found in their Countreis, to remote regions and kingdoms, and againe to bring from the same ... commodities for their owne Countreis ... For the God of heaven and earth, greatly providing for mankind, would not that all things should be founde in one region, to the ende that one shoulde have neede of another, that by this meanes friendshippe might be established among all men ... for the establishing and furtherance of which universall amitie, certaine men of our Realme ... have instituted and taken upon them a voyage by sea into farre Countreies ... betweene our people and them, a way may be opened to bring in, & carry out marchandise, desiring us to further their enterprise. Who attending to their petition, have licensed the right valiant and worthy Sir Hugh Willoughby, knight, and other our trustie and faithfull servants, which are with him ... goe to Countreies to them heretofore unknowen, aswell to seeke such things as we lacke, as also to cary unto them from our regions, such things as they lacke. So that hereby not onely commoditie may ensue both to them and us, but also ... perpetuall league of friendship be established between us both ... [.]²⁵

The letter and his first impressions of this traveller from afar, suitably impressed Ivan and he showered his guest with the very best in Muscovite hospitality from within the Kremlin walls. Chancellor was equally enthused, with the warmth of welcome and magnificence of the Russian court, and so the first Anglo-Russian trading conference went as well as could have been imagined.²⁶ In February 1554, Chancellor received

²³ K. Mayers, *North-East Passage*, 67–68.

²⁴ J. Evans, *Tudor Adventures. An Arctic Voyage of Discovery: The Hunt for the Northeast Passage* (New York: Pegasus Publ., 2014), 155–156, 162; K. Mayers, *North-East Passage*, 72–74.

²⁵ R. Hakluyt, *The Principall Navigations...* (London: G. Bishop and R. Newberie Publ., 1589), 264–265.

²⁶ W.B. Turnbull, *Calendar of State Papers Foreign: Edward VI 1547–1553* (London: Her Majesty's Stationery Office Publ., 1861), 241 (Ivan IV to Edward VI, Castle of Moscow [the Kremlin], 2 February 1553); R. Hakluyt, *Principall Navigations*, 283–285; De Madariaga, *Ivan*, 121–122; I. Grey, *Ivan*, 128;

Ivan IV's formal offer and response to Edward VI's letter of reference and request to trade, addressed to 'worthy Edward kinge of England.' As if to utterly illustrate the gulf in locations and the vast distance travelled by these English explorers, news of the young sovereign's death had not yet reached the Russian capital. The Tsar would happily welcome English ships and following negotiations with one of his ambassadors would allow free trade throughout his lands to all English merchants.²⁷ Perhaps it was Chancellor's charm, but more likely Ivan was suitably impressed by the bravery of the mission and the connection to this new people from afar, that sought not war, but trade. The seed has been sown and from this first encounter, the Tsar would remain (with some interludes) more-or-less the most committed of Anglophiles of Elizabeth's fellow sovereigns, for the rest of his life.

Ivan's letter would be read by the new Queen of England, Mary I. There was of course considerable disappointment, not only for the loss of the two vessels, but also for the great sadness for lost crew, but additionally because no route had been found to China and the East Indies. Nevertheless, Chancellor had the promising news to bring, of a trading relationship with an almost unknown partner, and without tariffs. Raising fresh funds, the Muscovy Company, a 'fellowship of English Merchants for Discovery of New Trades' set the daring sea captain off to Russia again with two chartered ships. The English merchant world would also have been aware of the miraculous advantage they had achieved in this discovery – it promised much in free trade, but it did even more so, because they had got there before the Dutch, their chief rivals in an age of trade and exploration. England was also badly in need of funds as they were struggling economically with a period of recession.²⁸

While the City of London's merchants turned eastward, Ivan had become 'obsessed with the thought of England,' and his trading and diplomatic interests turned westward.²⁹ Both countries had an interest in successful relations. Like England, Russia or rather greater Muscovy was surrounded by enemies and 'strategic concerns.' Livonia,³⁰ Poland, Lithuania, Sweden and the varying Khanates that had descended from the Golden Horde all threatened the country and limited trade.³¹ Orthodox allies were not in abundance. One hundred and fifty years before Peter the Great and the creation of St. Petersburg, 'the northern passage was a window on to Europe' that avoided 'the only other

C. Andrew, *The Secret World: A History of Intelligence* (London: Penguin Publ., 2018), 145–57; I. Gralya, *Ivan Mikhaylov Viskovatyy: Kar'yera gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v.* (Moscow: Radiks Publ., 1994).

²⁷ British Library, Add MS 48001, fol. 463 r. – v.; G. Tolstoy, *Pervyye sorok let obshcheniya mezhdu Angliyyey i Rossiyey 1553–1593*, 7–8; R. Pipes, *Russia under the Old Regime* (London: John Murray Publ., 1995), 198; H. Troyat, *Ivan the Terrible* (New York: Dorset Press Publ., 1987), 88.

²⁸ G. Davies, "The Expansion of Trade and Finance, 1485–1640," in G. Davies, *History of Money* (Cardiff: University of Wales Press Publ., 2002), 195–204; D. Hoak, "The Secret History of the Tudor Court: The King's Coffers and the King's Purse, 1542–1553," *Journal of British Studies*, no. 26 (1987): 226–227; J. Alsop, "The Revenue Commission of 1552," *The Historical Journal*, no. 22 (1979): 511–533; J. Oldland, "The allocation of merchant capital in early Tudor London," *The Economic History Review*, no. 63 (2010): 1058–1080.

²⁹ H. Troyat, *Ivan*, 88.

³⁰ Lands that had once formed the feudal ancient order of the Teutonic Knights – that would now form parts of present-day Estonia and Latvia.

³¹ A.J. Crosby, *Calendar of State Papers Foreign*, 504.

means of access to the West via the ports in the Baltic Sea.³² So too England lacked friends, with Spain and France ever menacing threats, and the religiously friendly Dutch (during Edward VI and Elizabeth I's reigns) a serious competitor to international trade. Muscovy needed arms, ammunition and saltpetre (for their endless military conflicts) and had further interest in importing cloth, silk, dishes, copper, lead, spices and sugar. English merchants could provide the above, and were keenly interested in furs, fish, timber, tar, skins, hemp, flax and tallow.³³

Thus, in 1555, Richard Chancellor (this time accompanied by George Killingworth and Richard Gray, Mercantile agents) set sail for Russia in the *Edward Bonaventure* and the *Philip and Mary*. The master sailor Stephen Borough would travel out again in 1556.³⁴ The intrepid Chancellor and his fellow agents, now from the fully incorporated Muscovy Company by Royal Charter, had been authorised with the power to set-up a charter for trade with Ivan IV and carried again a letter of reference from his sovereign (now Mary Tudor).³⁵ The Tsar welcomed his English friend and the letter from his 'very dear sister Mary' and signed an extensive trading agreement 'authorizing English subjects to trade freely in all the towns of Russia without being molested and without paying any duties.'³⁶ The basis for a comprehensive free trade agreement had been established. To cement the link Ivan sent the first ambassador of Muscovy to London, Osip Napeia, with Richard Chancellor on his return voyage setting out at the end of July 1556 – this time at the head of 'five richly laden ships.'³⁷ As if to outline the perils of this new sea route, and the dangers for early modern shipping, a large squall disrupted the vessels, separating them on the north-east coast of Scotland, and worse, sending them onto the rocks, and destroying nearly all of the homecoming expedition, apart from the *Edward Bonaventure*. Many of the sailors drowned, along with much of the precious cargo, and Chancellor was to lose his life having saved that of the Russian ambassador. Despite having lost his precious luggage, Napeia was greeted with great solemnity at the court of Mary I and Philip II of Spain.³⁸ The ambassador was presented with 'a gold chain valued at one hundred pounds sterling, and accepted as a gift for his master iridescent fabrics, costly weapons, a lion and a lioness.'³⁹ His account of his time in London reveals much of the advanced, prosperous nature of the city in contrast to Moscow of the sixteenth century. Crucially, for Ivan, Napeia also acquired numerous specialists in medicine, crafts and munitions, that he would bring with him to Russia. The ambassador travelled back to Moscow in May 1557,

³² O. Dmitrieva, "Introduction: 'The Golden Chain of Traffic: The First Hundred Years of Anglo-Russian Relations,'" in O. Dmitrieva, and N. Abramova, *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars* (New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006), 19.

³³ O. Dmitrieva, "The First Hundred Years," 20; D. Cressy, "Saltpetre, State Security and Vexation in Early Modern England," *Past and Present*, no. 212 (2011): 74–111; British Library, Royal MS 13 B I, fol. 127 r. – v.

³⁴ K. Mayers, *North-East Passage*, 169–170 (Appendix 6); J. Evans, *Tudor Adventurers*, 258–261.

³⁵ I. Grey, *Ivan*, 129.

³⁶ H. Troyat, *Ivan*, 90; O. Dmitrieva, "The First Hundred Years," 19.

³⁷ H. Troyat, *Ivan*, 90.

³⁸ E.D. Morgan, C.H. Coote, *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson ... with Russia ... by way of the Caspian Sea* (London: Hakluyt Society Publ., 1886); I. De Madariaga, *Ivan*, 126.

³⁹ H. Troyat, *Ivan*, 90.

this time escorted by the first English ambassador to the Muscovite court, that of Anthony Jenkinson. Ivan was ‘flattered,’ particularly with letters presented to him by Na-peia, from Mary Tudor referring to the Tsar as the ‘august Emperor.’⁴⁰ This recognition of status played extremely well with the ruler that was the first grand prince of Muscovy to be crowned tsar.⁴¹ This perception of monarchy was critical in these first diplomatic relations and Ivan was appositely flattered. He wanted to be viewed as a Tsar – an Emperor – and this communication gave credence to his ambitions.

Thus, a firm setting had been made for reciprocity in trade charters and diplomatic talks – a direct line for dialogue had been secured between the two distant lands.⁴² Jenkinson developed a strong working relationship with the Tsar and would widen English trading horizons, to Astrakhan, Bokhara (along the silk route) and into Persia.⁴³ With the approval and admiration of Ivan, Jenkinson’s ‘ventures’ were granted ‘extensive privileges’ and the Muscovy Company had an almost complete ‘monopoly’ of European trade with Russia⁴⁴. The English agent would play a crucial role in developing Anglo-Russian relations in the early years of Elizabeth I’s reign. Yet crucial to successful relations, were the communications between rulers, for State diplomacy in the early modern world was in many ways perceived as a personal dialogue between reigning monarchs. The anglophile Ivan IV and Elizabeth I, who succeeded her sister Mary in [November] 1558, justified such a perception for they maintained a regular correspondence of striking intensity.⁴⁵

Elizabeth I and Russia – the early years

Diplomatic relations blossomed between the anglophile Tsar and the new Queen of England. Ivan wanted ‘friendshipp’ and hoped that they would be ‘good ... rulers together.’⁴⁶ Nevertheless, the trading arrangements between the two countries certainly appear to

⁴⁰ H. Troyat, *Ivan*, 90–91; British Library, Cotton MS Nero B VIII, fol. 3 r. – v.

⁴¹ Ivan IV would formally adopt the title of Tsar, and a coronation service based on Byzantine tradition to suitably match this status – for a coronation and the accompanying ritual was a legitimisation *par excellence*. The tsar wore the Monomakh regalia, often referred to as ‘The golden cap’, this crown is the oldest part of the Russian regalia, <http://old.kreml.ru/en/virtual/exposition/regalia/Monomach>; S. Sebag Montefiore, *The Romanovs* (London: Weidenfeld a. Nicolson Publ., 2016), 14; B.A. Uspenskiy, “Enthronement in the Russian and Byzantine Traditions,” in B. Uspenskiy, and V. Zhivov, *Tsar and God* (Boston, Massachusetts: Academic Studies Press Publ., 2012), 153; R.S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press Publ., 2006), 10–11; S. Bogatyrev, “Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns,” *The Slavonic and East European Review*, no. 88 (2010): 57–58; S. Bogatyrev, “Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church,” *The Slavonic and East European Review*, no. 85 (2007): 273; L. Hughes, “Russia: The Courts at Moscow and St. Petersburg. 1547–1725,” in J. Adamson, *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture Under the Ancien Régime 1500–1750* (London: Seven Dials Publ., 1999), 295; A.M. Kleimola, and G.D. Lenhoff, *Moskovskaya Rus’ (1359–1584): kul’tura i istoricheskoye samosoznaniye* (Moscow: ITS–Garant Publ., 1997), 179–80; National Library of Scotland, Adv. MS 33.2.26, fol. 96 r. – 101 v.

⁴² The National Archives, PRO 22/60, fol. 3.

⁴³ British Library, Royal MS 13 B I, fol. 49 r. – v.; H. Troyat, *Ivan*, 136; A. Pavlov, M. Perrie, *Ivan*, 137; C. Raymond Beazley, “Exploration under Elizabeth, 1558–1603,” *Transactions of the Royal Historical Society*, no. 9 (1895): 132; F. Pryor, *Elizabeth I*, 45.

⁴⁴ I. Grey, *Ivan*, 129; The National Archive (UK), SP 70/147, fol. 269.

⁴⁵ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 19.

⁴⁶ British Library, Cotton MS Nero B VIII, fol. 16 v.

have considerably favoured the English merchants. Grey's reading of this was that Elizabeth encouraged her trading base and gave little in the way of reciprocity – the Queen 'actively supported her merchants in extracting every advantage and yielding as little as possible in return.' Whilst Russian merchants, sailing with the Muscovy Company 'were exempted aliens' dues', they 'enjoyed no other privileges.'⁴⁷ Yet, this analysis, does not quite fit the situation. Ivan was not so naive. He needed military imports more than he needed to export his goods. He had few international allies and this trading imbalance was worth the weight of the arms he received to carry on his military operations. Surrounded by enemies, Russia was in many respects under blockade. The White Sea, non-Baltic route, was a means of defeating this obstacle. It should be noted that Muscovy was involved in almost continuous military conflict during Ivan's reign with one or more of its various neighbours and Ivan 'became known in the West as a powerful monarch who conquered' both 'Kazan and Astrakhan.'⁴⁸ The Livonian wars of the 1560s were perhaps the most complex diplomatically.⁴⁹ While the Muscovy company expanded and flourished, Ivan's demands grew, and in this, he either did not care, or was unaware of the delicate path Elizabeth had to follow to avoid upsetting England's diplomatic neighbours. Denmark, Poland and Sweden had all complained about the supply of arms to Muscovy from London and the use of English expertise.

In 1561 the Senates of Cologne and Hamburg even stopped shipments of arms to England, until the Queen gave assurances that such arms were for her own use not for reshipment.⁵⁰

Elizabeth played a very careful hand, particularly as English Baltic shipping was continuously under observation and sometimes even unwarranted arrest and seizure.⁵¹ She was almost certainly not telling the full truth. Somehow Ivan continued to receive military supplies, but England avoided being drawn into the theatre of Baltic wars. This did not diminish the frequency of correspondence. The Elizabethan reign saw more than one hundred items of communication of differing forms and over 'sixty [that would] ... qualify as personal letters, half of those being addressed to Ivan IV and half to Fyodor Ivanovich and Boris Godunov.'⁵² These years would also see a tremendous quantity of English silver presents that remain in the Kremlin to this day.⁵³ Yet what of the relations between the Tudor monarch and Tsar of Russia – Ivan IV? Was a closer union ever sought?

⁴⁷ I. Grey, *Ivan*, 130.

⁴⁸ S. Bogatyrev, "Bronze Tsars," 71.

⁴⁹ I. De Madariaga, *Ivan*, 123–41, 189–205; A. Filyushkin, *Ivan the Terrible: A Military History* (Barnsley: Frontline Books Publ., 2008), *passim*.

⁵⁰ I. Grey, *Ivan*, 130; British Library, Royal MS 13 B I, fol. 56 v.

⁵¹ British Library, Royal MS 13 B I, fol. 230 r. – v.; fol. 3 v.; fol. 71 v.

⁵² O. Dmitrieva, "The First Hundred Years," 19; I.I. Lubimenko, "Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars," 525–542; I.I. Lubimenko, "A Suggestion for the Publication of the Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars," *Transactions of the Royal Historical Society*, no. 9 (1915): 111–122; The National Archive, PRO 22/60, fol. 7.

⁵³ N. Abramova, "English Silver of the Sixteenth and Seventeenth Centuries in the Kremlin," in O. Dmitrieva, and N. Abramova, *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars* (New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006), 36–45; I. Zagrodnaya, "English Diplomats at the Court of the Tsars," in O. Dmitrieva, and N. Abramova, *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars* (New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006), 176–195; C. Oman, *The English Silver in the Kremlin, 1557–1663* (London: Methuen Publ., 1961); "Музеи Московского Кремля.

Elizabeth I and Ivan IV – personal relations – marriage?

While Ivan became ever more obsessed with England and acquired from his more xenophobic boyars the title ‘English Tsar,’ what was Elizabeth’s feelings towards the Russian sovereign?⁵⁴ Formally, the royal correspondence between the two rulers was set-out in affectionate and respectful terms, Elizabeth was ‘our sister Elizabeth’ and ‘dear sister,’ while Ivan was an Emperor and a great Duke and ‘dear and loving brother.’⁵⁵ Yet, this private flow of communication was an ‘active political instrument’ guided by the development and prospects of the Muscovy Company. Elizabeth set her stall on those interests, while Ivan’s ‘unpredictable moods and more deep-rooted political factors’ both at home and abroad hugely impacted Anglo-Russian relations.⁵⁶

There has been much speculation as to what drove Ivan’s changes in character. Just as the ‘terrible’ tsar has been compared to Stalin for his savagery to his own people, so the comparison also rests on the demise of his first wife Anastasia Romanovna Zakharina-Yurieva (c. 1530–60)⁵⁷ and that impact on him, and so likewise the death of Stalin’s second wife Nadeszda (née Alliluyeva).⁵⁸

Ivan IV married for the first time in 1547, and the marriage appears to have been a happy one, bringing him six children, and two surviving male heirs, Ivan and Fyodor (the future Tsar Feodor I of Russia, last of the Rurikid dynasty).⁵⁹ Anastasia’s death took with her the one person who appeared to have ‘the gift of being able to calm his manic temperament.’⁶⁰

The demise of his first wife brought forth a series of wives in quick succession. The majority of whom were either sent away to convents or died in unfortunate circumstances. Ivan’s apparent overtures to the English Queen were according to some historians made in the late 1560s. It occurred to the Tsar that in an effort to establish a more formal alliance he would solidify the union with an Anglo-Russian match. Hamel, Morgan and Coote of nineteenth century accounts, suggest that this was done ‘in the greatest secrecy,’ via ‘an oral message’ taken by Ivan’s English confidante Anthony Jenkinson in 1567, soliciting the hand of Elizabeth I.⁶¹ Sebag Montefiore argues that Anastasia’s death unsettled Ivan, and in his mourning, he became ‘convinced she

Zarubezhnyy khudozhestvennyy metal,” Moscow Kremlin Museums, accessed February 13, 2019, <https://www.kreml.ru/en-US/about-museums/museum-collection/zarubezhnyy-khudozhestvennyy-metall>.

⁵⁴ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 19; F. Pryor, *Elizabeth I*, 55; R. Pipes, *Russia*, 198; B. Bobrick, *Fearful Majesty*, 363.

⁵⁵ British Library, Cotton MS Nero B VIII, fol. 4 r. – 5 v.; O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 19; I.I. Lubimenko, “Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars,” 531.

⁵⁶ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 19.

⁵⁷ S. Sebag Montefiore, *Romanovs*, 15; D.B. Miller, “Creating Legitimacy: Ritual, Ideology, and Power in Sixteenth-Century Russia,” *Russian History*, no. 21 (1994): 298; S. Bogatyrev, “Reinventing the Russian Monarchy,” 277.

⁵⁸ S. Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (London: Weidenfeld & Nicolson Publ., 2003), 93–101, 158, 206, 350; A. Bullock, *Hitler and Stalin: Parallel Lives* (London: Harper Collins Publ., 1991), 414–416.

⁵⁹ R.S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press Publ., 2006), 12.

⁶⁰ S. Sebag Montefiore, *Romanovs*, 15.

⁶¹ K. Mayers, *North-East Passage*, 124–125; J. Hamel, *England and Russia* (London: Bentley Publ., 1968); E.D. Morgan, C.H. Coote, *Early Voyages*, II, 257.

had been poisoned by hostile grandees [boyars],’ thus embarking on a ‘reign of terror’. Given the ‘instability’ of his reign, and the fact that his youngest heir did not seem ‘strong’ (he may have suffered from considerable learning difficulties), it was therefore ‘essential to marry again.’ Sebag Montefiori draws the comparison with Henry VIII and his ‘obsession’ with the continuity of his Tudor dynasty and that of marriage.⁶² Beyond Anastasia, and that of his second wife, a Tatar princess,

he sought foreign brides, a princess from the dynasty ruling Sweden and Poland in the hope of winning the Polish throne, and an Englishwoman, possibly even Elizabeth I herself, Ivan worked his way through as many as eight wives, three of whom many have been poisoned, and some of whom may have been murdered on his own orders.⁶³

So Sebag Montefiori continues the idea of an Anglo-Russian match with Elizabeth I. This is also the view of Dmitrieva and Abramova. They argue that Ivan put forward the idea of a

military and political alliance between the two countries which would have brought England into the Livonian war [in the 1560s], and – to reinforce that alliance – a dynastic marriage between the Russian Tsar and Queen Elizabeth. In addition, he proposed that the monarchs agree to offer each other refuge in the event that either was forced to flee as a result of internal revolt or intervention from without.⁶⁴

Troyat, though from a less researched and academic standpoint, was as categorical and goes into more detail on the subject. With Ivan’s unstable nature and fear of his own people, he turned to a new way of governing, setting up the *Oprichnina*.⁶⁵ Even with this form of bodyguard, he was so consumed with fear for his own safety that he turned to England for help – considering them ‘a natural ally of Russia’, and so in an extraordinary appeal (via letter) sought out the possibility of ‘asylum in England in case he should have to flee for his life’ and a more categorical military alliance. It was a ‘humiliating request’ for an early modern ruler, yet Ivan did not see it that way.⁶⁶ Pavlov and Perrie, Skrynnikov and Keenan too, frame it in less colourful terms, Ivan was ‘afraid of internal unrest’ and was ‘uncertain of the future and fearful for his own safety’ – Jenkinson and England with the ‘strong and successful commercial and diplomatic ties’ that had developed, were ‘not surprising’ selections for a negotiation of ‘political’ sanctuary.⁶⁷ His missive was one of reciprocity, offering asylum to Elizabeth in Russia in case

⁶² S. Sebag Montefiore, *Romanovs*, 16; C.J. Halperin, *Ivan the Terrible: Free to Reward & Free to Punish* (Pittsburgh, Pennsylvania: University of Pittsburgh Press Publ., 2019).

⁶³ S. Sebag Montefiore, *Romanovs*, 16.

⁶⁴ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 20; I. Grey, *Ivan*, 192.

⁶⁵ M. Perrie, “The Popular Image of Ivan the Terrible,” *The Slavonic and East European Review*, no. 56 (1978): 280; H.F. Graham, “How do we know what we know about Ivan the Terrible? (A Paradigm),” *Russian History*, no. 14 (1987): 179–183; P. Hunt, “Ivan IV’s Personal Mythology of Kingship,” *Slavic Review*, no. 52 (1993): 797–800, 807; C. Andrew, *Secret World*, 141–145.

⁶⁶ H. Troyat, *Ivan*, 136.

⁶⁷ A. Pavlov, and M. Perrie, *Ivan*, 137; E.L. Keenan, “Ivan the Terrible and His Women,” 341; R.G. Skrynnikov, *Ivan*, 105.

any misfortune might fall or chance upon either of them to goe out of their countries, that it might be lawfull to either of them to come into the others countrey for the safegard of them selves and their lyves.⁶⁸

The question is not whether Ivan sought this out, Pavlov and Perrie, Skrynnikov and so too Keenan all concur, it is whether as Hamel, Morgan, Coote, Sebag Montefiori, and Troyat suggest, he went further. Troyat argues that Jenkinson, who presented Ivan's proposals to Elizabeth, also took with him 'a secret message' of marriage to the Queen.⁶⁹ His hypothesis is not unconvincing:

The Queen [Elizabeth I], who had succeeded her half sister Mary, was reported to be a beautiful, intelligent woman, cultivated and strong-willed. Her relations with Ivan had always been extremely courteous. She was thirty-four years old and not married. He was thirty-seven and his wife, the Circassian, had long since ceased to please him. Why not repudiate her and marry the Queen of England?⁷⁰

This theory rests on the premise that Ivan had Jenkinson present two proposals, advancing himself 'simultaneously as a possible political refugee and a definite suitor, asking for her hand today and her potential protection tomorrow.'⁷¹ Troyat argues that Ivan's reciprocal offer of 'sanctuary' rested on his view of the code of 'honour,' involving a system of 'exchange' for something received, there should be something given. Therefore, the tsar 'demanded that the Queen agree to settle in the Kremlin in case conspirators should place her life in danger. Needless to say, the daughter of Henry VIII could not agree to this curious bargain and had no reason or desire to leave her country.'⁷²

As Ivan really did ask for asylum and proposed a military alliance, it is not beyond the realms of possibility that he also sought a marriage alliance with Elizabeth. It was well-known that she was unmarried, propagating the Gloriana notion of herself as the virgin Queen and had been courted by Erik XIV.⁷³ Ivan was not a reticent monarch and may well have proposed himself as a potential husband. The theory has survived in the historiography precisely because it is a convincing one. Nevertheless, we lack formal documentation of a written proposal.

Whether or not a marriage proposal was discussed, and whether these suggestions from Ivan seemed credible in London on Jenkinson's return to the Tudor court, the tsar had presented them and was serious about them, Elizabeth was thus faced with a dilemma. England was not in a position to join a more formal military alliance with Russia, yet Russia was a very important new trading partner, that had granted her mer-

⁶⁸ I. De Madariaga, *Ivan*, 222; G. Tolstoy, *Pervyye sorok let*, 38.

⁶⁹ H. Troyat, *Ivan*, 136; I. Grey, *Ivan*, 192.

⁷⁰ H. Troyat, *Ivan*, 136–137.

⁷¹ *Ibid.*, 137.

⁷² *Ibid.*, 138.

⁷³ British Library, Royal MS 13 B I, fol. 20 r. – v.; I. De Madariaga, *Ivan*, 128, 147; C. Beem, C. Levin, "Why Elizabeth Never Left England," in C. Beem, *The Foreign Relations of Elizabeth I* (New York: Palgrave Macmillan Publ., 2011): 14; N. Martin, "Princess Cecilia's Visitation to England, 1565–1566," in C. Beem, *The Foreign Relations of Elizabeth I* (New York: Palgrave Macmillan Publ., 2011): 27; R. Wortman, *Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 34.

cantile community remarkable terms of free trade. So too, her trading rivals, particularly the Dutch were pushing Ivan to revoke these favourable terms for the English and open herself up to other European partners. English merchants were also under increasing pressure from Denmark and Sweden over access to the Baltic as an additional and more navigable route to Russian commerce via Livonia.⁷⁴ The Tudor court therefore ‘sought to lead the negotiations towards more superficial assertions of friendship and discussions of matters of trade’ and Elizabeth did what she so often did in her reign and ‘played for time.’⁷⁵ If there was a marriage proposal, then she ‘had no intention of marrying’⁷⁶ the Russian Tsar. Ivan’s ‘the terrible’ reputation had not escaped the English, particularly the way he was treating his people – in the most ‘cruel’ manner (even by Tudor standards)⁷⁷ Thomas Randolph, the second English ambassador to Russia, reported to Cecil that having completed his mission for the Queen with the tyrannical Ivan, it was best to be ‘the sooner ... oute of his [Ivan’s] countrie, where heads goe so faste to the potte [!].’⁷⁸ Not only was it known in England of the ‘conditions’ that Ivan’s subjects suffered, and the way their monarch treated his subjects, but the Tsar was also known for his womanizing.⁷⁹ Ivan’s cruelty and his many marriages were not likely to be the best of selling features on the wedding stakes. Nevertheless, the Tsar was serious in the hand he played and would have to be handled with careful consideration. However, Elizabeth’s delaying tactic and the English approach of focussing purely on their own mercantile priorities while avoiding a move to a closer politico-military alliance, played very badly⁸⁰ with the ‘impetuous’ tsar and ‘aroused Ivan’s undisguised ire.’⁸¹

Receiving no answer to his advances, Ivan became angry and opened the port of Narva to other foreigners. The Company grew anxious and turned to the Queen.⁸²

Most unfortunately for diplomatic relations, the popular Jenkinson was unable to return to Moscow and so a new ambassador Thomas Randolph, Master of the Queen’s Posts was sent in his place, arriving in Moscow in October 1568.⁸³ Troyat’s view was that Randolph’s mission was to fix the trading relations that had been broken for the English mercantile community in Muscovy, whilst, ‘avoiding, if possible, the question of marriage.’⁸⁴ Ivan maintained a friendly outlook towards England, desiring ‘good will and great favour,’ even if his relationship with Randolph was not as friendly as that with

⁷⁴ The National Archive, SP 91/1/122 r.

⁷⁵ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 20; H. Troyat, *Ivan*, 137; I. Grey, *Ivan*, 192–195.

⁷⁶ H. Troyat, *Ivan*, 137.

⁷⁷ M. Perrie, “The Popular Image of Ivan the Terrible,” *The Slavonic and East European Review*, no. 56 (1976): 275–286.

⁷⁸ The National Archive, SP 70/101, fol. 31 r.

⁷⁹ *Ibid.*, fol. 30 v.; I. Grey, *Ivan*, 150.

⁸⁰ The National Archive, SP 102/49, fol. 1 r. – v.; British Library, Cotton MS Nero B XI, fol. 347 r. – 348 v.

⁸¹ H. Troyat, *Ivan*, 137; O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 20.

⁸² H. Troyat, *Ivan*, 137.

⁸³ *Idem.*; J.H. Appleby, “Jenkinson, Anthony (1529–1610/11),” in *Oxford Dictionary of National Biography*; J. Lock, “Randolph, Thomas (1525/6–1590),” in *Oxford Dictionary of National Biography*.

⁸⁴ *Ibid.*, 137–138.

Jenkinson.⁸⁵ In June 1569, an increasingly impatient Tsar sent a cryptic letter to Elizabeth that alludes to a failure on the Queen's behalf to answer his request of his message sent via Jenkinson. Whilst not mentioning marriage in word, it seems odd that Ivan was only alluding to asylum, and indeed felt that he could not refer to an alliance more explicitly in a letter. The Tsar asked of various English messengers sent to him

Whether your, our sisters, messenger Anthonie [Jenkinson] were come to youre presense, and whether you had anie thinge to saie to us of the messaidge, or whether Anthonie should come, or anie other in his stead; and they beinge embrased with pride, would make us no aunswere, that they would not come to our neare and privie counsaile, and would make them privie of none of theire affaires; all that they saide was of marchunt affaires, and settinge our highness affaires aside, as it is the use of all countries that princes affaires should be first ended... [.]⁸⁶

Randolph returned to London in the August of 1569, this time with Ivan's envoy Savin.⁸⁷ The new ambassador remained in the English capital for nearly a year and returned to Moscow, carrying Elizabeth's much delayed response to the questions of a military alliance, asylum and possibly a marriage union too. The Queen remained non-committal to a military alliance, stating an interest to join forces 'against our common enemies,' but this was not the same as a defensive and offensive military alliance, and there is no mention of the marriage union. In the end she did offer asylum, but with terms that Ivan would have to pay for his and his retinues costs. In other words, he was welcome, but at his own expense.⁸⁸

If at any time it so mishappe that you L[ord] our brother Emperour and great Duke, bee by anie casuall chaunce either of secreite conspiracie or outward hostillitie driven to change your countries and shall like to reparaire into our kingdome and dominions, with the noble empresse your wife and youre deare children the princes, we shall with such honors and curtesies receive and intreate your highnes then, as shall become so great a prince and shall earnestlie endeavour to make all things fall our accordinge to your ma[jes]ties desire, to the free and quiett breedinge of your highnes life, with all those whom you shall bringe with you: and that it maie be lawfull for you the Emperour and great Duke to use your Christian religeon in such sorte, as it shall like you ... Besides wee shall appointe you the Emperour and great Duke a place in our kingdom fitt upon your owne charge, as longe as ye shall like to remaine with us.⁸⁹

Ivan was furious with the Queen's answer, but it is curious that he was so enraged that she had not taken up his offer of asylum. Yes, perhaps, it showed her sense of status, or arrogance in Ivan's eyes, but in keeping with the marriage proposal theory, a rejection

⁸⁵ British Libraru, Cotton MS Nero B VIII, fol. 4 r.

⁸⁶ Ibid., fol. 4 r. – 5 v.

⁸⁷ The National Archive, EXT 9, fol. 54 r. – v.

⁸⁸ I. Grey, *Ivan*, 195.

⁸⁹ O. Dmitrieva, and N. Abramova, *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars* (New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006), 208–209; RGADA, f. 35, op. 2, d. 3; The National Archive, PRO 22/60, fol. 4; SP 70/147, fol. 375 r. – 378 v.; E.D. Morgan, C.H. Coote, *Early Voyages*, II, 290–292.

of marriage might well be the better explanation of his frustration. In other words, rather than ‘even a veiled allusion to a possible marriage ... silence!’⁹⁰

At this point we must turn to the surviving evidence, and an item that has avoided thorough scrutiny in the historiography. Thomas Randolph’s report to William Cecil (first Baron Burghley)⁹¹ reveals precisely this sense of Ivan’s unhappiness with the absence of a response to a possible marriage proposal. His communique for 12 August 1568 states that he finds

one matter I finde ... aggravated against Jenkinson is I believe ... as though he should have dealt with that prince in some matter of marriage either with this Emperour ... or with his son[.]⁹²

This passage goes on to describe Ivan’s atrocities to his own people and is often cited for those atrocities, but historians have studiously avoided this earlier reference to marriage. Isabel de Madariaga gives some credence to this talk of marriage but does not provide this important contemporaneous evidence.⁹³ At the very least these findings show the thoughts of Randolph – a product of his meetings with the Tsar, of rumours, discussions and general diplomatic ‘tittle-tattle’ that existed contemporaneously. This is not concrete proof, but it would explain Ivan’s furious response to Elizabeth’s reply.

Of course, it was perhaps insulting to offer asylum at the tsar’s own expense, but then again, for early modern comparison, Charles II in the 1650s in France, and the Jacobites in Rome and continental Europe, were given asylum, but struggled on with little in the way of funds from the sitting monarchs and rulers. Although the situation was at times iniquitous, those in exile were only too grateful to have a safe haven. By modern comparison a genuine offer of asylum was considerably more than Tsar Nicholas II would ever receive in 1917, with or without expenses.⁹⁴ One should also consider that the Elizabethan finances were far from plentiful and the cost to the exchequer of a fellow monarch with all his retinue would have been exorbitant. Thus, while Ivan may have been insulted by what he saw as an ungenerous offer of asylum, it was more likely to be a combination of reasons, and the absence of any mention of marriage that so frustrated the Tsar, and this would better fit with the surviving evidence of Randolph’s most interesting revelation to Cecil.

Nevertheless, for all of these points, Ivan was enraged and in a form of retaliation ‘revoked the Company’s privileges and sequestered its goods.’⁹⁵ The incandescent tsar accompanied this with a furious letter, suggesting that Elizabeth was only Queen in name, and was ruled by a group of advisors, and that her inability to form a clear

⁹⁰ H. Troyat, *Ivan*, 139.

⁹¹ W.T. MacCaffrey, “Cecil, William, first Baron Burghley (1520/21–1598),” in *Oxford Dictionary of National Biography*.

⁹² The National Archive, SP 70/101, fol. 30 v.

⁹³ I. De Madariaga, *Ivan*, 237, 285.

⁹⁴ F. Welch, *The Imperial Tea Party. Family, Politics and Betrayal: The Ill-fated British and Russian Royal Alliance* (London: Short Books Publ., 2018), 237–246; H. Rappaport, *The Race to Save the Romanovs: The Truth Behind the Secret Plans to Rescue Russia’s Imperial Family* (London: St. Martin’s press Publ., 2018), 106–110; R. Service, *The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution* (London: Pan Books Publ., 2017), 69; H. Rappaport, *Caught in the Revolution: Petrograd 1917* (London: Windmill Books Publ., 2016), 136.

⁹⁵ I. Grey, *Ivan*, 195; H. Troyat, *Ivan*, 140.

decision rested in her femininity.⁹⁶ English merchants and diplomats suffered as a consequence of the breakdown in realpolitik between the two sovereigns and their advisors, and ‘over the next years ... were to feel all the force of the Tsar’s anger and that of his administration.’⁹⁷ Correspondence between Ivan and Elizabeth turned decidedly unfriendly – Ivan complained that

wee had thought that you had beene ruler over your lande and had sought honor to your self and and proffitt to your Countrie, and therefore wee did pretend those w[e]ightie affairs between you and us. But now wee perceive that there be other men that doe rule, and not men, but bowers [i.e. boyars or nobles] and marchaunts, the w[h]ich seeke not the wealth and honnor of our majesties, but they seke there owne proffitt of marchandize. And you flowe in your maydenlie estate like a maide; and whosoever was trusted in our affaires and did deceave us, it were not meete that you should creditt them. And now seeinge it is so, wee doe sett aside those affaires; and those bowrish Marchaunts that have beene the occasion that the pretended welthes and honors of our Majesties hath not pretended welthes and honors of our Majesties hath not come to passe, but doe seeke their owne wealthes, they shall see what traffique they shall have here; for our cittie of Musko [Moscow], before their traffique to it, hath not greatly wanted Englyshe commodities. And the priviledge that wee gave to your Marchaunts, and sent to you, that you would send it us againe, and whither it be sent or no, wee will give commaundement that nothing shalbe donne by it. And all those priviledges w[h]ich wee have given aforetime be from this daie of none effect ... [.]⁹⁸

What had previously been a pleasure for Ivan, was now a pain, the once special trading relationship was not viewed in the same light when he could not achieve the form of alliance, he so desired with Elizabethan England. The Muscovy company fared very badly from this and found that their trading posts and routes, factories, properties and land were taken over by the *oprichniki*. Worse still, they discovered that the door had been opened to their European competitors.⁹⁹ Towards the end of the 1570s, the true ‘cooling in Anglo-Russian relations’ was made paramount as ‘Dutch ships sailed into the mouth of the River Dvina’ – thus cementing a Dutch position in Russian trade.¹⁰⁰

Diplomatically, Ivan had failed to achieve the more formal defensive and offensive military alliance that he had sought, and Russia looked isolated in the early 1570s, as Denmark, Poland and Sweden all ceased their military disputes between each other, giving rise to the very real prospect of a Baltic alliance against Russia that could include a trading embargo of the Baltic sea.¹⁰¹ Elizabeth sent Anthony Jenkinson back to Russia in 1571–1572 to try and repair the damage of Randolph’s visit, and although relations improved a little, the Tsar continued to press for answers on his ‘secret message’ – reference to his plans for a military alliance, asylum and some form of marriage proposal. Jenkin-

⁹⁶ The National Archive, SP 70/147, fol. 440 r. – 443 v.; K. Mayers, *North-East Passage*, 125; I. Grey, *Ivan*, 195; R. Pipes, *Russia*, 77.

⁹⁷ O. Dmitrieva, ‘The First Hundred Years,’ 20.

⁹⁸ The National Archive, SP 102/49, fol. 1 r.; British Library, Cotton MS Nero B XI, 347 r. – 348 v.; A.J. Crosby, *Calendar of State Papers Foreign*, 500.

⁹⁹ A.J. Crosby, *Calendar of State Papers Foreign*, 504; R. Pipes, *Russia*, 198.

¹⁰⁰ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 21.

¹⁰¹ A.J. Crosby, *Calendar of State Papers Foreign*, 386.

son as his dispatches record was non-committal with the Tsar, after-all Elizabeth had not equipped him with much to heal relations.¹⁰² Ivan in turn continued to press Elizabeth for answers, without success. Diplomatic ties were never fully broken, and Daniel Sylvester (ambassador) made several missions to the Russian court in the mid-1570s, but without much success.¹⁰³

Marriage again? Mary Hastings, daughter of Lord Huntingdon

For all of the failings in diplomatic relations in the late 1560s and early 1570s, Ivan IV could never quite forget England. In 1581, roughly eleven years from his supposed proposal, this anglophile tsar, turned to London again for a marriage alliance. One says ‘again’, but much of the historiography would have this as for the first time. On this occasion the tsar ‘was actually married to his seventh wife,¹⁰⁴ though he claimed that union had no legal status’ and sought the hand not of the Queen, but of a close relation (‘niece’), Lady Mary Hastings.¹⁰⁵ At the time, Ivan had with him at court an English doctor, Robert Jacob,¹⁰⁶ an ambassador of sorts, part doctor, part envoy, who put forward the name of the daughter of the Earl of Huntingdon, a relation of Elizabeth I, as a suitable match.¹⁰⁷ Thus in 1582, Ivan formally resumed contact with the Queen of England via the Muscovy Company and in this instance the head of the operation, Jerome Horsey.¹⁰⁸ Acting for the Tsar in London was an envoy of the Russian court, Fedor Pisemsky.¹⁰⁹ Pisemsky was given orders to propose a military alliance on similar terms as those a decade before and in addition, a marriage union with a relative of the Queen, with the suggestion that that be Lady Mary Hastings. Pisemsky was to meet Lady Mary and report back to the tsar as to her looks and character. The prospective candidate would have to convert to orthodoxy and could expect the tsar to remove his current wife forthwith should she (Lady Mary) accept and Elizabeth I approve. The implications for these new proposals might well have been deeply unfavourable for the young Huntingdon, but it had far greater importance in military terms – a formal military alliance would bring England into a war with Poland.¹¹⁰ There is no evidence to suggest that Lady Mary had any desire to go to Russia, but Elizabeth played along with proceedings. The English terms were to get back the monopoly privileges that the Muscovy company had so enjoyed previously. It was also the case that although Ivan with his many wives and reputation was hardly a credible match for a lady of the English court and relation of the Queen, Elizabeth could hardly ‘hold it against the Czar that he sought [another] ...

¹⁰² The National Archive, 70/147, fol. 413 r. – 416 v.

¹⁰³ British Library, Egerton MS 2790, fol. 178 r. – 180 r., d. 1577; British Library, Cotton MS Nero B XI, fol. 349 r. – 354 v.

¹⁰⁴ British Library, Cotton MS Nero B XI, fol. 349 r. – 354 v., d. 1608; H. Troyat, *Ivan*, 231; I. Grey, *Ivan*, 239.

¹⁰⁵ I.I. Lubimenko, “Correspondence of Queen Elizabeth,” 534; K. Mayers, *North-East Passage*, 125.

¹⁰⁶ G. Goodwin, and M. Bevan, “Robert, Jacob (d. 1588),” in *Oxford Dictionary of National Biography*.

¹⁰⁷ A. Pavlov, and M. Perrie, *Ivan*, 196–197; H. Troyat, *Ivan*, 231; I. Grey, *Ivan*, 242; The National Archive, PRO 22/60, fol. 5 r. – v.

¹⁰⁸ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 21.

¹⁰⁹ I. De Madariaga, *Ivan*, 343–344; The National Archive, SP 102/49, fol. 2 r. – v.

¹¹⁰ J. Kasprzak, “A Riddle of History: Queen Elizabeth I and The Albertus Laski Affair,” *The Polish Review*, no. 14 (1969): 64–65; H. Troyat, *Ivan*, 231.

spouse while still married’ given Henry VIII’s legacy.¹¹¹ The English court went along with the plan, at least in pretence, in order to support their mercantile community.¹¹² Negotiations dragged on and on without success. Ivan continued to pursue the dream of an English alliance and marriage, while Elizabeth continued to press for a return to ‘exclusive privileges’ for her merchants in Russia.¹¹³ Neither were successful, but talks lasted well into 1584 and were only brought to a halt with the death of the Tsar. For the Elizabethan mercantile community focussed on Russia, the ‘death of Ivan the Terrible ... finally laid to rest the company’s hopes of restoring its former status.’¹¹⁴ The passing of the tsar also saw the end of the most Anglophile tsar there would ever be. No other monarch ever looked to England in quite the same way, nor formally received ‘asylum’ even if not quite as he would have liked. One must remember that Nicholas II the last tsar of Russia was not in the end provided asylum by Lloyd George’s government and George V of England following the Russian Revolution.¹¹⁵ English merchants have never had since or are likely to ever have monopoly trading rights in Russia. The open communication of the two monarchs was also staggering when seen in contrast to the leaders that would follow, and all the more so in the geopolitical landscape of the twenty-first century.

Historians agree that the Tsar sought out a marriage to a relation of Queen Elizabeth I in the 1580s. Perhaps these were the ramblings of an ageing and dying monarch, that was in some ways ‘mad’ and deeply troubled, although the length of the negotiations suggest that this was not a fleeting thought. What is surprising is that if the tsar looked to an English match in the 1580s, that it was not towards Queen Elizabeth, unless he had already explored that option. Nothing about the tsar would suggest that he would settle for second best and it was well-known that Elizabeth I was unmarried. It would therefore make much more sense that having proposed a union to Elizabeth I in the late 1560s and early 1570s, and been rejected, he thus ten years later, knowing that he could get nowhere with the Queen, tried for the next best thing, a close relation of the monarch. This hypothesis fits more readily with the sequence of events.

We do not have formal documentation to suggest he ever did propose to Elizabeth I, other than Randolph’s communique to Cecil, but following the hypothesis above, it seems far from improbable. Indeed, it would have been in keeping with formal alliances in the early modern world, that were often sealed with the union of marriage. When this is coupled with his 1580s desire for an English match, it is too easy to dismiss claims of a marriage proposal from Ivan in the 1560s.

Unfortunately, this period is riddled with a lack of evidence – with record destruction from fire (Moscow of course suffered a tremendous fire in 1571 at the hands of Crimean invaders), and we can never recreate personal conversations unless they have been recorded in one way or another by a clerk or a diary account. This article would therefore suggest that historians should be less dismissive of the idea of a late 1560s,

¹¹¹ H. Troyat, *Ivan*, 232–233; B. Bobrick, *Fearful Majesty*, 327–329; R.G. Skrynnikov, *Ivan*, 176.

¹¹² I.I. Lubimenko, “Correspondence of Queen Elizabeth,” 529.

¹¹³ O. Dmitrieva, “The First Hundred Years,” 21.

¹¹⁴ *Idem.*

¹¹⁵ H. Rappaport, *The Race to Save the Romanovs*.

early 1570s marriage alliance proposal from Ivan to Elizabeth. This is not to argue that it was ever realistically considered in England, and may well explain the lack of surviving evidence – a private conversation from Jenkinson to the Queen – but it not beyond the realms of consideration that one was made. Then in the 1580s the next proposal was not to the Queen, but to one of her relations and this too was received in unfavourable terms.

This article has shown that a marriage proposal may well have been made by Ivan the Terrible to Elizabeth I. That in itself shows the considerable ambitions of the Russian tsar and his desire for the most favourable of diplomatic relations with Elizabethan England. Was it ever likely that Elizabeth would accept such a proposal? It seems most improbable that she would ever have seriously considered it. It was not the language that was the problem, it was personality and governance. Elizabeth took counsel, Ivan did not; Elizabeth ‘consulted widely on the choice of councilors,’ Ivan did not consult; the Elizabethan council ‘was not homogenous, but it was reasonably harmonious and it was characterized by a profound degree of mutual trust between the Queen and at least the inner ring of her councilors,’ Ivan trusted almost no one and in a state of mental unrest and fear set-up the *Oprichnina*. The young queen faced misogyny and ‘sneer[s] at [her so called] feminine faults and foibles’ – to those ‘she broke or blocked their careers,’ they ‘never got very far.’¹¹⁶

With fear of this in her mind and memories of the imbalance of rule with her sister and Philip II, from the very beginning of her reign Elizabeth set out her disinclination to ‘matrimoniale.’¹¹⁷ It is not too far removed to suggest that whilst the enjoyment of courting and courtship was all to the good, Elizabeth also feared the ‘role-reversal of marriage,’ by remaining unmarried she maintained power. Ivan’s letters when in anger to the Queen, are particularly misogynistic¹¹⁸ – such a ruler, such a man would never have got far in a royal courtship with Elizabeth Tudor.¹¹⁹ It is clear, that Ivan IV was never going to succeed in marrying Gloriana, but he did not know that. That he should have wished to marry, and indeed if not Elizabeth I, then another English royal relation, is important for the study of Anglo-Russian relations in the Elizabethan period and *realpolitik* more widely in the early modern world.

Why did a formal alliance come to nought – A missed opportunity?

Ivan IV, for all of his tyrannical rule in Russia, his expansion of empire, his endless marriages, and foreign wars, sought albeit with a gap in the 1570s a more favourable diplomatic relationship with England than has ever been seen since, from a Russian ruler. This was the zenith for Anglo-Russian relations – a unique moment in trade too – in which English merchants had monopoly rights in Russian territory.

The failure of any form of marriage alliance, either to the Queen or to a relation of Elizabeth I, or a military alliance of proper standing, perhaps rested fundamentally in the imbalance of the needs of the two countries. To Ivan, England’s arrival on the diplomatic scene at his court rested on trade and not war – and in that, England was almost unique for the tsar as a friendly power. It was a refreshing beginning. For En-

¹¹⁶ E. Starkey, *Elizabeth*, 309–311; C.J. Halperin, “Ivan IV as Autocrat,” 212.

¹¹⁷ British Library, Royal MS 13 B I, fol. 26 r. – v.; fol. 20 r. – v.

¹¹⁸ E. Keenan, “Ivan the Terrible and His Women,” 326.

¹¹⁹ D. Starkey, *Elizabeth*, 309–310.

gland, however, Russia was part of a growing trading horizon, the relationship was one of many new building blocks being forged by exploration around the world. Muscovy was important for the English, but not in the special way that Ivan viewed England. Russia was still perceived as a distant land and at no point did anyone actually think of a marriage alliance as particularly credible. Hughes sums up something of the xenophobia that western eyes had of Ivan's new eastern empire

a 'barbarous' kingdom on the fringes of Christendom, which as recently as 1480 had claimed independence from the Mongol khans, whose ancestors had conquered most of the Russian lands in the thirteenth century.¹²⁰

Anglo-Russian diplomatic relations continued after Ivan's death, but as the Muscovy company would discover, the late Tsar had been a particular Angloophile and no new monarch would ever treat English arrivals in such favourable terms – his death in 1584 'laid to rest the company's hopes of restoring its former [monopoly] status.'¹²¹ In that regard this was a missed opportunity for an international alliance that might have cemented England's trading position as superior to all other competitors, stretching from Archangel to Astrakhan and all the way to Siberia.¹²² Nevertheless, in terms of impact, the Elizabethan years saw the growth of the Muscovy Company from a small trading outpost to an important part of England's burgeoning commercial empire – the English trading community of the Muscovy enterprise would exist right up until the fall of the Romanovs. English trade in Russia, foreshadowed the East India Company, and would be the benchmark for the subsequent remarkable mercantile ventures, that laid the foundation for England and later Britain's economic prosperity.¹²³

Conclusions

This article has revealed from the surviving contextual history when coupled with a small, but substantive piece of ambassadorial correspondence, that a marriage proposal may well have been made by Ivan IV to Elizabeth I. It was certainly talked of in diplomatic circles. This is of considerable significance for the study of Anglo-Russian relations in the early modern world and for Ivan IV's actions towards England. The differences and motivations between the two monarchs and countries were extensive, not least in concepts of rule and hegemony, for the Tsar even pointed out to the English queen, 'that her power was limited not only by the nobility', but also by her most lowly of subjects.¹²⁴ Nevertheless, as Bogatyrev asserts, perhaps we should view much of Ivan's actions through the lens of 'dynastic politics', a remarkably similar perspective to that of the Tudor court.¹²⁵

Рукопись поступила: 23 апреля 2019 г.
Submitted: 23 April 2019

¹²⁰ L. Hughes, "Russia," 295.

¹²¹ O. Dmitrieva, "The First Hundred Years," 21.

¹²² R.G. Skrynnikov, "Ermak's Siberian Expedition," *Russian History*, no. 13 (1986): 1–39.

¹²³ K. Mayers, *North-East Passage*, 138–41.

¹²⁴ A. Pavlov, M. Perrie, *Ivan*, 87.

¹²⁵ S. Bogatyrev, 'Reinventing the Russian Monarchy,' 292.

References

- Abramova, N. "English Silver of the Sixteenth and Seventeenth Centuries in the Kremlin." In *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars*, 36–45. New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006.
- Andrew, C. *The Secret World: A History of Intelligence*. London: Penguin Publ., 2018.
- Alford, S. *London's Triumph: Merchant Adventurers and the Tudor City*. London: The Spectator Publ., 2017.
- Alsop, J. "The Revenue Commission of 1552." *The Historical Journal*, no. 22 (1979): 511–533.
- Bobrick, B. *Fearful Majesty: The Life and Reign of Ivan the Terrible*. Montpelier, Vermont: Russian life books Publ., 2014.
- Bogatyrev, S. "Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns." *The Slavonic and East European Review*, no. 88 (2010): 48–72.
- Bogatyrev, S. "Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church." *The Slavonic and East European Review*, no. 85 (2007): 271–293.
- Beem, C., and Levin, C. "Why Elizabeth Never Left England." In *The Foreign Relations of Elizabeth I*, 3–26. New York: Palgrave Macmillan Publ., 2011.
- Bertolet, A.R. "The Tsar and the Queen: "You Speak a Language that I Understand Not." In *The Foreign Relations of Elizabeth I*, 101–124. London: Springer Publ., 2011.
- Black, J. *The Hanoverians: The History of a Dynasty*. London: Humbledon Publ., 2004.
- Bullock, A. *Hitler and Stalin: Parallel Lives*. London: Harper Collins Publ., 1991.
- Clarkson, J.D. *A History of Russia*. London: Random House Publ., 1961.
- Crosby, A.J. *Calendar of State Papers Foreign: Elizabeth, 1569–1571*. London: Her Majesty's Stationery Office Publ., 1874.
- Grey, I. *Ivan The Terrible*. London: Hodder & Stoughton Publ., 1964.
- Cressy, D. "Saltpetre, State Security and Vexation in Early Modern England." *Past and Present*, no. 212 (2011): 74–111.
- Davies, G. "The Expansion of Trade and Finance, 1485–1640." In *History of Money*, 176–237. Cardiff: University of Wales Press Publ., 2002.
- De Madariaga, I. *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia*. New Haven: Connecticut Publ., 2005.
- Doran, S. *Monarchy and Matrimony. The courtships of Elizabeth I*. London: Routledge Publ., 1996.
- Doran, S. *Elizabeth I and Her Circle*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2015.
- Doran, S. *Elizabeth I and Foreign Policy, 1558–1603*. London: Routledge Publ., 2000.
- Dmitrieva, O. "Introduction: "The Golden Chain of Traffic": The First Hundred Years of Anglo-Russian Relations." In *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars*, 12–35. New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006.
- Dmitrieva, O., and Abramova, N. *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars*. New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006.
- Evans, J. *Tudor Adventures. An Arctic Voyage of Discovery: The Hunt for the Northeast Passage*. New York: Pegasus Publ., 2014.
- Filyushkin, A. *Ivan the Terrible: A Military History*. Barnsley: Frontline Books Publ., 2008.
- Graham, H.F. "How do we know what we know about Ivan the Terrible? (A Paradigm)." *Russian History*, no. 14 (1987): 179–198.
- Gralya, I. *Ivan Mikhaylov Viskovatyy: Kar'yera gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI v*. Moscow: Radiks Publ., 1994 (in Russian).
- Gross, G. "From London to Moscow coronations: perceptions of monarchy," *Systems psychology and sociology*, no. 2 (26) (2018): 97–110.
- Halperin, C.J. "Ivan IV as Autocrat (Samoderzhets)," *Cahiers du Monde russe*, no. 55 (2014): 197–213.
- Halperin, C.J. *Ivan the Terrible: Free to Reward & Free to Punish*. Pittsburgh, Pennsylvania: University of Pittsburgh Press Publ., 2019.
- Hakluyt, R. *The Principall Navigations...* London: G. Bishop and R. Newberie Publ., 1589.
- Hamel, J. *England and Russia*. London: Bentley Publ., 1968.

- Hatton, R. *George I*. New Haven, Connecticut: Yale University Press Publ., 2001.
- Hellie, R. "Sir Jerome Horsey (d. 1626)." In *Oxford Dictionary of National Biography*, <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-13813;jsessionid=B0378C24D437EE29B60701AA056C5206>.
- Hoak, D. "The Secret History of the Tudor Court: The King's Coffers and the King's Purse, 1542–1553." *Journal of British Studies*, no. 26 (1987): 208–231.
- Hughes, L. "Russia: The Courts at Moscow and St. Petersburg. 1547–1725." In *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture Under the Ancien Régime 1500–1750*, 295–313. London: Seven Dials Publ., 1999.
- Hunt, P. "Ivan IV's Personal Mythology of Kingship." *Slavic Review*, no. 52 (1993): 769–809.
- Huttenbach, H.R. "New Archival Material on the Anglo-Russian Treaty of Queen Elizabeth I and Tsar Ivan IV." *The Slavonic and East European Review*, no. 49 (1971): 535–549.
- Keenan, E.L. "Ivan the Terrible and His Women." *Russian History*, no. 37 (2010): 322–359.
- Kleimola, A.M., and Lenhoff, G.D. *Moskovskaya Rus' (1359–1584): kul'tura i istoricheskoye samosoznaniye*. Moscow: ITS–Garant Publ., 1997 (in Russian).
- Lubimenko, I. "The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars." *The American Historical Review*, no. 19 (1914): 525–542.
- Lubimenko, I. "A Suggestion for the Publication of the Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars." *Transactions of the Royal Historical Society*, no. 9 (1915): 111–122.
- MacCulloch, D. *The Boy King: Edward VI and the Protestant Reformation*. Berkeley, California: University of California Press Publ., 2002.
- Martin, N. "Princess Cecilia's Visitation to England, 1565–1566." In *The Foreign Relations of Elizabeth I*, 27–44. New York: Palgrave Macmillan Publ., 2011.
- Mayers, K. *North-East Passage to Muscovy: Stephen Borough and the First Tudor Explorations*. Stroud: Sutton Publ., 2005.
- Montefiore Sebag, S. *The Romanovs*. London: Weidenfeld a. Nicolson Publ., 2016.
- Montefiore Sebag, S. *Stalin: The Court of the Red Tsar*. London: Weidenfeld & Nicolson Publ., 2003.
- Morgan, E.D., and Coote, C.H. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson... with Russia... by way of the Caspian Sea*. London: Hakluyt Society Publ., 1886.
- Miller, D.B. "Creating Legitimacy: Ritual, Ideology, and Power in Sixteenth-Century Russia." *Russian History*, no. 21 (1994): 289–315.
- Oman, C. *The English Silver in the Kremlin, 1557–1663*. London: Methuen Publ., 1961.
- Oldland, J. "The allocation of merchant capital in early Tudor London." *The Economic History Review*, no. 63 (2010): 1058–1080.
- Pavlov, A.M. *Ivan the Terrible: Profiles in Power*. London: New York University Press Publ., 2013.
- Perrie, M. "The Popular Image of Ivan the Terrible." *The Slavonic and East European Review*, no. 56 (1978): 275–286.
- Pipes, R. *Russia under the Old Regime*. London: John Murray Publ., 1995.
- Pryor, F. *Elizabeth I: Her Life in Letters*. London: British Library Publ., 2003.
- Rappaport, H. *The Race to Save the Romanovs: The Truth Behind the Secret Plans to Rescue Russia's Imperial Family*. London: St. Martin's press Publ., 2018.
- Rappaport, H. *Caught in the Revolution: Petrograd 1917*. London: Windmill Books Publ., 2016.
- Raymond Beazley, C. "Exploration under Elizabeth, 1558–1603." *Transactions of the Royal Historical Society*, no. 9 (1895): 119–165.
- Skrynnikov, R.G. *Ivan the Terrible*. Florida: Academic International Press Publ., 1981.
- Starkey, D. *Elizabeth: Apprenticeship*. London: Vintage Publ., 2000.
- Stout, F.J. *Exploring Russia in the Elizabethan commonwealth: The Muscovy Company and Giles Fletcher, the elder (1546–1611)*. Manchester: Manchester University Press Publ., 2015.
- Tolstoy, G. *Pervyye sorok let obshcheniya mezhdu Angliyyey i Rossiyyey 1553–1593*. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya Publ., 1875 (in Russian).
- Troyat, H. *Ivan the Terrible*. New York: Dorset Press Publ., 1987.

- Turnbull, W.B. *Calendar of State Papers Foreign: Edward VI 1547–1553*. London: Her Majesty's Stationery Office Publ., 1861.
- Uspenskiy, B.A. "Enthronement in the Russian and Byzantine Traditions." In *Tsar and God*, 153–174. Boston, Massachusetts: Academic Studies Press Publ., 2012.
- Wortman, R.S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press Publ., 2006.
- Welch, F. *The Imperial Tea Party. Family, Politics and Betrayal: The Ill-fated British and Russian Royal Alliance*. London: Short Books Publ., 2018.
- Service R. *The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution*. London: Pan Books Publ., 2017.
- Skrynnikov, R.G. "Ermak's Siberian Expedition." *Russian History*, no. 13 (1986): 1–39.
- Zagorodnaya, I. "English Diplomats at the Court of the Tsars." In *Britannia and Muscovy: English Silver at the Court of the Tsars, 176–195*. New Haven, Connecticut: Yale Centre for British Art Publ., 2006.

Информация об авторе / Information about the author

Джордж Гросс, доктор теологических наук (PhD), научный сотрудник Королевского колледжа Лондона. Является одним из организаторов семинара «Религиозная история Британии, 1500–1800», проводимого в Институте исторических исследований в Лондоне.

George W.C. Gross, PhD in Theology, Visiting Research Fellow at King's College London University. He is a co-convenor at 'The Religious History of Britain, 1500–1800' seminar held at the Institute of Historical Research in London.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

Научная статья / Research article

Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг.

А.А. Киличенков

Российский государственный гуманитарный университет;
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6; rsuh@rsuh.ru

Joseph Stalin and the development of Tank Forces of the Red Army in the 1930's – early 1940's

Aleksei A. Kilichenkov

Russian State University for the Humanities;
6, Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; rsuh@rsuh.ru

Аннотация: В статье на основе вводимых в оборот источников предпринята попытка выявления и исследования совокупности представлений и мнений И.В. Сталина по вопросам развития танковых вооружений в 1930-е гг. В качестве источника использованы документы РГАСПИ и РГВА. Под влиянием серии «военных тревог» конца 1920-х гг. Сталин начал вплотную заниматься вопросами танкостроения, инициировав широкомасштабную программу «танкизации» Красной армии. Программа должна была обеспечить военно-технические превосходство СССР над своими вероятными противниками в качестве компенсации общего отставания. Будучи не в состоянии обеспечить создание собственных современных танков, советское руководство закупило в 1930 г. за границей несколько десятков образцов боевых машин. Сталин лично контролировал и вмешивался в процесс закупок, присутствовал на демонстрации испытаний боевых машин, решал вопрос о количестве производимых танков. Одновременно он пристально следил за техническими новинками зарубежных армий. Структура сталинского интереса к танкам начала 1930-х гг. имеет все признаки «асимметричной альтернативы» как способа преодолеть отставание в условиях подготовки к войне. Анализ результатов прочтения Сталиным направляемых ему документов показывает, что советский вождь скорее искал подтверждение своим взглядам, нежели использовал документы как основу для их формирования. Представления и мнения Сталина по «танковым вопросам» опирались на соображения скорее политического, экономического и логического, нежели военного характера. По этой причине он поддержал идеи М.Н. Тухачевского о создании суррогатных танков на основе тракторов. В середине 1930-х гг., когда армия уже получила тысячи новых танков, Сталин перенес акцент с техники на кадры, одновременно потребовав упрощения конструкций в соответствии с уровнем «среднего и ниже среднего танкиста». Но накануне войны советский вождь вновь вернулся

© Киличенков А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

к необходимости качественного и численного роста танковых войск. Анализируя опыт применения танковых войск в ходе «Зимней войны» и начавшейся войны в Европе, Сталин не смог оценить ударный потенциал этого рода войск и его роль в будущей войне.

Ключевые слова: межвоенный период, И.В. Сталин, Красная армия, танковые войска, локальные военные конфликты

Благодарности: Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность рецензентам статьи, взявшим на себя бескорыстный труд ознакомиться с текстом и высказать замечания и рекомендации. Большая часть из них была учтена при подготовке новой редакции статьи, что, несомненно, способствовало улучшению текста.

Для цитирования: *Киличенков А.А.* Сталин и развитие танковых вооружений Красной армии в 1930-е – начале 1940-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 962–984. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

Abstract: The author attempts to analyze the totality of ideas and opinions of I.V. Stalin on the development of tank weapons in the 1930s. Documents of RGASPI and RGVA archives were used as the sources. Influenced by a series of ‘military alarms,’ Stalin began to closely engage with issues of tank construction in the late 1920s, and initiated a large-scale program for equipping the Red Army with tanks. The program was to ensure the military-technical superiority of the USSR over its likely opponents, with the goal to compensate for the overall backlog. As the USSR was unable to create its own modern tanks, in 1930 the Soviet leadership purchased several dozen military vehicles abroad. Stalin personally controlled the procurement process, often intervening in the process; he also attended demonstrations of tests vehicles and decided on the number of tanks that were to be produced. At the same time he closely followed the technical innovations in foreign armies. The study of Stalin’s interest in tanks reveals that in the early 1930s, the Soviet leader thought of the tank weapon as an ‘asymmetrical alternative’ to overcome the broader gap in preparation for war. The present article analyses how Stalin read the documents that were sent to him; this analysis demonstrates that Stalin was more likely to seek confirmation for his existing views than to actually use the documents for coming to new conclusions. In general, Stalin’s ideas and opinions on tank issues were based on political, economic and logical considerations rather than on military expertise. One case in point is his support for M.N. Tukhachevskii when the latter called for the massive production of surrogate tanks based on tractors. In the mid-1930s, when the army had already received thousands of new tanks, Stalin shifted his emphasis from issues of equipment to the quality of the personnel, while at the same time demanding a simplification of machinery down to the level of a ‘crewman with skills that are just medium or even lower.’ But on the eve of the war, the Soviet leader again returned to the need for a qualitative and numerical growth of armored forces. Finally, Stalin analysed how tank forces were used during the Winter War against Finland and in the first years of war in Europe, but he remained unable to assess the strike potential of this weapon and its role in the future war with Nazi Germany.

Keywords: interwar period, Joseph Stalin, Red Army, tank forces, local military conflicts

Acknowledgment: The author expresses his deep gratitude to the reviewers, who took upon themselves the disinterested work to read the text and to make comments and recommendations. Most of them were taken into account when preparing a new variant of the article, which undoubtedly contributed to the improvement of the text.

For citation: Kilichenkov, Aleksei A. “Joseph Stalin and the development of Tank Forces of the Red Army in the 1930’s – early 1940’s.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 962–984. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-962-984>

«Зная Ваше исключительное внимание и интерес к этому вопросу...»¹

Введение

Небывалый рост профессионального и любительского интереса современного российского общества к военной истории в 2000-е гг. имеет явно выраженные «точки притяжения». Главной из них была и остается история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., среди проблем которой по-прежнему самое пристальное внимание приковывают к себе трагический 1941 г. В то же время события, предшествовавшие началу войны, до сих пор остаются в своеобразной тени исследовательского интереса российских историков. Между тем именно в событиях 1930-х гг. следует искать ответы на вопросы как о причинах поражений Красной армии, так и предпосылки ее побед.

Одной из наименее исследованных тем остается роль высшего военно-политического руководства страны в развитии ее вооруженных сил. Известно, что И.В. Сталин в 1930-е гг. держал под личным контролем создание новой военной техники и принятие ее на вооружение Красной армии и флота. Однако полноценного исследования данной темы до сих пор не проведено, встречаются лишь отдельные упоминания об интересе Сталина к зарубежному танкостроению², осмотре им в марте 1940 г. новой танковой техники³, включая знаменитый танк Т-34, а также обсуждения в декабре 1938 г. конструкционных особенностей будущего тяжелого танка КВ⁴.

Данная ситуация выглядит тем более парадоксальной, если обратиться к отечественной историографии, как военно-промышленного комплекса, так и истории танковых вооружений. Испытав взлет «отложенного интереса» вследствие закрытости обеих тем в советский период, исследователи с лихвой наверстали упущенное в 1990–2010-е гг. Был опубликован целый ряд монографий, в которых на основе внушительного массива открытых в 1990-е гг. документов исследовалась история военной промышленности СССР, включая танкостроение⁵. Наиболее близкой по проблематике к данной статье является уже ставшая классической работа петербургского историка О.Н. Кена, посвященная мобилизационному планированию в СССР межвоенного периода⁶. В монографии среди прочего показана роль Сталина в военно-мобилизационном планировании, разработке и принятии новых программ

¹ Из письма И.А. Халепского И.В. Сталину, 17 декабря 1932 г. См.: РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130.

² *Васильев В.В.* И.В. Сталин: «Нам крайне важно иметь чертежи этого танка...». Вклад советской военной разведки в развитие отечественного танкостроения // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 5. С. 49.

³ *Коломиец М.В.* Советский средний танк Т-34. Лучший танк Второй мировой войны. М., 2017. С. 43.

⁴ *Коломиец М.В.* Советский тяжелый танк КВ-1. Первые танки Победы. М., 2017. С. 9.

⁵ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Свирин М.Н.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М., 2005; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012; *Ермолов А.Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е гг.: танковая промышленность. СПб., 2013.

⁶ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). М., 2008.

переворужения Красной армии, борьбе за власть в военной верхушке. Но вопросы развития танковых вооружений и роль в них Сталина лишь упоминаются.

Отдельные аспекты темы предлагаемой статьи затронуты в ряде журнальных публикаций. Так, в статье А.В. Голубева исследуется воздействие «военных тревог» на советскую политическую элиту и военные усилия, одним из результатов которых стала гигантская танковая программа⁷. На то, что в создании массовых вооружений и военной техники советское руководство видело необходимое условие готовности к войне, указывает в своей статье Н.Я. Шепова⁸. Результаты этой программы и ее влияния на готовность армии к войне ставит под сомнение В.А. Гаврилов, считая ее явно гипертрофированной, а сами танки, построенные в первой половине 1930-х гг., – потерявшими ценность к началу войны⁹.

Зарубежные исследователи обратились к истории танковых войск Красной армии в 1970–1980-е гг. Работы этого периода носили преимущественно описательный, иллюстративный характер¹⁰. Необходимо подчеркнуть, что отмеченный характер зарубежных исследований сохранился и в дальнейшем¹¹. Некоторым исключением стали работы, выходящие за привычные рамки иллюстративного подхода, авторы которых исследовали историю советских танковых вооружений в контексте развития доктрин их применения, технологии создания и практики производства¹².

Среди локальных тем наибольший интерес зарубежных исследователей привлекла история появления в СССР танка конструкции американского инженера Дж. Уолтера Кристи, послужившего впоследствии основой для массового производства советских танков серии «БТ». Этот интерес продолжал сохраняться и позже¹³.

В данной статье предпринята попытка анализа совокупности документов, отразивших интерес советского вождя к развитию танковых вооружений Красной армии в 1930-е гг. В личном фонде И.В. Сталина, хранящемся РГАСПИ и фондах РГВА, находится большой объем служебной переписки по вопросам развития автобронетанковых войск Красной армии в межвоенный период. Разрозненность обнаруженных документов и по времени, и по содержанию не позволяет полностью проследить решение конкретных вопросов, в то же время их совокупность дает представление о диапазоне интереса И.В. Сталина. В сочетании с текстами

⁷ Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // *Отечественная история*. 2008. № 1. С. 49–50.

⁸ Шепова Н.Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2 (17). С. 97–98.

⁹ Гаврилов В.А. Канун войны: роковые просчеты // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 2 (17). С. 110.

¹⁰ Brereton John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley, 1970; Zaloga Steve, Grandsen James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London, 1984.

¹¹ Fleischer Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen, 1999.

¹² Vlakanic Peter J. Marshal Tukhachevsky and the «Deep Battle»: An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945 // *The Land Warfare Papers*. 1992. № 14. P. 1–34; Hofmann, George F. *Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive Operations* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1996. Vol. 9. № 2. P. 283–334.

¹³ Hofmann George F. A Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy // *Military Affairs*. 1975. Vol. 39. № 1. P. 12–18; Hofmann George F. *The United States' Contribution to Soviet Tank Technology* // *Journal of the RUSI*. 1980. Vol. 125. № 1. P. 63–68.

его публичных выступлений образуется достаточно объемный массив материалов, позволяющий реконструировать основные взгляды и представления советского вождя в отношении развития бронетанковых войск предвоенного периода.

«Военные тревоги» и «танкизация» Красной армии

Целенаправленный интерес И.В. Сталина к танкам и развитию бронетанковых войск Красной армии сформировался в конце 1920-х гг., когда серия так называемых «военных тревог» заставила советское руководство вплотную заняться вопросами подготовки страны к надвигающейся войне. Начался пересмотр программ наращивания военной мощи, в процессе которого приоритет среди других родов войск был отдан резкому увеличению численности танковых войск, позже получившему полуофициальное название «танкизация» Красной армии. В первоначальном варианте 1928 г. планировалось к концу первой пятилетки построить 1075 танков, но летом 1929 г. задание на строительство танков было повышено до 1500 единиц в строю и 1500–2000 танков в резерве. Важно отметить, что инициатива этого «танкового рывка» принадлежала ни наркомату по военным и морским делам, ни наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, но политическому руководству страны и, прежде всего, ее фактическому лидеру И.В. Сталину. Причем, как признавал позднее Ворошилов, правительство намеревалось поднять планку до 10000 танков, но ему удалось отстоять цифру 3500 единиц¹⁴.

Именно с этого решения начинается период, когда развитие танковых войск и вооружений Красной армии начинает непосредственно контролировать Сталин. В это же время формируются основные его взгляды и представления о размерах и характере необходимой военной мощи советского государства.

15 июля 1929 г. Политбюро ВКП (б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР», определившее направление и содержание военного строительства на следующее пятилетие. Само постановление было подготовлено решениями особой комиссии Политбюро, в состав которой входил Сталин. Квинтэссенцией постановления от 15 июля стала установка: «по численности – не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружений, а именно – по воздушному флоту, артиллерии и танкам¹⁵».

Ставка на преимущественное развитие техники, разумеется, не была случайной. К тому времени у Сталина и всего советского руководства уже сложилось понимание общей экономической слабости страны, не позволявшей содержать в мирное время большую по численности армию. Компенсацией этой слабости и стал приоритет развития технических родов войск. В 1932 г. Сталин облек эту мысль в формулу: «Изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая организация армии – создают совершенно новую обстановку, лишаящую старые споры о большом количестве дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а, прежде всего, их качество, их насыщенность техни-

¹⁴ Кен О.Н. Мобилизационное планирование... С. 88–89.

¹⁵ Там же. С. 85.

кой (выделено мной – А.К.) будет играть отныне решающее значение (так в тексте Сталина – А.К.)»¹⁶. Здесь и следует искать объяснение той любви Сталина к техническим родам войск, которая так ярко проявилась в 1930-е гг.

На протяжении всего периода 1930-х гг. в адрес Сталина поступала самая разнообразная информация о строительстве автобронетанковых войск Красной армии и развитии танковых вооружений за рубежом, что позволяло ему не только контролировать строительство этого рода войск в Советском Союзе, но и трансформировать собственные взгляды на применение танков в будущей войне.

Сталин и иностранные заимствования в советском танкостроении

Анализ реакции Сталина на огромный массив направляемых ему документов показывает, что одной из наиболее актуальных для него проблем было заимствование опыта зарубежного танкостроения.

Необходимо отметить, что эта проблема была сверхактуальна для всего советского военного строительства первой половины 1930-х гг. Не имея собственного опыта создания современной военной техники, ни инженерных кадров, ни научно-конструкторских школ, ни технологий, Советскому Союзу волей-неволей пришлось обратиться к зарубежному опыту. И здесь на помощь пришла цикличность экономического развития Запада. Начавшийся в конце 1920-х гг. экономический кризис привел к сокращению военных расходов, ведущие производители вооружений остались без заказов, и советское руководство получило уникальный шанс закупить за рубежом все необходимое для реализации своих гигантских программ перевооружения.

В строительстве бронетанковых вооружений Красной армии эта возможность была использована в самой полной мере. Уже в декабре 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б), осознав, что без иностранных заимствований программу «танкизации» Красной армии выполнить невозможно, принимает решение о начале закупок иностранной техники и получения технической помощи за рубежом, для чего за границу была отправлена авторитетная комиссия из представителей промышленности и военного ведомства во главе с начальником Управления механизации и моторизации (УММ) РККА И.А. Халепским. По результатам ее деятельности в Англии, США, Франции и Германии было закуплено несколько десятков образцов военной техники, послуживших прототипами для серийного производства автобронетанковых вооружений Красной армии.

С самого начала Сталин самым внимательным образом следил за процессом заимствования иностранных танковых новинок. На его имя поступало множество докладов, отчетов и служебных записок о ходе переговоров с иностранными фирмами, предложений о закупке конкретных образцов техники и результатах сделок. Подчас речь шла о совершенно специальных вопросах. Анализ их перечня и содержание информации в целом позволяет очертить круг интересов Сталина к танковым вооружениям. Так, уже в январе 1930 г. зампреда ВСНХ СССР Н. Осинский направил И.В. Сталину письмо о возможности использования немецкого трактора «Линке-Гофман»¹⁷, который «с военной точки зрения является

¹⁶ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

¹⁷ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 31811. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

ни чем иным, как истребителем танков или самоходной пушечной установкой. На него ставится 37-мм пушка, способная пробивать броню танка... Как истребитель танков Линке-Гофман, по-видимому, будет хорош»¹⁸.

Куда более пристальное внимание советского вождя вызвала другая техническая новинка того времени – танки-амфибии. Первый образец легкого плавающего танка был создан в Англии фирмой «Виккерс-Армстронг» весной 1931 г. и усиленно рекламировался в прессе. Можно без преувеличения сказать, что плавающий танк для того времени стал настоящей сенсацией. Не удивительно, что информация об этом чуде техники очень скоро дошла до Кремля. 19 ноября 1931 г. Сталин совершенно неожиданно позвонил начальнику УММ РККА И.А. Халепскому, находившемуся в больнице из-за обострения язвы, и в жестком тоне потребовал объяснений по поводу его отказа от покупки плавающего танка Кристи во время нахождения в США закупочной комиссии. Не на шутку взволнованный Халепский немедленно направил Сталину подробнейшее письмо, в котором уверял, что в действительности такого танка у Кристи никогда не было, существовал лишь макет¹⁹. Дело удалось утрясти, тем более что уже через три дня стало известно, что сама фирма «Виккерс-Армстронг» обратилась к советским представителям с предложением продать партию из 20–25 танков-амфибий²⁰. Сталин буквально ухватился за это предложение, о чем 9 декабря 1931 г. сообщил М.Н. Тухачевский в письме К.Е. Ворошилову: «Показали мы т[оварищу]. Сталину и т[оварищу]. Молотову фильм: испытания танка-амфибии Карден-Ллойда. Это чрезвычайно интересно и т[оварищ]. Сталин предложил купить десять штук по 25 тыс. руб. (Виккерс просит по 34 тыс. руб.) Через Темзу этот танк плавает шутя»²¹.

«Высочайшее внимание» сыграло свою роль, и замнаркома обороны М.Н. Тухачевский распорядился немедленно начать переговоры о покупке, и, не дожидаясь их результатов, приступить к созданию собственного плавающего танка, используя имевшиеся фотографии английского образца²². Работы развернулись небывалыми темпами, и уже в апреле 1932 г. советский танк-амфибия Т-33 вышел на испытания²³. В конце июня 1932 г. высшее советское руководство наблюдало демонстрацию первых советских танков-амфибий Т-33 и Т-41, в ходе которой оба танка форсировали водную преграду, а затем «атаковали укрепления противника»²⁴. Явно пребывая в восторге от увиденного, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов обратился к Сталину: «Коба! Я думаю, что на [19]33 г. нужно заказать... дополнительно к нашей танковой программе. (Плюс 2 тыс. 3-тон. амфибии)»²⁵. Демонстрация плавающих танков произвела впечатление и на Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Обращаясь к участникам военного парада в

¹⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 350. Л. 42–43.

¹⁹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 184.

²² РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 55. Л. 4.

²³ *Свирин М.Н.* Броня крепка... С. 151, 153.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 84–85.

²⁵ Там же. Д. 37. Л. 75.

Москве 1 мая 1934 г., он пожелал танкистам иметь больше этих боевых машин²⁶. Пожелания вождя были исполнены – в 1933–1939 гг. Красная армия получила 4383 плавающих танка четырех модификаций²⁷.

Упомянутый звонок Сталина Халепскому в больницу, разумеется, не был случайным. Советский вождь пристально следил за тем, что и как закупалось для Красной армии. Непростые отношения советского военного ведомства с американским конструктором танков Джоном У. Кристи²⁸, как и освоение в производстве закупленных прототипов, достаточно долго оставались под надзором Сталина. Приобретенные комиссией Халепского два шасси танка «М 1940» успешно прошли испытания весной – летом 1932 г., и на их основе началось производство танков собственной разработки. 1 июля 1932 г. Ворошилов сообщил вождю о готовности нового образца для демонстрации: «Коба! Ты хотел посмотреть новый танк «Кристи». Халепский, получив от меня указание быть готовым, не дает мне покоя – добивается знать, когда мы будем смотреть танку»²⁹. Очередной предмет сталинского внимания оказался весьма удачным, и в 1932–1939 гг. на вооружение Красной армии поступило 8 060 танков серии танков БТ (БТ-2, БТ-5, БТ-7)³⁰, ставших одним из самых известных символов успехов СССР в военном строительстве.

Нарком К.Е. Ворошилов продолжал информировать Сталина о новых изобретениях Дж. Кристи, часть из которых предлагалось срочно приобрести. Весной 1932 г. в Москве стало известно о работе Дж. Кристи над конструкцией безбашенного летающего танка «М 1932», который, имея собственный планер и воздушный винт, работающий от танкового двигателя, теоретически мог совершать управляемый полет, и после приземления, сбросив планер, действовать как обычный танк. Это новое детище Кристи очень увлекло советское руководство. 27 июня 1932 г. Ворошилов обратился к Сталину: «прошу твоей поддержки о немедленном (как только модель будет доработана и представится возможность) приобретении чертежей этой модели “летающего танка”. Не беда, что танк не летает, другие данные этого танка, если верить сообщениям, столь интересны, что его приобретение не может вызывать ни малейших сомнений. Американцы все еще “преют”, и пусть их “преют”, а нам нужно покупать чертежи, ошибки не будет»³¹. После недолгих переговоров Кристи согласился продать советской фирме «Амторг» свой «аэротанк М 1932» за 33 тыс. долл., и осенью 1933 г. начались его испытания в РККА. Но их результаты выявили бесполезность этой покупки³².

Показателен интерес Сталина к новинкам французского танкостроения начала 1930-х гг. Так, в письме И.А. Халепского наркому Ворошилову от 4 сентября 1932 г. сообщалось, что во исполнение поставленной лично Сталиным задачи «достать сведения и материалы о строительстве французами тяжелых танков и,

²⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

²⁷ Солянкин А.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. М., 2002. Т. 1. С. 44–47.

²⁸ Киличенков А.А. Танки конструкции Дж. Кристи и их судьба в США и СССР (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 2. С. 139–154.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 52.

³⁰ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. М., 2002. С. 76–80.

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 715. Л. 55.

³² Желтов И.Г., Павлов И.В., Павлов М.В. Танки БТ. М., 2001. С. 38–40.

в частности, тяжелого 74-тонного танка 2С» во Францию был отправлен «состоящий для особых поручения т[оварищ]. Ратнер»³³. Итогом его шестимесячной командировки стал отчет, переправленный Ворошиловым Сталину с припиской: «Если найдешь пару минут времени, прошу перелистать доклад т[оварища]. Ратнера, интересно, хотя и не всему можно доверять, т.к. материалы, которыми располагал т[оварищ]. Ратнер не безусловно достоверны»³⁴.

Анализ структуры интереса Сталина к зарубежному танкостроению показывает, что его привлекали в первую очередь наиболее оригинальные и, как тогда виделось, перспективные образцы. Речь идет о танках колесно-гусеничной схемы³⁵, танках-амфибиях, летающих танках и танках-истребителях. В этом сочетании объектов сталинского интереса видится определенная закономерность. Каждый из них воплощал качества, которых были лишены классические танки того времени – большая скорость передвижения, способность форсировать водные преграды и подниматься в воздух. Идея танка-истребителя точно так же укладывалась в рамки этой логики, только речь шла, скорее, не о развитии танков, но противотанковой артиллерии. Танк-истребитель обладал подвижностью и защищенностью, недоступными для полевых и противотанковых орудий.

В своей совокупности все эти разработки воплощали идею «асимметричной альтернативы», к которой так тяготело советское руководство. Справедливости ради следует признать, что это скорее черта национальная, нежели идеологическая. Правители России, точно так же, как и большевистские лидеры, не раз и не два поддавались обаянию нестандартного «ответа» в ситуации «вызова» военной угрозы. Примером тому была программа строительства на Балтике в 1860-е гг. мониторов и флотилии миноносков в 1870-е гг. в ожидании возможной войны с Англией, создание в 1880-е – 1890-е гг. целого нового класса боевых кораблей – броненосных крейсеров в качестве «асимметричной» угрозы британскому морскому могуществу. Большевики продолжили эту традицию ставкой на создание в межвоенный период так называемого «москитного флота» (торпедных катеров, подводных лодок, береговой авиации) в противовес линейному флоту вероятных противников. В послевоенный период «асимметричным ответом» Н.С. Хрущева на превосходство Запада в стратегической авиации стала ракетно-ядерная программа перевооружения армии и флота.

Выбор «асимметричной альтернативы» диктовался циклическим отставанием России/СССР от Запада в промышленном и технологическом развитии. Острая необходимость «догнать и перегнать» или хотя бы достичь паритета диктовалась такой же циклическостью военных угроз.

Собственно, явное увлечение советского вождя разного рода новинками танковых вооружений – тому весьма убедительное свидетельство, поскольку реализация ожидаемых преимуществ летающих, плавающих и гибридных (колесно-гусенич-

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 586. Л. 179.

³⁴ Там же. Л. 180–185.

³⁵ Колесно-гусеничная схема позволяла танку двигаться и на колесах (катках большого диаметра) и на гусеницах. Движение на катках, как правило, использовалось на дорогах с твердым покрытием для переброски в район развертывания, на гусеницах – во время боя, когда требовалось преодолевать препятствия и заграждения. Таким образом обеспечивалась повышенная мобильность танковых подразделений, а также экономия ресурса гусениц, который в 1920–1930-е гг. было весьма ограничен.

ных) танков вместо долгого и дорогостоящего создания классического варианта военной мощи обещала быстрый и недорогой ответ, сводящий на нет превосходство противника. Но сталинская «танковая альтернатива» обладала важной особенностью. Обычно альтернативный вариант замещает собой или предшествует «симметричному» ответу на угрозу. В СССР одновременно с «асимметричным ответом» началось строительство тысяч танков классического типа. В 1930-е гг. Красная армия получила 12,6 тыс. танков Т-26, построенных на основе английского прототипа «Виккерс 6 тонн», закупленного комиссией Халепского³⁶.

Внимание И.В. Сталина к зарубежному танкостроению не ограничивалось лишь техникой, но распространялось и на вопросы тактики применения танков. Ярким примером подобного внимания служит обзор опытных учений механизированной бригады английской армии в сентябре 1932 г., отправленный Сталину начальником УММ РККА И.А. Халепским 17 декабря 1932 г.³⁷ Обзор сопровождался письмом Халепского с многозначительной припиской: «Зная Ваше исключительное внимание и интерес к этому вопросу, представляю настоящий материал с целью информации»³⁸.

Здесь необходимо некоторое пояснение. Совершенно локальное и сугубо военное событие привлекло внимание советского руководства абсолютно не случайно. К тому времени разворачивавшаяся во все больших масштабах индустриализация уже обеспечивала Красную армию новым вооружением, и в первую очередь танками. Советские теоретики вели разработку новых способов ведения войны, сделав ставку на применение в качестве ударной силы механизированных соединений. Признанным лидером и в создании новых типов танков и в теории их применения в 1920-е – начале 1930-х гг. оставалась Англия. В 1927 г. было создано первое экспериментальное механизированное соединение английской армии для отработки вопросов применения танков в будущей войне³⁹. Не удивительно, что с самого начала руководство Красной армии самым внимательным образом отслеживало итоги первых учений английской механизированной бригады. Анализ пометок Сталина в тексте направленных ему документов позволяет выявить его видение того или иного вопроса.

Материалы об учениях английской механизированной бригады армии включали сообщение И.А. Халепского и приложение, составленное аналитиками УММ на основе обзора английской прессы. Начальник УММ обращал внимание Сталина на то, что являло собой «исключительную ценность» – «действия английской механизированной бригады <...> против стрелковой дивизии, заблаговременно занявшей оборонительную полосу и подготовившейся к обороне против действий мехчастей»⁴⁰.

Но, подчеркнув фразу Халепского, «выводы сводятся к следующему», Сталин не выделил ни один из его выводов. Он предпочел сам ознакомиться с документом в полном виде. В первую очередь его внимание привлекла впечатляющая

³⁶ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины... С. 70–76.

³⁷ РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130–145.

³⁸ Там же. Л. 130.

³⁹ Harris J.P. Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939. Manchester, 1995. P. 214.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 130.

картина разгрома обороняющейся стороны: «В результате двухчасового действия танков, разгром дивизии получился полнейший. Пехота была деморализована, орудия подавлены, штабы разгромлены. Пулеметные гнезда не имели никакого воздействия. Также не могла сдержать наступления танков полевая артиллерия» (здесь и далее подчеркнуто Сталиным при прочтении – *А.К.*). А вот потери атакующей танковой бригады и выводы английского командования о причинах разгрома обороны никакого интереса не вызвали⁴¹.

Из анализа действий танковой бригады на поле боя Сталин остановился лишь на выводах, касающихся средних танков: «Взята под сомнение необходимость средних танков, так как с их задачами вполне справились бы и легкие. Средние, как более тихоходные, привели к ненужным потерям». Но в отличие от английских аналитиков он поставил под сомнение не необходимость самого типа среднего танка, но его тихоходность, считая недостаток скорости причиной больших потерь.

Вопросу о причинах и уроках разгрома стрелковой дивизии в обзоре была отведена основная часть доклада. Сталин подчеркнул нецелесообразность применения полевой артиллерии против танков и совершенно не придал значения возможности применять полевую артиллерию для ведения кинжального огня и ценности использования минных заграждений. (Напомним, что именно эти способы борьбы с танками нашли самое широкое применение в период Великой Отечественной войны.) Судя по отметкам в тексте, И.В. Сталин видел в качестве основного средства борьбы с танками артиллерию специального назначения – мобильную, противотанковую.

Как всегда, наиболее важная часть информации содержалась в заключительной части документа: «Ответ был ясен еще до начала маневров. Целью этих маневров было доказать, насколько несовершенна организация современной английской дивизии на определенных театрах военных действий в борьбе с современной армией, вооруженной броневыми машинами. Дивизия, заняв позицию по ее же выбору, не может противостоять механизированной бригаде. Во время движения шансы дивизии будут еще меньше. Выражаясь в цифрах, можно сказать, что 15–20 тысяч человек не могут противостоять 500–600»⁴². Сталин целиком подчеркнул приведенную цитату. Выделил он и объяснение причин сохранения несовершенной структуры, предложенное УММ: «Этот... ответ [находится] в английском консерватизме. До сих пор основная доктрина, по традиции, заключалась в том, что вооруженные силы всей империи должны быть вылиты в одну форму»⁴³.

Из всего документа данный раздел привлек наибольшее внимание Сталина. Судя по всему, отмеченный вывод совпадал с его представлениями о взаимосвязи между военным могуществом страны и качествами ее политической системы, а также его отношением к Англии, как стране с устаревшей моделью государственного управления.

Сталин и «суррогатные» танки Тухачевского

Прочтение документов о танковых вооружениях глазами политика было очень характерным для Сталина. Сочетание политического подхода с поисками

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 137.

⁴² Там же. Л. 139.

⁴³ Там же.

«асимметричной альтернативы» проявилось в истории с так называемой «танковой программой» М.Н. Тухачевского. 11 января 1930 г. он направил наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову «Записку о реконструкции РККА», вызвавшую нешуточный скандал в среде высшего военно-политического руководства⁴⁴. Автор «Записки» предлагал радикально пересмотреть план строительства вооруженных сил СССР, опираясь на планируемые показатели промышленного развития первой пятилетки. Командующий войсками Ленинградского военного округа, недавно сосланный на эту должность с поста начальника Штаба РККА, считал необходимым кардинально увеличить размеры мобилизуемой с началом войны армии со 140 дивизий до 260, вместо 3500 самолетов – 40 тыс., вместо 4000–5000 танков – 50 тыс.⁴⁵ Нарком Ворошилов «принял в штыки» идею Тухачевского и, заручившись отрицательным отзывом начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, обратился к Сталину: «Тухачевский хочет быть оригинальным и... “радикальным”. Плохо, что в К[расной] А[рмии] есть порода людей, которые этот “радикализм” принимают за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне твое мнение»⁴⁶. Сталин, не колеблясь, принял сторону наркома, обвинив Тухачевского в прожектерстве: «Я думаю, что план т[оварища]. Тухачевского является результатом модного увлечения “левой” фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем “игрой в цифири”, а марксистская перспектива роста Красной армии – фантастикой. “Осуществить” такой “план” – значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции»⁴⁷.

Но спустя всего несколько месяцев Сталин переменял свое отношение к предложениям Тухачевского. И решающую роль в этом сыграл... «танковый вопрос». Получив возможность обратиться к Сталину с разъяснениями, Тухачевский направил ему подробное письмо, в котором на примере программы производства танков обосновал показатели «Записки о реконструкции РККА» возможностью создания танков на базе тракторов⁴⁸. И это не было легкомысленной фантазией Тухачевского. В письме Сталину он приводил примеры переделки тракторов в импровизированные танки за рубежом, и, главное, в Ленинграде⁴⁹. Приведенные примеры сопровождались оптимистичным выводом: «В общем, вопрос применения трактора и автомобиля для танка надо считать решенным и в наших условиях, на самом же деле ИЗ КАЖДОГО ТРАКТОРА И АВТОМОБИЛЯ МОЖНО ПОСТРОИТЬ ОДИН ТАНК (выделено в тексте документа. – А.К.)»⁵⁰. Подобный способ производства танков вполне позволял построить бронированную армию в 50 тыс. боевых машин.

⁴⁴ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения... С. 143–157.

⁴⁵ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление... С. 68; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 18.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

⁴⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 91–91 об.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 67 об, 68, 69.

⁵⁰ Там же. Л. 68–70.

Судя по отметкам, аргументы Тухачевского произвели впечатление на Сталина. Подтверждением тому стало быстрое возвращение опального военачальника в Москву – уже в июне 1931 г. – он был назначен начальником вооружений РККА, а затем – заместителем наркома по военным и морским делам. Более того, в мае 1932 г. Сталин отправил Тухачевскому письмо, где признал свою неправоту: «Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма – не во всем правильными»⁵¹.

Но «танковая программа» М.Н. Тухачевского получила поддержку Сталина не только благодаря примерам успешной переделки тракторов в танки. Намного более важными были ее экономическая и политическая составляющие. В письме Сталину Тухачевский обосновывал необходимость массированного применения танков... экономической выгодой. Он привел расчеты, из которых следовало, что для уничтожения пулеметного гнезда было необходимо израсходовать 75 снарядов 76 мм орудия, стоимость которых составляла 3750 руб., для обеспечения прохода пехоты в проволочном заграждении требовалось 150 снарядов (7500 руб.). В то же самое время для решения обеих задач танку достаточно было одной атаки. Применение танков давало огромную экономию артиллерийских порохов: «Наше узкое место по порохам, – обращал внимание вождя М.Н. Тухачевский, – с особенной настойчивостью требует массового появления танков на поле боя (подчеркнуто Сталиным при прочтении – А.К.)»⁵².

Более важным оказалось предложение Тухачевского использовать для массового строительства танков заводы гражданского профиля вместо специализированных военных⁵³. Таким образом удавалось «убить трех зайцев» сразу – обеспечить массовое производство вооружений уже в мирное время, задействовать гигантский промышленный потенциал сталинской гипериндустриализации и дать обществу зримое объяснение ее необходимости.

Сталин по достоинству оценил инициативу М.Н. Тухачевского, назначив его фактически вторым лицом в военной иерархии. Впрочем, этой «индугенции» хватило всего лишь на пять лет...

Кадры или техника решают все?

Время первых пятилеток стало периодом не просто быстрого, а головокружительного роста танковых войск Красной армии. Если в 1930 г. в ее составе насчитывалось 323 танка, в 1931 г. – 827 танков и 124 танкетки, в 1932 г. – 1237 и 575 соответственно, в 1933 г. – 3214 танков и 2430 танкеток⁵⁴. Принятие на вооружение все новых и новых образцов вело к усложнению структуры бронетанковых войск Красной армии. 13 августа 1933 г. Комиссия обороны рассмотрела вопрос о системе танкового перевооружения РККА. В основу ее решений были положены директивы И.В. Сталина:

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 2–3.

⁵² Там же. Д. 446. Л. 70 об. – 71.

⁵³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3 с. Д. 155. Л. 92 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 457. Л. 235; Д. 766. Л. 303; Ф. 33988. Оп. 3. Д. 301. Л. 171.

1. Свести все образцы танкового вооружения к 5 типам;
2. Перевести основные типы танков с гусеничного хода на колесно-гусеничный;
3. Разработать переход всех типов танков на дизель-мотор;
4. Улучшить качество боевых машин, находящихся на вооружении⁵⁵.

Эти директивы отражали видение Сталиным основных тенденций развития бронетанковых вооружений. Переход всех типов танков на дизельный двигатель и колесно-гусеничный ход обеспечивал резкое увеличение показателей мобильности танков и механизированных соединений, расширял возможности их применения. Но одновременно приходится констатировать, что Сталин все же переоценивал уровень советской промышленности и неверно оценивал тенденции развития танкостроения. Ни одна из этих задач так и не была решена к началу войны. Создать линейку дизельных двигателей для всех типов танков не удалось, в серию пошел лишь знаменитый двигатель В-2, устанавливавшийся на танках Т-34 и КВ. Колесно-гусеничная схема, в которой советское военное руководство, включая Сталина, видело почти панацею, оказалась тупиковым вариантом развития, и в конце 1930-х гг. была заменена гусеничной.

Но рост численности советских танковых войск продолжался. В этот же период танки наряду с военной авиацией стали главным участником традиционных военных парадов и демонстрации могущества страны Советов. И с этого же времени Сталин все чаще обращался к «танковой» теме в своих публичных выступлениях.

Первым таким примером стала речь Сталина 2 мая 1934 г. в Большом Кремлевском дворце на завтраке с участниками первомайского военного парада. Весьма примечательно, что, обратившись к собравшимся, Сталин начал с танкистов: «Мои пожелания танкистам:

- Желал бы, чтобы имели побольше амфибий;
- Желал бы иметь побольше Т-28 и Т-35, они показали себя не плохо;
- Дальше, желал бы иметь побольше БТ, но не такие, какие имеются сейчас. БТ хороший танк, но желательно, чтобы у него было побольше ведущих осей, и чтобы они сами себя возили – колесно-гусеничные»⁵⁶. Совершенно необычным было уточнение Сталиным «пожеланий» к колесно-гусеничному танку БТ. Дело в том, что задача по созданию модификации БТ с приводом на три оси вместо одной была поставлена только весной 1934 г.⁵⁷. Сам этот факт свидетельствует о том, что Сталин был прекрасно осведомлен и о подобных планах, и о только что начинавшихся работах.

Очередным публичным выступлением Сталина, оказавшим прямое влияние на развитие танковых вооружений РККА, стала его речь 4 мая 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий. Парадоксальность этого влияния состояла в том, что Сталин ничего не говорил о танках и очень мало – об армии. Собственно, сама речь знаменита лозунгом «Кадры решают все!». Применительно к военным

⁵⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1272. Л. 21.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

⁵⁷ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины... С. 102.

этот лозунг обрел свою конкретику: «Кадры в армии – это очень ценное дело... Вначале мы не умели ценить технику, ломали ее всю... У нас не понимают, что техника – это оружие, но она сама по себе не действует, она действует только в руках людей, умеющих эту технику пустить в ход. Значит, нужны кадры. Мертва без кадров техника, а с кадрами ей предоставлены возможности творить чудеса»⁵⁸.

Вождь осознал, что колоссальные усилия всего государства, позволившие создать огромную военную мощь, натолкнулись на нехватку настоящих профессионалов. Но, если на встрече с «академиками» он всячески превозносил кадры: «Сто машин не стоят одного самого плохого летчика»⁵⁹, то в его директивах акценты составлялись уже иначе. Сталин указывал, что самолеты «должны быть простыми, по-настоящему проверенными до поступления в строевые части, прочно и безотказно действующими, они не должны требовать виртуозности и высокого искусства в пилотировании от летчика. Конструкция наших самолетов и качество их должно быть рассчитано на среднего и ниже среднего летчика»⁶⁰. Говоря иначе, Сталин осознавал, что уровень профессионализма тех самых кадров, которые «решают все», настолько не высок, что даже не соответствует уровню новой техники РККА.

Не удивительно, что сталинские указания относительно новой авиационной техники были взяты к исполнению и в танкостроении. 1 сентября 1936 г. в Автобронетанковом управлении (АБТУ)⁶¹ РККА были подготовлены обоснования системы автобронетанковых войск на третью пятилетку, где прямо говорилось о том, что вышеприведенные «указания товарища Сталина» стали определяющими для всей системы автобронетанковых войск: «Эти указания целиком и полностью относятся к автобронетанковой материальной части. <...> Конструкция боевых машин и качество должны быть рассчитаны на среднего и ниже среднего танкиста»⁶².

Сталин и изучение опыта танковой войны

В очередной раз Сталину пришлось заняться «танковым вопросом» после советско-финляндской войны 1939–1940 гг., в ходе которой АБТВ Красной армии понесли тяжелейшие потери. Всего в ходе боевых действий в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. приняло участие 4668 танков, общее же число потерь составило 3550 машин, из них боевые потери – 1949 (676 единиц потеряно безвозвратно, т.е. не подлежало восстановлению), и еще 1601 танк был утрачен по техническим причинам⁶³. Огромные потери Красной армии в этой войне послужили причиной небывалого события. 14–17 апреля 1940 г. в Москве состоялось расширенное совещание при ЦК ВКП (б) с целью изучения опыта войны с Финляндией. Оно оказалось единственным подобным совещанием, в котором принял участие Сталин. Почти каждому из докладчиков он задавал вопросы.

⁵⁸ *Сталин И.В.* Речь на приеме 4 мая 1935 г. (неправленая стенограмма) // Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 55–56.

⁵⁹ Там же. С. 57.

⁶⁰ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 400. Л. 79, 81.

⁶¹ В 1934 г. УММ РККА было преобразовано в АБТВ РККА.

⁶² РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 400. Л. 79, 81.

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 91.

Танкистов среди выступавших оказалось немного – всего трое из 45 участников, и еще четверо докладчиков так или иначе затронули вопросы применения танков. Но комментарии Сталина были редки и немногословны. Было очевидным, что «танковая проблема» его интересовала мало. Так, выслушав сообщение военкома автобронетанковых войск Северо-Западного фронта полкового комиссара А.П. Сеницына о том, что «обыкновенный 37 мм снаряд прошибает насквозь наш танк», Сталин лишь поинтересовался, какой толщины брони будет достаточно⁶⁴. Такими же односложными замечаниями Сталин отозвался на выступление начальника АБТУ КА комкора Д.Г. Павлова: «Я преклоняюсь перед артиллерией, но здесь, очевидно, забыли танки <...> Пехота без танка в атаку не пойдет.

Сталин: Танки – есть движущаяся артиллерия.

Павлов: С той только разницей, что он бьет прямо в глаз прямой наводкой, а не по площади.

Сталин: Танк есть хорошо защищенная броней артиллерия»⁶⁵.

К танкам Сталин вернулся, выступая в завершении совещания. Перечислив средства современной войны, он поставил на первое место артиллерию («В современной войне артиллерия – это Бог»), затем – «массовую авиацию», танки же были поставлены на третье место: «нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней – это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте»⁶⁶.

Для понимания того, как советский вождь видел проблемы развития танковых войск и вооружений, необходим анализ не только его выступлений, но и того, что Сталин не услышал, на что не обратил внимания. Главные нарекания докладчиков – и танкистов, и общевойсковых командиров – вызвала структура танковых войск. Ярче всего об этом высказался Д.Г. Павлов: «Несчастливая участь постигла нас в РККА – и во время любой войны постигнет – наши дивизионные танки... Больше 7 тыс. разбросано танков по дивизиям и никакой роли они не сыграли... чаще всего были обращены на охрану штабов полков и дивизий... нужно уже сейчас восстанавливать все танковые бригады... хотя бы за счет танков стрелковых дивизий»⁶⁷.

О бесполезности танковых батальонов говорил и единственный среди участников командир танковой бригады Д.Д. Лелюшенко, напоминая, что, не имея своих служб обеспечения, батальоны не могли эвакуировать и ремонтировать подбитую технику, полностью теряя боеспособность за несколько дней боев, в то время как танковые бригады сохраняли ее благодаря собственным ремонтно-эвакуационным подразделениям. Очень остро был поставлен вопрос об отсутствии взаимодействия танков и пехоты⁶⁸. О полной бесполезности столь полюбившихся Сталину танков-амфибий Т-37 и Т-38 сообщил комдив Пшеничников⁶⁹. Но никакого интереса ни к одной из этих проблем Сталин не проявил.

⁶⁴ Кульков Е. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1999. С. 35.

⁶⁵ Там же. С. 270.

⁶⁶ Там же. С. 278.

⁶⁷ Там же. С. 268–269.

⁶⁸ Там же. С. 54.

⁶⁹ Там же. С. 30.

Между тем даже эти краткие, подчас отрывочные, выступления вскрыли очень тревожную картину неготовности автобронетанковых войск к современной войне. Структура этого рода войск оказалась непродуманной и не отвечающей требованиям войны, ряд типов боевых машин выявил свою неэффективность, танки были беззащитны перед противотанковой артиллерией и даже крупнокалиберными пулеметами, пехотные командиры и представления не имели о том, как использовать танковые подразделения в бою, о взаимодействии танков с пехотой, артиллерией и авиацией не было и речи. В пору было бить тревогу.

Но Сталин предпочел ограничиться лишь мелкими замечаниями и репликами. В своей заключительной речи он совершенно верно определил главные причины и провального начала этой войны, и огромных потерь, и требования современной войны. И, если в отношении вооружения и военной техники, включая танки, эти требования вполне могли быть удовлетворены довольно скоро, то необходимые качества командиров и штабов еще только предстояло выработать. Сталин совершенно точно определил их содержание: общевойсковой командир «должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, минометы, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав *квалифицированный, культурный, образованный* (здесь и далее выделено мной – А.К.) <...> Мы должны наладить *культурные, искусно действующие штабы*. Этого требует современная война»⁷⁰. Если бы Сталин завершил свое выступление именно на этом, то сформулированные им требования могли бы послужить мощным стимулом для роста боевой выучки войск, штабов и командиров. Но он закончил иначе: «Наша армия стала крепкими обеими ногами на рельсы новой, настоящей советской современной армии <...> Мы разбили не только финнов <...> Главное в нашей победе состоит в том, что разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которой являлись учителями финнов»⁷¹.

Почему Сталин избрал более «оптимистичный» вариант финала своей речи? Запоминается, как известно, последнее слово и последняя мысль. Очевидно, что вождь хотел, чтобы участники совещания запомнили и транслировали именно этот вывод – Красная армия готова к войне с самыми передовыми армиями Европы. Объяснение тому содержится в другом фрагменте речи Сталина, где он рассказал собравшимся о том, как вместе с Молотовым заставил военных отказаться от «культы традиции и опыта гражданской войны» и перейти к войне по-новому: «Гражданские люди – я, Молотов – кое-что находили по части военных вопросов. Невоенные люди специально спорили с руководителями военных ведомств, переспорили их и заставили признать, что ведем современную войну с финнами»⁷². Иначе говоря, Сталин прямо заявил, что именно благодаря ему одержана победа, и благодаря ему Красная армия превратилась в современную военную силу, способную противостоять самым мощным армиям Европы. После этого признавать истинное положение дел было уже невозможно.

⁷⁰ Кульков Е. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М., 1999. С. 279.

⁷¹ Там же. С. 280, 282.

⁷² Там же. С. 277.

Жестокий опыт войны с Финляндией, действительно, стал мощным стимулом обновления Красной армии. Но в конце декабря 1940 г. командному составу вооруженных сил пришлось собраться вновь. Мотивы организации этого совещания еще до конца не изучены. Но есть основания предполагать, что его инициатором был сам генеральный секретарь ЦК ВКП (б). Во время праздничного обеда после парада 7 ноября 1940 г. Сталин совершенно неожиданно выступил с далеко неприветливой, гневной речью. Суть ее свелась к обвинению своего окружения в нежелании учиться: «Люди не хотят учиться, хотя и условия для учебы у нас прекрасные. Думают, что раз они из рабочих и крестьян, раз у них руки мозолистые, они уже все могут, незачем им дальше учиться и работать над собой. Между тем – настоящие тупицы»⁷³. Но все же острота сталинского гнева оказалось направленным на военных, им досталось более остальных: «...Необходимо постоянно учиться и каждые 2–3 года переучиваться. Но у нас не любят учиться. Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе <...> Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией <...> Люди беспечные не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. (Вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»⁷⁴.

Военные не могли не услышать Сталина, и уже через полтора месяца – 23–31 декабря 1940 г. – в наркомате обороны состоялось совещание командного состава РККА по изучению опыта войны в Европе⁷⁵. Сталин на этом совещании отсутствовал, но затребовал текст заключительной речи наркома обороны маршала С.К. Тимошенко и лично отредактировал его⁷⁶. Разделы, касающиеся применения танков, также подверглись редактированию. Перечисляя «врагов современной обороны», Тимошенко на первое место поставил «танк, применяемый в массе», но Сталин зачеркнул последнее и вписал: «Артиллерия. Это лишний раз показал опыт прорыва линии Маннергейма. Вторым врагом является танк с хорошей броней, применяемый в массовом масштабе»⁷⁷. Приверженность Сталина к артиллерии, почитание ее в качестве «Бога войны» сказалось и в понимании организации обороны. Тимошенко указывал, что первой задачей являлась организация противотанковой обороны, затем – противовоздушная, третья задача – противоартиллерийская оборона. Но Сталин полностью поменял приоритеты, поставив на первое место противоартиллерийскую оборону, противотанковую оборону – на второе место, противовоздушную – на третье⁷⁸. И, наконец, Сталин откорректировал раздел, посвященный использованию подвижных (танковых) соединений. Там, где Тимошенко говорил о «росте самостоятельности действий танковых соединений», Сталин добавил «некотором росте», вместо «более широкой самостоятельности» – «большой самостоятельности», вместо «большой обороноспособности танков» – просто «обороноспособности»⁷⁹.

⁷³ *Димитров Г.М.* 1940 г. 7 ноября. Из дневника // Небезин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007. С. 118–119.

⁷⁴ Там же. С. 119–120.

⁷⁵ Тогда же, в октябре 1940 г., аналогичное совещание было проведено наркоматом ВМФ СССР.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 437. Л. 25–85.

⁷⁷ Там же. Л. 38.

⁷⁸ Там же. Л. 40.

⁷⁹ Там же. Л. 62.

В этой редакции легко распознать мысли, высказанные Сталиным ранее. Главная из них – приоритетная роль артиллерии в современной войне, которую он ставил на первое место и в наступлении, и в обороне. Очевидно и то, что Сталин полагал, что Тимошенко (и военные) склонны преувеличивать значение танков. Из чего можно сделать вывод, что применение вермахтом танков в рамках модели блицкрига не произвело на Сталина особого впечатления. Объяснение следует искать в том, что и командование Красной армии, и Сталин считали, что немцы лишь повторяли советский опыт. Наиболее полно эту мысль высказал на упомянутом совещании в декабре 1940 г. генерал-полковник Д.Г. Павлов: «наши взгляды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили»⁸⁰.

Оставшись верным своей концепции «ездящей артиллерии», Сталин так и не увидел в действиях танковых сил вермахта 1939–1940 гг. главного. Того, что сочетание огневой мощи и мобильности, помноженные на массированность применения и взаимодействие с другими родами войск, являют собой совершенно новую ударную силу огромной мощи в будущей войне.

Последнее выступление Сталина перед военными накануне войны состоялось 5 мая 1941 г. на встрече с выпускниками академий Красной армии. Генеральный секретарь вновь вернулся к своей прежней идее: «Красная Армия уже не та, что была несколько лет тому назад <...> Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной техникой»⁸¹. Это в полной мере касалось и танковых войск, и вооружений. Сталин напомнил, что прежде «танки имели тонкую броню, противостоящую пушке 37 мм», но «теперь требуется броня в 3–4 раза толще. Есть у нас танки первой линии, которые будут рвать фронт. Есть танки 2–3 линии – это танки сопровождения пехоты. Увеличилась огневая мощь танков»⁸². Численность танков названа не была, но Сталин упомянул количество механизированных дивизий – 100, из которых две трети составляли танковые⁸³. Некоторым продолжением стали тосты Сталина на банкете, завершившем встречу. Во время второго из них Сталин напомнил присутствующим свое понимание сути танков: «Танки – ездящая, защищенная броней артиллерия. Артиллерию можно на танках довести до 130 мм»⁸⁴. Примечательно и то, что Сталин в завершении своего выступления перед академиком вновь вернулся к проблеме соотношения техники и личного состава. Но если в 1935 г. он поставил успех в зависимость от профессионализма кадров, то теперь на первое место опять вернулась техника: «Можно иметь хороший начальствующий состав, но если не иметь современной военной

⁸⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 254.

⁸¹ *Сталин И.В.* Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года // *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 18. Тверь, 2006. С. 213.

⁸² Там же. С. 214.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи... С. 146; *Мальшев В.А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // *Источник*. 1997. № 5. С. 115.

техники, можно проиграть войну»⁸⁵. Приоритет современной техники объяснялся начавшимся новым этапом перевооружения Красной армии, появлением тех самых толстобронных танков с увеличенной огневой мощностью, объединенных в сотни механизированных дивизий.

Но все-таки более важен другой результат анализа сталинского выступления 5 мая 1941 г. Не было у него понимания и того, что эта сила требовала высочайшего уровня организации и управления, командных кадров такой же высочайшей квалификации. Судя по очередному «шараханию» от кадров к технике, Сталин действительно не понимал, что на войне все-таки главное не танки, а люди, ими управляющие, что хорошо подготовленные командиры на старой технике могут гораздо больше, чем необученные – на новой. Открыть эту истину советскому вождю еще только предстояло, и платить за это запоздалое прозрение пришлось гибелью десятков и сотен тысяч – людей и танков.

Выводы

В конце 1920-х гг. под впечатлением от угроз возможной войны со странами Запада советское руководство приняло ряд решений, положивших начало широкомасштабному перевооружению Красной армии. Особенностью этого процесса оказалась ставка на приоритетное развитие технических войск и среди них – танковых вооружений. С этого времени И.В. Сталин, являвшийся фактическим главой советского государства, взял под свой контроль важнейшие вопросы создания танков и автобронетанковых войск в целом. Не имея ни военного, ни технического образования и опыта, Сталин, тем не менее, постоянно руководил процессом разработки и принятия на вооружение конкретных образцов бронетанковой техники. В целом это вполне соответствовало автократическому типу политического лидерства. Анализ его предпочтений первой половины 1930-х гг. дает основания для вывода о склонности советского вождя к модели «асимметричного ответа» на вызов военно-технического превосходства Запада. Результатом данного подхода стало появление на вооружении Красной армии многих тысяч танков-амфибий и колесно-гусеничных танков.

Анализ представлений и взглядов Сталина на развитие и применение танков в войне будущего позволяет утверждать, что в основной своей части они прямо коррелировали с политическими и экономическими приоритетами советского лидера. В середине 1930-х гг. Сталин чутко уловил момент, когда дальнейший рост численности военной техники натолкнулся на низкий уровень профессионализма личного состава, и потребовал обеспечить соответствие технической сложности боевых машин уровню «ниже среднего» летчика и танкиста.

Тем удивительнее реакция Сталина на первый реальный опыт применения танков в ходе локальных военных конфликтов, где с ужасающей ясностью проявилась неготовность Красной армии к ведению современной войны. Анализ последних предвоенных высказываний Сталина по «танковому вопросу» показыва-

⁸⁵ *Сталин И.В.* Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года... С. 214.

ет, что в его взглядах вновь взяла верх идея наращивания численного могущества танковых войск, скорейшего оснащения армии танками новых типов.

Роль И.В. Сталина в развитии автобронетанковых войск Красной армии, вне сомнений, оставалась доминирующей на протяжении всего периода 1930-х гг. Благодаря его решениям к началу Великой Отечественной войны удалось создать самые многочисленные танковые войска в мире. Но допущенные, в первую очередь им самим, просчеты и ошибки привели к тому, что это мощное и дорогостоящее оружие оказалось в руках слабо подготовленных бойцов и командиров.

Рукопись поступила: 3 апреля 2019 г.

Submitted: 3 April 2019

Библиографический список

- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
- Васильев В.В.* И.В. Сталин: «Нам крайне важно иметь чертежи этого танка...». Вклад советской военной разведки в развитие отечественного танкостроения // Военно-исторический журнал. 2016. № 5. С. 46–51.
- Гаврилов В.А.* Канун войны: роковые просчеты // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 109–117.
- Голубев А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36–58.
- Димитров Г.М.* 1940 г. 7 ноября. Из дневника // Небезин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Яуза, 2007. С. 118–119.
- Ермолов А.Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е гг.: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. 407 с.
- Желтов И.Г., Павлов И.В., Павлов М.В.* Танки БТ. М.: Экспринт, 2001. 183 с.
- Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). М.: ОГИ, 2008. 258 с.
- Киличенков А.А.* Танки конструкции Дж. Кристи и их судьба в США и СССР (1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 2 (56). С. 139–154.
- Коломиец М.В.* Советский средний танк Т-34. Лучший танк Второй мировой войны. М.: Эксмо: Яуза, 2017. 117 с.
- Коломиец М.В.* Советский тяжелый танк КВ-1. Первые танки Победы. М.: Эксмо: Яуза, 2017. 400 с.
- Кульков Е.* Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). М.: Наука, 1999. 295 с.
- Мальшев В.А.* «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник, 1997. № 5. С. 110–120.
- Свирин М.Н.* Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 384 с.
- Солянкин А.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. Т. 1. М.: Экспринт, 2002. 343 с.
- Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г.* Отечественные бронированные машины. XX век. Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. М.: Экспринт, 2002. 343 с.
- Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- Сталин И.В.* Речь на приеме 4 мая 1935 г. (неправленая стенограмма) // Небезин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 55–56.

- Сталин И.В. Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной Армии. 5 мая 1941 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 213–220.
- Шенова Н.Я. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 96–108.
- Brereton John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley: Feist Publications, 1970. 310 p.
- Fleischer Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen: Schiffer, 1999. 230 p.
- Harris J.P. *Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 214 p.
- Hofmann, George F. Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive Operations // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1996. Vol. 9. № 2. P. 283–334.
- Hofmann, George F. A Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy // *Military Affairs*. 1975. Vol. 39. № 1. P. 12–18.
- Hofmann George F. The United States' Contribution to Soviet Tank Technology // *Journal of the RUSI*. 1980. Vol. 125. № 1. P. 63–68.
- Vlakancic Peter J. Marshal Tukhachevsky and the «Deep Battle»: An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945 // *The Land Warfare Papers*. 1992. № 14. P. 1–34.
- Zaloga Steve, Grandsen James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London: Arms and Armour Press, 1984. 240 p.

References

- Brereton, John M. *Russian tanks: evolution and development, 1915–1968*. Berkeley: Feist Publications Publ., 1970.
- Bystrova, I.V. *Sovetskiy voyenno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-ye gody)*. Moscow: IRI RAN Publ., 2006 (in Russian).
- Dimitrov, G.M. “1940 g. 7 noyabrya. Iz dnevnika.” In V.A. Nevezhin. *Stalin o voyne. Zastol'nyye rechi 1933–1945 gg.*, 118–119. Moscow: Yauza Publ., 2007 (in Russian).
- Fleischer, Wolfgang. *Russian tanks and armored fighting vehicles, 1917–1945: an illustrated reference*. Atglen: Schiffer, 1999.
- Gavrilov, V.A. “Kanun voyny: rokovyye proschety.” *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2011): 109–117 (in Russian).
- Golubev, A.V. “Sovetskoye obshchestvo i «voyennyye trevogi» 1920-kh gg.” *Otechestvennaya istoriya*, no. 1 (2008): 36–58 (in Russian).
- Harris, J.P. *Men, Ideas and Tanks: British Military Thought and Armoured Forces, 1903–1939*. Manchester: Manchester University Press Publ., 1995.
- Hofmann, George F. “Doctrine, Tank Technology, and Execution: I.A. Khalepskii and the Red Army's Fulfillment of Deep Offensive.” *The Journal of Slavic Military Studies* 9, no. 2 (1996): 283–334.
- Hofmann, George F. A “Yankee Inventor and the Military Establishment: The Christie Tank Controversy.” *Military Affairs* 39, no. 1 (1975): 12–18.
- Hofmann, George F. “The United States' Contribution to Soviet Tank Technology.” *Journal of the RUSI* 125, no. 1 (1980): 63–68.
- Ken, O.N. *Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 1920 – seredina 1930-kh godov)*. Moscow: OGI Publ., 2008 (in Russian).
- Kilichenkov, A.A. “Tanki konstruktssii Dzh. Kristi i ikh sud'ba v SSHA i SSSR (1930-ye gody).” *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (2018): 139–154 (in Russian).
- Kolomiyets, M.V. *Sovetskiy sredniy tank T-34. Luchshiy tank Vtoroy mirovoy voyny*. Moscow: Eksmo; Yauza Publ., 2017 (in Russian).

- Kolomiyyets, M.V. *Sovetskiiy tyazhelyy tank KV-1. Pervyye tanki Pobedy*. Moscow: Eksmo; Yauza Publ., 2017 (in Russian).
- Kul'kov, Ye. *Zimnyaya vojna 1939–1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i finskaya kampaniya. (Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b))*. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Malyshev, V.A. “Proydet desyatok let, i eti vstrechi ne vosstanovish’ uzhe v pamyati.” *Istochnik*, no. 5 (1997): 110–120 (in Russian).
- Shepova, N.Ya. “Byl li gotov SSSR k vedeniyu Velikoy Otechestvennoy voyny?” *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (2011): 96–108 (in Russian).
- Solyankin, A.G. *Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. XX vek. Vol. 1*. Moscow: OOO Izdatel'skiy tsentr “Eksprint” Publ., 2002 (in Russian).
- Solyankin, A.G., Pavlov, M.V., Pavlov, I.V., and Zheltov, I.G. *Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. XX vek. Otechestvennyye bronirovannyye mashiny. 1905–1941 gg.* Moscow: Eksprint Publ., 2002 (in Russian).
- Sokolov, A.K. *Ot voyenproma k VPK: sovetskaya voyennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941 gg.* Moscow: Novyy khronograf Publ., 2012 (in Russian).
- Simonov, N.S. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-ye gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniye*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996 (in Russian).
- Stalin, I.V. “Rech' na priyeme 4 maya 1935 g. (nepravlenaya stenogramma).” V.A. Nevezhin. *Stalin o voyne. Zastol'nyye rechi 1933–1945 gg.*, 55–56. Moscow: Yauza; Eksmo Publ., 2007 (in Russian).
- Stalin, I.V. “Kratkaya zapis' vystupleniya na vypuske slushateley akademiyy Krasnoy Armii. 5 maya 1941 goda.” I.V. Stalin. *Sochineniya*. Vol. 18, 213–220. Tver': Soyuz Publ., 2006 (in Russian).
- Svirin, M.N. *Bronya krepka. Istoriya sovetskogo tanka. 1919–1937*. Moscow: Yauza; Eksmo Publ., 2005 (in Russian).
- Vasil'yev, V.V. “I.V. Stalin: ‘Nam krayne vazhno imet' chertezhi etogo tanka...’ Vklad sovetskoy voyennoy razvedki v razvitiye otechestvennogo tankostroyeniya.” *Military Historical Journal*, no. 5 (2016): 46–51 (in Russian).
- Vlakancic, Peter J. “Marshal Tukhachevsky and the ‘Deep Battle:’ An Analysis of Operational Level Soviet Tank and Mechanized Doctrine, 1935–1945.” *The Land Warfare Papers*, no. 14 (1992): 1–34.
- Zaloga, Steve, and Grandsen, James. *Soviet tanks and combat vehicles of World War Two*. London: Arms and Armour Press Publ., 1984.
- Zheltov, I.G., Pavlov, I.V., and Pavlov, M.V. *Tanki BT*. Moscow: Eksprint Publ., 2001 (in Russian).
- Yermolov, A.Yu. *Gosudarstvennoye upravleniye voyennoy promyshlennost'yu v 1940-ye gg.: tankovaya promyshlennost'*. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Киличенков Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета.

Aleksei A. Kilichenkov, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Contemporary History of Russia, Russian State University for the Humanities.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-985-1001>

Научная статья / Research article

Внешняя политика России: от «нового мышления» до многовекторности

Н.П. Сидорова

Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии
МИД России; 119021, Россия, г. Москва, Остоженка 53/2, стр. 1; nadsidorova@mail.ru

Russian foreign policy: From ‘new thinking’ to multidirectional strategy

Nadezhda P. Sidorova

The Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy.
Ministry of Foreign Affairs; 53/2, Ostozhenka, Building 1, Moscow, 119021, Russia;
nadsidorova@mail.ru

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка проанализировать внутренние и внешние причины эволюции российской внешней политики на протяжении всего постсоветского периода, ее нынешние приоритеты, определить вызовы, с которыми России предстоит иметь дело в обозримой перспективе. Показано, как под влиянием «нового мышления» М.С. Горбачева закончилась холодная война. Проанализирована первоначальная прозападная стратегия российского руководства после распада СССР, изложены факторы, приведшие к демонтажу этой стратегии и перезагрузке внешнеполитического курса России в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Рассмотрены основные векторы внешней политики Москвы на современном этапе, дан прогноз развития международных отношений. Автор приходит к выводу, что Россия вновь делает упор на безопасность, сильные вооруженные силы и налаживание стратегического партнерства в различных регионах. Защита национальных интересов находит свое выражение в защите русской диаспоры, прославлении исторических достижений России и противодействию попыткам извратить прошлое. Россия стремится играть ключевую роль на постсоветском пространстве, демонстрируя российский флаг на всех четырех континентах. Идеология больше не влияет на отношения Кремля с другими государствами, а экономические интересы побуждают Москву восстановить сотрудничество со многими странами третьего мира. Можно ожидать, что Россия будет продолжать конкурировать с Западом в постсоветских республиках и в области контроля над вооружениями, одновременно продвигая партнерские отношения с Китаем и другими незападными субъектами. Однако многовекторный курс сохранится.

Ключевые слова: «новое мышление», М.С. Горбачев, постсоветское пространство, многовекторный курс, международное сотрудничество

Для цитирования: Сидорова Н.П. Внешняя политика России: от «нового мышления» до многовекторности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 985–1001. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-985-1001>

© Сидорова Н.П., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: This article is devoted to the description and analysis of the Russian foreign policy as it has evolved from a more pro-Western line after 1991–1992 to a more balanced and nationalistic version by the mid-1990s. In addition, as a part of this article certain projections are made for the future of Russian relations with the West. The author argues that in many ways the foreign policy of the new Russia during the early 1990s was continuation of the Gorbachev's 'new thinking,' Gorbachev had hoped to put the Soviet Union on the path of partnership with the Western alliance through clearing away the military and political baggage of Stalinism-Brezhnevism. This strategy enjoyed full support of the pro-western democratic movement headed by Yeltsin. The Russian democrats saw Western nations as their chief ideological and political allies, and a possible source of economic aid and a model for Russia's economic development. However, over time, a number of internal and external factors started to influence the original Yeltsin's strategy. Internally, the failure of 'shock therapy' led to the weakening of democrats and strengthening of the communists and nationalists. Furthermore, Yeltsin's foreign policy became the target of intense criticism. Moreover, as a result of the internal and external influences and specifically the national debates, Russia's foreign policy was gradually modified. Russia again puts an emphasis on security, and on the strength of its armed forces, and forging strategic partnerships in various parts of the world. In addition, nationalism would be expressed through the protection of the Russian diaspora, the glorification of Russia's imperial past, and the scaling down the policy of repentance for the misdeeds of the Communist regime. Russia's great power ambitions could be observed through Russia's attempt to play pivotal role throughout the former Soviet Union, and a desire to show the Russian flag across the world. Moreover, ideology does not influence Kremlin's relations with other states anymore, instead economic interests encourage Moscow to restore cooperation with many Third World nations. It can be expected that Russia will continue to compete for predominance with the West in the post-soviet republics and in the field of security and at the same time Russia will promote its partnership with China and other non-Western actors. However, despite these shifts, a multidirectional strategy will likely be preserved.

Keywords: the Gorbachev's 'new thinking,' the post-soviet space multidirectional course, international cooperation

For citations: Sidorova, Nadezhda P. "Russia's foreign policy: From 'new thinking' to multidirectional strategy." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 985–1001. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-985-1001>

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью осмысления тех кардинальных изменений, которые произошли и продолжают происходить в российской внешней политике под воздействием как событий внутри страны, так и тектонических сдвигов в архитектонике современных международных отношений, в поведении основных акторов мировой политики. Целью статьи является выявление движущих сил российской внешней политики и выработка на этой основе рекомендаций по стратегии и тактике РФ на международной арене на обозримую перспективу.

Чтобы лучше разобраться в нынешнем моменте и в том, что Россию ждет в будущем, представляется целесообразным хотя бы в общем плане вспомнить прошлое. На протяжении почти всего советского периода Москва находилась в состоянии конфронтации с Западом. Страны Запада и Советская Россия испытывали друг к другу идеологическую неприязнь и страх. Необходимость выживания заставила оппонентов приглушить взаимные фобии и объединить усилия для борьбы с общим врагом – нацистской Германией. Но даже в разгар Второй мировой войны стороны подспудно готовились к возобновлению соперничества в послево-

енном мире¹. Дело дошло до того, что Вашингтон, желая прежде всего запугать Кремль, впервые в истории человечества использовал атомное оружие, нанеся удар по японским городам Хиросима и Нагасаки².

После окончания войны коалиция СССР с США и другими странами Запада лишилась фундамента и распалась. Возобновилось противостояние двух лагерей, которое в результате усиления военной и политической мощи Советского Союза, появления у него широкого круга союзников приобрело глобальный характер и удостоилось титула холодной войны. Сталкивались не только идеологии, но и геополитические интересы антагонистов, и временами казалось, что дело дойдет до горячей войны. Но в конце концов объективные обстоятельства заставили стороны начать поиск путей смягчения международной обстановки³.

Историография рассматриваемой темы, учитывая масштабность ее проблематики и временных рамок, весьма богата и разнообразна. Из всего обилия источников и литературы автор выбирал те, которые, во-первых, отражают или анализируют официальную позицию руководства нашей страны на разных исторических этапах. Это материалы съездов КПСС⁴, официальные выступления руководства СССР и постсоветской России, авторские работы М.С. Горбачева⁵, А.А. Громько⁶ и др.

Во-вторых, использовались исследования внешней политики России как в целом, так и на ее кардинальных направлениях. Особое внимание уделялось работам представителей исторической школы Дипломатической академии МИД России, к которой принадлежит и сам автор статьи. Именно под влиянием идей, содержащихся в фундаментальных трудах ведущих ученых Дипакадемии Бажанова Е.П. и Бажановой Н.Е., выработаны в статье методологические подходы к анализу и прогнозированию развития международной обстановки. Автор взял на вооружение выводы упомянутых ученых о том, что национальные государства являются главными акторами XXI столетия, которые продолжают бороться за лидерство⁷. Е.П. и Н.Е. Бажановы в этом ключе исследуют стратегию и тактику ведущих центров силы: США⁸, Китая⁹, Европейского Союза¹⁰.

Вместе с тем автор учитывал точки зрения отечественных ученых, которые выступают с других позиций. Одни из этих авторов видят корень всех катаклизмов в политике Запада, считают, что именно из-за злонамеренной деятельности США и их союзников закончилась провалом перестройка М.С. Горбачева и распался СССР¹¹. Другие подвергают резкой критике линию первого постсоветского руководства России¹².

¹ Чубарьян А.О. Советская внешняя политика в ретроспективе: 1917–1991. М., 1993. С. 115–117.

² См., в частности, фильм американской телекомпании ABC 2000 года на эту тему.

³ Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. М., 2001. Т. 1. С. 119–135.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1990.

⁵ Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995.

⁶ Громько А.А. Человек, дипломат, политик. М., 2010.

⁷ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М., 2011. С. 18–24, 58–60.

⁸ Бажанов Е.П. Америка: вчера и сегодня. М., 2005.

⁹ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М., 2013. С. 122–156.

¹¹ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. М., 2011.

¹² Дементьев В., Суриков А. Армия, реформа, безопасность. М., 1996.

¹³ Никифоров К.В. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011.

Полезная информация о возможностях взаимодействия России с зарубежными партнерами на различных направлениях и о перспективах на этом пути содержится в работах по контролю над вооружениями¹³, борьбе с терроризмом¹⁴, миграционной политике¹⁵, по АТР¹⁶, Корее¹⁷, Ближнему Востоку¹⁸, Франции¹⁹, евразийской интеграции²⁰.

Важную роль в понимании автором позиций Запада в отношении России сыграло изучение официальных документов правительства США²¹, работы ряда зарубежных ученых²².

«Новое мышление»

Разрядка в отношениях СССР с Западом имела ограниченный характер, подвергалась колебаниям, а в начале 1980-х гг. оппоненты вновь скатились к острой конфронтации. Но в 1985 г. Советский Союз возглавил молодой политик М.С. Горбачев, который, пользуясь все возрастающей поддержкой советской элиты и народа, занялся давно назревавшими переменами в стране, названными им «перестройкой». Важнейшим направлением деятельности нового руководства стало реформирование внешней политики СССР, которое привело к пересмотру мировоззрения, подходов и позиций, сложившихся в прежнюю эпоху.

М.С. Горбачев взял в отношении Запада курс на диалог, сокращение вооружений, преодоление противоречий по региональным проблемам. Изменение в восприятии Запада в совокупности с отходом от прежних идеологических постулатов в отношении социализма, а также нарастанием экономических и других внутренних трудностей подталкивали М.С. Горбачева к обновлению политики в рамках социалистического лагеря, международного коммунистического движения, в от-

¹⁴ Антонов А. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М., 2012.

¹⁵ Карпович О.Г., Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Политика России и США в области противодействия международному терроризму. М., 2019.

¹⁶ Карпович О.Г., Сидорова Н.П. Проблемы взаимодействия в свете реформирования миграционной политики (от опыта ЕС к ЕАЕС) // Геополитический журнал. 2018. № 1 (21). С. 54–63.

¹⁷ Бажанов Е.П., Ли В.Ф., Федотов В.П. Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1999; Билахари Каусикан. Конец холодной войны // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 28–40.

¹⁸ Бажанова Н.Е. Между мертвыми догмами и практическими потребностями. Внешнеэкономические отношения Северной Кореи, 1945–1990. Сеул, 1992; Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993.

¹⁹ Иванов И.С. Россия и большой Ближний Восток. М., 2013.

²⁰ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2004.

²¹ Перспективы евразийской интеграции. М., 1994; Сидорова Н.П. Россия – Украина: тернистый путь к гармонизации отношений. М., 2000; Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М., 2011.

²² National Security Strategy of the USA. Washington, 2006. March; National Security Strategy of the USA. Washington. 2015. February; The National Military Strategy of the United States of America. The United States Military's Contribution to National Security / June 2015. Washington, 2015.

²³ Flanagan S.J., Shear, J.A. Strategic Challenges. America's Global Security Agenda. Dulles, Virginia, 2008; Rosman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge, 2004.

ношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Крупным достижением этой политики стала нормализация отношений с Китаем.

Кремль, как отмечали тогда апологеты перемен, должен был отказаться от функций «коммунистической империи», противостоявшей Западу, и превратиться в его конструктивного партнера в решении актуальных проблем современности. Такое мировоззрение получило название «нового мышления».

К тому времени усилиями самого М.С. Горбачева внутрисоветская жизнь настолько демократизировалась, что все недовольные политикой Кремля могли открыто выражать свои взгляды. И поскольку «перестройка» привела в итоге к острому социально-экономическому и межэтническому кризису в СССР, потере Москвой коммунистических союзников в Европе, критика М.С. Горбачева усиливалась, особенно со стороны представителей партийно-хозяйственного актива и силового блока²³. Недовольство «новым мышлением» явилось одной из причин консервативного путча в августе 1991 г.

Выбор демократов

Однако путчисты потерпели поражение. СССР распался, и власть в постсоветской России подхватили либерально-радикальные круги, ориентированные на сотрудничество с Западом и в целом, на западные ценности. Во главе их утвердился харизматичный и весьма популярный в народе Б.Н. Ельцин.

Установки этих кругов еще больше разворачивали Россию в сторону Запада. Новые лидеры подчеркивали, что М.С. Горбачев продолжал смотреть на мир через коммунистическую призму, делил человечество на социалистический и капиталистический лагерь. Теперь же Россия возьмет курс на слияние с Западом, предав анафеме коммунистическое прошлое.

Наглядное представление о взглядах и планах российских демократов дает выступление Б.Н. Ельцина в Конгрессе США 17 июня 1992 г., в котором Президент России, в частности, сказал: «...Мир может вздохнуть спокойно: коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!

...Россия окончательно сделала выбор в пользу цивилизации, здравого смысла, общечеловеческого опыта. Убежден, что наш народ обязательно осилит этот нелегкий путь. Нет в мире народа, которому был бы вреден воздух свободы. И это правило не имеет исключений.

...Не может существовать демократия и тоталитарная государственная система структур. Не может сосуществовать рыночная экономика и возможность командовать всем и вся. Не может сосуществовать плюралистическое по своей природе гражданское общество и коммунистическая нетерпимость к инакомыслию. Опыт минувших десятилетий научил нас: коммунизм не имеет человеческого облика! Свобода и коммунизм несовместимы!

²³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1990.

...Граждане России защитили свою свободу и не допустили, чтобы 75-летний кошмар повторился вновь. С этой высокой трибуны я хотел бы выразить искреннюю благодарность и признательность президенту США г-ну Джорджу Бушу, американскому народу за неоценимую моральную поддержку правого дела российского народа в тот период.

...Мы чувствуем колоссальную ответственность за успех наших преобразований не только перед российским народом, но и перед гражданами США, перед всем человечеством. Сегодня свобода Америки защищается в России»²⁴.

Озвученные установки стали реализовываться на практике. Новое российское руководство рассматривало Соединенные Штаты Америки и Запад в целом как:

1) идеологических союзников, заинтересованных в построении в России развитой демократии²⁵;

2) политических союзников, помогавших бороться с внутренней оппозицией и защищать интересы России на мировой арене (так, в 1993 г. во время столкновения с Госдумой Б.Н. Ельцин запросил поддержку западных лидеров и немедленно ее получил)²⁶;

3) главного источника помощи, необходимой для модернизации России (финансовой, технологической, товарной, консультативной);

4) образец для подражания, ориентируясь на который Россия должна строить политическую демократию. Члены ельцинской команды призывали «превратить Россию из опасного, больного гиганта Евразии в члена западной зоны процветания» и для этого «учиться у передового клуба, как жить цивилизованным образом»²⁷.

Базируясь на перечисленных постулатах, Россия выступала в роли наивного и покладистого, готового на компромиссы, младшего партнера Запада на мировой арене.

Вторым главным внешнеполитическим направлением постсоветской России стало взаимодействие на новых рельсах с бывшими составными частями СССР. Российское руководство приветствовало и оформило роспуск Советского Союза, как представляется, по следующим соображениям:

– во-первых, только таким образом можно было на законных основаниях избавиться от М.С. Горбачева и взять власть в собственные руки;

– во-вторых, демократы исходили из того, что распад СССР к тому моменту стал неизбежным из-за усиления в республиках центробежных сил; сопротивление распаду, по мнению новых российских властей, должно было неизбежно привести к кровавым конфликтам, подобным югославским;

– в-третьих, экономисты в Кремле утверждали, что другие республики СССР будут мешать России проводить назревшие реформы, отвлекать ресурсы, нерационально распоряжаться ими;

– в-четвертых, кремлевские идеологи заявляли, что только отпустив на волю другие народы, Россия перестанет быть империей и получит шанс развиваться по демократическому пути;

²⁴ Плебейство духа // Livejournal [сайт]. URL: <https://ru-polit.livejournal.com/13447345.html> (дата обращения: 5 мая 2019 г.)

²⁵ *Rumer Eugene*. Russian National Security and Foreign Policy in Transition. Santa Monica, 1995. P. 12.

²⁶ *Shearman P.* Russian Foreign Policy Since 1990. Boulder, 1995. P. 99.

²⁷ *Moscow News*. 1991. 29 September.

– в-пятых, российское руководство надеялось, что исторические узы, общая новая идеология и общие новые задачи, экономическая взаимозависимость в совокупности будут сближать и сплачивать постсоветские республики²⁸.

В Москве верили, что, построив отношения с новыми соседями на принципах, доказавших свою жизнеспособность и эффективность в Европе, России удастся стать ядром и лидером реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Уже в самом начале 1992 г. министр иностранных дел России А.В. Козырев заявлял, что «идеи единства наших народов наполняются содержанием: достигнуты соглашения о единой обороне, едином военно-стратегическом пространстве, формируется система социально-экономических взаимосвязей»; призывал «наращивать достигнутое» в сфере интеграции²⁹.

Третьим направлением внешней политики новых российских властей стал пересмотр взглядов, подходов и позиций в отношении бывших союзников СССР в Центральной и Восточной Европе. Кремль покаялся за прошлые «ошибки и преступления» в отношении стран региона, полностью солидаризировался с их посткоммунистическими режимами и верил в то, что сможет на новой основе тесно сотрудничать с ними и вместе интегрироваться в западные структуры³⁰.

Четвертое направление – это сохранившиеся коммунистические режимы в Китае, КНДР, Вьетнаме, на Кубе. Как аргументировано доказывает видный ученый Е.П. Бажанов, российские демократы вознамерились дистанцироваться от «тоталитарного режима в КНР, дни которого сочтены»³¹. Китайское руководство, в свою очередь, «было шокировано поворотом событий на родине Ленина», опасалось, что они «окажут тлетворное влияние на идеологическую обстановку внутри КНР»³². Очевидно и то, что аналогичная ситуация складывалась и в отношениях постсоветской России с остальными коммунистическими режимами в мире.

На пятом направлении («третий мир») наблюдались такие же процессы дистанцирования России от левых, антизападных режимов, и одновременно Москва нацелилась на расширение связей со стабильными, богатыми и близкими Западу странами.

Демонтаж выбора демократов

Первоначальная стратегия постсоветского руководства на мировой арене оказалась, однако, недолговечной. Не успев как следует сложиться, она стала терять свою стройность, последовательность, четкость. Взгляды, а затем позиции и действия Кремля нарастающими темпами менялись, подчас на противоположные. Перечислим факторы, которые, на наш взгляд, провоцировали эти перемены.

Наиболее существенное значение имели пертурбации внутри России. Радикальные реформы, инициированные Б.Н. Ельциным и его командой экономистов во главе с Е.Т. Гайдаром, привели к тяжелым социально-экономическим последствиям.

²⁸ Перспективы евразийской интеграции. М., 1994. С. 45–48, 54–61.

²⁹ Известия. 1992. 2 января.

³⁰ Bowker M. Russian Policy Toward Western Europe // Russian Foreign Policy Since 1990. Boulder, 1995. P. 77.

³¹ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007. С. 269–270.

³² Там же.

Население отвернулось от демократов, и уже на выборах 1993 г. в парламент отдало предпочтение националистам во главе с В.В. Жириновским и коммунистам. Состав правящих кругов значительно изменился, и в его среде все громче зазвучал голос тех, кто изначально отвергал прозападную ориентацию Кремля. Как следствие, во внешней политике страны нарастали противоречивые тенденции.

Противоречивость усугублялась рыхлостью и многослойностью механизма выработки и реализации внешнеполитических решений. Россия заговорила многими и отличными друг от друг голосами.

Мощнейшее разлагающее воздействие на первоначальные внешнеполитические установки Кремля оказывало также поведение Запада. Очень скоро стало ясно, что Соединенные Штаты Америки и весь западный лагерь не ведут себя как идеологические и политические союзники. Нельзя не согласиться со словами Е.П. Бажанова о том, что, в частности, «планы расширения Североатлантического альянса (НАТО) стали восприниматься в российском обществе как вероломство, демонстрация недоверия и даже враждебности к Москве, попытки отгородиться от России новым железным занавесом и, наконец, как угроза безопасности России»³³.

Очевидным становилось также и то, что Россия не могла рассчитывать на масштабную помощь и поддержку своей модернизации со стороны Запада³⁴. В этой связи все громче звучала критика курса на использование западных рецептов в качестве образца для развития страны³⁵.

Кроме того, не так благостно, как первоначально надеялись в Кремле, складывалась и ситуация на постсоветском пространстве. Сонм проблем встал на пути гармоничного сотрудничества: положение русской диаспоры, споры о границах, дележ советского экономического потенциала, исторические обиды, идеологические разногласия и т.д.

Выяснилось также, что и с Восточной Европой не получается безмятежной дружбы. Бывшие союзники предъявляли нам претензии «по счетам» СССР и все активнее стремились в НАТО.

Что касается коммунистических стран, и особенно Китая, а также бывших друзей СССР в «третьем мире», то Москва осознала, что из-за охлаждения отношений с ними она несет крупные (в случае с Китаем – невосполнимые) потери в геополитическом и экономическом плане³⁶.

Пропал в Кремле и оптимизм насчет того, что современный мир движется в направлении дружбы и сотрудничества. Наступало понимание, что вопросы безопасности остаются важнейшими для нашего государства.

Перезагрузка внешнеполитического курса

Под воздействием упомянутых причин в российском обществе нарастали споры вокруг стратегии страны на мировой арене. Сторонники первоначальной линии продолжали настаивать, что Россия должна добиваться интеграции с Запа-

³³ Бажанов Е.П. Современный мир. М., 2004. С. 76–77.

³⁴ Moscow News. 1993. 21 March.

³⁵ Глазьев С. Россия, которую обманули // Сегодня. 1996. 29 марта.

³⁶ Романовский С.К. Дипломатический ежегодник – 1996. М., 1996. С. 12–30.

дом. «В противном случае, – утверждали апологеты этой линии, – Россия окажется отрезанной от главных технологических и финансовых ресурсов, возобновится военное противостояние, в котором у России не будет даже союзников (за исключением, может быть, Северной Кореи и Ирана)³⁷.

С диаметрально противоположных позиций выступали круги, видевшие в Западе вечного противника России. Они утверждали, что Запад на протяжении многих веков пытался поставить Родину на колени, и только давая решительный отпор врагам, наши предки смогли отстоять свою цивилизацию и свою державность. По мнению антизападников, курс демократов, засевших в Кремле, приведет к уничтожению России³⁸. Антизападники призывали к вступлению в оборонные союзы со странами постсоветского пространства, с Китаем, Ираном, другими жертвами агрессий и давления со стороны западного мира³⁹.

Одновременно в российском обществе активизировались круги, которые видели врагов повсюду. Среди тех, кого России следует опасаться, эти люди называли, помимо Запада, Китай, Японию, Турцию, Пакистан, Саудовскую Аравию, мировой сионизм, националистов на постсоветском пространстве и т.д.⁴⁰

Во властных структурах Кремля, однако, отвергали экстремистские взгляды и вместе с тем все более осознавали, что государственные интересы диктуют необходимость избавиться от перекоса в сторону Запада, проводить сбалансированную, многовекторную внешнюю политику. С учетом традиций, географии, потенциала, великодержавных амбиций, экономических и гуманитарных потребностей Россия должна на равных сотрудничать на всех азимутах с заинтересованными партнерами, готовыми уважать наши интересы.

Такое мировоззрение все настойчивее излагалось в правительственных документах и выступлениях официальных лиц. Наиболее последовательно и аргументировано заявлял об этом новый министр иностранных дел Е.М. Примаков (сменивший на этом посту в 1995 г. А.В. Козырева). Он, в частности, призывал: «Надо проводить диверсифицированную, активную политику по всем азимутам, где затрагиваются интересы России... это просто жизненная необходимость для того, чтобы создать наилучшие условия для внутреннего развития – более динамичного, более эффективного в нашем изменяющемся мире»⁴¹.

Системно новая внешнеполитическая философия закрепились с приходом к власти в 2000 г. Президента В.В. Путина. Ее реализация на практике способствовала возвращению России, уже казалось, потерянного статуса великой державы, возобновлению и углублению нашего сотрудничества с Китаем, Индией и многими другими странами Востока и Юга, реинтеграционным процессам на постсоветском пространстве. Вместе с тем такая линия не могла не вызвать негативной реакции на Западе.

Ниже излагается авторское видение процессов, имеющих место в отношениях России с главными партнерами на мировой арене.

³⁷ Торкунов А.В. *Современные международные отношения*. М., 2000. С. 492.

³⁸ Завтра. 1996. № 13 (121); Правда. 1996. 15 февраля.

³⁹ Известия. 1995. 12 декабря.

⁴⁰ Дементьев В., Суриков А. *Армия, реформа, безопасность*. М., 1996.

⁴¹ Известия. 1997. 9 июля.

Иллюзия однополюсного мира

Начнем с западного вектора российской внешней политики. Что здесь пошло не так, почему Запад вернулся к идеологии конфронтации с Россией?

Вспомним, что с окончанием холодной войны Соединенные Штаты Америки преисполнились уверенности в том, что именно они должны возглавить человечество в его движении к светлому будущему. В американской элите подчеркивалось, что даже в России, на родине Ленина, сделали выбор в пользу западной модели развития, поэтому кому, как не США, быть бесспорным лидером современного мира?!

Какое-то время Вашингтон стремился поощрять движение России в сторону американского лагеря, так называемой «стержневой зоны», используя при этом тактику «кнута и пряника». За «неправильные» действия Россию «наказывали», за «правильные» – поощряли.

Но постепенно Вашингтон начал осознавать, что Москва всерьез взялась за восстановление самостоятельного статуса в мире, что она не собирается оставаться в роли младшего партнера. Россия активизировала усилия по укреплению своего присутствия на постсоветском пространстве, восстановлению связей с бывшими друзьями Советского Союза на других азимутах, в том числе выступающими против американской гегемонии.

Вашингтон воспринял это как вызов собственной гегемонии, его праву руководить везде и всеми. США резко интенсифицировали попытки сорвать интеграционные процессы на постсоветском пространстве, настроить новые независимые государства против Москвы, затянуть их в «стержневую зону».

Для Кремля же действия США и их союзников означали, что у нас хотят отнять друзей, окружить Россию, оказывать на нее давление. Разочарование Вашингтоном сменилось недоверием к нему, стремлением дистанцировать постсоветское пространство от США и Запада в целом.

Таким образом, первый серьезный узел противоречий между Москвой и Западом затянулся на постсоветском пространстве. Эти противоречия переросли в полновесную конфронтацию. Постепенно трения стали возникать и в других регионах. Вашингтон, выступая в роли глобального полицейского, принялся усмирять и наказывать «злостных нарушителей законопорядка», в частности, Ирак, Иран, Югославию, Сирию, КНДР. Россия больше не соглашалась пассивно наблюдать за силовыми акциями как из-за неприятия американской гегемонии в принципе, так из-за иного подхода к упомянутым странам и ситуации в них.

Обострение геополитических противоречий способствовало росту внимания сторон к поддержанию стратегического баланса сил. Назревает новая гонка вооружений, которую раскручивают попытки США добиться очевидных преимуществ в ракетно-ядерной области.

Геополитическая конфронтация провоцирует возобновление идеологических нестыковок. Если на заре российских реформ Кремль проявлял готовность учиться у американцев и их союзников в Европе демократии, то теперь идеологическое влияние с Запада рассматривается как подрывная деятельность по типу «цветных революций» в Грузии, на Украине и т.д., направленная на возвращение к власти в Кремле прозападных сил.

Идеологические трения подпитываются культурными различиями, недоверием сторон друг к другу на уровне генетического кода, религиозных предубеждений. Западные реалии, включая либеральную политику в отношении иммигрантов из «третьего мира», толерантность к сексменьшинствам, НПО и пр., отвергаются в российском обществе. Неприязнь взаимна, и она еще более интенсивна с западной стороны. Россия воспринимается как «агрессивное, коррумпированное, авторитарное» государство. Торгово-экономические связи России с Западом и ранее изобиловали трудностями, теперь же с введением взаимных санкций они фактически переживают серьезный кризис.

Главный же барьер к преодолению конфронтации заключается в том, что Соединенные Штаты не считают Россию равным партнером. На позднем этапе холодной войны, с начала 1970-х гг., такое равенство американским руководством было признано (из-за поражения во Вьетнамской войне и достижения Москвой паритета в ядерных вооружениях). В результате США и СССР вели переговоры по стратегической тематике на взаимоприемлемой основе, Вашингтон признавал за СССР сферу влияния в Восточной Европе и не осмеливался вмешиваться в дела этой сферы и тем более во внутренние дела Советского Союза. Ныне Америка отказывается от прежних договоренностей в стратегической области, она втянула в свой лагерь Восточную Европу и пытается потеснить Москву из постсоветских республик. Как следствие, ситуация во многих аспектах ныне опаснее, чем в эпоху холодной войны. Очевидно, что Россия не смирится с гегемонией США в стратегической области и на постсоветском пространстве.

Поворот на Восток

Существует мнение, что Россия всегда недооценивала Восток и не уделяла ему достаточного внимания. Такое мнение представляется сугубо ошибочным, что весьма убедительно показано в целом ряде работ отечественных авторов⁴². На самом деле на протяжении нескольких веков царская Россия стремительно продвигалась на Восток, освоив колоссальные территории от Уральских гор до Центральной Азии, Амура, Камчатки, Сахалина и далее – до Аляски, Форт-Росса в Калифорнии. Внедрились россияне на Гавайские острова, тесно сотрудничали с Сиамом и т.д. После победы большевиков Москва лишь интенсифицировала восточную политику, способствуя созданию там антиимпериалистических, антиколониальных и прокоммунистических движений и режимов⁴³.

Активная политика приводила к столкновениям с западными оппонентами и близкими им силами, что ослабляло позиции СССР на Востоке, и затем возникла конфронтация Москвы с Китаем.

В горбачевский период началось возвращение Советского Союза в регион. Распад СССР на первом этапе притормозил этот процесс. Как уже отмечалось выше, российские демократы полностью переключились на сотрудничество с За-

⁴² Бажанов Е.П., Ли В.Ф., Федотов В.П. Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1999. С. 35–43; Панов А.Н., Бажанов Е.П., Райков Ю.В. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 2010. С. 40–60.

⁴³ Rozman G., Togo K., Ferguson J. Russian Strategic Thought toward Asia. New York, 2006. P. 37–55.

падом. С их точки зрения, на Востоке отсутствовали реальные идеологические и политические союзники новой России и кроме того Восток мало что мог предложить нам в плане финансовых и материальных ресурсов и образцов для развития. Что же касается Китая, а также остальных коммунистических режимов, то с ними возникло взаимное отчуждение.

Вскоре, однако, геополитические, стратегические, экономические, гуманитарные потребности заставили Москву вернуться в АТР. Главным партнером Кремля на этом азимуте стала КНР, превратившаяся за последние десятилетия в сверхдержаву. Разлад в отношениях с Западом вольно или невольно подталкивает Москву к углублению стратегического партнерства с Пекином. Этому процессу, по нашему мнению, способствует целый ряд объективных факторов долгосрочного характера.

Во-первых, неприятие Россией и Китаем однополярного мира, то есть американской гегемонии в глобальных масштабах. Стремление Вашингтона сдерживать наши два государства лишь еще более сплачивает их.

Во-вторых, совпадают или близки позиции Москвы и Пекина по большинству актуальных международных проблем, от корейской до венесуэльской.

В-третьих, стороны успешно преодолели двусторонние проблемы, оставленные историей, и что особенно важно, смогли урегулировать вопрос о прохождении линии совместной границы.

В-четвертых, Москва и Пекин строго придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Более того, власти обеих стран с уважением относятся к политическим, экономическим и культурным реалиям партнера.

В-пятых, существует огромный потенциал для развития торгово-экономического сотрудничества России и КНР, и руководители двух государств нацелены на реализацию этого потенциала.

Вместе с тем в российско-китайских отношениях присутствуют реальные и потенциальные раздражители. Первый – это высокая активность китайцев в восточной части РФ, малонаселенной и экономически отсталой, что вызывает протесты по поводу «разграбления» Поднебесной отечественных ресурсов и подозрений, что гигантский сосед в конечном счете «проглотит» Дальний Восток и Сибирь. Второй обусловлен изменением баланса сил в пользу КНР, вследствие чего нарастает тревога, что Китай начнет теснить Россию в Центральной Азии и других жизненно важных для нас районах, попытается свести Москву на роль младшего партнера⁴⁴.

Касательно Азиатско-Тихоокеанского региона в целом есть основания констатировать, что там не просматриваются страны (или блоки), враждебные нам. Москва или остается в стороне от имеющих в АТР место конфликтных ситуаций (Китай – Япония, тайваньская проблема, спорные острова в Юго-Восточной Азии и др.) или выступает в роли желанного посредника (например, в Корее, Афганистане). Правда, сохраняются наши разногласия с Японией из-за Южных Курил, но они не носят кризисного характера.

⁴⁴ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М., 2010. С. 163–164.

Новый мировой беспорядок

Выше изложены вызовы и возможности России на двух важнейших направлениях – западном и восточном (оба включают постсоветское, жизненно важное для России пространство). Столь же неоднозначная ситуация характерна для всех других направлений – Ближний и Средний Восток, Африка, Южная Азия, Латинская Америка. Мир в целом переживает турбулентную пору, которую можно охарактеризовать как новый мировой беспорядок. Государства продолжают соперничать и конфликтовать. Что же препятствует гармонии на международной арене?

Начнем с того, что нынешние политические элиты имеют склонность укреплять государство и собственные властные полномочия, приглушать протестные настроения, нагнетая ксенофобию, раздувая тему внешних угроз. Причем прибегают к такому приему не только тоталитарные и авторитарные режимы, но и демократические государства. Оппозиционные политики активно эксплуатируют тему национальной безопасности.

Агрессивности государств способствуют их гегемонистские позы. История человечества наглядно свидетельствует, что как только государство становилось сильным, в нем нарастала тяга расширять свое влияние в мире, участвовать в руководстве им и в конечном счете возглавить человечество. И обосновывалось, что это нужно не только данному государству, но и всему человечеству. Причем гегемонизмом в равной степени заражались мощные государства самых разных общественно-политических формаций – авторитарные и демократические, капиталистические и коммунистические, религиозные и светские⁴⁵.

Являемся мы свидетелями и того, что конфликтами (и весьма кровопролитными) чреваты социально-экономические, этнические, религиозные разногласия и споры. Вновь выходит на повестку дня идеологическая тематика. Еще недавно теоретики, в первую очередь западные, утверждали, что идеологическим спорам пришел конец, человечество превращается в одну дружную семью, которая сплотится вокруг США (или Запада) и будет жить по традициям и правилам западной цивилизации. Теперь уже очевидно, что либеральная западная философия даже на самом Западе подвергается критике и ревизии. В большинстве же государств вне западного мира исповедуются иные идеологические концепции.

Самым опасным трендом в современном мире, как представляется на наш взгляд, является изменение баланса сил между ведущими державами. Еще в V в. до нашей эры древнегреческий ученый и генерал Фукидид сформулировал вывод о том, что рост могущества одного государства (Афины) и страх, который породил этот процесс в другом государстве (Спарта), сделал войну между ними неизбежной⁴⁶.

В этом турбулентном мире, как представляется, России необходимо продолжать многовекторный курс, добиваясь, несмотря ни на что, сбалансированности в наших отношениях с Востоком и Западом.

Потенциал для сглаживания противоречий России с Западом существует. В долгосрочном плане к этому будет подталкивать глобализация, создающая объективную потребность во взаимодействии всех государств. Обширна повестка актуальных меж-

⁴⁵ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М., 2011. С. 145–150.

⁴⁶ Thucydides. History of the Peloponnesian War. New York: Penguin Books, 1982. P.49.

дународных проблем, по которым востребовано сотрудничество России с Западом – это контроль над вооружениями, Корея, Ближний Восток, Афганистан, терроризм, экология, оргпреступность и т.д. Очевидна потребность в торгово-экономических и гуманитарных контактах сторон. Да и в сфере идеологии уже нет непреодолимых противоречий. При всех различиях в преобладающих взглядах на государство и общество у России нет иного выбора, как продолжать развивать демократию и рыночную экономику.

Что касается политики на восточном направлении, то выше уже перечислялись наши возможности в отношениях с Китаем и другими государствами АТР. Важно при этом не пытаться воссоздать военно-политический союз с КНР. Во-первых, на него не пойдут китайцы. Во-вторых, если союз все-таки состоится, он быстро развалится и спровоцирует крупную ссору между Москвой и Пекином (как это уже случилось в конце 1950-х гг.). В-третьих, такой союз сможет привести ко всеобщей конфронтации и хаосу в политической и экономической жизни планеты.

Выводы

Холодная война явилась следствием идеологической непримиримости и связанной с ней геополитической борьбы за передел мира между двумя лагерями – советским и западным. В ходе перестройки в 1985–1991 гг. СССР постепенно отказывался от этой борьбы и стремился перейти от конфронтации к сотрудничеству с Западом. Под воздействием переосмысления собственных интересов и приоритетов и из-за нараставшего политического и экономического хаоса внутри страны Москва шла на всё новые уступки. После распада СССР к власти в России пришли либеральные круги, которые вознамерились полностью порвать с прошлым и интегрировать страну в западное сообщество. Такая политика не сработала – к ней оказались не готовы ни США и их союзники, ни само российское государство и общество по целому ряду объективных геополитических, стратегических, экономических и гуманитарных факторов. Россия фактически отказалась от стратегии интеграции в западное сообщество, стала добиваться возвращения себе статуса независимой мировой державы, лидера на постсоветском пространстве. Западные страны во главе с США категорически не устраивают подобные планы России, они стремятся сдерживать Москву и добиваться собственного доминирования в том числе на территории государств бывшего СССР. В результате отношения России с Западом фактически вернулись к состоянию холодной войны.

Вместе с тем можно заключить, что, во-первых, между сторонами не существует сейчас непримиримых идеологических противоречий, во-вторых, налицо реальная потребность во взаимодействии России и Запада по широкому кругу проблем в глобализирующемся мире, в-третьих, продолжают расширяться гуманитарные связи, которые закладывают основу для восстановления взаимопонимания и взаимоотношений России с западным миром. В этой связи есть основания полагать, что Российская Федерация продолжит многовекторный внешнеполитический курс, направленный на развитие отношений на всех азимутах, включая западный.

Рукопись поступила: 15 апреля 2019 г.

Submitted: 15 April 2019

Библиографический список

- Антонов А. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РОССПЭН, 2012. 245 с.
- Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 1. М.: Научная книга, 2001. 464 с.
- Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 350 с.
- Бажанов Е.П. Современный мир. М.: Известия, 2004. 424 с.
- Бажанов Е.П., Ли В.Ф., Федотов В.П. Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Научная книга, 1999. 228 с.
- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. 464 с.
- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М.: Восток-Запад, 2011. 116 с.
- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013. 270 с.
- Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. М.: Восток-Запад, 2011. 464 с.
- Бажанов Е.П. Америка: вчера и сегодня. М.: Известия, 2005. 574 с.
- Бажанова Н.Е. Между мертвыми догмами и практическими потребностями. Внешнеэкономические отношения Северной Кореи, 1945–1990. Сеул: Издательство «Хангук кёнчже ильбо», 1992. 321 с.
- Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М.: Наука, Восточная литература, 1993. 213 с.
- Билахари Каусикан. Конец холодной войны // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 28–40.
- Горбачев М. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. 656 с.
- Громыко А.А. Человек, дипломат, политик. М.: Восток-Запад, 2010. 184 с.
- Дементьев В., Суриков А. Армия, реформа, безопасность. М.: Институт оборонных исследований, 1996. 207 с.
- Никифоров К.В. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЭН, 2011. 776 с.
- Карпович О.Г., Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Политика России и США в области противодействия международному терроризму. М.: Дипломатическая академия, Институт актуальных международных проблем, 2019. 165 с.
- Карпович О.Г., Сидорова Н.П. Проблемы взаимодействия в свете реформирования миграционной политики (от опыта ЕС к ЕАЕС) // *Геополитический журнал*. 2018. № 1 (21). С. 54–63.
- Иванов И.С. Россия и большой Ближний Восток. М.: РСМД, 2013. 64 с.
- Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: Канон+, 2004. 344 с.
- Сидорова Н.П. Россия – Украина: тернистый путь к гармонизации отношений. М.: Дипломатическая академия, 2000. 170 с.
- Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восток-Запад, 2011. 264 с.
- Торкунов А.В. Современные международные отношения. М.: РОССПЭН, 2000. 584 с.
- Панов А.Н., Бажанов Е.П., Райков Ю.В. Азиатско-Тихоокеанский регион. М.: Восток-Запад, 2010. 319 с.
- Романовский С.К. Дипломатический ежегодник – 1996. М.: Научная книга, 1996. 270 с.
- Чубарьян А.О. Советская внешняя политика в ретроспективе: 1917–1991. М.: Наука, 1993. 205 с.
- Flanagan S.J., Shear J.A. Strategic Challenges. America's Global Security Agenda. Dulles, Virginia: Potomac Books, 2008. 415 p.
- Rozman G., Togo K., Ferguson J. Russian Strategic Thought toward Asia. New York: Palgrave, 2006. 310 p.
- Rosman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 401 p.
- Shearman P. Russian Foreign Policy Since 1990. Boulder: Western Press, 1995. 324 p.

References

- Antonov, A. *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyaniye, perspektivy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).

- Bazhanov, Ye.P. *Aktual'nyye problemy mezhdunarodnykh otnosheniy*. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 2001 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P. *Kitay: ot Sredinnoy imperii do sverkhderzhavy XXI veka*. Moscow: Izvestiya Publ., 2007 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P. *Sovremennyy mir*. Moscow: Izvestiya Publ., 2004 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P., Li, V.F., and Fedotov, V.P. *Problemy obespecheniya bezopasnosti v Aziatsko-Tikho-okeanskom regione*. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 1999 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P., and Bazhanova, N.Ye. *Mnogopolyusnyy mir*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2010 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P., and Bazhanova, N.Ye. *Mezhdunarodnyye otnosheniya v XXI veke*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2011 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P., and Bazhanova, N.Ye. *Dialog i stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow: Ves' mir Publ., 2013 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P., and Bazhanova, N.Ye. *Mir i vojna*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2011 (in Russian).
- Bazhanov, Ye.P. *Amerika: vchera i segodnya*. Moscow: Izvestiya Publ., 2005 (in Russian).
- Bazhanova, N.Ye. *Mezhdru mertvymi dogmami i prakticheskimi potrebnyami. Vneshneekonomicheskiye otnosheniya Severnoy Korei, 1945–1990*. Seul: Khanguk konchzhe il'bo Publ., 1992 (in Korean).
- Bazhanova, N.Ye. *Vneshneekonomicheskiye svyazi KNDR. V poiskakh vykhoda iz tupika*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura Publ., 1993 (in Russian).
- Bilakhari Kausikan. "Konets kholodnoy voyny," *International Affairs*, no. 2 (2016): 28–40 (in Russian).
- Chubar'yan, A.O. *Sovetskaya vneshnyaya politika v retrospektive: 1917–1991*. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Dement'yev V., and Surikov, A. *Armiya, reforma, bezopasnost'*. Moscow: Institut oboronnykh issledovaniy Publ., 1996 (in Russian).
- Flanagan, S.J. and Schear, J.A. *Strategic Challenges. America's Global Security Agenda*. Dulles, Virginia: Potomac Books Publ., 2008.
- Gorbachev, M. *Zhizn' i reformy*. Moscow: Novosti Publ., 1995 (in Russian).
- Gromyko, A.A. *Chelovek, diplomat, politik*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2010 (in Russian).
- Ivanov, I.S. *Rossiya i bol'shoy Blizhniy Vostok*. Moscow: RSMD Publ., 2013 (in Russian).
- Karpovich, O.G., Nogmov, A.M., and Shangarayev, R.N. *Politika Rossii i SSHA v oblasti protivodeystviya mezhdunarodnomu terrorizmu*. Moscow: Diplomaticheskaya akademiya; Institut aktual'nykh mezhdunarodnykh problem Publ., 2019 (in Russian).
- Karpovich, O.G., and Sidorova, N.P. "Problemy vzaimodeystviya v svete reformirovaniya migratsionnoy politiki (ot opyta YES k YEAYES)," *Geopolitics Journal*, no. 1 (2018): 54–63 (in Russian).
- Nikiforov, K.V. *Revolutsii i reformy v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy: 20 let spustya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Panov, A.N., Bazhanov, Ye.P., and Raykov, Yu.V. *Aziatsko-Tikho-okeanskiy region*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2010 (in Russian).
- Romanovskiy, S.K. *Diplomaticheskyy yezhegodnik – 1996*. Moscow: Nauchnaya kniga Publ., 1996 (in Russian).
- Rozman, G., Togo, K., and Ferguson, J. *Russian Strategic Thought toward Asia*. New York: Palgrave Publ., 2006.
- Rosman, G. *Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2004.
- Shearman, P. *Russian Foreign Policy Since 1990*. Boulder: Western Press Publ., 1995.
- Sidorova, N.P. *Rossiya – Ukraina: ternisty put' k garmonizatsii otnosheniy*. Moscow: Diplomaticheskaya akademiya Publ., 2000 (in Russian).

Tatarintsev, V.M. *Dvustoronniye otnosheniya Rossii so stranami SNG*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., 2011 (in Russian).

Torkunov, A.V. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000 (in Russian).

Zvereva, T.V. *Vneshnyaya politika sovremennoy Frantsii*. Moscow: Kanon+ Publ., 2004 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Сидорова Надежда Павловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Nadezhda P. Sidorova, Kandidat politicheskikh nauk [Ph.D. in Political Science], leading researcher of the Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-1002-1017>

Дискуссия / Discussion

Чаадаев и Катков: стереотипы и противоречия образов

А.В. Лубков

Московский педагогический государственный университет;
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; mail@mpgu.su

Peter Chaadayev and Michael Katkov: stereotypes and contradictions of images

Alexey V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University;
1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russia; mail@mpgu.su

Аннотация: Настоящая статья актуализирует значение проблем национальной идентичности и национального самосознания, адресация к которым и сегодня представляется важной задачей при решении вопросов консолидации общества, особенно в условиях обезличивания культуры, вариативности и трансформации смыслов. В статье привлечены как опубликованные источники, так и архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. В контексте сопоставления концепций двух самобытных отечественных мыслителей автор представляет некоторые факты и факторы, обуславливавшие функционирование концепта национальной идентичности в общественной мысли России XIX в. Рассматривая методологию вопроса, автор приходит к выводу о необходимости поворота от классификационной дихотомии к синтезу и пониманию сложного и противоречивого мира личности в нелинейном движении истории. В статье осуществлен синтез консервативной и либеральной идеологий, предпринято их обобщение в конкретном историческом контексте. Автор усматривает взаимосвязь и преемственность концептуальных положений П.Я. Чаадаева и М.Н. Каткова. Предложенная ими идеология, по мнению автора, объединяет различные институты и системы, индивида и народ в единое целое перед вызовами модернизации страны. В итоге известная формула «самодержавие, православие, самобытность (народность)» приобретает глубокое смысловое звучание, обращаясь к исконной духовной традиции соборности, духовно-нравственным ценностям. Автор заключает, что развернувшаяся два столетия назад общественная полемика заложила основы ценностно-мировоззренческого дискурса, который велся на протяжении многих лет в русской общественной мысли. Его значение состоит также в том, что он акцентирует внимание на проблеме выбора поступков и мотивов человека, которые, в свою очередь, определяют его личную и гражданскую позицию, составляют основу для природы творчества.

Ключевые слова: социокультурное пространство, национальная культура, идентичность, традиции, самосознание, самопознание, личность

© Лубков А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Лубков А.В. Чаадаев и Катков: стереотипы и противоречия образов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 1002–1017. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-1002-1017>

Abstract: This article discusses the complex dialectics between the conservative and the liberal trends in the development of Russia's socio-political thinking; it does so by studying the worldviews of Peter Chaadaev and Michael Katkov. What makes this issue relevant is the circumstance that the present generations of Russians are searching for their national identity, an identity that has practically been lost in the current circumstances of cultural degradation, of decreasing cultural values in the society, and of shifting meanings. The author compares the conceptions of Russian thinkers and public figures and focuses on the main facts and factors that determined the search for the national identity of social thought in Russia in the 19th century. Considering the methodology of the issue, the author comes to conclusion that it is necessary to turn away from the dichotomy towards an integration, and towards an understanding of the complex and controversial world of an individual in the non-linear movement of history. The task that the present paper formulates is to understand the new logic of the development of socio-political thought in nineteenth-century Russia not on the basis of the traditional contradistinction of the conservative and liberal ideologies, but through the synthesis of their positive principles in the historical context. The author sees the link and succession of the conceptual provisions of Peter Chaadaev and Michael Katkov. The ideology unites various institutions and systems, the individual and the people into a whole, facing the challenges of the country's modernization. As a result, the well-known formula – autocracy, Orthodoxy, populism (narodnost') – makes a deep semantic meaning, in close linkage with the original spiritual tradition of collectivity (sobornost') and spiritual and moral values.

Keywords: socio-political thought, conservatism, liberalism, sociocultural space, national culture

For citation: Lubkov, Alexey V. "Peter Chaadaev and Michael Katkov: Stereotypes and contradictions of images." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 1002–1017. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-1002-1017>

Введение

П.Я. Чаадаев и М.Н. Катков – два крупнейших русских мыслителя и общественных деятеля, имена которых вплетены в важнейшие дискуссии общественно-политической мысли России XIX в. Обращение к их наследию вовлекает в диалог и осмысление проблем онтологии и гносеологии, антропологии и историософии не только современников событий, но и последующие поколения историков, философов, социологов, филологов, культурологов, педагогов.

Самобытность мыслителей П.Я. Чаадаева и М.Н. Каткова обусловила самые разные оценки от резко негативных до апологетических. Так, Чаадаева одни современники склонны были считать отрицателем всего русского¹, другие, вслед за веховцами, наоборот, – своеобразным знаком-символом, идеологической доминантой русского духовного ренессанса². В отношении М.Н. Каткова мнения современников также расходились в широком спектре от интерпретаций вроде «дьявола русской

¹ *Пытин А.Н.* Проявления скептицизма. – Чаадаев // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 166–183; *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы (отрывок) // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 164–165.

² *Ермичев А., Златопольская А.* П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 7–40.

литературы»³ до законного выразителя взглядов «всей здравомыслящей и благонамеренной России», лучшего представителя русской гласности⁴.

Характерно, что историография исследуемой проблематики выступает неотъемлемой частью общественно-политической жизни общества, отражая разные этапы и периоды развития идейных дискуссий и борьбы концепций.

Канонический образ легального диссидента П.Я. Чаадаева, убежденного противника режима, до сих пор порождает горячие споры. Однозначного ответа, кем же его признавать – революционером или государственным, западником, русофобом или славянофилом, католиком или православным, либералом или консерватором⁵, невозможно дать и сегодня. В то же время признанный своеобразным «эталоном» консерватора образ основателя политической журналистики и публицистики М.Н. Каткова побуждает к глубокому исследованию вопросов методологии и эволюции русского консерватизма⁶.

Либерально-консервативный синтез и его перспективы

В числе своего рода историографических «лакун» остается проблема преодоления устоявшихся стереотипов восприятия воззрений русских общественных деятелей и мыслителей, осмысление их органичного взаимовлияния. Консервативное течение русской мысли все больше рассматривается как многогранный феномен общественно-политической и культурной жизни пореформенной России. Сегодня продолжаются дискуссии о совместимости и взаимозаменяемости понятий «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм», «реформы для стабильности» или «стабильность для реформ», споры о соотношении понятий «имперское» и «национальное», традиционализма с либерализмом и консерватизмом⁷.

³ Санькова С.М. Анализ ключевых проблем изучения российской политической истории XIX в. на основе историографии М.Н. Каткова // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 5–13.

⁴ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки). Ф. 120. Оп. 1. К. 41. Л. 18, 19.

⁵ Добровольский В.Ю. П.Я. Чаадаев и его взгляды на судьбы России. М., 2007; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры: философско-исторический анализ. М., 2001; Рудаков Л.И. Социальная философия П.Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX в. СПб., 2000; Новикова Л.И. Сиземская И.Н. Русская историософия. Антология. М., 2006.

⁶ Абелинская Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург, 1999; Дубина В.С. В поисках утраченного смысла: значение понятий консерватизм и либерализм в русской общественной мысли второй половины XIX века // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 2002; Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008; Кругликова О.С. Публицистика и общественная деятельность М.Н. Каткова: Публицист и власть. СПб., 2011; Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; Шипилов С.Н. Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. М., 2009.

⁷ Минаков А.Ю. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Воронеж, 2001–2004; Нарежный А.И. Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная исто-

Как отмечают исследователи, консервативная и либеральная теории в России являлись исторически подвижными. Обе эволюционировали во времени и оказывали влияние друг на друга в достаточно широком диапазоне – от изоляции и борьбы до взаимодополнения и взаимопроникновения. Консерватизм и либерализм имеют много точек соприкосновений, их общность и различие являются основой для взаимодействия и возможности построения диалога.

Обращение к проблеме конвергенции различных идей и представлений общественно-политических течений, к сравнительному анализу аксиосферы консерватизма и либерализма вполне закономерно. Диалектика личности расширяет известные рамки классификаций и угол зрения. Представители русской общественно-политической мысли являются не просто носителями определенной доктрины, но и обычными людьми, чьи мировоззренческие ориентиры претерпевали эволюцию и трансформацию в определенные исторические периоды. Возникновение интегративного подхода обусловлено также известным развитием гегелевской диалектической триады – «тезис – антитезис – синтез».

Наблюдаемый в науке в последние годы поворот от противопоставления и разграничения сторонников и противников различных концепций и идеологий к проблемам антропологии и человеческой личности открывает новые возможности в понимании идейных направлений и доктринальных позиций их последователей.

Исследователи полагают, что пришло время для появления обобщающих трудов по данной проблематике, в том числе для системного анализа моделей, претендовавших на роль государственной идеологии⁸. Историографическое поле представлено многочисленными работами, рассматривавшими в качестве ключевой проблему либерально-консервативного синтеза и его перспектив⁹, в том числе в современном контексте.

Осуществляемые сегодня поиски перспективных моделей либерально-консервативного синтеза детерминированы необходимостью обрести контуры российской

рия. 2005. № 6. С. 133–141; *Новиков А.В.* Российские консерваторы М.Н. Катков, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев и самодержавие, середина XIX – начало XX вв. М., 2001; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Репников А.В.* Современная историография российского консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону, 2002; *Боханов А.И., Олейников Д.И.* Российские консерваторы. М., 1997; *Гросул В.Я.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; *Руткевич А.М.* Что такое консерватизм? М.–СПб., 1999; *Федорова М.М.* Традиционализм как антимодернизм // Полис: Политические исследования. 1996. № 2. С. 143–160; *Шитлов С.Н.* Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. М., 2009.

⁸ *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–141; *Шитлов С.Н.* Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. М., 2009.

⁹ *Абелинская Э.Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург, 1999; *Корнев А.В.* Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М., 2014; *Нарежный А.И.* Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001; *Клямкин И.М.* Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных подходов. М., 2011; *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С.* Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М., 2009.

самоидентичности в новой социокультурной ситуации. Задачи формирования идеологии современного Российского государства призваны обеспечить эволюционное развитие страны и проведение реформ при сохранении преемственности традиций¹⁰.

В вопросе о либерально-консервативном синтезе как едином целом исследователи подчеркивают, что проблематика не сводится к синтезу дискурсов, но нуждается в предметном анализе главных социальных проблем и поиску их лучших решений в историческом контексте¹¹. Полемизируя относительно того, является ли «срединный» путь социального развития, чуждый крайностей, примером иллюзии¹², «формальным», «компромиссным», неорганичным для российской культуры или, напротив, органичным, историки выделяют ряд принципиальных позиций, на которые стоит обратить внимание.

Например, заслуживает серьезного размышления тезис о том, что принципы христианской любви и веры в Бога и в Его творение, христианское понимание достоинства личности должны находиться глубже, в самом основании синтеза. Подобный образ мыслей достаточно «содержателен» и позволяет распознать среди идеологий ту, которая в наибольшей мере соответствует этим ключевым постулатам¹³. Требуется также проработка теоретического вопроса – смыслового значения того или иного понятия в его эволюционном развитии, вопроса среды восприятия либеральных и консервативных идей, анализ проблемы потери «инвариантных ядер» либерализма и консерватизма, что расширило бы исследовательское понимание внутренней динамики эволюции либеральной и консервативной мировоззренческой систем¹⁴.

Как справедливо отмечается, варианты истолкования бинарных оппозиций в отечественной общественно-политической мысли XIX в. сегодня воспроизводятся в историософских конструкциях российских авторов¹⁵. Важнейшей задачей представляется актуализация интеллектуальной и политической традиции, заложенной теми, кто эту задачу выдвигал и пытался решать¹⁶.

Чаадаев и Катков: попытки синтеза в историографии

Воссоздаваемое исследователями движение русской общественной мысли с присущей ему системой идей, миропонимания своего прошлого, настоящего, определения будущих задач в судьбах страны и народа имеет важное значение в осмыслении духовного и социокультурного пространства русской истории. В историографии можно найти примеры осуществления синтеза и компаративистского

¹⁰ Губман Б.Л. *Россия и Европа в философии русской истории*. Тверь, 1997; Головченко В.И. *Идеологический фактор в политической жизни современной России*. Саратов, 2007; Кольев А.Н. *Нация и государство. Теория консервативной реконструкции*. М., 2005; Корнев А.В. *Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа*. М., 2014; Михайленок О.М. *Российская политология и вызовы современного общества*. М., 2011.

¹¹ Клямкин И.М. *Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных подходов*. М., 2011. С. 516, 519.

¹² Костюк К.Н. *CIVITAS DEI: между земной властью и Божьей правдой*. М., 2013. С. 389, 390.

¹³ Там же. С. 395, 396.

¹⁴ Шелохаев В.В. *На разные темы*. М., 2016. С. 411–416.

¹⁵ Губман Б.Л. *Россия и Европа в философии русской истории*. Тверь, 1997. С. 8.

¹⁶ Клямкин И.М. *Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных подходов*. М., 2011. С. 515.

анализа при объяснении противоречивой цельности мировоззрения¹⁷. В связи с этим вызывают интерес весьма своеобразные и противоречивые, относимые к полярным «лагерям», фигуры П.Я. Чаадаева и М.Н. Каткова. В доктринальных положениях мыслителей, на первый взгляд диаметрально противоположных, при ближайшем изучении обнаруживается больше сходств, нежели различий.

Еще современники событий указывали на возможность синтеза и единения. В свое время Н.А. Бердяев призывал к нечто большему, чем собственно разделение на славянофильские и западнические платформы, к творчеству национально-самосознания на основе любви к своей Родине¹⁸. Представитель иной традиции в русской культуре А.И. Герцен также отмечал возможные основы для поиска взаимопонимания и диалога людей, которые казались «противниками, но очень странными». «У нас была одна любовь, но неодинаковая – и мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно», – писал он в некрологе, посвященном К.С. Аксакову¹⁹.

Ту же самую мысль выразил и М.Н. Катков в своем выступлении на открытии памятника А.С. Пушкину в июне 1880 г. На этом торжестве, где среди присутствовавших были в том числе западники и славянофилы, Катков заявил: «На русской почве, люди, столь же искренно желающие добра, как искренно сошлись мы все на празднике Пушкина, могут сталкиваться и враждовать между собою в общем деле только по недоразумению»²⁰.

Полемика между двумя влиятельными публицистами своего времени, А.И. Герценом и М.Н. Катковым, вызвала неизменный интерес ученых. В противоборстве двух идеологий середины XIX в. некоторые стремились применить синтез, нежели противопоставить их²¹.

Основополагающие доминанты в истолковании духовной опоры общества и воспитания национального самосознания представителями различных течений русской общественно-политической мысли актуализируют сегодня задачи выявления преемственности идей, иерархии ценностей, мировоззренческих позиций.

Были ли лично знакомы Катков и Чаадаев – с уверенностью можно ответить утвердительно. На этот факт указывают, например, сохранившиеся в библиотеке Чаадаева книги Каткова с его дарственной надписью²². По многим вопросам проследи-

¹⁷ Гурвич-Лицинер С.Д. П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков. СПб., 2006; Добровольский В.Ю. П.Я. Чаадаев: феномен общественного интереса // Отечественная история. 2007. № 5. С. 187–192; Маркелов Е.В. А.И. Герцен и М.Н. Катков. Борьба демократического и охранительного направлений в русской публицистике. М., 2000; Тарасов Б. Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Тарасов Б.Н. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб., 2012; Каменский З.А. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991; Щеглова Л.В. Судьбы российского самопознания (П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь). Волгоград, 2000.

¹⁸ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2016.

¹⁹ Герцен А.И. Былое и думы. М., Берлин, 2017. С. 618.

²⁰ Булгаков Ф.И. Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 213.

²¹ Маркелов Е.В. А.И. Герцен и М.Н. Катков. Борьба демократического и охранительного направлений в русской публицистике. М., 2000.

²² Шереметева О.Г. Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 46.

вается определенная связь и даже преемственность между Чаадаевым и Катковым. Отметим, что даже простое совпадение взглядов двух самобытных мыслителей, столь разных по своей жизненной судьбе, уже привлекает внимание исследователя.

На близость взглядов М.Н. Каткова и П.Я. Чаадаева и многие совпадения в оценках ими отечественной истории первым указал А.А. Корнилов. Он также подметил разницу, присущую обоим мыслителям. Например, Катков оценивал имперский период несколько по-другому, чем Чаадаев²³.

Взаимосвязанность «идей» и «людей» при всем их личностном и творческом своеобразии обогащает понимание важнейших тем и поисков в истории отечественной общественно-политической мысли, осмысления принципов и мотивов, «внутренних» установок сознания человека, а также ценностей и критериев, обуславливающих те или иные тенденции развития и в целом прогресс общества.

Единый идейно-родственный поток в русской культуре: Чаадаев и Катков о понимании проблемы имперского, общенационального сознания

Несомненно, оба мыслителя оказали громадное влияние на современников и последующие поколения, в том числе возвращая нас сегодня к дискуссии о сущности национальной идеи, которая была начата еще А.С. Пушкиным. В одном из своих писем Чаадаеву 19 октября 1836 г. поэт написал известные слова: «...Клянись честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»²⁴.

Чаадаев оказался среди тех немногих людей в ближайшем окружении Пушкина, кто поддержал поэта в его патриотической позиции в период польского восстания 1831 г. После публикации стихотворения «Клеветникам России» Чаадаев написал Пушкину: «Вы этими стихами явили свой национальный гений. Вы стали русским Данте»²⁵. Государственная, державная идеология воспринималась Чаадаевым в качестве необходимого условия формирования национального сознания и обеспечения государственного единства Российской империи. Это именно та традиция, которую в 1840-е и во все последующие годы будет развивать М.Н. Катков. Здесь нами видится главная линия единого потока русской культуры.

Произведения Чаадаева доказали, что «басманный философ» является тем зеркалом, в которое смотрится Россия, переживая переломные моменты своей истории²⁶. И с этим нельзя не согласиться. Постигание загадки российской цивилизации, ее смысла и предназначения – главные проблемы национальной мысли, обозначенные Чаадаевым. Вслед за ним в духовные и философские поиски погрузились представители самых различных течений во всем разнообразии их идей-

²³ *Корнилов А.А.* Михаил Никифорович Катков (1818–1887). М., 1910.

²⁴ *Пушкин А.С.* Письмо Чаадаеву П.Я., 19 октября 1836 г. Петербург // А.С. Пушкин: Письма последних лет, 1834–1837. Л., 1969. С. 154.

²⁵ *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. С. 72–73; Письмо П.Я. Чаадаева к А.С. Пушкину // *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина.* М., 1999. С. 388.

²⁶ *Ермичев А., Златопольская А.* П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 3.

ных оттенков: славянофильских, западнических, радикально-демократических. Добавим к ним и консервативно-охранительные тоже.

В «Философических письмах» Чаадаев часто повторял, что «самой природой вещей» для России определено «быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества»²⁷. С трибуны печатного слова глашатаем выступал и «московский громовежец», да столь успешно, что получил всеобщее признание в качестве «государственного деятеля без государственной должности» и в России, и за рубежом.

М.Н. Каткову удалось во многом сдержать волну нигилизма, которая обрушилась на русское общество. «Катковская политика» объединила на страницах его изданий весь цвет русской интеллигенции и даже непримиримых, казалось бы, противников – славянофилов и западников. Широкая публика, читавшая «Русский вестник», имела возможность первой познакомиться с прозой и поэзией, вышедшей из-под пера отечественных мыслителей. А между авторами шло своего рода соревнование за участие в нем публиковаться.

Общество втягивалось в литературный и общественно-политический дискурс наиболее значимых и острых проблем российской действительности. Москва совершала историческое значимое дело для России. «Дело это – единство и величие России»²⁸. Неслучайно поэтому Каткова и его «инспекцию всероссийской службы» на Страстном бульваре боялись. Почему боялись? Повторим за В.В. Розановым: «Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, “своей корысти”. И – того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова»²⁹. К.Н. Леонтьев, например, считал, что редактору «Русского вестника» – великому поэту российской государственности³⁰ должен быть установлен памятник напротив Пушкина. Заметим, что Катков был тем самым человеком, кто в свое время одним из первых высказал в печати мысль о необходимости возведения памятника поэту в Москве, в начале Тверского бульвара, на пути к Страстному монастырю.

Национальная идея, как писал М.Н. Катков в старейшей университетской газете, приобретшей при нем небывалую популярность, отнюдь не является случайностью или выдумкой «московских демагогов». «Для государства выбор между политикой национальной и антинациональной, – писал он – есть то же, что выбор между жизнью и смертью»³¹.

Уже в первых произведениях Каткова обнаруживается фактическое цитирование мыслей Чаадаева. В «Песнях русского народа» (1839) Катков писал: «Русский народ был также долго вне этого всемирно-исторического развития; до него так же долго не касались идеи, двигавшие человечество; он долго зрел одиноко, замкнутый со всех сторон, и только готовился – готовился тихо, едва заметно – к своему высо-

²⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. С. 533–534.

²⁸ Розанов В.В. Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.

²⁹ Там же.

³⁰ Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008.

³¹ Московские ведомости. 1869. № 61.

кому назначению, в которое его ввел гений великого Петра»³². В последующем, когда Катков стал идеологом определенного идейного направления и провозвестником его на публицистическом и общественно-политическом поприще, можно заметить еще больше сходных и близких смысловых значений у мыслителей.

Чаадаев одним из первых заговорил о содержании эпохи 1830–1850-х гг. Это было время, когда в сознании современников отчетливо формировался имперский образ России. В письме А.И. Тургеневу Чаадаев метко подметил: «В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах. Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, будет, понятно, совершенно искусственным созданием»³³. С уверенностью можно утверждать, что Чаадаев был предвестником русской гражданской (политической) нации, сторонником которой был также Катков.

Внучатый племянник П.Я. Чаадаева князь Дмитрий Иванович Шаховской, скрупулезно собиравший и изучавший богатство творческого наследия Чаадаева, акцентировал наше внимание на том, что Чаадаев – вовсе не отрицатель и даже не западник. Он называл его «пророком мирового христианства», который ожидал «от русского самосознания последнего победоносного удара по мировой лжи»³⁴.

Относительно неприятия власти Чаадаевым отметим, что скорее подобное отношение следует расценивать как оппозицию духовную и интеллектуальную, традиционно характерную для русской аристократии. Она заключалась в критике верховной власти непонимания ею своего истинного призвания. По мнению мыслителя, русские монархи были призваны к постижению провиденциального начала, начертанного свыше священного таинства выражать высшую идею о своем предназначении и служении Отечеству. Это совершенно отличалось от свойственного людям рационалистического или прогрессистского толкования истории. Философ писал, что нам «позволено надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса» и «для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себя все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути»³⁵.

Понимание сакральной природы царской власти объединяло Чаадаева и Каткова. Уважение власти и служение на благо Отечеству без «тени сомнений в подлинности и верности» выбранного образа мыслей и действий издатель «Московских ведомостей» и «Русского вестника» считали делом своей жизни³⁶.

Европейский рационализм возможно преодолеть путем утверждения национальных начал в жизни государства и Церкви. Так считал П. Я. Чаадаев, решительно противопоставляя пути развития России и Запада. Заметим, что в понимании Каткова антитеза Россия – Запад приобретала важное значение в деле защиты государственных интересов внутри империи, и далеко за ее пределами.

³² Катков М.Н. *Песни русского народа* // Катков М.Н. *Собрание сочинений*. Т.1. СПб., 2010. С. 91.

³³ Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 2. М., 1991. С. 91–92.

³⁴ Шаховской Д.И. *Письма И.М. Гревсу* // *Философский век. Альманах* 26. История идей в России: исследования и материалы. СПб., 2004. С. 151.

³⁵ Чаадаев П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. Т. 1. М., 1991. С. 535, 536.

³⁶ ГАРФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; ГАРФ. Ф. 1718. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

Чаадаев настаивал на «оживлении» веры, ибо без нее Россия не имеет будущего. Об этом он писал графу А.Х. Бенкендорфу в 1832 г. Соблюдение национальных традиций при проведении реформ, подлинное религиозное воспитание общества, основательное классическое образование – ключевые позиции среди предложенных им мер³⁷. Именно эти позиции были определяющими в образовательной и просветительной доктрине Каткова, которую тот реализовывал в течение жизни.

Как известно, в первом и втором «Философических письмах» Петр Яковлевич с резкой критикой выступает в отношении роли православия в России и в мире, хотя и оставался до своей кончины православным человеком, исповедавшись и причастившись перед смертью. Позже его оценки меняются на противоположные. А в шестом «Философическом письме» он ратует за объединение всех христианских вероисповеданий и возвращение к «Церкви-матери», по его мнению – к католицизму. Фактически сходную идею выдвинул и Катков. Он полагал, что именно православие должно стать объединяющим началом воссоздания единой вселенской Церкви³⁸.

«Народы – существа нравственные», – считал Чаадаев. ... Их воспитывают века, как людей воспитывают годы»³⁹. Апеллирование к наследию отцов, целомудренности ума и трезвости мысли⁴⁰ объясняется тем, что Чаадаев был приверженцем принципа традиции и преемственности в истории. Он убеждал, что «наряду с чувством нашей отдельной личности мы носим в сердце чувство связи с родиной, с семьей», что «всякий отдельный человек и всякая мысль людей связаны со всеми людьми и со всеми человеческими мыслями, предшествующими и последующими»⁴¹.

Причастность ко всему мирозданию, по мнению Чаадаева, делает человека способным постигать смыслы и ценности, а также обуславливает возможность и необходимость его внутренней нравственной работы над собой, поскольку человек – существо, прежде всего, духовное. Непонимание его взаимосвязи с Богом, «первого общения духа Божьего с духом человеческим», без которого «ничего нельзя понять в христианстве» – этой «великой загадки душевного бытия» обращает к философии. Хотя философия объясняет феномен «человека только через человека», отделяя его от Бога, и внушает мысль, что «человек зависит только от себя самого»⁴².

Человек движется к единству и осознанию своей изначальной связи с остальным миром, что позволяет ему понять себя частью «великого духовного целого». Важнейшей задачей на этом пути представлялось умаление претензий своего «пагубного Я». В каждой душе, по мнению Чаадаева, живет «смутный инстинкт нравственного блага», без которого люди запутались бы в собственной свободе и который по-разному проявляется у них⁴³. В связи с этим ключевым вопросом становится ответственность, мотивы и поступки человека, нравственные двигатели личности, обуславливающие его выбор.

³⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений... Т. 1. М., 1991. С. 517–521.

³⁸ Катков М.Н. Возрастание стремления к единой вселенской Церкви // Московские ведомости. 1869. № 13.

³⁹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 326.

⁴⁰ Там же. С. 144–148.

⁴¹ Там же. С. 416–417.

⁴² Там же. С. 352.

⁴³ Там же. С. 378–379.

Вопреки обособленности и ограниченности во времени и пространстве движение к «всеобщему» началу и составляет цель каждой индивидуальности. В этом заключаются истоки самопознания, как считал Чаадаев. А нами видится стержневая основа его воззрений – идея соборности и соборной личности, которая станет отличительной особенностью религиозно-философского и духовного достояния русского народа. Соборность понимается как гармония целого при свободе всех его составляющих. И в этом смысле Чаадаева действительно можно назвать первым русским, по выражению Осипа Манделъштама, кто после пребывания на Западе идейно нашел «дорогу обратно»⁴⁴.

«Прочь себялюбие, прочь эгоизм. Они-то и убивают счастье. Жить для других значит жить для себя»⁴⁵, – этот чаадаевский призыв был близок, несомненно, и Каткову. Антииндивидуализм Чаадаева перекликается с темой личности, пропагандируемой Катковым. Годы пребывания Каткова в Германии повлияли на произошедший в нем поворот к идее личности, ее духовно-нравственному развитию. По выражению В.Г. Белинского, «его взгляды на многое» дали гораздо больше ему, нежели самому Каткову, который «много разбудил» в нем⁴⁶.

Катков постоянно будет обращать внимание российской элиты на истинное ее призвание и предназначение, обличать нездоровые явления общественной жизни и болезненные проблемы, сопровождавшие процесс преобразований под руководством тех, кто своими действиями или бездействием дискредитировал реформы, наносил серьезный ущерб национальным интересам страны и ее будущему. И в этом также прослеживается схожесть идейных позиций двух разных мыслителей – Каткова и Чаадаева.

Выводы

Таким образом, авторская точка зрения на русскую общественную мысль как многослойный феномен пореформенной России обращает к дискуссии, позволяющей отойти от позиций жесткого разграничения ее представителей на идеологов полярных лагерей и увидеть возможные точки соприкосновения в построении единого взаимосвязанного дискурса современности. Сопоставление доктринальных позиций двух выдающихся людей своего времени обнаруживает больше сходств, нежели различий, в понимании национального опыта государственного строительства.

Можно с уверенностью утверждать, что Чаадаев и Катков сходились в главном, соединяющем в себе, казалось бы, несоединимые особенности, – в кровной и неразрывной связи со своей Родиной, в сопричастности к ее судьбе, осознании общих основ ее жизни своими собственными, по сути родными. Ответ на вопрос, поставленный некогда А.Ф. Лосевым: «Но что же сказать о любви чистой и ясной, о любви идейной, о любви к Родине?» весьма прост. «Она бескорыстна, но это потому, что и всякая любовь бескорыстная (или она не есть любовь). Она готова на

⁴⁴ Манделъштам О.Э. «Выпрямительный вздох». Стихи, проза. Ижевск, 1990. С. 453.

⁴⁵ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 453.

⁴⁶ Письмо В.Г. Белинского к В.П. Боткину от 30 декабря 1840 – 22 января 1841 гг. // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 432.

жертвы, но это потому, что нет любви без жертвы и подвига, нет любви без самоотверженности и самоотречения»⁴⁷. Накопленный русской общественной мыслью опыт и наследие ее ярчайших представителей позволяет увидеть исторический мост между современной и прошлой Россией, преемственную связь в трактовке собственной национальной идеи.

Рукопись поступила: 28 февраля 2019 г.

Submitted: 28 February 2019

Библиографический список

- Абелинская Э.Ю.* Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 100 с.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2016. 416 с.
- Боханов А.И., Олейников Д.И.* Российские консерваторы. М.: Русский мир, 1997. 384 с.
- Булгаков Ф.И.* Венок на памятник Пушкину. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. 354 с.
- Герцен А.И.* Былое и думы. М., Берлин: [Б.и.], 2017. 540 с.
- Губман Б.Л.* Россия и Европа в философии русской истории. Тверь: ТГУ, 1997. 111 с.
- Головченко В.И.* Идеологический фактор в политической жизни современной России. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2007. 136 с.
- Гурвич-Лицинер С.Д.* П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков. СПб.: Нестор-История, 2006. 251 с.
- Гросул В.Я.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-традиция, 2000. 439 с.
- Добровольский В.Ю.* П.Я. Чаадаев и его взгляды на судьбы России. М.: Институт Российской истории РАН, 2007. 140 с.
- Добровольский В.Ю.* П.Я. Чаадаев: феномен общественного интереса // Отечественная история. 2007. № 5. С. 187–192.
- Дубина В.С.* В поисках утраченного смысла: значение понятий консерватизм и либерализм в русской общественной мысли второй половины XIX века // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара: [Б.и.], 2002. С. 120–125.
- Ермичев А., Златопольская А.* П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1998. С. 7–40.
- Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. 542 с.
- Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры: философско-исторический анализ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 704 с.
- Каменский З.А.* Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. 768 с.
- Катков М.Н.* Песни русского народа // Катков М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 2010. С. 1–91.
- Кольев А.Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. 800 с.
- Костюк К.Н.* CIVITAS DEI: между земной властью и Божьей правдой. М.: Директ-Медиа, 2013. 454 с.
- Клямкин И.М.* Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных подходов. М.: Новое издательство, 2011. 536 с.

⁴⁷ Лосев А.Ф. Родина. Отрывки из статьи // Русский индивидуализм. М., 2007. С. 268.

- Корнев А.В.* Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа. М.: Проспект, 2014. 320 с.
- Корнилов А.А.* Михаил Никифорович Катков (1818–1887). М.: Издание Товарищества «Мир», 1910. 400 с.
- Кругликова О.С.* Публицистика и общественная деятельность М.Н. Каткова: Публицист и власть. СПб.: Lap Lambert Academic Publ., 2011. 208 с.
- Мандельштам О.Э.* «Выпрямительный вздох». Стихи, проза. Ижевск: Удмуртия, 1990. 526 с.
- Маркелов Е.В.* А.И. Герцен и М.Н. Катков. Борьба демократического и охранительного направлений в русской публицистике. М.: Московский государственный открытый педагогический университет, 2000. 210 с.
- Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–141.
- Михайленок О.М.* Российская политология и вызовы современного общества М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 198 с.
- Нарезный А.И.* Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
- Новикова Л.И.* Сиземская И.Н. Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Новиков А.В.* Российские консерваторы М.Н. Катков, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев и самодержавие, середина XIX – начало XX вв. М.: Московский государственный университет управления, 2001. 220 с.
- Пушкин А.С.* Письмо Чаадаеву П.Я., 19 октября 1836 г. Петербург // А.С. Пушкин: Письма последних лет, 1834–1837. Л.: Наука, 1969. С. 154–155.
- Пытин А.Н.* Проявления скептицизма. – Чаадаев // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С. 166–183.
- Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Издательство Academia, 2007. 519 с.
- Репников А.В.* Современная историография российского консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 2002. С. 5–28.
- Рудаков Л.И.* Социальная философия П.Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX в. СПб.: Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2000. 200 с.
- Руткевич А.М.* Что такое консерватизм? М.–СПб.: Университетская книга, 1999. 224 с.
- Санькова С.М.* Анализ ключевых проблем изучения российской политической истории XIX в. на основе историографии М.Н. Каткова // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 5–13.
- Санькова С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007. 300 с.
- Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы (отрывок) // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С. 164–165.
- Тарасов Б.Н.* Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб.: Алтейя, 2012. 352 с.
- Федорова М.М.* Традиционализм как антимодернизм // Полис: Политические исследования. 1996. № 2. С. 143–160.
- Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. 768 с.
- Шаховской Д.И.* Письма И.М. Гревсу // Философский век. Альманах 26. История идей в России: исследования и материалы. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 149–160.
- Шелохаев В.В.* На разные темы М.: Политическая энциклопедия, 2016. 711 с.

- Шереметева О.Г. Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева // П.Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С. 43–66.
- Шутилов С.Н. Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты: по произведениям М.Н. Каткова. М.: Московский гуманитарный университет, 2009. 200 с.
- Щеглова Л.В. Судьбы российского самопознания (П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь). Волгоград: Перемена, 2000. 324 с.
- Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.

References

- Abelinskaya, E.Yu. *Konservatism kak mirovozzreniye i politicheskaya ideologiya (opyt obosnovaniya)*. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Berdyayev, N.A. *Sud'ba Rossii*. Moscow: Azbuka-Attikus, Azbuka Publ., 2016 (in Russian).
- Bokhanov, A.I., and Oleynikov, D.I. *Rossiyskiye konservatory*. Moscow: Russkiy mir Publ., 1997 (in Russian).
- Bulgakov, F.I. *Venok na pamyatnik Pushkinu*. St. Petersburg: tip. i khromolit. A. Transhelya Publ., 1880 (in Russian).
- Chaadayev, P.Ya. *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma*. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Fedorova, M.M. "Traditsionalizm kak antimodernizm." *Polis: Political Studies Journal*, no. 2 (1996): 143–160 (in Russian).
- Gertsen, A.I. *Byloye i dumy*. Moscow, Berlin: [N.s.], 2017 (in Russian).
- Golovchenko, V.I. *Ideologicheskiy faktor v politicheskoy zhizni sovremennoy Rossii*. Saratov: Saratov University Publ., 2007 (in Russian).
- Grosul, V.Ya. *Russkiy konservatism XIX stoletiya. Ideologiya i praktika*. Moscow: Progress-traditsiya Publ., 2000 (in Russian).
- Gubman, B.L. *Rossiya i Yevropa v filosofii russkoy istorii*. Tver': TGU Publ., 1997 (in Russian).
- Gurvich-Lishchiner, S.D. *P.Ya. Chaadayev v russkoy kul'ture dvukh vekov*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2006 (in Russian).
- Dobrovol'skiy, V.Yu. *P.Ya. Chaadayev i yego vzglyady na sud'by Rossii*. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Dobrovol'skiy, V.Yu. "P.Ya. Chaadayev: fenomen obshchestvennogo interesa." *Otechestvennaya istoriya*, no. 5 (2007): 187–192 (in Russian).
- Dubina, V.S. "V poiskakh utrachennogo smysla: znachenije ponyatiy konservatism i liberalizm v russkoy obshchestvennoy mysli vtoroy poloviny XIX veka." In *Evolutsiya konservatizma: yevropeyskaya traditsiya i russkiy opyt: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, 120–125. Samara: [N.s.], 2002 (in Russian).
- Kantor, V.K. *Sankt-Peterburg: Rossiyskaya imperiya protiv rossiyskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Kantor, V.K. *Russkiy yevropeyets kak yavleniye kul'tury: filosofsko-istoricheskiy analiz*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2001 (in Russian).
- Kamenskiy, Z.A. *Chaadayev P. YA. Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannyye pis'ma*. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Katkov, M.N. "Pesni russkogo naroda." In *Katkov M.N. Sobraniye sochineniy*, 1–91. Vol. 1. St. Petersburg, 2010 (in Russian).
- Kol'yev, A.N. *Natsiya i gosudarstvo. Teoriya konservativnoy rekonstruktsii*. Moscow: Logos Publ., 2005 (in Russian).

- Kostyuk, K.N. *CIVITAS DEI: mezhdru zemnoy vlast'yu i Bozh'yey pravdoy*. Moscow: Direkt-Media Publ., 2013 (in Russian).
- Kornev, A.V. *Gosudarstvo i pravo v kontekste konservativnoy i liberal'noy ideologii: opyt retrospektivnogo analiza*. Moscow: Prospekt Publ., 2014 (in Russian).
- Kornilov, A.A. *Mikhail Nikiforovich Katkov (1818–1887)*. Moscow: Tovarishchestvo 'Mir' Publ., 1910 (in Russian).
- Klyamkin, I.M. *Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdistsiplinarnykh podkhodov*. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2011 (in Russian).
- Kruglikova, O.S. *Publitsistika i obshchestvennaya deyatel'nost' M.N. Katkova: Publitsist i vlast'*. St. Petersburg: Lap Lambert Academic Publishing Publ., 2011 (in Russian).
- Mandel'shtam, O.E. «Vypryamitel'nyy vzdokh». Stikhi, proza. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1990 (in Russian).
- Markelov, Ye.V. A.I. *Gertsen i M.N. Katkov. Bor'ba demokraticeskogo i okhranitel'nogo napravleniy v russkoy publitsistike*. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University Publ., 2000 (in Russian).
- Minakov, A.Yu. "Russkiy konservatizm v sovremennoy rossiyskoy istoriografii: novyye podkhody i tendentsii izucheniya." *Otechestvennaya istoriya*, no. 6 (2005): 133–141 (in Russian).
- Mikhaylenok, O.M. *Rossiyskaya politologiya i vyzovy sovremennogo obshchestva*. Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., 2011 (in Russian).
- Narezhnyy, A.I. *Liberal'nyy konservatizm: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Novikova, L.I. *Sizemskaya I.N. Russkaya istoriosofiya. Antologiya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).
- Novikov, A.V. *Rossiyskiye konservatory M.N. Katkov, D.A. Tolstoy, K.P. Pobedonostsev i samoderzhaviye, seredina XIX – nachalo XX vv.* Moscow: Moscow State University of Management, 2001 (in Russian).
- Pushkin, A.S. "Pis'mo Chaadayevu P.YA., 19 oktyabrya 1836 g. Peterburg." In *A.S. Pushkin: Pis'ma poslednikh let, 1834–1837*, 154–155. Leningrad: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Pypin, A.N. "Proyavleniya skeptitsizma. – Chaadayev." In *P.Ya. Chaadayev: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Petra Chaadayeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya*, 166–183. St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute Publ., 1998 (in Russian).
- Repnikov, A.V. *Konservativnyye kontseptsii pereustroystva Rossii*. Moscow: Academia Publ., 2007 (in Russian).
- Repnikov, A.V. "Sovremennaya istoriografiya rossiyskogo konservatizma." In *Konservatizm i traditsionalizm na Yuge Rossii. Yuzhnorossiyskoye obozreniye Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovaniy i prognozirovaniya IPPK pri RGU i ISPI RAN*, 5–28. Rostov-na-Donu: [N.s.], 2002 (in Russian).
- Rudakov, L.I. *Sotsial'naya filosofiya P.YA. Chaadayeva i russkaya filosofskaya i obshchestvennaya mysl' XIX v.* St. Petersburg: St. Petersburg State Pedagogical University named after A.I. Herzen Publ., 2000 (in Russian).
- Rutkevich, A.M. *Chto takoye konservatizm?* Moscow–St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1999 (in Russian).
- San'kova, S.M. "Analiz klyuchevykh problem izucheniya rossiyskoy politicheskoy istorii XIX v. na osnove istoriografii M.N. Katkova." *Tomsk State University Journal of History*, no. 2 (10) (2010): 5–13 (in Russian).
- San'kova, S.M. *Gosudarstvennyy deyatel' bez gosudarstvennoy dolzhnosti. M.N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma. Istoriograficheskiy aspekt*. St. Petersburg: Nestor Publ., 2007 (in Russian).
- Shakhovskoy, D.I. "Pis'ma I.M. Grevsu." In *Filosofskiy vek. Al'manakh 26. Istoriya idey v Rossii: issledovaniya i materialy*, 149–160. St. Petersburg: St. Petersburg Center for the History of Ideas Publ., 2004 (in Russian).

- Strakhov, N.N. “Bednost’ nashey literatury (otryvok).” In *P.Ya. Chaadayev: pro et contra: Lichnost’ i tvorchestvo Petra Chaadayeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya*, 164–165. St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute, 1998 (in Russian).
- Shelokhayev, V.V. *Na raznyye temy*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016 (in Russian).
- Sheremeteva, O.G. “Nadpisi i otmetki na knigakh biblioteki Chaadayeva.” In *P.Ya. Chaadayev: pro et contra: Lichnost’ i tvorchestvo Petra Chaadayeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya*, 43–66. St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute Publ., 1998 (in Russian).
- Shipilov, S.N. *Evolyutsiya ideologii russkogo poreformennogo konservatizma: etnokul’turnyye i politicheskkiye aspekty: po proizvedeniyam M.N. Katkova*. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ., 2009 (in Russian).
- Shcheglova, L.V. *Sud’by rossiyskogo samopoznaniya (P.Ya. Chaadayev i N.V. Gogol’)*. Volgograd: Peremena Publ., 2000 (in Russian).
- Tarasov, B.N. *Neopoznanny Tyutchev. Neuslyshanny Dostoyevskiy*. St. Petersburg: Alteyya Publ., 2012 (in Russian).
- Yakunin, V.I., Bagdasaryan, V.E., Kulikov, V.I., and Sulakshin, S.S. *Variativnost’ i tsiklichnost’ global’nogo sotsial’nogo razvitiya chelovechestva*. Moscow: Nauchnyy ekspert Publ., 2009 (in Russian).
- Yermichev, A., and Zlatopol’skaya, A. “P.Ya. Chaadayev v russkoy mysli. Opyt istoriografii.” In *P.Ya. Chaadayev: pro et contra: Lichnost’ i tvorchestvo Petra Chaadayeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya*, 7–40. St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute Publ., 1998 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Лубков Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ректор Московского педагогического государственного университета.

Lubkov Alexey Vladimirovich, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Corresponding member of Russian Academy of Education, Rector of the Moscow Pedagogical State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-1018-1022>

Рецензия / Book review

**Любичанковский С.В. Политика аккультурации
средствами просвещения исламских подданных
Российской империи: исторический опыт
Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.):
монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ,
2018. 264 с.**

С.И. Ковальская (рецензент)

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева;
010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. К. Сатпаева, 2; Kovalskaya_SI@enu.kz

***Lyubichankovskiy, S.V. Politika akkul'turatsii
sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh
Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya
(seredina XIX – nachalo XX vv.) [The policy of acculturation
by means of enlightenment of Islamic subjects of
the Russian Empire: the historical experience of
the Orenburg Territory (the mid-19th – early 20th centuries)].
Orenburg: OGAU Publishing Center, 2018. 264 p.***

Svetlana I. Kovalskaya (reviewer)

L.N. Gumilyov Eurasian National University;
2, K. Satpayev St., Nur-Sultan, 010008, Kazakhstan; Kovalskaya_SI@enu.kz

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 17-18-01008.

Оренбургская область характеризуется богатством культур и религиозных конфессий проживающих здесь народов, разнообразием форм их взаимодействия. Оренбург в разное время был центром управления казахами, башкирами, калмыками и на протяжении нескольких веков являлся центром пересечения культур и цивилизаций, оставаясь таковым и сегодня.

© Ковальская С.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История Оренбургского края уникальна своим опытом межэтнических отношений, в том числе в таком его аспекте, как взаимопроникновение и взаимообогащение культур, реинтерпретация заимствованного. Необходимо отметить, что государство принимало в этом процессе видное участие, непосредственно определяя и направляя его в нужное с точки зрения государственного интереса русло. Именно усилия в области просвещения исламских подданных и проанализированы в рецензируемой монографии.

Монография С.В. Любичанковского – это фундаментальный труд, основанный как на опубликованных документах, так и материалах, хранящихся в федеральных и региональных архивах Российской Федерации: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО), Объединенном Государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Привлечение богатого фактического материала, положенного в основу монографии, позволило автору проследить не только, как формировалась политика аккультурации, но и каковы были ее реальные результаты, что является большим достоинством работы.

Необходимо уделить внимание дефинициям, использованным автором монографии, ключевым из которых является термин «аккультурация». В монографии дан развернутый анализ возникновения как самого термина, так и всех существующих подходов к пониманию данного процесса в зарубежной и современной российской историографии. В работе показано, как чужое постепенно становится понятным, близким, своим.

Автор избегает негативных коннотаций, связанных с терминами «имперский» или «колониальный». Под империей понимается определенный способ управления различиями, который позволил выработать механизм и правила, позволяющие сохранить стабильность в регионе и постепенно сделать подданных лояльными к власти. В условиях, когда культурный код ядра империи и ее периферии существенно отличался, это было чрезвычайно сложно.

Можно отметить, что исследование дает возможность с новой стороны взглянуть на сущность имперской аккультурационной политики России в сфере образования. Сегодня невозможно говорить исключительно об одновекторном движении из центра на периферию. Анализируя имперскую политику в работе, автор стремится услышать голос самих исламских подданных, делая процесс изучения политики аккультурации двусторонним. Империя предлагала и внедряла, отслеживала и следила за исполнением своей образовательной политики, а исламское население стремилось сохранить свой собственный национально-религиозный опыт в сфере образования, а также вырабатывало способы адаптации к тем реформам и переменам, которые активно внедрялись имперской властью.

Отдельная глава монографии посвящена историографическому анализу всей имеющейся литературы по проблеме формирования политики Российской империи в отношении исламских подданных. Автор анализирует феномен «инородческого» образования Оренбургской губернии и его отражения в научной литературе. Кроме того, детально проанализирована региональная историография

проблемы. Автор совершенно справедливо отмечает, что, в условиях методологической свободы и наличия фактического материала необходим подробный и детальный анализ для понимания общей картины формирования исторического пути различных регионов Российской империи.

В монографии весьма подробно охарактеризован многонациональный и поликонфессиональный состав Оренбургского края, который длительное время оставался, по определению автора монографии, фронтальным районом (с. 229). Любичанковский С.В. особо подчеркивает, что «интерес к исламу определяется многочисленностью и влиятельностью представителей мусульманского мира как в Российской империи в целом (вторая по численности приверженцев конфессия), так и в Оренбургском крае в частности» (с. 5). Из всего межэтнического разнообразия региона отдельное место уделено анализу усилий власти по просвещению среди казахов Оренбургского края. Нам весьма импонирует позиция профессора С.В. Любичанковского о том, что казахский социум Оренбургского края наиболее активно втягивался в имперское политико-правовое, экономическое и культурное пространство, что позволило в кратчайшие сроки сформироваться прослойке европейски образованных казахов со всеми вытекающими отсюда последствиями (с. 11).

На наш взгляд, отношение к образованию со стороны царского правительства носило двойственный характер. С одной стороны, Российская империя остро нуждалась в укреплении своей технико-экономической и военной мощи, с другой – чем образованнее и свободнее становились граждане, тем серьезней была угроза прочности самодержавия.

Нерусские народы Российской империи традиционно воспринимались как потенциальная угроза дезинтеграции страны. Трудно не согласиться с автором, что во многом именно непродуманность политики Русской православной церкви как орудия государственной власти способствовала активизации в мусульманской среде фанатизма и сопротивления правительству (с. 41). Система образования влияет на процесс эмансипации человека, формирование интеллигенции, пробуждение национального самосознания и появления в общественно-политической мысли различных радикальных политических учений, некоторые из которых непосредственно привели к смене политической власти государства. В данном контексте система образования выступает как фактор освобождения. Здесь мы наблюдаем парадоксальный эффект аккультурации, который не уничтожил национальную самость, а, наоборот, привел к небывалому росту национальной идентичности и росту самосознания. То есть приобщение к русскому языку и культуре в конечном итоге только усилило чувство национальной принадлежности и желания освободиться от имперской зависимости. Образование как типичный пример «мягкой силы», с помощью которой власть добивалась лояльности «инокультурных» подданных, в дальнейшем сыграло над ней злую шутку. Одним словом, империя научила интеллектуальную часть мусульманского общества тому, что нужно от этой империи избавляться.

С.В. Любичанковский подробно останавливается на анализе концепций в области образования инородцев, на которые опиралось в своей внутренней политике царское правительство. Первая получила оформление в Правилах 1870 года,

где была четко выражена цель образования инородцев – русификация и слияние с русским народом. Автором второй из них был Николай Иванович Ильминский (1822–1892) – тюрколог, арабист, профессор турецко-татарского языка в Казанском университете, делом всей жизни которого была христианизация народов Поволжья, Урала и Сибири. Н.И. Ильминский боролся всеми возможными путями против исламизации степи, подчеркивая, что казахи должны иметь свое собственное направление в развитии. Путь этот он видел через просвещение, народную школу на родном языке, где учителем будет сам инородец. Ильминский стремился через родной язык приобщить инородцев к православию. Христианизация у него шла впереди русификации.

Часть казахской интеллигенции XIX в., пытаясь найти выход из кризиса, в который все больше погружался кочевой социум, ратовала за усвоение русского языка как инструмента, облегчающего доступ к достижениям мировой цивилизации, а также политического воздействия на российские власти и конструирования собственного самостоятельного будущего. Безусловно, эти идеи были характерны для мусульманской интеллигенции Российской империи, особенно ее джадидской части, вдохновленной идеями Исмаила бей Гаспринского (Гаспиралы).

Приобщение к русскому языку и российской цивилизации – это был «перевод с перевода», так как русская культура к этому времени во многом являла собой также «перевод», но уже цивилизации Запада. И этот «перевод» дался не без труда, не без утраты русскости. На наш взгляд, когда русское самодержавие вовлекало общественность в модернизированный европейский мир, оно и отдаленно не могло предвидеть, какую опасность для государственного строя в итоге оно в себе таит. Казахская интеллигенция также пока не предчувствовала будущих утрат для «казахскости».

Весьма удачен, на наш взгляд, дизайн обложки книги, где представлены карты, рисунки, фотографии из семейных и частных архивов, которые наглядно представляют переключку времен, эпох и поколений. Последнее особенно важно, так как, утратив часть своей духовной культуры в результате социально-политических трансформаций XX в., народы стремятся к восстановлению своего исторического прошлого.

Репрезентативная источниковая база, критическое отношение к историографической традиции – все это позволило автору показать политику аккультурации средствами просвещения во всей ее полноте.

Бесспорно, С.В. Любичанковский проделал значительную и объемную работу, проследив практически пошаговые действия в области просвещения имперского правительства по отношению к мусульманским подданным, тем самым убедительно продемонстрировав свой профессиональный исследовательский талант.

Замечания к монографии носят рекомендательный характер. Они связаны, например, с тем, что в книге можно было бы больше внимания уделить анализу англоязычной историографии, которая достаточно обширна и разнообразна по вопросам образовательной политики среди мусульманского населения Российской империи.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть значимость монографии С.В. Любичанковского именно с точки зрения нового взгляда на, казалось бы, привычные и знакомые процессы и явления. Данный научный труд рассчитан на историков и всех интересующихся историей Российской империи. Книга С.В. Любичанковского существенно расширяет рамки исследований в сфере анализа технологий аккультурации, реинтерпретации заимствованного, знакомит с обширной базой опубликованных и архивных материалов, широким кругом научной литературы, приглашает к дальнейшему научному поиску в области изучения политики имперского правительства по отношению к своим мусульманским подданным.

Монография С.В. Любичанковского «Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.)» – это фундаментальный труд, который вносит существенный вклад в изучение многогранной и пока еще мало изученной темы.

В целом хочется поблагодарить автора, пожелать ему дальнейших интересных исследований. А самое главное, пожелать книге вдумчивого и пытливого читателя, большой интересной судьбы и продолжения.

Рукопись поступила: 10 августа 2019 г.

Submitted: 10 August 2019

Информация об авторе / Information about the author

Ковальская Светлана Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

Svetlana I. Kovalskaya, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of History of Kazakhstan, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 50 тыс. знаков в формате MS Word с типом файла DOC.

В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл должен содержать анонимный текст статьи (с заголовком на русском языке) объемом не менее 35 тыс. знаков с учетом пробелов и подстрочных сносок. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Второй файл должен содержать текст статьи с элементами издательского оформления:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычная аннотация (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информация об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительная информация на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами “Чикагского стиля цитирования” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.p.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Оба файла направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2020 г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2020 ANNUAL PROGRAM**

Жизнь наций СССР в 1920–1950-е гг.
<i>Прием статей до 1 ноября 2019 г. • Deadline for submissions: 1 November 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты национально-государственного устройства СССР в сталинский период с учетом изменения статуса территорий, характера взаимоотношений «центра и периферии», рассмотреть практики регулирования межнациональных отношений, статус и положение национальных элит, изменения в религиозно-национальной политике в послевоенный период, функционирование механизма государственного контроля за ее исполнением.
Народы СССР в годы Великой Отечественной войны: к 75-летию Победы
<i>Прием статей до 1 февраля 2020 г. • Deadline for submissions: 1 February 2020</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с участием народов СССР в боевых действиях против фашизма, организации обороны и работе тыла; показать «человека войны» в микроистории и истории повседневности, раскрыть проблему ценностей, представлений, верований и традиций народов в условиях войны, механизм формирования героических символов, проявление религиозности и атеизма в боевой обстановке; проблемы депортации отдельных народов и их последствия. Предполагается специально осветить процесс эволюции исторической памяти о Великой Отечественной войне в советском и постсоветском обществе.
История юго-восточного фронта России
<i>Прием статей до 1 мая 2020 г. • Deadline for submissions: 1 May 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 285-летию с момента первого основания города Оренбург (26 августа 1735 г.). В рамках предлагаемой проблематики предполагается обсудить вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием на территории исторического Оренбургского края, игравшего в дореволюционный и советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь»; будут рассмотрены: история закрепления за Россией Башкирии и Казахской степи, феномен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «инородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.
Этническое и конфессиональное многообразие России и СССР: восприятие властью и обществом
<i>Прием статей до 1 августа 2020 г. • Deadline for submissions: 1 August 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 115-летию подписания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) и 30-летию принятия закона Верховным Советом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.). В рамках предлагаемой тематики могут быть рассмотрены различные направления этнической и конфессиональной политики власти в центре и на местах. Предполагается обсудить отношение русского общества к этническому многообразию страны, провести анализ восприятия интеллигенцией национальной и конфессиональной политики государства, провести реконструкцию идейных проектов решения национального вопроса, разработанных различными политическими силами России XX в.